Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

—

ВЫХОДИТ 1 РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

—

№ 1

ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Гиз. № 1850. (Р. В. Ц. Москва). 15.000 экз.
16-я типография М. С. Н. Х.

Партизаны.

Рассказ.

Посв. Александру Оленич-Гнененко.

I.

Костлявый, худой—похожий на сушеную рыбу—подрядчик Емолин ходил по Онгедайскому базару и каждого встречного спрашивал:

— Кубдю не видали?

— Нету.

Наконец, голубоглазый чалдон, навеселе, повидимому, затейливо улыбнулся и указал Емолину:

— Подле церкви Кубдя... Гармошку покупат... А тебе на что?

— Надо,—отрывисто ответил Емолин.

Чалдон под-ряд четыре раза икнул и отошел.

„Деньги есь... Гармошку кикиморе... Заломатся", — подумал Емолин и пожалел потраченные сутки на езду в Онгедай.

Емолина то-и-дело толкали.

К прилавкам совсем нельзя было подойти, Емолин хотел пробраться между торговыми рядами, образующими улицу, но тут гнали целые табуны лошадей и жалобно блеявших баранов. Пыль грязно-желтыми пятнами стлалась над тесовыми лавками.

— Жарынь,—сказал Емолин, вытирая вспотевшую жилистую шею.

Горло сушила духота, уши оглушал базарный шум, на прилавках резали зрение яркие пятна—бязей, шелковых тканей, китайских сарпинок.

— В эку духоту и неймется!.. Сшалел народ!..

Подле церкви толкотни было меньше. Здесь торговали горшками и у возов слышался только тонкий звон посуды да перекрики торгующихся. Кубдя, в синей дабовой рубахе и в таких же коротких, но широких штанах, в рваных опорках на босу ногу, стоял у церковной ограды, рассматривая желтого глиняного петушка.

Высокий чалдон в сером озяме скучными глазами смотрел на покупателя.

— В день много работашь?—спрашивал Кубдя.

— Как придется.

— Полсотни, поди, так работашь?

Чалдон посмотрел на опорки покупателя и нехотя ответил:

— Быват и полсотни.

— Видал ты ево,— с уважением сказал Кубдя, кладя петушка обратно.—Ты бы, брат, бросил петухов-то делать...

— А что—ворон прикажешь?

— Не ворон, а хоть бы туеса березовые, примером. Все выгодней.

— Сами знам, что делать.

— Эх ты, лепетун!

Кубдя увидел Емолина и, указывая на чолдона, сказал:

— Возьми вот ево, лепетуна,—петухов делат.

— Всякому свое,—строго сказал Емолин.—А мне тебя, Кубдя, по делу надо.

Кубдя взял опять петушка, повертел его в руках и купил, не то чтоб для надобности, а показать Емолину, что он, Кубдя, в деньгах не нуждается.

— Ну, говори!

— Пойдем, по дороге скажу,—сказал Емолин.

Кубдя сунул петушка в карман и отправился за Емолиным.

— Ты каку работу исполняшь?

— Работы по нашему рукомеслу многа.

— А все-таки?

Кубдя улыбнулся под обвислые усы:

— Народ нонче бойко умират. Будто пал по траве идет.

— Ну и что ж?

— Гробы приходится...

Емолин смочил языком обсохлые губы и пренебрежительно сказал:

— Ерунда! Гробовая работа—самая поганая... Горбулин-то с тобой?

— В селе.

— И Беспалай?

— Есть и Беспалай. Соломиных тоже тут.

— Еще ребята поди есть?

— Как не найдутся. А тебе на што, лешай?

Емолин выкроил улыбку на желтом изможденном лице.

— Что, не терпится?

Кубдя крякнул:

— Люблю артельную работу, Егорыч.

— А говоришь, у те тут есь.

— Жидомор ты, никак тебе правды не скажешь... Все надо юлить. А то живьем слопашь.

Кубдя взглянул на его кривой влево рот и подумал „сволочь". Емолин остановился и, поблескивая желтоватыми белками глаз, сказал:

— Патаму, што у вас, окромя как в себя в никово веры нету, понял?

Кубдя крякнул.

— Крякнула утка, когда ее съели!.. А хочу я, Кубдя, вот что сказать вам. Подрядился я в Улейском монастыре амбары строить. Лес там иметса; инструменты, поди, при вас?

— Как же!.. Помесячно, али поденно?

— Поденно. Двадцать цалковых на моих харчах.

— Дураков нету.

— Каких дураков?

Кубдя отошел от него на шаг и свистнул:

— Хитер ты, Егорыч. Прямо бяда. Кто к тебе пойдет, когда на сенокос дадут две сороковки в день.

— Окурок ты! Сенокос—месяц, а тут и лето и осень.

— Да што мне, когда на колчаковские сейчас по сороковке в городе водку продают?

— Ладно,—сказал Емолин примиряюще,—пойдем ко мне чай пить.
— Самогонка есть?
— Не самогонка, браток, а „николаевка".
— Вот панихида! — восторженно вскрикнул, хлопнув себя по ляжкам, Кубдя.

Они прошли базар, и Емолин свернул в переулок. Подрядчик выдернул деревянную щеколду, и большие тесовые ворота, визжа в петлях, распахнулись. На цепи, подпрыгивая, хрипло залаял на них пес. Из сутунчатого пригона протяжно спросил женский голос:

— Кто тама-ка?
— Я, Матвеевна, я,—отвечал Емолин, входя на высокое крыльцо из огромных кедровых досок.—Самовар бы нам...
— Сичас.

Молодая женщина в светлом ситцевом платье и с подойником в руках вышла из пригона. Емолин, входя в сени, спросил ее:

— Чо поздно доишь-то?
— Так уж приходится,—отвечала она, громыхая самоварной трубой.—Вы где пить-то будете, в горнице, али, может, в затине?

Емолин дзвякнул посудой в ящике.

— Все равно. Можно в горнице. Там, кажись, мух мене.
— Прямо напасть с этими мухами! Уж мы их травили - травили, ни лешака на них нет... Донись мужик поворот какой-то на них привозил, вот шибко подействовал.
— Не поворот, а водород. Сусликов травят,—поправил Емолин.

Женщина рассмеялась.

— Кучея их знат. Нонче все наоборот. Вон царя-то в Омске не русского посадили и икватерем зовут.

Емолин рассмеялся жиденьким смехом:

— Необразовщина,. прямо—тайга!.. Видмеди вы! Колчак-от старого роду, бают, и ни царь,—а диктатёр...
— Одна посуда-то,—сказал Кубдя.
— Посуда-то одна, да вино разно. То тебе коньяк, а то самогонка.
— А то тебе ртуть.
— Ртуть не пьют, а киргизы от дурной болезни лечутся...

Емолин сидел на деревянной крашеной скамье со спинкой. Кубдя на крашеном тоже деревянном стуле. В горнице было прохладно—сквозь маленькие окна свету пробивалось мало, да и мешали широкие, легко пахнущие, герани в глиняных глазурованных горшках. Двери и печка были разрисованы большими синими по желтому полю цветами, а на полу лежали плетеные из лоскутков половики.

Пока хозяйка доставала из шкапа посуду, ставила на стол калачи из сеянки, пироги с калиной и молотой черемухой, Емолин самоуверенно рассуждал:

— Ты возьми, Кубдя, меня. Из ково ты, скажи мне, я поднялся?..

Кубдя ждал с нетерпением, когда Емолин раскупорит бутылку с водкой, и потому с усмешкой отвечал:

— Никуды ты не поднялся.
— Врешь! Был я, скажем, лапотной пермской мужик, а теперь имею дом с железной крышой и хозяйство честь-честью и почет ото всех.
— Ну и славу Богу.
— Известно, славу Богу,—подтвердил Емолин, выбивая пробку и наливая водку в стаканчики,—только ни черта не понимаете вы. Пей!
— Да уж пейте вы...—по обычаю отказался Кубдя.

— Пей.

— Не буду.

Емолин выпил, скривил лицо, грязными гнилыми зубами откусил кусок пирога.

— Крепка, стерва... Пей.

Кубдя выпил, тоже скривил лицо и сразу всунул в рот целый пирог.

— Да-а...—замычал он:—ничего, себе... Крепка!..

— Пей!—сказал Емолин.

Кубдя уже не отказывался.

Емолин ел плохо, копошась длинными пальцами в хлебе, отламывая и откладывая в сторону корки. Кубдя же ел, торопливо глотая полупрожеванные куски. Глядя на его быстро двигающиеся желваки челюстных мускулов, Емолин с достоинством пил кирпичный чай и с достоинством рассуждал:

— Мало вы в народе кишите... В образованном народе говорю, а потому доверие к другим плохое возбуждаете. А без доверия и курица яйца тебе не снесет, не то што в народе жить...

Кубдя хватил стаканчик и под ним мрачно закряхтел стул. Емолин продолжал:

— Ко власти стыд потеряли, одинаково с видмедями... За себя не стоите; чорт вас знат, чо вам требуется! Я вот потружусь, а потом отдыхать пожелаю. Отдыхай, брат, Емолин—и никаких!

Кубдя рыгнул и отодвинулся от стола:

— Спасибо, хозяин, за хлеб за соль.

Емолин налил еще.

— Пей, Кубдя. А не за что благодарить-то.

Кубдя размахнул рукой и удивился про себя, что жест у него такой легкий.

— Раз я благодарю, ты принимай—и никаких. А что отдыхать тебе, Емолин, то не придется.

— Почему так? Раз мы заслужим, почему так не придется?..

— А так.

— А кто мне помешать смет?

— Найдутся.

Емолин стукнул ребром ладони по столу.

— Нет, ты говори! Я знать желаю.

Кубдя густо улыбнулся и подмигнул:

— Найдутся, Егорыч,—другй отдохнут за тебя... Ей-богу!..

— Сыны, что ль?

— Усе мы сыны, да не одного батьки. Во-от... Ты вот дом строишь; думашь: отдохну, поживу... Крепко, браток, строишь с железной крышей, с голанской печкой, скажем. А тут—на тебе—выкуси! Не придется. Получится заминка.

— Какая?

Кубдя широко раскрыл слипающиеся глаза и вдруг тихо и часто-часто рассмеялся:

— Хо-хо-хо-хе-е... Дёрон, вы, зяленой, дерон... Хо-хо-хе-е...

Емолин тоже рассмеялся:

— Хо-хо-хо-хе-е... Темень ты стоязычняя, темень... Хо-хо-хо-хе...

Из прихожей выглянула хозяйка, посмотрела, махнула рукой:

— Ой, девоньки, уморят.

И залилась клохчущим, мелким смехом.

II.

С похмелья голова у Кубди никогда не болела, только скверно и остро першило в горле—словно обожжено чем. Утром, проснувшись. Кубдя, задевая ногами то об ведро, то об доски, разбросанные по полу, долго искал ковш и, не найдя, охватил толстыми и широкими руками кадку с водой, поднял ее и, проливая блестящие капли в белые душистые опилки, напился. Послушал, как булькает в животе вода, и вспомнил, что вчера нанялся к Емолину.

„Своей работы будто не хватает",—неодобрительно об себе подумал Кубдя, отламывая хрустящую краюшку хлеба.

Бабка Енолиха остро взглянула и, сквозь неповоротливую дряхлость лица и голоса, крикнула ему:

— Опять пьянствовать, Кубдя? Базар-то кончился.

Кубдя потер пальцами глаза и ответил:

— Знаю.

— Робить надо.

— И то робить хочу.

— Так что в ворота-то поперся?

Кубдя, просовывая в рот кусок, заглянул в погреб. Там было прохладно и темно, а в избе мешали мухи.

Енолиха взглянула на него пристальней, взяла отпотевшую по стенкам крынку молока.

— Ешь, Кубдя. Чо в сухомятку-то? Молоко-то седнешнее.

— Не люблю молоко,—сказал Кубдя и подумал:—„ребятам надо сказать. Вот ругаться будут, лихоманки".

Енолиха отставила молоко.

— И то ведь ты не любишь.

Она спрятала руки под фартук и широкий нос ее, похожий на яйцо, отвернулся от Кубди.

— Где робить-то?

— К Емолину нанялся.

— Один?..

— Артелью думам.

Старуха, припирая тяжелую растрескавшуюся дверь погреба, тише говорила:

— Смелости у вас, у нонешних, нету—все в артель метите. Вот и царь-то потому отказался от вас.

— Прогнали его.

— Ишь ведь...—недоверчиво растянула старуха.—Сказывай!

— Плохой царь был.

— Цари-то—они все плохи. Хороша-то нам и не надо.

— Пошто?

Старуха ловко подхватила пистерь с углями. На ходу она, немного не договаривая слова, бормотала:

— Цари-то плохи должны быть. Строго надо себя держать,—ну, кто строг, тот и плох. А без хорошего человека всегда жить можно. Вот царь-то хороший попал, ну видит, дело плохо—с таким окаянным народом рази проживешь?.. Взял... Да и ушел... Плюнул...

— Темень, вы.

Обвислые щеки старухи покраснели. Она закинула пистерь на крыльцо и крикнула Кубде:

— А ты иди, лодырь!..

— Уйду. Вот Колчаком-то поди довольна?

— Что он мне?

— Строгий.

— Все не русски каки-то. Чехи, говорят, поставили из австрияков. Пленный он, што ли?

— Кто его знат.

— Я, морокую, из пленных в германску войну. Вон в Рассеи, так там царица.

Кубдя пошел было, но остановился.

— Кака царица? Ты что, Христос с тобой, баушка?

— Ну, а воюют-то пошто? Вот из-за царства и воюют. Тут-то Толчак самый, а там Кумыния... Не поделили что-то, а хресьяне отдувайся... Нашему брату не легче...

Она вынесла из сенок решето с крупой и тонким голосом зачастила:

— Ципы-ципы-ципы...

Маленькие желтенькие цыплята, похожие на кусочки масла, выкатились из-под навеса.

По улицам медленно проходили запряженные волами длинные ходки переселенцев. Скрипели ярма. Нехотя поднимали теплую и мягкую пыль копыта волов. Изредка пробегал дребезжа коробок киржака-сторожила. Киржак лениво, одним глазом, оглядывал ходки переселенцев и крупно стегал кнутом маленькую лошадь. Вдоль улицы в жирной черной тени лежали парнишки и собаки, а вокруг села из-за изб густо и сыро зеленел забор тайги.

Кубдя шел к товарищам неохотно. Вчера, попьянке, он много наговорил Емолину и о себе, и о ребятах. И сейчас он тревожно думал: „А как, черти, не согласятся?! Вот состряпают мне“.

По-утру, всегда почти, Горбулин и Беспалых сидели у Соломиных. А потом все трое шли к Кубде и здесь или работали, или, если не было работы, говорили о девках и о самогонке.

Соломиных имел свою избу. Старую еще, строенную из кедровника; огромный сутунковый забор; большие ворота, словно вытесанные из камня, и над воротами длинный шест с привязанным к нему клоком сена—зимой он пускал ночевать проезжающих.

Двор у Соломиных тоже был огромный, черный, чистый. Завозни поросли зеленью, но были еще крепкие и из них можно было построить две избы.

Сам Ганьша Соломиных сидел верхом на колоде, посреди ограды и топором рубил табак. Голова его, лохматая, густо поросшая клочковатым волосом, была непокрыта и пот вздымался чуть заметным паром. И весь он походил на выкорчеванный пень—черный, пахнущий землей и какими-то влажными соками.

На земле навзничь лежал Беспалый—веснущатый, желтоволосый, похожий на гриб рыжик, и, упираясь спиной в колоду, сидел Горбулин—широкорожий, скуластый, с тонкими прорезами глаз.

Когда Кубдя вошел во двор, они все трое обернулись в его сторону и выжидающе посмотрели на него.

„Знают, должно“,—подумал Кубдя и смутился.

— Дай-ка прикурить,—сказал он, протягивая руку к табаку. Соломиных достал зеленый кисет из кармана и глубоким своим голосом проговорил:

— Ты рубленный-то не трожь. Сырой. Из кисета валяй.

Беспалый мотнул ногами и быстро поднялся.

— Ты чо,—пришипетывая, заговорил он,—в ладах, что ли, с Емолиным?

Кубдя, не понимая, развел руками.

— Счас я ево встретил. Когда, говорит, на работу пойдете? Вот тебе раз, говорю,—некуда нам идти. А в монастырь-то нанялись! Еще чище!.. Какой?—спрашиваю.

— Да вот у Кубди, говорит, спросите.

Кубдя, быстро затягиваясь махоркой, стал рассказывать, что наняться он еще не нанялся, а так говорил.

— А там как хотите,—докончил он и пренебрежительно сплюнул.— По мне хоть сейчас так я скажу не пойдем, мол. Только он тридцать целковых в день дает и харчи его...

Беспалых обшмыгивал вокруг колоды и, как только Кубдя замолчал, он мгновенно вскрикнул, словно укололся:

— Айда, паря!

Горбулин почесал спину об колоду, потом меж крыльцев руками— и все так, напрасно, без надобности. Хотел подняться, но раздумал:— успею, нахожусь еще.—Ганьша Соломиных продолжал равномерно ляскать топором табак. Колода тихо гудела. Кубдя ждал и думал:—„А коли, лешаки, спросят—зачем с Емолиным николаевку пил? Не по артельно“.

На пригоне промычала корова.

— Чо в табун не пустишь?—спросил Кубдя.

Соломиных прогудел:

— Седни... отелилась...

„Будто колода гудит“,—подумал Кубдя и присел на край колоды. Беспалых схватил щепку и бросил в голубя. Голубь полетел, торопливо трепыхая крылышками.

Кубдя подождал:

„Думают“.

Потом спросил, не спеша:

— Ну, как вы-то?

Горбулин, с усилием подымая с днища души склизкую мысль, сказал:

— Мне-то што... Я могу... У меня хозяйство батя ведет... Вот рази мобилизация. Угонют. Вот Ганьша у нас—домовитый. Ему нельзя.

Беспалых хлопнул Кубдю по спине ладонью:

— Он молодец, ему можно доверять.

Соломиных воткнул егонько топор в колоду, собрал табак в картуз и встал.

— Пойдем, паре, чай пить.

— Ну, а робить-то пойдешь?—вкрадчиво спросил Кубдя.

Соломиных немного с натугой, как вол в ярме, пошел к крыльцу.

— Я что ж,—сказал он твердо:—от работы не в дупло. Могу.

И громко проговорил:

— Баба! Самовар-то поставила?

Рыжеголовый щенок, у поваленных саней, сделал несколько шажков вперед и тявкнул. Кубдя с восхищением схватил Ганьшу за плечи и слегка потрас:

— Друг! Горластый!

Соломиных повел плечьми:

— Ладно, не балуй.

Напившись чаю, они пошли говорить с Емолиным. Подрядчик запрягал лошадь. Затягивая супонь, он повернул к плотникам покрасневшее от напряжения лицо и одобрительно сказал:

— Явились, артельщики? Ну и добро!

Потом он выправил из хомута гриву, шлепнул лошадь по холке и подал руку плотникам.

— Здорово живете!

Говорили мало. Хотели притти на работу через три дня, Емолин же настаивал: завтра.

— Дни-то какие — насквозь душу просвечиват! Что им пропадать? Тут десять верст — за милу душу отмеряете. А?

Он льстиво заглянул им в бороды и видна была в его глазах какая-то иная дума.

— А то одинок я, паре, чисто петух старый... А еще с этими длинноволосыми...

Плотники согласились. Протянули Емолину прямые, плохо гнущиеся ладони и ушли. Емолин, садясь в коробок, проговорил:

— Метательные, ребята. Не сидится дома-то.

После обеда напились квасу и отправились. Соломиных запряг лошадь в широкую ирбитскую телегу, навалили охапки три травы, на траву бросили инструменты в длинных, из верблюжьей шерсти тканых мешках. Лошадью правила жена Соломиных и всю дорогу ворчала на мужа:

— Шляется бог знат куда... Диви работы дома не было б...

Соломиных сидел на грядке, свесив ноги. Испачканные дегтем придорожные травы хлестали по сапогам.

Беспалых излагал надоевшую всем историю, как он жил в германском плену.

— Били-и...—вскрикивал он по-бабьи.—Вот, черти, били-и!

Кубдя съязвил:

— Ум-то и выбили...

— У меня, паря, не выбьешь! Душу вынь, а ума не достанешь.

— Далеко?

— Дальше твоей избы...

Кубдя расхохотался. Баба хлестнула вожжой лошадь.

— Ржут, треклятые! Все на даровщинку метят. Нет, чтоб землю пахать!..

— Мы—мастеровые,—сказал Горбулин,—ты небось без кадушки-то сдохнешь.

Баба раздраженно проговорила:

— Много мне мужик-то кадушек наделал? Кому-нибудь, да не мне. Так, околачиваетесь вы... Землю не поделили...

Баба всегда провожала Соломиных так, как-будто хоронила; затем, когда он приносил деньги, покупала себе обновы и смолкала. Поэтому он сквозь волос, густо наросший вокруг рта, бормотал изредка:

— Будет! Как курица яйцо снесла, захватило тебя...

Горбулин поехал ради товарищей и ему было скучно. Он попытался было пристроиться соснуть, но в колеях попадали толстые корни деревьев и телегу встряхивало. Позади, в селе, остались мягкие шаньги, блины, пироги с калиной—он с неприязнью взглянул на Кубдю и закурил.

Кубдя насвистывал, напевал, смеялся над Беспалых — нос, щеки его, усы быстро и послушно двигались.

Считали до Улеи десять верст. Леший их мерил должно быть или дорога такая, будто по кочкам,—плотники приехали в Улею под вечер.

Над речкой видны были избы—темные, с зацветшими стеклами.— Старой работы и стекла и избы. Через речку шаткий, без перил, деревянный мост — упирается в самый подъем, заросший матерым лесом, горы. Направо—по ущелью луга. По ним платиновой ниткой вшита Улейка. Монастырь в низкой каменной стене задыхается, в соснах и

березах, одна белая беседка выскочила и повисла над обрывом в кустах тальника и черемухи.

— Стой,—сказал Кубдя.

Плотники соскочили на землю. Кубдя сказал:

— Поздно будет бабе-то ехать. Много ли тут — пешком дойдем. Пусть едет домой.

Соломиных согласился.

— Пущай.

И сказал сердито бабе:

— Поезжай, дойдем.

Жена заворотила лошадь и, отъезжая, спросила:

— В воскресенье-то придешь, али к тебе приехать?..

— А приезжай лучше,—прогудел Соломиных.

Кубдя крикнул:

— Гостинцев вези.

— Лихоманку тебе в зоб, а не гостинцев!.. Но-о!..

— Ишь, бойкая!.. Кумом не буду...

— Видмедь тебе кум-от!..

III.

Мешки и одежда лежали на траве грязной кучей. Горбулин смотрел на них так, как-будто собирался лечь сейчас и уснуть. Всех порядком потрясла кочкистая дорога и все с удовольствием притискивали подошвами густо-зеленую траву. Кубдя посмотрел на монастырь и довольным голосом проговорил:

— Доехали, лихоманка его дери! Ишь, на самый подол горы-то забрался, чисто у баб оборка... На зеленое—красным...

Соломиных спросил:

— А квартера там какова? Говорил подрядчик, Кубдя?

— Квартера, говорит, новая. Не живаная.

— Таки-то дела...

Соломиных взял под мышки копошившегося у мешков Беспалых и вывел его на дорогу.

— Пошли, что ли?

Беспалых, корчась, отскочил в сторону:

— Обожди! Поись надо...

— Растрясло тебя. Не успел приехать, уж есть.

На Кубдю словно нашло озарение. Он весь как-то изощренно передернулся, что даже дабовые штаны пошли волнами, и ковким молодым голосом воскликнул:

— Эй, ломота!.. Али к чорту этому старому, Емолину, сегодня итти? А ну его!.. Ночуем здесь, а завтра пойдем. Хоть там и квартера новая и изба срубленая свежая, а нам—наплевать, понял?

Выслушали Кубдино излитие и Соломиных проговорил:

— Проситься у кого, что ли, будем?

— Как мы есть теперь шпана, кобылка,—сказал Кубдя с удовольствием,—то теперь нам в избу лезть стыдно.

— Под голым небом ночевать, что ли?

Кубдя по-солдатски вытянулся и корявое его лицо с белесыми бровями потекло в несдерживаемой улыбке:

— Так точно!—весело выкрикнул он.

Беспалых сидел на траве и оттуда вставил:

— Замерзнем, паря!

Горбулин не любил ночевать в новорубленных избах и нехотя сказал:

— Не земерзнем.

Два часа назад, в селе, такое предложение показалось бы им не стоящим внимания, но сейчас все сразу согласились.

Кубдя повел их на площадь, к берегу речки, недалеко от белой с коричневыми ставнями школы. У Соломиных, когда он расстался с домом, бабой и лошадью,— словно прибавилось живости,—он шел с легкой дрожью в коленках.

За ними, изредка полаивая, костыляли три деревенских собаки, и видно было по их хвостам и мордам, что лают они не серьезно, а просто со скуки.

Плотники легли на траву, домовито крякнули и закурили. Подходили к ним мужики из деревни. Уже знали, что пришли они в Улею строить амбары, и все расспрашивали об Емолине, об его хозяйстве, и никто не спросил, как они живут и почему пошли работать.

Беспалых обозлился и, когда один из расспрашивавших особенно липко отошел,—крикнул ему вслед:

— А работников и за людей не считаете, корчу вам в пузо!..

Кубдя свистнул и пошел за сеном и ветками для постелей. Соломиных принес валежнику и охапки сухих желтых лап хвои.

— Хвою-то куда, коловорот?

— Заместо свечки.

Плотники зажгли костер и поставили чайник. В это время мимо костра пробежала, тонко кудахтая, крупная белая курица. Горбулин вдруг бросился ее ловить...

Гуще спускалась мгла. В речке плескалась рыба, по мосту кто-то ходил—скрипели доски. В деревне—молчание: спали. Кусты словно шевелились, перешептывались, собирались бежать. Пахло смолистым дымом, глиной от берега.

Горбулин, похожий в сумерках на куст перекати-поле, бесшумно догонял курицу. Слышно было его тяжелое дыхание, хлопанье крыльев, испуганное кудахтанье.

Вышел из ворот учитель. У костра он остановился и поздоровался. Фамилия у него была Кобелев-Малишевский. У него все было плоское— и лицо, и грудь, и ровные брюки на выпуск, и голос у него был ровный, как-то неуловимый для уха.

— Кто это там?—спросил он, указывая рукой на бегавшего Горбулина.

Кубдя бросил охапку хвои в костер. Пламя затрещало и осветило площадь.

— Егорка. Наш,—нехотя ответил Кубдя.—А тебе што?

— Курицу-то он мою ловит.

Кубдя ударил слегка колом по костру. Золотым столбом взвились искры в небо.

— Твою, говоришь? Плохая курица. Видишь, как долго на насесть не садится.

Подошел Горбулин с курицей под мышкой. Оба они тяжело дышали.

— Дай-ка топор,—обратился он к Кубде.

Учитель положил руки в карманы и омрачившимся голосом сказал:

— Курица-то моя.

— Ага?—устало дыша, проговорил Горбулин.—А мы вот ей сейчас, по-колчаковски, башку долой.

Учитель хотел ругаться, но вспомнил, что в школе сидеть одному, без света и без дела, скучно. В кухне пахнет опарой, в горнице геранью; на кровати кряхтит мать, часто вставая пить квас. Ей только сорок лет, а она считает себя старухой. Кобелев-Малишевский скосил глаза на Соломиных и промолчал.

Соломиных, поймав его взгляд, сказал:

— Садись, гостем будешь. Счас мы ее варить будем.

Беспалых, видя, что хозяин курицы не ругается, схватил ведро и с грохотом побежал по-воду. Черпая воду и чувствуя, как вода, словно живая, охватывает его ведро и тащит, он в избытке радости закричал:

— Ребята! Теплынь-то какая, айда купаться!

— Тащи скорей! Не брякай,—зазвучало у костра.

Кобелев-Малишевский снял пальто и постелил его под себя.

— Работать идете?—спросил он.

— Работать,—отвечал Соломиных.

— Слышал я. Емолин сказывал, что нанял вас. Дешево, говорит, нанял. Мерзостный он человечишко, запарит вас.

Соломиных грубо отвечал:

— Не запарит. А тебе-то што?

— Мне ничего. Жалко, как всех.

— Жалко, говоришь?

— Такая порода у меня. У меня ведь дедушка из конфедератов был, сосланный сюда. Ноздри рваные и кнутом порот.

— За воровство, что ли?—спросил Кубдя, вороша костер.—Раньше, сказывают, за воровство ноздри рвали.

— Восстание они устраивали, чтобы под русскую власть не итти. Поляки.

— Это как сейчас с чехами?

Учитель подождал чего-то, словно внутри у него не уварилось, и сказал:

— И фамилия моя—Малишевский, польская, по деду. А Кобелев—это здесь в насмешку на руднике отцу прицепили, чтобы было позорнее. Был знаменитый генерал, Кобелев, который Туркестан покорил и турок победил.

— Скобелев, а не Кобелев,—сказал Кубдя.

— Ты подожди. Когда он отличился, тогда ему букву „с“ царь и прибавил. Чтобы не так позорно ему было в гостиные входить. Мобилизовали на германскую войну, тоже мечтал отличиться и фамилию свою как-нибудь исправить. Но не пришлось. Народу воюет тьма, так, как вода в реке, разве капля что̀ сделает? Ранили меня там в ногу, в лазарете пролежал и уволили по чистой.

Соломиных повернулся спиной к огню и проговорил:

— И пришел ты Кобелевым.

— Видно так и придется умереть.

— Царя вот дождешься и сделат он тебя Скобелевым.

— Царя я не желаю, как и вы, может быть. Я ж вам сказал, что жалостью я ко всем наполнен, и это у меня родовое. Вот ребятам в школу ходить не в чем—жалко,—бумаги нет, писать не на чем—жалко,—и живут люди плохо—тоже жалко...

Малишевский долго говорил о жалости, и ему стало, действительно, жалко и себя, и этих волосатых, огрубелых людей с топорами. Он начал говорить, как его воспитывали и как его никто не жалел и сколько из-за этого у него много хороших дней пропало и может быть он был бы сейчас иной человек. И Кобелеву-Малишевскому хотелось плакать.

Беспалых взял ложку и попробовал суп.

— Рано еще. Пущай колобродит.

Он развязал мешок и достал ложки. Самую чистую он подал Малишевскому. Беспалых нарезал калачей и, положив их на полотенца, снял с огня котелок. Кубдя подбросил хвои.

Плотники, дуя на ложки, стали есть. Учитель отхлебнул немного из котелка и отодвинулся.

— Что ты?—сказал Соломиных,—ешь.

— Сыт. Я недавно поужинал.

Кобелев-Малишевский смотрел, как сжимаются их поросшие клочковатым волосом челюсти, пожирая хлеб и мясо, и ровным голоском говорил:

— Монастырь построили, чтоб молиться, а вы в него не ходите. Бога только в матерках упоминаете, ни религии у вас нет, ни крепкой веры во власть. И кто знает, чего вы хотите. Повеситься с такой жизни мало. Как волки, никто друг друга не понимает. У нас тут рассказывают, пашут двое—чалдон да переселенец. Вдруг—молния, гроза. Переселенец молитву шепчет, а чалдон глазами хлопат. Потом спрашивает: „Ты чо это, паря, бормотал?“—„От молнии, мол, молитву“.—„Научи,—грит,—может сгодится“. Начал учить:—„Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое...“ —„Нет,—машет рукой чалдон,—длинна, не хочу“. Все покороче хотят, а жизнь-то и так с птичью любовь.

Учителю обидно было, что плотники ели его курицу и не благодарили; обидно, что на него не обращали внимания,—обидно, что из города не слали три месяца жалованья. Он сидел перед огнем и говорил совсем другое, что хотел бы сказать. Похоже было, что за него кто-то сзади говорит, а он только шевелит губами.

Плотникам же слабо мерещилось, что они голые идут в ледянистой воде—и нет ей ни конца, ни края.

Трещала, сгорая, хвоя. Повизгивая, лаяли собаки за огнем,—им туда, в темноту, бросал Горбулин кости и куски.

Соломиных закрылся тулупом с головой и что-то неразборчиво мычал. Не то он спал, не то говорил. Беспалых и Кубдя лежали на боку, курили. Лица у них были красные.

Малишевскому никто ничего не отвечал. Уголек упал к нему на коленко, он пальцем сбросил его и стал говорить о любви.

Горбулин ушел и скоро по ту сторону костра из тьмы вышла его приземистая узколобая фигура и за ним три лохматых пса. Он усадил их в ряд, поднял руку кверху и пронзительно заорал:

— Ну-у!..

Собаки подняли передние лапы и сели на задние. Морды у них были измученные и видны были их белые клыки. Малишевскому стало страшно. Горбулин подсел к собакам рядом и, закатывая глаза, завыл по-волчьи.

— У-у-у-о-о-о!.

Сначала одна, потом вторая собака и наконец все три затянули:

— У-у-у-о-о-о!...

И Кобелеву-Малишевскому казалось, что сидят это не три собаки и человек, а все четыре плотника и воют, не зная о чем:

— У-у-у-о-о-о!..

Внутри, на душе кишело, как клубок белых червей, что-то непонятное и страшное. Малишевский вспомнил—сибиряки не любят ни разговаривать, ни петь, и ему стало еще тоскливее.

— Ты гипнотизёр,—сказал он, подходя к Горбулину.

Горбулин потянулся к нему ухом:

— Не слышу.

Кобелев-Малишевский повторил:

— Гипнотизер ты.

Горбулин завыл еще протяжнее:

— У-у-у-о-о....о-о-о...

Собаки, с красными остекляневшими глазами, вторили:

— У-у-у-о-о...

Кубдя с размаху вылил ведро воды в костер. Огонь зашипел, пошел белый пар—словно в средину желтого костра опустился туман.

Малишевский пошел прочь от костра.

IV.

Амбары рубили позади пригон, где начинался лес и камень. По бокам сосны, а сзади серые, сырые на вид, камни. Дальше шли горы,—если влезть на сосну, увидишь белые зубы белков. Прямо упирались в глаза пригоны, за ними монастырские колокольни с куполами, похожими на приглаженные ребячьи головки; чистые строения. Спали плотники в избе, срубленной недавно, рядом с пригонами. По вечерам неослабным говором—мерно и жутко отдававшимся в горах—били в колокол. Плотники в это время играли в карты в „двадцать одно".

Емолин у работы был совсем другой, чем в селе. И строже, и как-то у места. Ходил быстро, длинный, как сосна, в рыжем зипуне и, спешно перебирая тонкими, словно бумага, губами, вкрадчиво и строго поторапливал:

— Вы живее, вопленики!..

Отвечать ему не желали, только Беспалых это нудило:

— Иди ты подале, кила трехъярусная!..

Емолил опалял постройку взглядом и смолкал, а через минуту, словно в недуге, опять говорил:

— Пошевеливай мясом!..

Рубили углы амбара в лапу: бревна без выпуска концов, как тесовые ящики. Так хоть дерево бережется, но в избе холодней. Кубдя настоял, чтоб хоть наставляли стык бревна-в зуб: конец на конец, стесав оба накось и запустив один в другой уступом.

— Эх, рубители!—вскрикивал Кубдя.

Гнулись в единых взмахах мокрые спины. Под один гуд тесались бревна. Звенели дрожью, отсвечивая на солнце, большие, похожие на играющих рыб, топоры. Бледно-желтые смолисто пахнущие щепы летали в воздухе, как птицы.

Емолин ходил вокруг, неизъяснимо улыбался и говорил сказками:

— Столяры да плотники от бога прокляты; за то их прокляли, что много лесу перевели.

Натирая „нитку" мелом, Беспалых отвечал:

— Кабы не клин, да не мох, так бы и плотник издох!.. Уйди, человечий наструг, зашибу!..

Семисаженные мачтовики и трехсаженные кряжи лежали, тесно прижавшись желтой корой друг к другу. На коре выступала прозрачная смола и бревна пахли мхом.

Емолин не любил, когда курят:

— Надо скорей катать.

Плотники усаживались на бревна, закуривали и начинали разговаривать. Емолин ходил мимо, одним глазом смотрел на них, а потом, как гусь, заворачивал на-бок голову и смотрел в небо.

— Солнце высоко, ребята.

Уже сюда, в Улалейскую обитель, забросило перо ветром: везде, говорили, народ бунтуется и хотят свою крестьянскую власть. Это говорили и приезжие мужики, и бабы, привозившие провизию, и Емолин твердил:

— Сруб кончите, запишемся в дружину „креста" и айда большевиков крыть!..

Соломиных гудел что-то под нос, гудело под ним бревно, а Кубдя неожиданно спросил:

— У тебя баба брюхата?..

— На кой тебе хрен ее брюхату надо?

— К тому, что скоро брюхатых мобилизовать будут. Народу не хватат.

Емолин качнул головой:

— Дурак ты, Кубдя, хоть и большой человек. Брякашь зря.

— Ей-богу!.. Они такой-то народ боятся брать, бунтуют. А брюхатых как раз, как забунтуют, так и скинет.

— Порют вас мало.

— На чей скус...

Плотники захохотали, а Беспалых замахал руками:

— Уходи лучше, драч, уходи!..

Емолил хвалился:

— Донесу милиции, против правительства идете.

Плотники хохотали:

— Донеси только, нос отрубим.

Однажды пришел из лесу настоятель. Емолин перед тем матерно выругал Беспалого и, увидев настоятеля, согнулся, сделал руки блюдечком и подошел под благословенье.

На плече у настоятеля лежали удилища и в правой руке котелок с рыбой. Он поставил котелок на землю и благословил Емолина.

— Как работаете?

— Ничего, слава богу, отец игумен.

Беспалых ударил топором в бревно и пропел вполголоса:

— Отец игумен, вокруг гумен...

Монах должно быть услыхал. Он пошевелил удилищами на плече. Был он сегодня недоволен плохим уловом и сказал строго Емолину:

— А плотники-то твои, сынок, развращеннейший народ.

Емолин в душе выругался, но снаружи вертляво обошел вокруг монаха и заискивающе сказал:

— По воспитанию, знаете, отец игумен.

У игумена была ровная черная борода, казавшаяся подвешенным к скулам и подбородку куском сукна: Кубдя посмотрел ему в бороду и подумал: „вот, нетяг!".

И неожиданно игумен бросил удочки на землю, как-то сразу пожелтел и, взмахнув широкими рукавами рясы, закричал на Емолина:

— Молчать!.. Не разговаривать, сукин сын!.. А-а?..

Емолин испуганно попятился, плотники взглянули на его сразу осевшую фигуру и захохотали. Монах обернулся к ним, подскочил к срубу, плюнул и крикнул:

— Прокляну, подлецы!..

И, не подобрав удочек и ведерки, ушел, издали похожий на колокол.

Емолин смущенно сморщился и нерешительно протянул:

— Вот нрав.

Немного погодя добавил:

— Стерва, а?..

Плотники оставили топоры и хохотали.

За удочками пришел тонкий и длинный, похожий на камышинку, монашек в облезлой бархатной скуфье и ряске из „чортовой кожи".

— Что ты монах будешь?—крикнул ему Горбулин.

Монашек застенчиво ответил:

— Рясофорный, я... Не пострижен...

— У те чё, молоко-то бугаи эти высосали, ишь ведь как холстина?

— Они высосут!—подхватил Беспалый.

Монашек покраснел.

Плотники осмеяли его, и он, заплетаясь длинными ногами в больших сапогах, потащил удочки и котелок.

Емолин долго ругал игумена, а потом набросился на плотников. Кубдя послал его к „едреной бабушке" и подрядчик смолк. С городскими рабочими он поступил бы круче, но эти могли бросить работу и уйти.

Говорили, что в Алтае ездят карательные отряды и усмиряют крестьян. После того, как были разогнаны большевики, этих „карателей" крестьяне встречали с радостью и помогали арестовывать и бить и деревенских и городских разбежавшихся большевиков. Теперь впереди „карателей" шло темное и страшное, что обрушивалось часто на „большевицкие" деревни и хоронило в огне и крови роптавших.

Но и каратели не появлялись по одному. Из леса стреляли по одиночкам и, подстрелив, прибивали гвоздями к плечам погоны, а потом бросали посреди дороги—на страх и поучение.

На Зосиму-Савватия пчельника Кубдя сказал Беспалому:

— Завтра—крышка!

— Чего?—не понял тот.

— Не работаем.

Беспалых подумал и недоумевающе вздернул плечи:

— Не пойму, парень.

— Зосим-Саватий...

— Ну?

— В Улее престол.

Беспалых даже подпрыгнул:

— Вот чорт, а я и забыл. Идем, что ли?

Кубдя посмотрел вверх. Редкие прозрачные облака, как кисея, застилали небо. Ниже, они падали на тайгу.

— Люблю игорничать... Айда пополюем.

— Ружья нету.

— Соломиных привез берданку.

— Не даст.

— Даст. Он в гости идет, с утра завтра, с Горбулиным вместе, на престол. В Улею.

Беспалых поддернул штаны, быстро высморкался и пошел просить берданку.

На утро день был чистый, чуть ветреный. Кубдя и Беспалых надели на лицо и шею сетки от комаров, зарядили берданки и спустились к речке. В тальнике ветра не было, тонким неперестающим звоном пел комар, пролетал через сетку и яростно кусался. Под ногами хрустя ломались гнилые сучья, пахло илом, осокой. Река казалась иссиня-черной, а мелкий песок желтым.

— От солнца,—сказал Кубдя.

В речных тихих затонах,—в опоясках камыша, было много дичи. Они стреляли. Кубдя всегда в лет, а потом Беспалых снимал штаны и

лез в воду. Лопушники хватали его за ноги, он фыркал и кричал Кубде:

— Егорка! Утону!

Кубдя, грязный, весь в пуху сиял на берегу своим корявым лицом, отвечая:

— Ничиво. Монастырь близко—сорокоуст закажем.

Если утка была недобита, Беспалый перекусывал ей горло и говорил:

— Обдери душеньку свою.

Уже отошли далеко от монастыря. Виднелись белки—с синими жилками регушек.

— Пойдем назад,—сказал запыхавшийся Беспалый.—Куда нам их бить, обожраться что ли...

Кубдя лез через камыш, чавкая сапогами в грязи, и нетерпеливо покрикивал:

— Еще, Ваньша, немного, еще...

Беспалый плюнул и сел на корягу.

— Не пойду,—сказал он.

Кубдя пошел один. Скоро где-то в камышах грохнул выстрел. Беспалый хотел пойти, но удержался. „Ну его к чорту,—подумал он,—с ним вечно не выйдешь“.

— Егорка-а!..

— Ну-у!..

— Сюда иди-и, ха-лер-а-а!..

Беспалый не откликнулся. Он хотел закурить, но вспомнил про сетку и выругался. Тогда стал он думать, нужно ему жениться или еще рано. Уже двадцать четыре года, а парень не женат.

„Пора уж“,—решил он.

На елани трава была под-мышки и Беспалого не было видно на коряжине, он решил отдохнуть и отправиться одному. Беспалый прислонился головой к дереву, под голову положил утку, ружье в ноги и закрыл глаза.

Разбудил его Кубдя. Он стоял перед ним и, дергая его за рукав, улыбался:

— Буде, выспался, пойдем на престол.

V.

Кубдя был доволен и охотой, и разыгравшимся теплым днем, и ломотой в пояснице с устатка. Шагая мимо сырых стволов осин, он посвистывал и, смеясь, оглядывался на вяло тащившегося сзади Беспалого. Беспалого, как и всегда после сна на солнце днем, распарило и во рту его неприятно сластило.

— Айда домой,—сказал он, перебрасывая уток с руки на руку.

— Нельзя—надо бога вести как следует. Осмеет народ.

Они, как и все сибиряки, редко заглядывали в церковь, но не попьянствовать во время праздника считали грехом.

С утра густо дымились трубы: жирным черным пятном полз дым в небо. Сразу было видно, что пекут блины и шаньги. На скамейках у ворот сидели мужики и покуривая говорили о хозяйстве. На них были новые, пахнущие краской, ситцевые рубахи—неизмятые еще, рубахи топорщились колом и похоже, что одели мужиков в бересту. Парни ходили в ряд, под гармошку, по деревне. Испорченная гармошка врала. Они же молча изгибались из стороны в сторону, лица у всех

были серьезные, и не верилось, что идут пьяные люди, далеко пахнущие самогонкой. За парнями, тоже в ряд, как утята за маткой, шли девки в ярких кашемировых платьях и проголосно пели:

Я иду-иду болотинкой,
Машу-машу рукой
Чернобровый мой миленочек
Возьми меня с собой.

Кубдя и Беспалый бросили уток к учителю в сени. Хотели снять ружья, но Беспалый сказал:

— Возьмем, для близиру: хоть штаны рваны, а берданку имем.

Умылись, повесили ружья за плечи; Беспалый переобул для чего-то сапоги, потом вышли на улицу, поздоровались с парнями и пошли в ряд, под гармошку.

Гармонист шел в средине и, втянув губы в рот, так нес гармошку и с таким видом играл, словно научился и приобрел ее впервые. Солнце отсвечивало на жестянках клавишей, на кругленьких колокольчиках гармошки. Под ногами гнулась молодая трава, из палисадников пахло черемухой, а на маленькой церковке торопливо, под „комаринского" трезвонили:

— Ту-лю-лю-ли-бо-ам!.. Бом!.. Бэм-м...

Когда так молчаливо и с удовольствием прошли две улицы, гармонист предложил:

— Айда-те к Антошке?

Писклявый голосок из ряда сказал:

— Айда-те.

Парни свернули к Антошке Селезневу.

Антон Селезнев—высокий и строгий мужик лет пятидесяти—встретил их у ворот. На нем был синий пиджак и штаны, виправленные в лаковые сапоги. Окладистой русой бородой, гладко причесанными, в скобку, волосами, он тряхнул так самодовольно, что все ласково улыбнулись. Он считался в селе всех богаче и его всегда выбирали в церковные старосты,—поэтому-то он сегодня и угощал всех.

Селезнев провел парней к крыльцу, зашел в сени, постучал чем-то деревянным и проговорил:

— Заходи.

Парни один за другим заходили, выпивали по кружке самогонки, брали в руки пирог с калиной—и кто был этим удовлетворен, тот выходил за ворота. Кубдя выпил под-ряд две кружки, вышел на крыльцо, сел, откусил кусок пирога. К нему подошел петух—рыжий, с одним глазом. Кубдя бросил ему корку, петух посмотрел пренебрежительно и тихонько отодвинулся. Беспалый потянулся лицом в улыбке.

— Не ест,—сказал он.—Нравный.

Селезнев вышел с глиняной кружкой в руке и спросил:

— Еще, паре, не хочите?

Беспалый повел плечом.

— Потом, Антон Семеныч. У те петух-то пошто хлеб не ест?

— Время знат. Он у меня утром да вечером только ест. Два раза напрется и ничего.

— Терпит?

— Не жалуется.

— Чудна Русь!—воскликнул Беспалый.—А самогонка у те добра табаку мешаешь, что ли?

— Ничего не мешаю,— сказал Селезнев, хозяйственно оглядывая двор.— У тебя что, голова болит?

— Не. болит, а кружится.

Кубдя сказал:

— С большой ходьбы.

— Полевали?— лениво спросил Селезнев.

— Полевали.

— Бы-ват,— протянул Селезнев и замолчал.

Молчали так, словно вели большой и важный разговор. Селезнев выпил самогонку и выхлестнул остатки на землю.

— Пью-пью ее,— сказал он,— а не берет. Даже злюсь.

Беспалых посоветовал:

— А ты на голодно брюхо пей.

— На сохатого лихоманку напустить хочет. Ха-а!..—рассмеялся Кубдя не столько над Беспалых, сколько над собой: голова его начала медленно и весело наполняться туманом.

Селезнев сел на крыльцо, свернул папироску.

— Робите?—полунасмешливо спросил он.

— Робим.

— Та-ак... Али дома места нету? Земля высохла?

Беспалых стукнул себя кулаком в грудь:

— Потому, мы странники!.. Разжевал, Антон Семеныч?

— Валяй в охоту тогда; что к чужому человеку в кабалу лезть? Не вникну я в вас. Чужую грязь гатить?... Что проку-то?..

Кубдя с остановившимся, пьянящимся взглядом взял под мышки Селезнева:

— А ты, мил друг, не дури. Сам знашь, с каких доходов на работу идешь. Потому-у: тоска-а!.. Был, я скажу тебе, в германску войну, в Польше был, в Германии был—и он, и он,—все!..

Кубдя указал на Беспалых и еще на кого-то, в ворота:

— Посмотрели—во-от, народ!.. Живут, скажу тебе, робют. Чисто, сухо, кругом машина. Он тебе и человека убивать машину придумал таку—по воде и по воздуху, не говоря обо всем прочем.

— Не ври хоть...

— А ты переври лучше. Поработат он тебе в силу и отдыхат.

— А тебе плохо?

— Плохо!..—Кубдя разозленно заговорил.—Недовольны мы, понял? Желаем жить—чтобы в одно за всеми, а не у свиньи хвост лизать. Вот тебе, дескать, мамкина сиська. И с такого положенья—встосковали мы!..

— Не все сразу. Скоро-то, знаешь, насчет кошек говорят...

— Зря говорят! Ленив человек-от, ленив стерва! Ему бы все в пузе ковырять да брата своево вылаять. Нет, ты, курва, прожгись через работу-то да выплачься—вот и поймешь, на какое место заплатку ставить надо.

— А ты научи.

Кубдя соскочил с крыльца и, пошатнувшись, рассмеялся:

— Сам-то во тьме иду.

— Свечку надо?

— Не из твоей ли церкви?..

Селезнев провел рукой по бороде от горла к носу и ухмыльнулся глазами:

— Свечки-то все одинаковы. Лишь бы светили. Ты думашь с такой, а я с другой, а к месту-то одному придем.

— К одному ли, Антон Семеныч?..

Кубдя подхватил Беспалых под руку и пошел.

— Сиди,—сказал Селезнев.

— Пойдем лучше проветримся. А то парень-то совсем скис,—сказал Кубдя.

Селезнев шумно вздохнул и возвратился в горницу. Тут сидели и пили самогонку гости—из соседней деревни: маслодельный мастер—жирный, лысый как горшок, мужик; мельник—как и все мельники—большой любитель церковного чтения и большой бабник,—со своей дочкой, священник с дьячком. Жена Селезнева, широколицая высокая баба, наливала гостям самогонку в рюмки и, колыхаясь перетянутым животом, говорила:

— Кушайте, не стесняйтесь, кушайте...

В избе было жарко. Пахло зерном—прелым—от самогонки, хлебом, геранью, табаком. Мельник пронзительно, словно в избе шла мельница об шести поставах,—спорил с попом и дьячком о двоеперстном крещении. Попу хотелось спать, но уйти было неловко и он отпихивал от себя рукой мельника:

— Уйди ты от греха, уйди!..

— Я те докажу,—кричал мельник,—от закона божия докажу, от катехизиса, от всяких, всяких!.. Сознаешь?..

Псаломщик потрогал за плечо мельника:

— Что ты одно и то же затвердил? Ты факты приводи, а криком-то и дурак возьмет, да?..

Маслодельный мастер спорил со всеми тремя и, не слушая ни их, ни себя, бубнил:

— Поп! Хошь у те и рыло и брови как у пророка, а я тебя не желаю слушать—так как моя душа самого меня хочет слушать... У всякого человека есть внутри свой соловей... А ты мне там про священно писанье!..

Мастер поднял вверх руки и басом заорал:

— Благослови владыко-о!..

Псаломщик отскочил от попа и умиленно взглянул на Антона:

— Блистательно народ живет.

Антон чувствовал усталость во всем теле. Долгая утреня и обедня, при чем нужно было стоять впереди всех и, ощущая на себе взгляды, кланяться и креститься особенно истово и не торопливо; работник куда-то скрылся и нужно было самому гнать лошадей к водопою, дать им сена. И брала злость и не хотелось ради праздника злиться.

Селезнев взял псаломщика за плечи, усадил рядом с собой и сказал:

— Ну, рассказывай, Никита Петрович.

Псаломщик повел высохшим лицом во все стороны и сказал:

— Домовитый вы, Антон Семеныч.

— Иначе нельзя.

— У нас в России не так.

Антон взглянул на него оживившимся мыслью взглядом:

— Знаю. Бывал.

Псаломщик стиснул зубы и вздохнул так, словно выпустил душу:

— Тоже хочу хозяйством обзавестись.

— Без хозяйства человек—ветер.

— А дальнейшее само собой, а?

— Что?

— Ну, жизнь?

Псаломщик хитровато уставился на крупного чернобородого человека и подумал: „крупен, дядюшка. А и плутень тоже“. Антон овял и устало проговорил:

— Кто как хочет, тот так и строит, свою жизнь-то.
— А бог?
— Бог для ночи нужон. С ним дневать не приходится.
В это время к Антону подошла баба и сказала:
— Там те, мужик, спрашивают.
— Кто?
— Милиционеры, что ли. С ружьями, на паре приехали. У ворот.
Селезнев взглянул на ее побледневшее лицо и недовольным голосом проговорил:
— А ты уж и скисла.
И, поскрипывая сапогами, мелким шагом, вышел к милиционерам. Их было двое. Они сидели в коробке и что-то разговаривали между собой. Каурые лошади утомленно отгоняли хвостом жужжавших паутов. Ямщик—молоденький мальчишка—смотрел что-то у колес. Селезнев подумал, что милиционеры свернули выпить, и он решил угостить их получше.
— Заворачивайте,—сказал он.
Милиционеры взглянули на него. Один из них был на городской манер—бритый—без усов и бороды, второй—совсем молодой с начесаным на фуражку курчавым хохолком волос. Милиционер постарше сказал:
— Ты Антон Семеныч Селезнев?
И то, что сказал он эти слова, как их говорят на суде, не понравились Антону. Он сказал:
— Я самый.
Милиционеры переглянулись и, перегибая коробок, вылезли направо. К коробку сбирался народ: парни, девки. Старший милиционер оглянулся и увидал Кубдю и Беспалых с ружьями.
— Разрешенья есть?—спросил он все так же строго.
— Много,—весело отвечал Кубдя.
Милиционер потрогал кобуру у пояса и говорить такие холодные протокольные слова ему должно быть очень нравилось. Он сказал:
— Потом разберемся. Вы не уходите.
— Ладно,—сказал Беспалых.—Мы ведь здешние.
— А народ пусть разойдется. В свидетели охота? Где тут староста?
Вышел староста. Заспанный мужик в сатинетовой рубахе без опояски.
— Я староста,—бабьим голосом проговорил он.
Милиционер с неудовольствием сказал:
— Дожидаться тебя приходится. Обыск вот надо произвести. Самогонку, говорят, курите?
— А кто их знат!—равнодушно ответил староста.
Милиционеры были городские и при виде этих лохматых пьяных людей, узеньких линий глаз,—где бог знает какие мысли прячутся,—они вначале немного трусили. Потом увидав, как мужики торопливо расступились перед шинелями английского образца, пуговицами со львом и голубыми французскими обмотками,—милиционеры развеселились и, вспомнив про свою трусость, осерчали. Младший, не привыкший к ружью и постоянно поправлявший ремень, входя во двор, крикнул:
— Пьянствовать тут!..
Крик его походил на жалобу и он смолк.
Аппарат для курения самогонки—два толстых глиняных горшка с рядом медных трубочек и жестяной холодильник—стоял под навесом, на телеге, накрытый кошмой. Тут же стоял и боченок с невыпитой самогонкой. Милиционер вытащил из кармана бумагу и чернильницу и начал писать протокол. В толпе переговаривались:

— Ишь, хотят, чтоб цареву водку пили!
— Торговлю отбиваць, дескать!..
— И не говори.
Молоденький милиционер поджал губы и ссупил брови.
— Ишь ты, задело.
— Не пьет!
Составив протокол, милиционер разбил ружьем горшки, прободал штыком холодильник и сломал медные трубки.
Мужики молчали. Милиционер опрокинул на землю самогонку. Образовалась лужица, блеснула темноватая крыша пригона и водку впитала земля. Запахло горячим хлебом.
— Вот паскуда!—крикнул кто-то из толпы.
Милиционеру было жалко и самогонки и себя, совершающего такие нехорошие поступки, он рассердился:
— Молчать, чолдонье!
Милиционер помоложе ухватился за ружье:
— Всех переарестуем.
Толпа задышала быстрее и нажала на милиционеров. Им было тесно, старший милиционер начал ругаться по-матерному, второй испуганно глядел в пьяные, быстро мигающие лица. Мужики нажимали. В груди и бока милиционерам уперлись чьи-то твердые локти и руки. Пахло самогонкой и еще чем-то нехорошим, кажется прелым камышом от повети. Затрещал коробок у ворот. Старший милиционер попробовал пойти—не пускают. Кругом глаза и теплое человеческое дыхание. Милиционер помоложе вскрикнул; раздался его голос—коротенький и немного с хрипотцой. Его товарищ вдруг длинно—матерком каторжан—выругался—и в бога, и в мать, и в живот. Кто-то из толпы—вертлявый и маленький—выскочил и ударил его в зубы. Милиционер горласто крикнул и выстрелил под-ряд три раза в толпу из револьвера. Охнули. Толпа расступилась.
Милиционеры, согнувшись, побежали к воротам. Лица их вспотели и дрябло сморщились и иссиня побелели, как известка. Они вскочили в коробок. Мальчишка кучер гикнул.
Беспалых замахал руками:
— У-лю-лю-ю!..
И, сорвав с плеч ружье, выстрелил вслед им сразу из обоих стволов. Один из милиционеров мотнул головой и нырнул в коробок. Ямщик на передке испуганно, по-бараньи, заверещал. Кубдя снял берданку и выстрелил в воздух. Коробок скрылся в переулок.
Мужики вышли из ограды с таким ощущением, словно там много надышали. У Беспалого обомлели ноги, зарезало в глазах, он взглянул на Кубдю и ему показалось, что Кубдя как-будто доволен. У Беспалого зашумело в ушах и он быстро пошел в монастырь. Кубдя догнал его на мосту и под стук каблуков в доски пола сказал ему прерывающимся голосом:
— Поохотились!..
Вечером Горбулин и Соломиных слушали, как Беспалых, задыхаясь и бегая по избе, рассказывал, как прогнали милиционеров. Горбулин восторженно плескался руками в воздухе и поддакивал:
— Так их... так...
И было непонятно, почему так разбудилось это ленивое и сонное тело. Соломиных сидел, поджав ноги калачиком, по-киргизски, и издали при свете сальника походил на божка. Кубдя спал.
В монастыре протяжно пели. В горах с шипом шумели кедры и где-то далеко грохотало — должно быть, „плакали белки“, рушились

льды ледников. Тьма зеленоватым кошачьим зрачком щурилась в окна.

В конце рассказа в сенях застучали. Кто-то долго шарил дверь. Беспалых смолк. Вошел Емолин и испуганно заговорил:

— Под суд подвели, сволочи!.. Кубдя, где Кубдя-то?

Беспалых сказал:

— Спит.

Емолин отскочил к дверям. И из темноты по-иному звучал его наполненный чем-то другим, не всегдашним, голос:

— Спит!.. Убил человека и дрыхнет. Вот каторжане, а! Господи, ну и угораздило меня связаться с ними! Теперь и меня-то из монастыря выгонят. А он дрыхнет. Буди что ли его, Егорша!..

Соломиных спросил:

— В сам деле убил?

— Наповал. Так в шею, братец ты мой, и всадил всю дробь.

— Дробью убил?

— И чорт его угораздил!

Емолин подбежал и толкнул ногой Кубдю:

— Вставай ты, леший драный...

— Теперь вошьют,—сказал Соломиных, и Беспалому показалось, что говорит он, точно радуясь.—Или повесят, или расстреляют.

Беспалых стало жутко. Он взглянул в окно и отвернулся.

— Обех?

— Може и всех четырех

— А вас-то с чего?

— Разбираться не будут.

Емолин дергал Кубдю и ругался:

— Вставай, каторжная душа, лихоманка. По-людски бужу—человеку тебя надо.

У Кубди кружилась голова, он присел на голбце, зевнул—в челюстях пискнуло.

— Чо те, подрядчик, надо?—сказал он хрипло.

— Человек тебя спрашиват.

— Кто?

Емолин отошел к дверям и крикнул в темноту:

— Иди-ка сюда, Антон Семеныч.

Селезнев перекрестился и поздоровался. Кубдя взял ковш и с шумом напился.

— Ну, парень, и самогонка,—сказал он с удовольствием.—А ты что, на ночь-то глядя, пришел, дядя Антон?

Емолин сказал:

— Вот, клин тебе в глаз, еще спрашиват! Убил человека и хоть бы што!

— Всем одна смерть,—сказал Кубдя, садясь на лавку.

— Ну, а я пойду,—торопливо сказал Емолин,—мне тут рук марать не приходится. Разбирайтесь сами, а только, как хотите, а повесят вас.

— Повесят,—равнодушно подтвердил Соломиных.

Помолчали, сколько требуется по положению, и Кубдя спросил:

— Самовар, что ли, поставить?

— Не надо,—сказал Селезнев.—Я ведь не надолго. К тому пришел—собираться вам надо.

Кубдя положил нога на ногу и посмотрел в потолок:

— Наши сборы недолги. Куда итти-то?

— В чернь.

Беспалых переспросил:

— В тайгу?

Селезнев промолчал и немного спустя добавил:

— Как хошь, мне одно. Только вам уйти надо. Расстреляют колчаки-то. Я седел и тюки приготовлю, поди, под завтрашнюю ночь придут.

— Придут,—сказал Соломиных.

— В чернь, одно. Нам с этой властью не венчаться. Наша власть советская, хрестьянская...

Беспалых спросил:

— Думашь, самогонку дает гнать?

Селезнев опять не ответил ничего и спросил:

— Как вы-то морокуете!

Решили, что да, нужно итти в чернь.

Селезнев пошел к дверям так, словно поить лошадей—не торопясь, и у него была широкая, лошадиная спина с заметным желобком посредине. Кубдя посмотрел на него с уважением и, когда он ушел, сказал:

— Здоровый чорт и есть у него своя блоха на уме.

VI.

Приземистый и краснощекий капитан Попов, начальник уезда вНиловске, искренно был недоволен собой. В других уездах, как-будто, ничего, а здесь—не то восстания, не то блажь.

— Балда! Бабища!—выругал он сам себя и велел денщику позвать прапорщика Висневского. Возвращаясь к столу, он заметил, что нога у него как-то неловко косится. Он поднял ногу на стул. Каблук скривился. Попов пощупал сапог. В таком положении и застал его прапорщик Висневский. Капитан, не глядя на него, сказал:

— Вот, говорят, деньги большие получаем. А сапог купить не на что.

Прапорщик считал себя очень вежливым и сейчас нашел нужным звякнуть шпорами и поклониться.

— Слышали?—спросил капитан, указывая пальцем лежавшую на столе бумажку.—В Улее-то милиционера убили.

Прапорщик пожал крутыми плечами и подумал: „меньше бы распускал их", а вслух сказал:

— Пьяные. Не думаю на большевиков.

— Напрасно,—сухо сказал капитан.—В газетах сводки „на внутренних фронтах" появились. Это, тоже думаете, не большевики? Э-эх!.. Углубления в жизнь у вас не достает.

Прапорщик обиделся.

— Возьмите сорок человек из ваших и успокойте их там, в Улее. Да имейте в виду, не на пьяных поедете.

— Приказ письменный будет?—спросил прапорщик.

— Будет. Напишут.

Капитан сделал плаксивое лицо и шумно вздохнул:

— Эх, господи! Вот времена подошли, не знаешь, откуда и народ рассмотреть. Измаешься. Курите?

Прапорщик закурил и, довольный назначением, подумал:

„А он не злой".

В обед, на другой день, отряд польских улан под командой прапорщика Висневского выехал усмирять крестьян. Уланы были взяты из польского легиона, стоявшего в Барнауле. Польские легионы комплектовались из военнопленных—поляков австро-германской войны и живших в Сибири переселенцев и беженцев из Польши. Все они хорошо

знали эту землю, горы и крестьян, которых ехали усмирять. Большая часть из них раньше работала у крестьян еще при царе—по году, по два. Некоторые из улан, проезжая знакомые деревни, раскланивались с крестьянами. Крестьяне молча дивовались на их красные штаны и синие, расшитые белыми снурками, куртки.

Но чем дальше отъезжали они от города и углублялись в поля и леса, тем больше и больше менялся их характер. Они с гиканьем проносились по деревне, иногда стреляя в воздух, и им временами казалось, что они в неизвестной завоеванной стране,—такие были испуганные лица у крестьян и так все замирало, когда они приближались. Отъезжая дальше от города, уланы и с ними прапорщик Висневский чувствовали себя так, как чувствует уставший потный человек в жаркий день, раздеваясь и залезая в воду. Там, у низеньких домишек уездного городка, осталось то, что почти полжизни накладывал на них город—и уважение, и сдержанность, и еще многое другое, заставлявшее душу всегда быть на страже. Все это сразу стерли в порошок и пустили по ветру бесконечные древние поля, леса, узкие заросшие травой колеи дорог и возможность повелевать человеческой жизнью. Все они были люди хорошие, добрые в домашнем кругу и у всех почти были дети и жены, только прапорщик Висневский жил холостяком.

Прапорщик ехал впереди на серой лошади и заломив маленькую, похожую на пельмень, шапочку, глубоко с радостью дыша и воображая себя старым, древним паном. Тонкоголовая лошадь с коротким крепким крупом и длинным прямым задом тоже чувствовала себя хорошо и, поигрывая мокроватыми желваками мускулов, шла легко и спокойно.

В начале уланы ограничивались стрельбой в воздух и ловлей кур на ужин, но потом им это надоело и они начинали искать большевиков. Призывали старосту в поле и допрашивали:

— Кто большевикам сочувствует?

И спрашивали не в той деревне, где останавливались, а в соседней. Староста указывал, тогда уланы ехали туда, арестовывали пойманного и пороли плетями. Взятые мужики указывали на других и так, переезжая из села в село, уланы имели возможность оставлять по себе настоящие долгие следы. Недалеко от Улеи поймали действительного большевика—кузнеца, раньше бывшего в городе красногвардейцем и бежавшего в деревню после переворота.

Кузнец был низенький, кривоногий человек с длинными руками. Когда его повели, он торопливо заморгал глазами и заплакал.

— Мокроглазый!—сказал презрительно Висневский. За последние дни ему много приходилось видеть слез и хотелось увидеть смелого и веселого человека.

Кузнеца отвели к поскотине и тут у избушки сторожа пристрелили.

В этом же селе уланы вечером надолго ушли куда-то и возвратясь многозначительно друг дружке подмигивали и хохотали. Но, как и везде, никто не жаловался. Уже поздно вечером, по куску разговора, прапорщик понял, что они насиловали девок, и это ему было неприятно, а вместе с тем и радостно знать. Неприятно потому, что в городе насилия над женщинами не любили больше, чем даже расстрелы, и за это мог быть порядочный нагоняй, а радостно потому, что прапорщику давно хотелось обнять здесь на просторе простую, пахнущую хлебом, деревенскую девку, а если не поддастся сама, то изнасиловать. Прапорщику казалось, что все презирающие насилие лгут и самим себе, и другим.

На другой день приехали в Улею—это было ровно неделя с того

дня, как здесь убили милиционера. Так же стояли темные избы, так же блистали радугой зацветшие стекла окон и улица была узенькая, как обшлаг сибирской рубахи, темная и прохладная. На горе, как лицо девицы в шубном воротнике, тонул монастырь в лесу. По мосту постукивали копытцами овцы; пахло черемухой и водой от речки.

Мужики были на пашне. Висневский строго приказал старосте собрать их к вечеру, а сам прилег под навес на телегу и уснул. Уланы зарезали у старосты овцу и стали жарить ее посреди двора. От костра летели искры, староста боялся пожара, но ласково улыбался и семенил вокруг улан.

На сутунчатый высокий заплот вскочил с усилием, помогая себе крыльями, петух и кукурекнул. Один из уланов прицелился и выстрелил. Петух, как созревший плод, грузно упал на землю. И тут староста ласково улыбнулся и проговорил:

— Ишь, ведь, убил.

Улан взглянул на притворявшегося старикашку, ему захотелось выстрелить в эту ровную, как столешница, грудь. Он отложил ружье.

Под вечер собрались мужики. Прапорщик отобрал десять из них самых страшных на вид и велел посадить в избу, приставив часового. Остальных мужиков уланы выпороли и отпустили.

Прапорщик спросил старосту:

— А те, что убили—скрылись?

— Так точно,— ответил поспешно староста.

— И не знаешь где?

— Не могу знать.

Прапорщик выгнал старосту и велел позвать учителя.

— Садитесь,— сказал прапорщик Кобелеву-Малишевскому.— Очень рад познакомиться с культурным человеком.

Прапорщик не любил деревенских учителей и от мужиков, по его мнению, они отличались только бритьем бороды. Так и этот хлипкий и конфузливый человек ему не понравился.

Прапорщик угостил Кобелева-Малишевского маньчжурской сигареткой и спросил:

— Как вы живете в такой берлоге?

— Привычка.

Кобелев-Малишевский чувствовал свою застенчивость и ему было стыдно. „Вот одичал-то“, подумал он и затянулся крепче, а затянувшись поперхнулся, но кашель превозмог.

— Ну,— недоверчиво проговорил прапорщик,— не могу поверить, чтобы к такому месту привыкнуть можно. У вас, наверное, другие причины есть.

Кобелев подумал, что прапорщик может быть подозревает его в большевизме, и торопливо сказал:

— Мамаша у меня на руках, братишки. А в городе, знаете, тяжело жить. Теперь в деревню тянутся.

— Да, в городе не легко. Понятно.

Прапорщик подумал, о чем бы еще поговорить, и спросил:

— А крестьяне не теснят вас?

— Да как сказать... Не особенно... Известно, тайга, народ, сами знаете.

— Бродяги все у вас. И жулики.

Прапорщик поднял кверху брови.

— Много здесь еще крови прольется.

— Много,— согласился поспешно учитель.

— А вы как, не присутствовали тут... при безобразии-то?

— Нет, не пришлось.
— А кто убил, знаете?
Учитель подумал, что скрывать не к чему, и так, наверное, мужики сказали, — он назвал плотников и Селезнева. Прапорщик расспросил еще кое-что и спросил фамилию:
— Кобелев-Малишевский, — сказал учитель.
— Странная фамилия, — удивился прапорщик. И тогда учитель начал излагать, каким путем образовалась эта фамилия. В конце рассказа он, как и всегда, разжалобился сам и как ему показалось, что разжалобил и прапорщика. Висневский сочувственно пожал ему руку и протяжно сказал:
— Да, невыносимо культурному человеку здесь жить.
Учитель выругал мужиков, вспомнил плотников и тех тоже выругал и сказал, протягивая руку с растопыренными пальцами к прапорщику:
— Вот, пятеро, а против государства идут. Залезли, как сычи на Смольную гору, и думают уйдут.
— Куда? — оживляясь, спросил прапорщик.
Учитель вдруг понял свою ошибку.
— Простите меня, — сказал он, побледнев.
Прапорщик озабоченно прошелся по горнице и, подойдя к учителю, взял его за талию:
— Ничего, — сказал он, — ну, проговорились и ничего. Я не выдам вас. Я понимаю. С мужиками иначе как бы вы стали жить. Это хорошо.
Выходя от старосты, учитель испуганно и озадаченно спрашивал себя:
— Вот дурак!.. вот дурак!.. Ну, как ты это, а? Как?..
И опасные темные мысли торопливо заерзали в его мозгу.
Немного спустя прапорщик призвал старосту и сказал строго:
— Завтра ты меня поведешь на Смольную гору. Далеко тут? Смотри, у меня карта есть, не ври.
Староста, заминаясь, проговорил:
— Десять... верст...
Замирая сердцем, прапорщик подумал:
— Есть... не уйдут..
А вслух заносчиво сказал:
— А пока я тебя арестую, понял. Садись тут и не двигайся.
Староста сел, поцарапал у себя за пазухой, зашептал что-то про себя и подумал:
— Вот засолил, паренек.
Прапорщик почистил запылившийся национальный значок на левом рукаве и приказал денщику:
— Готовь ужин.
В день, когда прапорщик с уланами поехал ловить на Смольную гору бунтующих мужиков, эти пятеро скрывающихся людей — четыре плотника и Антон Селезнев из Улеи — тоже шли на Смольную гору ночевать, но только не со стороны Золотого озера, где ехали уланы, а с востока — по осиновой черни.
При восходе солнца было еще душно.
— К дождю, — сказал Селезнев.
Шли друг за другом гуськом. Травы были по горло, ноги липли к тучной, влажной почве. Тонко пахло узколистыми папоротниками и светлозелеными пучками, дикая крапива свивалась вокруг ног. Подгнившие от старости темные осины, сломленные ветром, на половину уткнулись верхушкой в большетравье и приходилось итти под них как в ворота.

Кубдя отвык ходить чернью и ругался:

— Тут пчела-то не пролетит, не то што человек. Чтоб озером-то пойти.

Селезнев обернулся и сказал:

— А матри, парень, кабы озадков не было!

— А што?

— Всяк человек-то бродит. Вон поляки в Улею-то приехали. Баял я, мужикам-то, айда, мол, в горы. Не хочут. Ну, теперь в тюрьме сиди.

— Кабы в тюрьме, — выкрикнул идущий сзади Беспалый, — а то пристрелят.

Селезнев быстро махнул рукой и поймал овода.

— Тощий паут-то, — сказал он, разглядывая овода, — зима теплая будет.

Беспалый воскликнул с сожалением:

— Эх! Пахать бы тебе, паря! За милую душу пахать. А ты воевать хочешь!

Кубдя пренебрежительно сморщился.

— Не мумли, Беспалый, словеса-то.

Селезнев полез через гнилой остов осины, обвитый хмелем. Остов хрустнул, поднялась коричневая пыль. Селезнев снял шапку с сеткой и потряс головой.

— Вот, лешак, весь умазался. Вы, робя, мотри под ноги-то, тут таки ырбочки попадутся, неуворотному человеку — могила!

— Чтоб тебе стрелило!

Усталые, потные, покрытые пухом с осин и похожие оттого белизной бород на стариков, вышли они на елань, а оттуда ход шел в гору легкий. Ель, пихта, черные пни прошлогодних палов — где особенно задевал пожар, там расла осина с березой, но тоже молодая, веселая.

С кряканьем пролетела над березняком, в стороне, красная утка-атайка.

— На воду летит, — провожая ее взглядом, сказал Соломиных.

Горбулину, пока шли, все казалось, что идут по следу сохатого, сейчас он потянулся и узенькие его глаза сонно блеснули.

— Скоро дойдем-то? — спросил он.

Беспалых рассмеялся:

— Посули ему озеро в рот!

— А ты не гундось, кургузый висленъ! — обидевшись, сказал Горбулин. В минуты устатка он часто обижался.

Кубдя строго взглянул и сказал:

— А тут, ребята, не избу рубим, а свою жизнь. Надо лучше друг на друга-то смотреть. Нечего тотвониться.

Подниматься становилось все тяжелее. Среди кедра и темнозеленой пихты попадались желтые поляны песчаных, с галькою, россыпей; изредка серел покрытый мхом и лишайником камень. Дул на россыпях ветер.

Селезнев снял шапку.

— Вспотел как лошадь на байче, — сказал он и, крепко прижимая рукав к лицу, утерся.

По россыпи один за другим пробежали вихри, крутя хвою. Селезнев блаженно улыбнулся:

— Опять к дождю, говорю, парни. Урожай ноне будет....

Он щелкнул языком, и Кубдя почувствовал смутно, нутром, его тяжелую мужицкую радость. Кубде это не понравилось и он обвислым, усталым голосом спросил:

— Отдохнуть, што ли?

— Можно и отдохнуть. Тама-ка, за кедрой, глядень будет. Айда-те.

Он свернул влево. Прошли мимо желтых, словно восковых, стволов сосен. Вышли на небольшую каменную площадку, величиной с пару деревенских папертей. Кубдя бросил суму и ружье и ухнул:

— У-у-у!..

— ...у-у-у-о... далеко отбросило эхо.

— Вот местынь!—сказал Кубдя,—аж глазу больно!..

И он, слегка наклонившись, будто сбираясь прыгнуть, глядел, пока Селезнев ходил куда-то за водой, а Горбулин раздувал костер.

Далеко, внизу, зажатое меж гор уходило Золотое озеро. Оно было синее, с желтоватым отливом, похожее на брошенный в горы длинный блестящий пояс. Оторачивали озеро лохматые пихты, кедры. За озером в высокое бледное небо белыми клыками упирались белки. А кругом — лес, вода и камень.

Кубдя лег на брюхо и поглядел вниз. На мгновение он почувствовал себя сросшимся с этим камнем. У него зазнобило на сердце.

Глядень обрывался сразу сажен на полтораста, а там шел пихтач, россыпи и камни. За пихтачем—озеро.

На средине глядня в три человечьих прохода поднималась кверху тропка.

Кубдя обернулся к Селезневу и крикнул:

— Антош, а ведь это она к нам в гору! Тропа-то. Узнал.

— К нам,—отозвался Селезнев, развязывая мешочек с солью, — ишь и соль отсырела.

Озноб на сердце у Кубди не прекращался.

Селезнев, грузно ступая, подошел к Кубде.

— Иди, чай поспел. Что на него смотреть, камень и камень. Никакого порядку нету, ему и бог не велел больше расти. Сколько места под пашню пропадат.

Антон зорко взглянул вниз по тропе и слегка тронул Кубдю сапогом.

— Видишь,—сказал он шопотом.

Кубдя не понял:

— Ну?

Селезнев дернул его за руку и тоже быстро лег на живот.

— Да вон, налево-то, мотри.

Голос у Кубди спал.

— Люди!.. На вершине!..

— Поляки,—сказал Селезнев и отполз.—Красные штаны, видишь.

Они на четвереньках проползли несколько шагов, встали и подняли берданки с земли.

— Поляки,—сказал Селезнев плотникам.—Туши...

Беспалый яростно разбросал огонь и начал топтать сапогами угли.

— И чаю не дадут напиться, коловорот им в рот!.. В чернь, что ли, пойдем?

— По моему в чернь,—сказал Горбулин и поспешно добавил: — Мужики донесли на нас.

Селезнев заложил патроны и пополз обратно.

— Кубдя!..—позвал он плотника.—Айда-ка, попробуем.

Поляки поднимались медленно, один за другим по тропинке и весело переговаривались. Впереди на низенькой, брюхастой лошаденке

ехал староста. За ним, на серой лошади—солдат без винтовки, должно быть офицер. Ветер нетерпеливо чесал гривы лошадям. Офицер часто оглядывался по сторонам и даже привставал в седле. Но мужиков он наверху не замечал.

Антон близко наклонился к Кубде, так что борода его терлась о плечо плотника и, обкусывая фразы, проговорил:

— Ты того... третьево... я уж... офицера...

— А старик-то?

— Старик, зря, он... сильком, должно... Ну?..

— Жалко человека-то... Не привык, я...

— Ну и оставался бы... Ничего нет легче человека... убить...

Селезнев положил ему руку на поясницу и ласково сказал:

— Бери, што ли...

Кубдя на немного изнемог, поднял ружье, прицелился.

— Ну, уж бог с ним,—сказал он и выстрелил.

Как бумажки, сдутые ветром, две лошади и два человека вначале будто подпрыгнули, потом полетели вниз с тропы, кувыркаясь в воздухе. На тропе кто-то пронзительно завизжал. Беспалый выскочил на рамку камня, перегнулся и тоже выстрелил. Поляки медленно пятились, лошади храпели, а мужики, ощелившись, как волки, мокрые, бледные, стреляли и стреляли. Староста погнал лошадь вперед, но она задрожала, забилась и вместе с седоком опрокинулась вниз...

Вечером, действительно, пошел дождь. Мужики разложили большой костер под пихтой и варили щербу из сухой рыбы. Было темно, хвою словно перебирали пальцами, хрустали ветки. Падал гром, затем желтая молния вонзалась в горы и камень гудел.

— Гроза на Федора-летнего,—лениво сказал Селезнев,—плоха уборка хлеба будет.

— А нам-то что?—спросил Горбулин,—нам хлеб не убирать.

Селезнев как-будто с тоской произнес:

— Не придется нам, это верно...

— Верно...—отозвался Соломиных.

Кубдя посмотрел на две темные глыбы мяса—Соломиных и Селезнева—и ему стало как-то не по себе.

— Жалко землю, что ли?—спросил он резко.

— Землю, парень, зря бросать нельзя. Нужно знать, когда ее бросить...—твердо сказал Селезнев.

— Ну и любить-то ее больно не за што!

— От бога заказано землю любить.

— Не ври!.. Бог-то в наказанье ее людям дал,—прокричал Беспалый,—трудитесь, мол, мать вашу так!

Селезнев упрямо повторил:

— Ты, Беспалый, не ерепенься. Может бог-то и неправильно сказал. А только земля...

— Ну?..

Селезнев взял уголек и закурил.

— У меня, Кубдя, в голове муть...

— Поляков жалко?

— Не-е... Человека—что его, его всегда сделать можно. Человек—пыль. А вот не закреплены мы здесь.

— Кем?

— Хресьянами.

Кубдя озлился, сердито швыркая носом, он наклонился над котелком и помешал ложкой.

— На кой мне шут оно?

— Без этого нельзя.

Кубдя взглянул в его неподвижные ушедшие в волос глаза и словно подавился.

— Что я поп, что, ли?

— Може больше...

— А иди ты.

— Надо, паре, в сердце жить. Смотреть, понял?

— А что я зря ушел? Граблю я?..

Говорили они медленно, с усилиями. Мозги, не привыкшие к сторонней, не связанной с хозяйством, мысли, слушались плохо и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючок из глотки попавшейся рыбы.

Беспалых в нижнем белье, белый, похожий на спичку с желтенькой головкой, бил в штанах вшей и что-то тихонько насвистывал. Кубдя указал на него рукой и сказал:

— Вот—живет и ничья!.. А ты, Антон Семеныч, мучиешься. От дому-то не легко оторваться тебе.

— Десять домов нажить можно, абы время будет...

— Ну?..

— А вот не знаю, што...

Селезнев неловко поднялся, словно карабкаясь из тины, и пошел в темноту.

— Куда ты?—спросил его Кубдя.

— А так... вы спите, я приду сейчас.

Соломиных сожалеюще проговорил:

— Смутно мужику-то.

— Не вникну я в него.

— У те душа городская. Не зря ты там года пропадал.

Соломиных достал ложки и начал резать хлеб.

— Теперь к нам народ повалит,—сказал он, стукая ножом по хлебной корке.

— Откуда? спросил Горбулин.

— Таков обычай. Увидят, что за дело как следует взялись.

Беспалых, натягивая штаны, вставил:

— А по-моему—возьмут берданки, переловят нас да и в город. А у меня, паре, седин и вшей у-у!..

— С перепугу.

— Должно, с перепугу.

VII.

В ближайшие дни после избиения поляков, отряд стал пополняться Ехали, в большинстве из соседних с Улею деревень, боясь мести из города, такие приезжали вместе со скарбом, с женами и ребятами. Но были из дальних деревень почти все солдаты германской войны, они приходили в пешую, с котомками и с берданками, у некоторых были даже винтовки.

Становище перенесли глубже в черль к Лудяной горе и здесь разбили палатки. Уже было около полусотни человек.

Встретившись с Кубдей, Селезнев сказал:

— Начальника надо выбирать.

Кубдя словно вытянулся в эти дни, углы рта опустились, а может быть придавал ему другой вид и прицепленный к поясу револьвер,

снятый с убитого поляка. Кубдя согласился и на паужен назначили собрание.

Кубдя влез на телегу, мужики сели на траву и закурили. Кубдя хотел говорить стоя, но раздумал и только снял картуз.

Среди пяти-шести телег, накрытых для затина кедровыми лапами, бродил белобрюхий щенок, из тайги пахло смолой и, казалось, приехали мужики на сенокос или на сбор ореха. Позади всех стоял на коленках Беспалых и улыбался маленьким, как наперсток, ртом. Ему было приятно, что теперь они не одни и что с таким уважением слушают все Кубдю. Кубдя говорил:

— Товарищи!.. Собрались мы сюда известно зачем, вам рассказывать не к чему. Никто никого не гнал, по доброй воле... А только против одного: не надо нам колчаковского старорежимного правления, желаем свою крестьянскую власть. Что мы—волки, всякого охотника бояться? У самих сила есть, а кроме—идет из-за Урала советская армия. Нужно продержаться, а там как уж получится—видно будет. Та-ак... А теперь нужно выбрать начальника, потому овца и та своего козла имеет, чтобы водить.

Мужики захохотали.

— Думал я, думал,—продолжал Кубдя,—ну, кроме одного человека, никого у нас нет. А так как надо назначать кандидатов, то мой голос за Антона Семеновича Селезнева.

— А мой за Кубдю,—сказал Беспалых.

Кто-то еще сказал Соломиных. Соломиных прогудел:

— Куда уж мне? Я с бабой-то едва справляюсь.

Долго мужики галдели как на сходке. Начали поднимать руки. Большинство было за Селезнева. Селезнев густо покраснел. Беспалых сказал:

— Борода загорится.

Мотри, паря,—добродушно рассмеялся Селезнев,—я теперь начальник.

Но вдруг сжал губы и быстро пошел меж возами к реке.

— Куда он?—спросил Кубдя.

Соломиных посмотрел на идущего по березняку Селезнева и ответил:

— Медвежья душа у человека, никак своей тропы не найдет.

Под вечер в лагерь пришел учитель из Улеи Кобелев-Малишевский. Он поздоровался со всеми мужиками за руку и сел рядом с Кубдей.

— А я, ведь, к вам,—сказал он неожиданно для себя.

Когда он шел, он думал только взглянуть на лагерь и уйти. Кубдя посмотрел на его так вытянутую вперед голову, словно его хотели сейчас зарезать, напряженную улыбку и сказал:

— Милости просим.

Селезнев увидал учителя и обрадовался.

— Вас-то ведь нам и надо, Николай Осипович.

Учитель улыбнулся еще напряженнее.

— Приказ надо написать. А грамотного человека нету.

— Какой приказ?—спросил Кубдя.

— А вот, что отряд действует и пусть идут кому надо. А наберется больше—мобилизуем округу.

Все одобрили. Селезнев достал бумаги. Учитель сел, взялся за перо и робость его исчезла. Он весело взглянул на Кубдю и сказал:

— Что писать-то?

— Пиши,—говорил кратко Селезнев,—по приказу Правительства...

Учитель запротестовал.

— Надо поставить—какого правительства.

— Лешего ли у нас в деревне знают. Им на любое правительство начхать, абы их не трогали. Написал?..

— По приказу правительства, написал.

— Пиши дальше. Объявляется сбор всех желающих... воевать с колчаковскими войсками... пешие и конные... старые и малые... брать с собой обязательно берданку али винтовку... оружия у нас мало... Нет, это не надо! Сами догадаются. Являться на сборный пункт... Во-о!.. Как воинский начальник, чисто! А куда являться—и не знаю.

— На небо,—сказал Беспалых.

Кубдя подумал и вставил:

— Говорим так: первый партизанский отряд Антона Селезнева,— и никаких.

Селезнев запротестовал.

— Нельзя,—сказал Кубдя,—мужик имя любит.

Все согласились, что мужик, действительно, любит имя...

... В деревнях шел слух, что в город приехал из Омска казачий отряд атамана Анненкова. Деревни заволновались. Казаки отличались особенным сладострастием жестокости при подавлении восстаний. Происходило это потому, что в отряды Анненкова и Красильникова записывались все особенно обиженные Советской властью. Атамановцы на погонах носили изображения черепа и двух скрещивающихся костей.

На базарах загромыхали рыдваны, заскрипели телеги—съезжался народ и после базара, у поскотины, за селом долго митинговали. Выступали какие-то ораторы, призывали к восстанию, говорили, что Омск накануне падения, в Славгороде и Павлодаре—Советская власть, и поутру, с котомками и винтовками за плечами видно было на таежных дорогах мужиков, направляющихся к Антону Селезневу.

Город тоже жил тревожно. Говорили, что десятитысячные отряды Антона Селезнева стоят где-то недалеко в тайге и ожидают только удобного случая, чтобы вырезать весь город, за исключением рабочих. На рабочих смотрели с завистью, а начальник уезда капитан Петров часто беседовал с начальником контр-разведки поручиком Малышевым и аресты и расстрелы учащались.

Телеграммы „Рта“ сообщали, что красные уже взяли Курган и подступают к Петропавловску, Омск эвакуируется, и, словно подчеркивая эти сообщения жирной красной чертой, ползли по линии железной дороги эшелоны с эвакуируемыми учреждениями и беженцами.

По ночам тайга горела—шли палы и полнеба освещало алое зарево. И при свете этого зарева из низенькой кирпичной тюрьмы выводили за город к одинокой белой цистерне „Нобеля“ арестованных крестьян. Крестьяне крестились на горевший оранжевой ленточкой восток, и тогда в них стреляли. И неизвестно было никому, кто их хоронил и где...

В средине июля поехал в тайгу отряд атамана Анненкова. Была это, вернее, часть отряда, две роты с пулеметами при четырех офицерах. Сам атаман со своими главными силами защищал тогда от восставших крестьян Семипалатинск. Солдаты отряда были озлоблены и неудачами на фронте, и тем, что чехи отказались воевать, и тем, что сильнее разгорается восстание и их перевозят из одного места в другое и убивают и заставляют других убивать. Озлобленно они жгли деревни, скирды, пороли и вешали крестьян, а те отплачивали тем, что пристреливали отстававших или поджигали избы с ночевавшими там атамановцами.

Кубдя хотел ехать в город, дабы сговориться с большевистской ячейкой, работавшей в подполье, но прибежавший из города рабочий с мукомольной мельницы сказал, что ячейка переарестована и члены ее перебиты. Да и в отряд прибывали и прибывали люди. Имелась уже своя канцелярия, где главенствовал учитель Кобелев-Малишевский, хозяйственная часть, которой управлял Соломиных, и все больше скрипело телег в отряде, и все больше приходило людей к Кубде и к Селезневу жаловаться. Говорили обычные теперь крестьянские нужды,— сожгли хлеба, избу, угнали скот, того-то убили; у всех было одинаково почти и говорили одинаковыми немногословными предложениями, но от каждого мужика и от каждой бабы, отходившей после жалобы прочь,—оставалась на сердце все увеличивающаяся тяжесть. Осанка у всех партизан стала слегка сгорбленная, бросили пить, и даже Беспалых, если выпивал, то, ложась спать, стыдливо отворачивался к стене. Никто этой перемены не замечал, все шло как нужно, люди строжали, отряд становился крупнее, лишь Кубдя временами судорожно хохотал, махал руками—видимо, старался отойти дальше от обступившего всех чувства связанности с землей, с ее болями и от этих, пахнущих таежным дымом, людей, каждый день приезжавших на телегах, верхом и в пешую на Лудяную гору.

Один Селезнев ходил с головой, откинутой назад, улыбаясь, обнажая верхние резцы зубов.

— Попом тебе, Антошь, быть,—говорил Кубдя.

— А тебе грешником.

Однажды прискакал верхом Емолин. Он радостно потряс всем руки, а Кубдю похлопал по плечу:

— Живешь, парень? Я вас, подлецов, в люди вывел. Молиться на меня должны.

— Достроил амбары-то?—спросил Кубдя.

Емолин закрыл глаза и помотал головой:

— Пока достроишь с вашим братом, нижний ряд сгниет. Ну, и времена! И что такое деется, никак я не пойму. Спятил народ, что ли? И смешно и дико смотреть-то...

— А ты поменьше смотри.

— Неужто нельзя?

Емолин плюнул и лукаво хихикнул:

— Я, ведь, хозяин. Мне любопытно, как люди жисть устраивают, я и смотрю.

— Ты помогай.

— Ну, от нашей помоги вшами изойдешь. Тут инова калибра человек требуется. Я вот метаюсь-метаюсь, езжу-езжу и никак не пойму— какой тут человек надобен. Режут друг друга, жгут и все ждут кого-то, а?

Емолин подтянул подпругу и залез в седло:

— А у вас тут слобода! Кто хошь, приезжай. Вот они какие нонешние-то разбойнички, видал ты их! Чудно живете, парни, чудно!

VIII.

— Бегут, бают, колчаковские-то войска!.. Чуть ли не Омск взяли. Вся земля под Советской властью, паре, будет, во-о!..

Маленький веснущатый Беспалых даже присел на корточки, словно не мог выдержать такой мысли. Горбулин кормил из черепка белобрюхого щенка молоком. Щенок мотал мордой, белые брызги летели

вокруг, сползали по мягкой шерсти. Между возами ходили мужики с тоскливыми и озабоченными лицами, в бору звенели топоры, ржали лошади.

— Где зимовать-то придется,— сказал Горбулин, похлопывая щенка по спине.—Одуреешь без работы-то. Мается-мается народ и сам не знат пошто.

— Знал бы—так и не маялся. Анненков-то близко.

— Лихоманка его дери, сломит и он шею!

— А там уж как придется. Либо он, либо мы кому-нибудь придется.

— Чернь-то большая, уйдем.

— С пулей далеко не уйдешь. Им ведь английского пороху не жалко.

Беспалых удивленными глазами посмотрел в тайгу и со злостью вскричал:

— И как только английский мужик смотрит, зачем таку пакость позволят. Добро бы наша темень была, а то ведь у них, бают, и неученых-то нет.

— Врут!—сказал Горбулин с убеждением.—Не может быть, чтоб неученых не было; дураков везде много. А посылают снаряжение и морочат, што, дескать, охотиться народу надо.

— Из винтовок-то?

— Из винтовок на медведя, а там в прочего зверя.

— Обмундированье-то как, а?

Горбулин озадаченно посмотрел Беспалому в лицо.

— А это уж их дело, не знаю!..

Подошел Кубдя, немного вялый, с тревожным беспокойством на корявом лице.

— Собирай монатки-то,—сказал он.

Беспалых вскочил.

— Уходим, что ли? Я, сказывал, Анненков близко.

Кубдя поправил пояс. Патронташ и револьвер как-будто стесняли его.

— Никуда не уходим. Мы тут будем. Бабы с возами уйдут... от греха дальше. А нам, коли придется, так в белки надо...

— По другому следу?

Беспалых крепко уперся в землю и свистнул:

— Вот плакались работы нету!..

Между возами шла спокойная широкая фигура Селезнева. Он хозяйственным взглядом окидывал телеги и рыдваны и, как поторапливал раньше при молотьбе, немного покрякивая, так и теперь торопил:

— Собирайся, крещеные, собирайся. Эку уйму лопотины-то набрали.

Какая-то старуха в грязном озяме всплакнула:

— Жалко ведь барахлоть, Антон Семеныч.

— Так... так...—сказал Селезнев.

Горбулин довольным голосом произнес:

— Ай-да, большак!..

Через час по узким таежным тропам, подпрыгивая на корнях, тянулись в черни ирбитские телеги, трашпанки, коробки. Пищали ребятишки, в коробах гоготала птица, мычали привязанные за рога к телегам на веревках коровы, а мохноногие, пузатые лошаденки все тащили и тащили телеги. Поспевала земляника и пахло ей тихо и сладостно. Как всегда, чуть вершинами шебуршали кедры. А внизу, на далекие версты в тропах ехали люди; плакали и перекликались на разные голоса, как птицы.

Человек триста партизан пошли за обозами, за Золотое озеро; на елани осталось не больше сотни. Ушедшие были вооружены пистонами, дробовиками, а оставшиеся—винтовками. Расставили сторожевые посты, часовых и по тайге секреты. Стали ждать.

— Доволен?—спросил Кубдя у Селезнева.—Али еще скребет?

— Как-нибудь проживем,—ответил Селезнев, ухмыляясь.

— Вот и благословили тебя. Должон доволен быть.

В голосе у Кубди слышилось раздражение.

— Не жалуюсь. А кабы и пожалился—какая польза?

— Будто новрожденный ты, ступить не знашь куды.

Селезнев вскинул взгляд поверх головы Кубди и повел рот вбок.

— Слышал ты,—сказал он смягчающе,—Улея-то в персть легла.

Беспалых одурело подскочил на месте:

— Сожгли?..

— Спалили,—ответил просто Селезнев, вынимая кисет. Ладно бабу во-время увез. Повесили бы. Озлены они на меня.

— Придут сёдни.

Селезнев завернул папироску, прытко повел глазами и слегка прикоснулся рукой до Кубди.

— Сёдни не будут, помяни мое слово. А Улея-то только присказка, притча-то потом будет.

Он разослал шинель на землю.

— Ложись, отдохни.

И, положив свое тело на землю, он углубленным, тягостным голосом проговорил:

— Самое главное—не надо ничему удивляться. А там уже и гнести нечему тебя будет, а, Кубдя? Ты как думаешь?

— Я вот думаю,—сказал Кубдя,—что у нас пулеметов нету, а у них три. Покосят они нас.

— Они укоротят,—с убеждением проговорил Горбулин.

Селезнев сорвал травку и начал ее разглядывать.

— Мала, брат, а так можно брюхо лошади набить, беда!—сказал он с усмешкой.—Ноне травы добрые. Оно, конешно, у кого косилка есть, лучше чем литовкой. А я так морокую, что в кочках-то с машиной не поедешь, Кубдя?

Кубдя тоже ухмыльнулся:

— Не поедешь, Антон Семеныч.

Селезнев утомленно закрыл глаза.

— А и устал я в эти дни. Будто тысчу лет прожил. Ты, Кубдя, хиреть начал.

— Во мне-то и никогда жиру не было.

— Это плохо. Без жиру, как без хлеба. Завсегда запасы надо иметь.

Он прикрыл лицо картузом и крупно зевнул.

— Добро в горе хоть гнусу нету. А-то б заели.

И, чуть-лишь прикрыв глаза, сонно захрапел...

Через два дня, поутру, партизаны встретились с атамановцами у Поневеских ворот. Поперек речки Буи лежит восемь громадных камней. Среди них с плеском и грохотом скачет вода, вскидываясь белыми блестящими лапами кверху. У левого берега вода спокойнее; здесь даже можно проскользнуть на лодке. Вверх дальше по Буе—горы, похожие на киргизские малахаи из зеленого бархата, а внизу—речная заливная равнина. Партизаны спускались по реке, а атамановцы поднимались кверху.

Атамановцы растянулись по елани длинной цепью, окопались, по-

ставили два пулемета и начали стрелять. Мужики стреляли по-одиночке, тщательно прицеливаясь и разглядывая, не высунется ли казак. Несколько раз атамановцы вскакивали и с неверными криками: „Ура“! бежали на партизан. Но тотчас же падало несколько убитыми и ранеными; атамановцы опять окапывались и торопливо щелкали затворами. Мужики лежали за кедрами и молчали.

На небольшой елани, слева окруженной потоком, справа—чащой, в которой лежала не стрелявшая вторая рота атамановцев, резали высокие пучки и ярко-синие шпорники пули перестреливавшихся. Людей кусали комары, и тех из атаманцев, которых ранило, пекло солнце, они просили пить. Но пить им никто не давал; всем хотелось убить больше тех мужиков, которые спрятались за кедры и неторопливо метко стреляли.

Так они перестреливались около полутора часов.

Наконец, офицеры устроили совет и приказали наступать, то-есть во что бы то ни стало итти на стрелявших из-за деревьев партизан и перебить их. И хотя бежать в высокой, опутывающей ноги траве, было нельзя, и не было надежды, что партизаны побегут и не будут стрелять,—все же мысль эта никому не показалась дикой, и атамановцы, вместе с офицерами, крича „ура“ и стреляя, полезли по траве и по чаще. В раскрытые рты набивалась трава, осыпающая неприятную сухую пыльцу. Рядом как-то немного смешно падали раненые и убитые, атамановцы же продолжали кричать „ура“, стрелять и итти вперед. Из-за кедров все так же помаленьку лениво стреляли мужики, и казалось, что дерутся они не серьезно, а сейчас бросят ружья и выйдут просить мировую.

До кедров осталось не более ста шагов, как вдруг мужики выстрелили разом и закричали:

— Ура-а!..

От крика ли, или от чего другого, но все—и атамановцы, и мужики—почувствовали, что кому-то нужно от кого-то бежать. И партизанам захотелось кричать. Они остановились и закричали не своим голосом:

— У-а-а-а...

И, повернув обратно, побежали.

Из-за таежных стволов, на окаемок, выскочили мужики в озямах, в ситцевых рубахах и нестройно заорали:

— Товарищи! Бросай винтовки-и!..

— Конец...—думали атамановцы и бежали, сами не зная куда.

Позади себя им мерещилось мужицкое дыхание, оскаленные лохматые лица и меднокрасные пятна заплясали в глазах у атамановцев.

Некоторые из них упали в воду и поплыли на другую сторону. Туда же прыгнули двое офицеров, но плыть они не умели, и, непонятно суетясь руками в воде, офицеры схватились за сучья повисшей над водой талины. В это время на берег выбежали Кубдя и Беспалых и, увидев офицеров, словно, напоказ подождали, когда они крепко уцепились за сучья, тогда, вскинув ружья, выстрелили. Напрягая волну, река потащила тела.

Насилу добежав до конца елани, атамановцы увидали здесь свои пулеметы. Тогда они вновь почему-то почувствовали силу и начали отстреливаться.

— Назад!—оглушенно заорал Селезнев. И, как цыплята под наседку, пригибаясь, мужики побежали в тайгу.

На бегу Беспалых почувствовал боль в холке и, пощупав мокрую

штанину, сообразил: „ранен“. Он улыбнулся вдруг ставшим белым, как старая кость, лицом и сказал громко Кубде:

— Ранили меня...

— Эх, олово!—сказал Кубдя и, взяв его под мышки, повел.

Позади на елани опять шли вперед атамановцы. Мужики, отстреливаясь, медленно повернули вправо и пошли в горы. А их, снова ровной цепью, стреляя и прячась за стволы, догоняли атамановцы. И ни мужики не знали тех, кто их догоняет; ни атамановцы не знали, кого они хотят убить.

— Ура-а!..—время от времени кричали атамановцы.

Ноги у Беспалых ныли, голова тяжелела и все тело было лишнее. Его вели, подхватив под руки, Кубдя и Горбулин, а позади—шел растрепанный и потный Селезнев и, после каждого выстрела, торопил:

— Иди, иди, не отставай!..

Вошли в березовую чернь.

В бледноватой зелени берез, как темные пуговицы на светлом платье, пихты. Опять мешали итти огромные травы, не было уже папоротника, но резал руки сладко пахнущий осот.

Беспалых, словно охмелев от боли, начал заплетаться языком и при каждом шаге отчаянно кричал:

— Пустите, ребята, пустите.

И, ощущая цепенеющую усталость в руках, Селезнев пятился, стрелял и печальным голосом повторял:

— Не ной, Беспалых... не ной, парень... Потораплипайся, потораплипайся... Не отставай...

Мужики уже всей оравой ушли вперед. Подыматься в гору становилось все круче. Остановились перевязать рану Беспалых, но, услышав близко перекликающиеся голоса атамановцев, опять пошли. Под ногами скользили гальки, далеко по окоемку приходилось обходить каменные „лысины“, а позади, не переставая, щелкали впустую выстрелы атамановцев. Селезнев повеселел и повесил за плечи винтовку.

— Уйдем,—сказал он.—Уведем их к лешему на козлы.

Голова у Беспалых покачивалась, как созревшая маковка под ветром. Солдатские штаны смочились густой кровью, этой же кровью были выпачканы руки у Горбулина и Кубди. У Кубди на локтях сатиновой синей рубахи была широкая прореха, виднелось розоватое искусанное комарами тело. Селезневу стало муторно смотреть и он отстал.

Чем они выше подымались крутыми подъемами между плитами камней, величиной с избу, серых с ровными, словно отпиленными краями,—тем сильнее они чувствовали какую-то ждущую их неизвестную опасность. Они начинали прибавлять шагу, несмотря на усталость, и не обходить россыпи. Кончились березки, осины. Лохматились одни кедры, и хотя так же грело солнце, но с белков дул суровый, крепкий и холодный ветер. Они затянули крепче пояса и, как-будто желая разорвать опутывающие сети тишины, нарушаемой этим одним ветром, заговорили громче.

Под ногами захрустел мох. Они остановились, вытерли замазанные глиной в черни ноги об седую, хрумкающую, как снег, траву, затянули крепче рану у Беспалых, переглянулись и молча, торопливо пошли выше.

Ветер развевал волосы, горбом вздувал рубахи.

Мысли, с устатку ли, с другого чего, разжижались, и нельзя было заставить их исполнять свою обычную работу.

Селезнев теперь указывал дорогу. Он был весь мокр,—даже толстый драповый пиджак вымок, будто был под дождем. Белки глаз у

него подернулись красными жилками, а зрачок все расползался и расползался, как масляное пятно на скатерти. Он кинул фуражку и шел без шапки, с рассеченной ветром черной бородой.

Кубдя чувствовал себя разопревшим, словно он был втиснут в какое-то иное тело и плыл там куда-то, теплый, склизкий. Рядом, на руке висел маленький, кричавший все время рыжеволосый человек. У этого человека был постоянно разинутый рот с болтавшимся там обрубком языка, рот, издававший такие звуки, как-будто резали ножницами листы железа, и временами Кубдя никак не мог вспомнить, где он видел эти мокрые усы и веснущатую морщинистую переносицу.

Вдруг россыпь расширилась, и они увидели перед собой голое, холмистое поле. По полю ровной цепью стояли люди с винтовками и навстречу им бежало шесть человек с револьверами. Люди были одеты в английские шинели, и мужики, взглянув на них, почувствовали холодный ветер и заметили недалекие, похожие на синеватые сахарные головы, белки снегов.

Селезнев сорвал ружье, крикнул и перервал крик выстрелом:

— Бе...

— Бу-о-ах!..

Затем он замахал руками на Кубдю, лицо его неожиданно помолодело и он торопливо сказал:

— Бросай... беги...

Он наклонился, сунул Беспалых револьвер и, пригибаясь, побежал. За ним побежали остальные.

Беспалому стало страшно и, желая скорее отвязаться от мыслей о себе, он приставил револьвер к виску, но раздумал и выстрелил в бок.

— Все?..—обрывками на бегу думал Селезнев.—Путем... ошибся... надо было... Мокрой... Балкой...

И ему пришло в голову, что он хотел еще увидеть идущих из России красных.

„Посмотрим...“—мелькнуло у него в голове.

Он остановился и ровным голосом сказал:

— Стой, паря! Не убежишь.

Услыхав его голос, Кубдя подумал—„мертвец“ и остановился. Позади их лег Горбулин, винтовку он потерял на бегу.

— Посмотрим...—сказал Антон, всовывая обойму.

IX.

Через неделю сводка „на внутренних фронтах“ сообщала, что в районе Улеи бандитские шайки Антона Селезнева рассеяны, а сам он погиб в перестрелке.

А еще через два месяца партизаны и регулярные части Красной армии взяли Ниловск и крестьяне привезли с белков трупы Селезнева, Кубди и еще четырех неизвестных. Вырыли глубокую могилу, пришли рабочие с красными знаменами, оркестр играл „Интернационал“, ораторы в серых шинелях с жестяными звездочками на белых заячьих шапках долго говорили и указывали рукой на восток.

В стороне же, позади процессии стоял подрядчик Емолин в желтом овчинном полушубке и смотрел на красные лоскутья, ярко сверкавшие трубы музыкантов. На душе у него было умиление и жалость; он вытирал на носу слезы и говорил соседу:

— Заметь, хо-орошие парни были.

Всев. Иванов.

Голодный.

Пьян без вина, походкою неровной
Он подошел. На хлеб в моей руке,
Не отрываясь, он глядел бессловно
В животной и тупой тоске.

И в этот миг одним страданьем слитным
Я с ним жила. И помню я с тех пор
Тускнеющий в желаньи ненасытном,
Звериной мукой напоенный взор.

О, злая плоть, твой долгий стон докучен!
Двоится явь, обманывает слух,
И колесом терзающим замучен
Униженный и оскорбленный дух.

Тлеть заживо... Не ты ли, богоравный,
Плывущим дням свой вызов кинул встарь?
Не ты ли пел?—и вот, в тоске отравной,
Лежишь, беспомощная тварь.

Все несвершенное, что в сердце зрело,
Взял голод—сожигающий Молох.
— Я вижу злое, алчущее тело,
Прерывистый я слышу вздох.

Голодный взор высасывает душу,
В нем угнетающая власть.
Мне кажется, я заповедь нарушу,
Я для него смогу украсть!

М. Пожарова.

Деду.

Кончились долгие муки.
Стынут недвижно и строго
Сильные, знавшие много,
Людям открытые руки.

С овцами спящими сходны
В блеске руна снегового,
Ныне от дела земного
Щедрые руки свободны.

Мальчик на дедовском стуле
Плачет, беспомощно согнут.
— Руки твои заснули,
Больше не дрогнут.

М. Пожарова.

„Голодающие".

(С натуры.)

Пройти двадцать верст голодному, плохо обутому, глубокой осенью, по анафемской дороге до станции и не попасть на поезд—случай скверный; и это как раз случилось со мной. Подходя к станции, я имел удовольствие видеть хвост поезда, отходившего в ту сторону, куда надо было ехать мне по неотложному делу...

Проклиная судьбу, я пошел на станцию, где узнал, что следующий поезд отправится не раньше, как через сутки.

— Что делать?—задал я себе вопрос, узнав это.—Где и как провести время?..

Осенняя, темная, глухая, бесконечно долгая, дождливая и холодная ночь тихо и вместе с тем страшно покойно и властно надвигалась со всех сторон, сжимая землю и все, что есть на ней, в своих темных, мертвых объятиях...

Постояв на перроне и послушав, как гудит ветер и где-то на крыше грохает полуоторванный лист железа, я прошел в помещение станции или по-прежнему в зал третьего класса...

Здесь царила кромешная тьма, свет виднелся только в отдельном углу, проникая сквозь щель двери, ведущей в телеграфное отделение. Оттуда то-и-дело слышались звонки, чей-то грубый озлобленный голос кричал в телефон несколько раз под-ряд все одно и то же: „Говорят вам—нет... не будет", и немного погодя, очевидно, слушая, что отвечают ему, повторял: „Говорят вам—нет... не будет".

Здесь было холодно, и воздух пропитался какой-то особенной противной кислотой... Чувствовалось в потемках, что подошвы на сапогах прилипают к грязному вонючему полу. В сторонке по углам слышался сдержанный говор-шопот, громкие протяжные зевки, сопровождаемые, очевидно, выходившими из самого многострадального „нутра" словами:

— О, Господи Исусе... Ну, ну... вот она жисть-то... До-о-жили, нечего говорить, до-о-о-жили...

Для того, чтобы выбрать себе какое-либо местечко, я чиркнул спичкой и при ее трепетном свете увидал, что уже все скамейки заняты темными фигурами людей, сидевшими и полулежавшими на них, в разных позах.

Спичка погасла, стало еще темнее. Протянув в потемках руки и шаркая по полу сапогами, я двинулся к стене, нащупал ее, опустился на пол, решив, что здесь и останусь сидеть до утра...

Рядом со мной, по правую руку, кто-то хрипел во сне, скрипя по временам зубами... Где-то глухо пробили часы... что-то упало, кто-то вошел с улицы, громко хлопнув пронзительно заскрипевшей дверью...

— Сколько же нам теперича здеся дежурить придется, а?—раздался в темноте голос, подождал немного и, видя, что ему никто не отвечает, добавил:—Хыть бы лампу засветили, что ли?

— А где керосин-то?—отозвался женский голос.—Зажигать-то нечего... нету его...

— Для кого-нибудь есть,—с заметным уже ехидством вступился третий,—для нас с тобой, знамо, нету, а для кого-нибудь есть, найдется...

— Для кого это найдется-то?—пробасил еще кто-то.

— Для кого, для кого! Знамо, говорю, не для нас с тобой...

— А ты-то кто такой?..

— Я?—переспросил голос,—я... я великомученик, вот кто... Сиди вот здеся... издыхай незнамо за что... терпи... а слово сказал—пропал... к стенке тебя...

— Ну, что ж,—с иронией ответил на это бас,—издохнешь—мощи твои великомученические останутся... только и делов...

— Мощей теперича не полагается... были мощи да уехали... товарищи и до них добрались... выяснили вопрос... покланяйся теперича кому хошь... лобызай пустое место... хуже нехрещеных татар стали, ей-богу...

— Они скоро и до храмов господних доберутся,—вступился опять женский голос,—и дома-то господни займут пыд исполкомщиков... чего им?.. У них бога нету...

— Хорошее дело,—захрипел опять бас,—чего им пустовать-то... для какой они надобности стоят.., для колдовства поповского... не нужно их...

— Кто в бога не верит, знамо не нужны... Эдаким вот как ты...

— А ты, дура, веришь?

— А то нет...

— Где ж он, твой бог-то? Кто такой?.. Видала ты его?... на кого похож, а?..

— Тьфу тебе за это! Язык-то бы у тебя вывернуло, у нехристя...

— Небось не вывернет... Гы! Бога тоже знает, а сама, небось, едет в Москву спекуляцией заниматься... обдирать... Ну, какой он, сказывай, бог-то твой, с бородой, что ли, а? Как тебя поп-то учил?

— Отвяжись, не к ночи будь сказано, чорт.

Бас засмеялся, громко-протяжно зевнул и сказал, обращаясь, вероятно, к соседу:

— Ну, товарищ, давай курнем, что ли, еще разок да и спать...

Немного погодя то место, откуда доносился бас, осветилось огнем зажженной спички, и я успел увидеть, пока она горела, бородатую огромную фигуру человека, похожего на медведя. Пока он закуривал, видно было, как на минуту осветилось его лицо с широким носом, с толстыми губами и скулами, точно у калмыка...

Он закурил и бросил спичку. Стало опять темно, тихо и жутко...

Я весь ушел в раздумье, чувствуя между тем, как все мое существо в эти мгновения достигает высочайшей степени страдания от все более и более мучившего голода... Со вчерашнего вечера я не ел ничего. Дома не было куска хлеба. Несколько бывших там картошек я оставил своим и ушел в дорогу с пустым желудком...

Вместе с чувством голода на меня находила какая-то особенная беспричинная на кого-то и за что-то злоба. Мне казалось, что кто-то виноват в том, что я голодаю, когда сыты другие...

Думая так, я услыхал вдруг, что рядом со мной по левую руку кто-то чавкает губами, ест... Я невольно повернулся в ту сторону... Невыразимо приятный запах хлебом коснулся моего обоняния... Весь я вздрогнул и жадно стал прислушиваться к этому чавканью, как к какой-то волшебной чарующей музыке. Я глотал подступавшие во рту слюни и весь проникся одним желанием: есть, есть, есть!..

— Попросить?—мелькнуло у меня в голове,—неловко... совестно... Как просить? Посмотреть надо, кто это ест...

Я чиркнул спичку. Рядом со мной на краю скамейки сидела, вся согнувшись, подавшись вперед старуха и, держа хлеб в левой руке, с трудом откусывала от ломтя мякиш и жевала, чмокая губами...

Это было невыносимо... Я не вытерпел, отодвинулся немного и чтобы как-нибудь, хотя бы на одну минутку заглушить голод, сделал папироску и закурил, стараясь пускать дым туда, где сидела старуха, чтобы перебить запах хлеба, доносившийся оттуда.

Старуха завозилась, зашамкала и сказала:

— Бросил бы ты дымить-то на меня... Прямо, вить, в глотку лезет... Задушил совсем проклятым табачищем... тьфу...

Она плюнула и, должно быть, отвернувшись, снова зачавкала.

Голодная злость все больше овладевала мной. В эти минуты я возненавидел старуху, как своего лютого врага.

— А ты вот жрешь сама,—грубо сказал я,—чавкаешь... мне тоже это неприятно, а, ведь, я ничего тебе не говорю, молчу.

— Я дар господний вкушаю, а не жру,—ответила она.

— Ну, у тебя есть этот дар, а у меня нету. У меня табак есть, я его вкушаю... а может я с голоду его вкушаю-то.

Она помолчала и потом, погодя, спросила:

— А ты чей сам-то?

Я молчал. Она, подождав и видя, что я молчу, опять потихоньку спросила:

— За хлебом, небось, едешь?

Я опять не ответил. Тогда вдруг я услыхал, что она шарит по стене рукой, перегнувшись, как это я понял, в мою сторону и нащупывает кого-то...

— Где ты здеся?—услыхал я ее шопот...

— А что?..

— Нако держи... Прими Христа ради...

Забытье, полусон овладели мною...

Не знаю, долго ли продолжалось такое состояние и сколько бы еще оно продолжилось, если бы не было нарушено совершенно неожиданно и грубо. Я услыхал, как входная с улицы дверь с визгом отворилась и потом, затворяясь сама собой, хлопнула, точно выстрелила, и как вслед за этим, топая сапогами по асфальтовому полу, вошли к нам трое солдат милиционеров с винтовками в руках. У одного из них был фонарь. Войдя, они остановились посреди комнаты и тот из них, у которого был фонарь, обвел этим фонарем вокруг, освещая все темные дальние углы и скамейки, где лежали и сидели люди. Потом один из них, молодой, курносый парнишка громко и властно, очевидно, сам прислушиваясь к своему начальническому тону, крикнул:

— Эй, товарищи, подымайся... Вставай!

Фигуры на скамейках и на полу зашевелились, а иные, очевидно, уже опытные и раньше „ученые“, сразу вскочили и испуганно уставились на это „начальство“... А эти последние, заметно напуская на себя сугубую строгость, начали производить обход, т.-е. не знаю уж зачем и по чьему распоряжению делали своего рода допрос: „Откуда? Чей? Куда едешь? Зачем?“

Им торопливо и робко давались ответы и было во всем этом что-то такое приниженное и гадкое, похожее на „доброе старое время“, что делалось стыдно...

Дошел черед и до меня.

— Ты чей? Откуда?..

Я сказал. Спросивший помолчал и потом громко крикнул, обращаясь в частности и ко мне и ко всем бывшим здесь:

— Уходите с вокзала... не полагается здесь ночевать... Уходите! Н-ну, поворачивайся!

Послышались протесты:

— Куда ж мы теперича на ночь-то глядя пойдем?.. Авось чай местов-то не просидим... Дозвольте, товарищи, будьте столь добры...

— Сказано: уходите!—еще громче крикнул один из милиционеров,— не приказано... Ну, без разговоров... Э, дядя, оглох, что ли?.. Уходи...

Я было подумал вступить с ними в разговор и доказать им всю нелепость этого „вон“, но только „подумал“, ибо знал, что это ни к чему не приведет, а только еще больше осложнит положение. Приходилось покориться... И вот все мы, сколько нас тут было, мужчины и женщины, пособрав свой „багаж“, озлобленные, похожие на собачонок с поджатыми хвостами, покорно направились к выходу и, толкая в проходе друг дружку, очутились за дверями, где стояла черная непроглядная тьма, которая сразу забрала нас в свою разинутую пасть и проглотила без остатка.

Во тьме бешено и озлобленно выл, свистал, гудел какой-то огромный, могучий невидимый зверь, искавший себе куда-то выхода, но, не находя его, бесновался, кидаясь во все стороны и набрасываясь на все и на всех.

Наши ругательства, стоны, жалобные бабьи возгласы и проклятья присоединились к бешеному вою этого зверя и потонули в нем жалкие и беспомощные.

— Что же теперь делать?—мысленно воскликнул я.

От станции до первой деревнюшки было версты полторы, как я знал. Расстояние пустое, если не принимать во внимание той тьмы и анафемской погоды, которые грозили превратить эти полторы версты в бесконечное и, весьма возможно, непроходимое расстояние.

Но раздумывать долго не приходилось. Надо было решаться или итти искать, пока еще не поздно, ночлега в деревнюшку, или же „подыхать“ здесь около дверей пустого, никому не нужного вокзала, дожидаясь „света“.

Я решился на первое и двинулся в путь, осторожно передвигая ноги, протягивая вперед руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь.

Так с большим трудом, злой, голодный, с мокрыми ногами, проклиная всех и все, добрался я, наконец, до деревни и, не имея в ней ни одного знакомого, направился к одиноко мерцавшему из окна огоньку где-то, по всему вероятию, на краю деревни и начал стучаться в переплет рамы.

— Ну, какого дьявола надать?—раздался вдруг совершенно неожиданно около меня в темноте голос.—Чего стучить-то..? Ишь вас носит... и ночи-то на вас нету...

— Товарищ,—взмолился я,—пусти. . С вокзала пригнали, ночевать негде... пусти...

— Гы,—крякнул голос и продолжал, передразнивая меня,— „тов-а-рищ"... Какой я тебе „то-о-варищ"?... Много вас, товарищей, теперича развелось, до Москвы не перевешаешь...

И, помолчав немного, спросил:

— Кто ты, аткеда?

Я торопливо, радуясь тому, что хоть говорит-то он со мной, объяснил ему „аткеда".

— А вид есть у тебя?—задал он вопрос.

К несчастью, у меня был только мой партийный билет, который я никоим образом не желал бы ему показывать, зная по опыту, как подобного рода „товарищи" относятся к нашему брату.

— Есть,—ответил я.

— Ну, ладно!—согласился он.—Я пущаю за деньги... Ты один нешто?

— Один пока... Но, может быть, еще подойдут. Выгнали с вокзала не одного меня.

— Так вам и надыть...

— То-есть как же так и надоть...

— Слободы захотели, сукины дети,—вот вам и слобода по шее... Гы, гы, гы!

Он заржал, рассмеялся и, кончив, резко, точно отрубил, сказал:

— Триста.

Я не понял.

— Триста целковых за ночлег!

— Ладно,—согласился я.

— Ну, иди... Эва, иди сюды за мной на голос... Идешь, что ли?

— Иду... Иду...

Изба была жарко натоплена и загромождена всевозможной рухлядью. Сравнительно свободно было только в переднем углу, где, как водится, стоял стол, а над ним на стене в каком-то китайском домике-киотке висели „бога" в ризах и без оных... Перед „богами" теплилась лампадка в виде голубя с распростертыми крыльями, привешенная с потолка на цепочке. На столе стояла небольшая без стекла лампочка, и копоть от нее тоненькой струйкой, колеблющейся от каждого движения поднималась к потолку.

В избе, кроме мужика, который привел меня, никого не было.

— Один живешь?—спросил я, оглянувшись.

— Какой один... разя можно одному?.. Жана у меня. Дочь—девка... Сын на службе в Красной армии.

— Где же они сейчас-то?

— На мельницу уехали... жду вот... должны сейчас быть...

— Как ехать-то по такой дороге?.. Да и темно...

— Наплевать, доедут... недалеча здесь, дорога знакомая... зажмурясь доедут... А у тебя где же, гляжу я, поклажа-то?.. Ни сумки, ничего нету... Куды едешь-то?

— В Москву.

— Зачем? не спуская с меня пытливого подозрительного взора, спросил он.

— По делу.

— Купить, небось, чего-нибудь.

— Соли купить,—чтобы отвязаться, соврал я.

Он помолчал, не переставая все так же пытливо разглядывать меня, и потом сказал:

— Я сам на-днях ездил за ней... Да езда-то ноне стала— не приведи бог... скаялся... проклял сам себя... Довели до чего, а?

— Да, действительно,—в тон ему ответил я и сейчас же поторопился спросить, чтобы отвлечь его от пугавшего меня с его стороны вопроса относительно моего „вида“.—Ну, а ты как живешь?

— Хы!—усмехнулся он.—Как живу... бедствую живу... голодаю... жрать нечего, ей-богу...

Я смотрел на его толстое с широким носом лицо, на маленькие хитрые „свиные“ глазки, на всю его здоровую крянистую фигуру и мне было противно и досадно, ибо он врал мне, как это сразу было заметно, неизвестно зачем и почему.

Да и помимо его самого, все находившиеся в избе предметы, начиная с одежды, зря раскиданной там и сям, и кончая хорошими висевшими на стенке часами в дорогом резном футляре, показывали, что он не из голодных.

— Какая теперича жизнь,—опять начал он, закурив от лампочки папироску,—Сибирь, а не жизнь... Все разграбили... ничего нету... Жмут нашего брата, православных, как ужа вилами, а ничего за это не дают... Все только им дай... Туды—дай! Сюды—дай. Тьфу. Наказание господне, ей-богу! Долго ль так продолжится то, а?..

Я молчал: все эти речи были знакомы. Меня заинтересовало другое: коврига хлеба, лежавшая на столе. Чувство голода проснулось при взгляде на нее с новой силою.

— А хлеб-то у тебя есть?—спросил я.

— Мало... остальное доедим... Отобрали все, ей-богу. Будь они прокляты...

— Кто они-то?—не утерпев, спросил я.

— Кто—известно кто... диви не знает... товарищи... Коммуния-то эта...

— Ну, а скотина-то у тебя как... есть?..

— Есть,—нехотя промямлил он..

— Много ли?

— Да как сказать?.. Без скотин нельзя, сам знаешь. Наше крестьянское дело такое... две коровы имею... лошадь... овцы... поросенок был, да к Покрову зарезал, поторопился... кормить нечем... Самому жрать нечего... Какая уж жизнь теперь?.. горе...

— А прежде богаче жили?

Не желая, очевидно, отвечать на этот вопрос, он сказал:

— Устал, небось... Ты бы лег... Эва, можно здесь вот на полу... спи... а я подожду... сейчас, небось, подъедут... Есть-то будешь?.. Поужинал бы... Хлеб-то у тебя где...

— Нету у меня хлеба,—ответил я, покосившись на лежавшую на столе ковригу.

— Ну, так ложись, коли нету... Я тебе, коли хошь, соломки брошу... Погоди, принесу... Уснешь, я разбужу, когда иттить к поезду... У меня, почитай, каждую ночь ночуют все вот, неплошь тебя, со станции.. Ноне вот только ты один пришел, а то набьются, когда человек пять-шесть... клась бывает негде.

— Не плохо тебе это,—сказал я.

— Надо как-нибудь жить... Нельзя без этого. Питаться чем-нибудь надо... Ну, посиди, покури, а я схожу принесу сноп...

Он вышел. Я остался один... На стене монотонно однообразно тикали часы ра-аз-два, ра-аз-два.

Я сидел и не мог оторвать глаз от хлеба. Хозяин замешкался и не шел. В избе было тихо и жарко. Я смотрел, и вот откуда-то на столе появились рыжие усатые тараканы, которые, учуя хлеб, побежали к нему и облепили его отрезанную мягкую сторону.

— Почему же я не могу этого же сделать? — пронеслось в моей голове, — почему?..

Пришел хозяин, принес сноп, уже бывший раньше в употреблении, бросил его на пол и сказал:

— Стели... ложись...

— Ты бы мне хлебца продал, — не утерпев, сказал я.

Он нахмурился и сразу переменил тон.

— Нельзя... и рад бы да не могу... Самим жрать нечего. Нету...

— Да как нету, а это что на столе-то лежит... тараканы вон гложат, а мне нету.

— Мало что лежит... говорю, самим надать... Ах вы, окаянная сила, — набросился он на тараканов, смахивая их со стола. — Вот тоже... нам самим есть нечего, голодаем, а тут еще вас, чертей, корми...

— Да ведь не даром, — опять начал я, — заплачу, что стоит.

— А на что они мне твои бумажки-то? Бумажка она бумажка и есть стенки клеить... Вон кабы вещу какую у тебя взять, — была бы взял бы, променял... Хы! — ехидно усмехнулся он, — товарообмен устроил бы... да ведь у тебя, гляну я, как у турецкого святого нет ничего.

— А ну, как, — подумал я, вспомнив, что на мне надето две рубашки. Одна на тело тонкая ситцевая, а другая, сверх ее, старая теплая вязанка, — дай-ко попробую предложить, что мне скажет на это „православный крестьянин".

— Ну, давай вот на рубашку на эту, — показал я ему на какую, идет, что ли?

— А сам-то ты как же... Голышем будешь? — спросил он.

— У меня есть другая... Да тебе-то, небось, все равно...

— Знамо мне все едино... я не про то... Как бы в ответе не быть... кто тебя знает.

— О своей, значит, шкуре радеешь...

— А то как же... наше время такое: я тебя — ты меня... На том стоим... теперича вот эдакого мальчонку и того не проведешь, не токмо что... Обнагнел народ... Бога забыл... Ничего святого нету... все свердили...

— Ну, это все так, — перебил я его, — а ты о деле-то... сколько дашь за рубашку?

— Не знаю уж как... посмотреть надать, ну, кажи! — Он пододвинулся ко мне и пощупал пальцами рубашку. — Старая... Ползет вся... Ну, да уж ладно ,отрежу ломоток, кушай на здоровье... Ко мне, — продолжал он, двигаясь по скамейке к столу за хлебом, — заходят вот не плоше тебя то-и-дело рабочие с фабрики... Фабрика-то без делов стоит, ну, они как собаки голодные и рыщут везде, где бы взять... Товар предлагают... То, се... Всякую рванину... Возьми только, батюшка, сделай милость... Надоели индо, сволочи.

— За что же это ты так их называешь?

— Лодыри окаянные. В те поры, как им жилось хорошо, до революции-то этой, они нас тоже драли как ни попало, не миловали... Бывало, привезешь картошки какой, али молока к ним на фабрику, дык они норовят, бывало, задаром взять... Не глядят на тебя, бывало,— а теперича, брат, погодишь... Ты приди ко мне, покланяйся... Отошло ваше время...

В его словах слышалась нескрываемая злоба и еще раз эта злоба показала мне, хорошо уже ее, впрочем, знавшему, что ту пропасть, какая лежит между рабочими и эдакими, вот, „православными“ землеробами, не скоро зароешь...

— А не совестно эдак-то делать?—как-то невольно сорвалось у меня.

— Совестно?—передразнил от меня.—Га, сказал тоже... Да нешто нонче совесть-то есть у кого? С совестью-то нонче подохнешь с голоду... Совестно, дык закройся... Хы, хы, хы. Нас обирают, не совестятся...

— Кто обирает вас?

— Знамо кто... коммуния-то эта... Да погоди, доберемся мы до нее... повыколим глаза-то... У-у-у, окаянная сила, чтоб вас...

Я глядел на него и мне было неловко. Странное чувство заползало в душу и было понятно и видно, что он, этот „гражданин“, при первом же удобном случае, ничтоже сумняшеся, начнет „выкалывать“ глаза.

— Значит, кончено,—сказал я,—снимать рубашку?

Он усмехнулся и не без иронии произнес:

— Сымай...

Я было хотел уже приступить к этому делу да не успел, потому что как раз в это время возвратились с мельницы его жена и дочь, громко застучавшие там где-то с улицы в двери...

— Приехали!—воскликнул мужик, срываясь с места,—обожди, ужо сделаем... кстати, жена посмотрит... может, еще и не даст... кто ее знает... на нее тоже как найдет...

Он побежал отворять и через довольно продолжительное время возвратился обратно, волоча за спиной мешок с мукой. За ним вошла жена его, тоже несущая в руках муку же, но немного, примерно эдак около пуда, а за женой дочь молодая, курносая, с развязными манерами, лет 17 девица.

Хозяин, кряхтя, бережно спустил мешок на пол к печке и, запыхавшись, спросил:

— Что долго?..

Жена его среднего роста, худощавая с тонкими губами бабенка, не сразу ответила. Сначала она разделась, сняла с себя верхнюю запыленную кацавейку, потом, сложив пальцы щепотью, дунула на них и, помолившись в передний угол на „богов“, сказала:

— Дожидались долго, пакеда энти черти-то, мастеровые-то, со своими пудами отмелют... их вперед пущали, а мы жди... Опять по четыре фунта взяли, сволочи...

— Чтоб им подавиться, окаянным,—в тон ей крикнул хозяин.— Грабители...

— А это кто у тебя?—кивнув в мою сторону, спросила бабенка.

— Ночевать пришел с поезда,—ответил мужик.

— Деньги-то с него взял?

— Нет еще.

— Чего ж ты... ночует да уйдет—ищи его!.. Много их таких... верь им...

— Хлеба вот просит дать ему за рубашку... Не жрамши, ишь...

— За какую, за рубашку?—встрепенувшись, спросила бабенка.
— Да вон на нем вязаная-то...
Бабенка окинула меня глазами и равнодушно презрительно сказала:
— На кой она нам, дерьма-то... Небось вшей в ней прогребу нет... Не надать. Найдем завси, когда надать... Какой у нас хлеб?.. Самим нужен... сами голодающие.
Она помолчала, потянулась, зевнула и сказала:
— Жрать охота... давай ужинать... Малашка,—обратилась она к дочери,—собирай на стол... А ты,—кивнула она мне,—ложись... Эва вон к скамейке-то... Стели солому—ложись... Деньги давай... За сколько ты его пустил,—обратилась она к мужу.
— Триста.
— Дешево... Дороже надать брать...
— Ходить не будут...
— Наплевать—всего и дела... Невидаль, подумаешь, бумажки-то эти... дерьма-то... Малашка,—снова крикнула она дочери,—собирай...
Мне оставалось или плюнуть и уйти, или же покориться...
— Уйти? Нельзя... некуда... Терпеть и слушать всю эту возмутительную подлость тоже не сладко...
Чувствуя, как к горлу подступает что-то мучительно горькое, я нагнулся, поднял сноп, сорвал свясло и, раскидав по полу солому дорожкой так, как лечь,—лег, отвернувшись лицом к стене и подложив под щеку шапку.
А они в это время сели за стол, сначала помолившись на своих богов.
Я лежал злой, голодный и слушал, как они начали стучать ложками. Ели они ужасно медленно, чмокая и сопя. Для меня эта процедура была своего рода пыткой. Сначала я услыхал острый и протяжный запах мясных щей и почувствовал, как мой рот наполняется слюною.
Разговор их еще больше усиливал пытку.
— Гурей своей девке полсапожки купил,—чавкая, сказала бабенка.
— За много ль?
— Да ишь, правда ли, нет ли, недорого дал... за восемьдесят всего за пять тысяч.
— Плохи небось... За эту цену хороших не найдешь!
— Не знаю... Знамо, чай, неважны.
Помолчали и бабенка начала снова:
— Давеча на мельнице Лукьяновский Степан пристал ко мне: „продай корову". Сказали ему ишь, что мы будто корову продаем... Два миллиона давал...
Опять помолчали.
— Таскай-те свинину то,—снова начала бабенка, и я услыхал легкий стук ложкой по краю чашки, обозначавший, что они приступали к еде накрошенного во щах мяса, когда эти последние были уже „выхлебаны"...
— Кашу-то как будете есть?—спросила бабенка, когда со щами и с мясом дело было покончено.—С молоком, аль как?..
— Давай хыть с молоком,—промычал хозяин,—по мне все едино... Да я, признаться, не особо и есть-то хочу... аппетиту второй день настоящего нету...
— Какой тут аппетит от эдакой жизни,—вступилась женщина,—кусок в рот не идет... Довели до чего, голоштанные черти... жрать стало нечего... За что ни схватись—ничего нету... не живем, а скулим. Зався голодные...

Это было уже слишком. Я не выдержал, обернулся к ним и крикнул:

— Какого вам еще чорта не достает... чего вам надо? Какой у вас голод?..

Все они от неожиданности с разинутыми ртами уставились на меня, а я чувствовал, как клубок злобы подкатывался к моему горлу и душил его. Являлось желание схватить со стола ихнюю чашку с молоком и кашей, кинуть им в хари, перебить все, переломать и уйти...

Первая сбросила с себя удивление жена хозяина. Она сразу, как я понял, учуяла, что я есть не тот, за кого они меня принимали, и что стою я не на ихней стороне...

— Да мы, батюшка, нешто хаем кого, — совершенно другим тоном заговорила бабенка. — Мы, слава тебе господи, живем от трудов своих... много довольны... Садись, родной, с нами поужинай чем господь благословил... Вставай-ко, вставай... садись... Ты что же, стало-быть, тоже из энтих... исполкомщик какой, а?..

Мне было невыносимо грустно... Я молчал, подавленный собственно не ихней этой хамской подлостью, а той ужасающей тьмой, в которой жили и живут эти люди и которая довела их до того, что они есть...

— А сколько их, — с ужасом думалось мне, — сколько их!..

Ночевать я не остался, несмотря на ихние упрашивания. Мне казалось, что если останусь, то сделаю что-нибудь такое, в чем после буду раскаиваться...

Когда от них вышел, напутствуемый светившим мне хозяином, посылавшим в догонку „всего хорошего“, то на улице стало как будто бы немного потише. Я поплелся, не разбирая дороги... Где-то перелез через канаву... Сбился с дороги и, путаясь в совершеннейшей тьме, наткнулся здесь на омет соломы, зарылся в нее и проспал до утра...

С. Подъячев.

Современная частушка [1]).

(Литература есть отражение жизни. Народные песенки-частушки есть одно из лучших и самых полных отражений жизни народа. Ни одно событие не пройдет без того, чтобы народ не запечатлел его ярко в своих коротеньких, большею частью в четыре строчки частушках.) Появился аэроплан, — складывается частушка юмористического характера:

Мой милашенька-миленок
На машине летать тонок.
Как пчела она жужжит —
Милый на-земи лежит.

События последних лет — война и революция, — разумеется, тоже породили множество песенок-частушек. И задача настоящей статьи — указать, под каким углом зрения смотрит народ на развернувшиеся события в этих частушках.

I. Царская война.

Частушки о войне, сложенные парнями, почти всегда проникнуты безнадежной удалью, но порой в них пробивается сквозь грусть горькая улыбка, едкая шутка.

Что ты, белый царь, наделал, —
Безо время войну сделал.
Безо время, без поры
Нас на бойню повели.
Что наделал Миколаша!
Погибат Расея наша.

Ох, не хочется к Романову
В работнички итти:
У Романова работников
Сажают на штыки.

---

[1]) Помещаемые здесь частушки собраны в период 1917—1919 г.г. в Кинешемском, Середском, Тейковском и Шуйском уездах Ив. Вознесенской губернии, а также в Ковровском и Суздальском уездах Владимирской губернии. В собирании участвовали: И. Жижин, А. Панкратов, С. Селянин, Д. Семеновский, А. Тимонин.

Не горюйте, новобранцы,—
Все одно убьют германцы.

Прощай, братья! Прощай, сестры!
У германцев штыки востры.
Нас угонят на Карпаты
И зароют без лопаты.

По временам частушка становится бодрой и бесшабашной:

Не горюйте, гармонисты,—
Скоро кончится война.
Франц-Иосиф миру просит,
А Вильгельм сошел с ума.

Дайте ножик, дайте вострый,
Дайте ворона коня:
Я снесу Вильгельму голову—
Окончится война.

Миколаю—ножик в глотку,—
Он закрыл народу водку,
Миколаю—в пузо ножик,—
Безо время нас тревожит.

И Николай, и Вильгельм являются объектами одинаковой ненависти творца частушек—народа.

В иных частушках слышится беззлобная, хотя и грубоватая, насмешка над „немцем“ и Германией.

Хорошо нашим солдатам
На кобылах воевать:
Как кобыла хвост подымет—
Всю Германию видать.

У Вильгельма нос шершавый,—
Отморозил под Варшавой.
У Вильгельма нос большой,—
Отморозил под Москвой.

Жалостны песни девушек, изнывающих в разлуке с милыми сердцу женихами:

Царь ты белый, что ты сделал—
Мово милого забрил,
Родну матушку прогневал,
Меня, бедну, прослезил.

Все мальчишки гулять вышли,
А мой милый в Перемышле.
На руках сияют кольцы,
Мил уехал в добровольцы.

Кабы мне бы, кабы мне бы
Дали ероппланию,—
Я слетала бы к милому
В самую Ерманию.

Каких только ужасов не примерещится в долгие дни, в бессонные ночи покинутым невестам:

Мой миленок помирает,
В лазаретике лежит,
Головы не поднимает
И в окошко не глядит.
Мой-от миленькой убитый
На Карпатскиех горах.
Шинель серая с винтовкой
Положены в головах.
Что-то бело пролетело,
На мое окошко село, —
Белая касаточка,
Стану я солдаточка.

Но порой даже голубиные девичьи души загораются гневом:

Найди, туча, найди, гром,
Разрази казенный дом!
В том дому убей того,
Кто отнял друга мово!

II. Февральская революция.

Поистине замечательна по силе своей художественной изобразительности частушка, в которой дается оценка февральских дней:

Так не светит в перстенечке
Самоцветный камешок,
Как среди столетий светит
Наш семнадцатый годок.

Революция, это—буря, полуночный северный ветер, раскрывший крестьянской массе глаза на все язвы старого строя:

Веет ветер с полуночи,
Веет ветер с севера,
А под ветер этот очи
Русь раскрыла серая.

Революционное восстание краше зорьки:

То не зорька встает красна
И не солнышко то светит —
То встает народ согласно
И в начальство ловко метит.

Что такое прошлое? Это тяжелая горевая жизнь с урядником, с царем, с Распутиным, о котором частушка говорит:

На Распутине рубашка,
Вышивала ее Сашка.
На Распутине порточки,
Вышивали царски дочки.

Эта жизнь ушла и больше не вернется.

III. Октябрьская революция.

Октябрьская революция и послеоктябрьские дни тоже нашли в частушках отражение.

Вот сравнение марта и октября:

Словно свечка ярко светит:
Знаменитый наш март месяц.
Светит солнышко светлее —
Наш октябрик веселее.

Как видно, предпочтение дается октябрю.

Революция смела весь старый хлам и утвердила власть Советов:

Все-то стало ново, ново:
В волости нет станового,
Пристава, урядника,
Мошенника-проказника.
Свергнули полицию,
Поставили милицию.
В волостях везде Советы,
А в деревнях комитеты.

IV. Кулацкая деревня.

После октября в деревне идет усиленное расслоение. Беднота отделяется от кулацких элементов. В одних частушках отразилось настроение кулацкой деревни, в других—деревенской голытьбы.

В одних частушках громятся комитеты:

Комитеты, комитеты,
Комитеты бедные,
Не от вас ли, комитеты,
Стали люди бледные?
Комитеты, комитеты,
Комитеты бедноты,
Не от вас ли, комитеты,
Стало много нищеты?

В других высмеиваются Советы:

Ох, Советы, ох, Советы;
Вы мои Советики,
Уж куда-то ни пойдешь
Требуют билетики.

Кулацким элементам ненавистно все новое: большевики, советские деньги, декреты, народные комиссары.

Мой миленок с черным усом
Жарит с фронта напрямик.
Раньше был он просто трусом,
А теперя— большевик.
Ах, береза, ты береза,
Сорок сажен поперек.
Как советские кредитки
Никто даром не берет.

Особенно же достается Ленину и Троцкому:

Сидит Ленин на березе,
Держит серп и молоток,
А товарищ его Троцкий
Высекает огонек.
—Ленин с Троцким дай огня,—
Не курил четыре дня.
Ленин Троцкому сказал:
—Пойдем, товарищ, на базар,
Купим лошадь карюю,
Накормим пролетарию.

Кулацкая деревня жадна. Она жалуется:

Ты к чему, Федеративная
Республика пришла,—
У крестьянина последние
Пожитки обрала?
Дядя Федор хлеб свой прячет,
Чтоб не обрал большевик:
- Ты смотри, жена Матрена,
Ведь излишек-то велик.

Кулацкая частушка сожалеет о временах Николая:

При царе при Николашке
Ели белы колобашки,
А пришел новый режим—
Протяня ноги лежим.
При царе при Николашке
Ели белые алашки,
А теперь—большевики,
Нет ни хлеба, ни муки.

Царская деревня поет:

Моего дружка убили
В Ярославскием бою.
За идею монархизма
Сложил голову свою.

Она прямо говорит об „идее монархизма". Ей нужен царь, хотя бы этим царем стал тот самый Троцкий, которого она только что высмеивала.

Девки, хлопайте в ладоши:
Троцкий коронуется,
Красну армию распустят,
Все горе минуется.

V. Трудовая деревня.

Советская деревня призывает в Красную армию. В несчастиях она призывает к твердости:

Большевик я, большевик,
Удала головушка.

Хоть несчастия терплю,
Но пою соловушка!
Не ругайте, девки ясны,
Пойду в армию я красну
Там свободу добывать
И проклятых добивать.
Ты не плачь, чужая тетка,
Не грусти, родная мать:
Разобью белогвардейцев
И приду домой опять.
Я, удалый, запишуся
В продовольственный отряд
И поеду для рабочих
Хлеба-пищи добывать.

В деревню пришло новое. Это новое даже в жизнь сельской попадьи внесло перемены:

Вышли новые права,
Новые законы.
Молодая попадья
Продала иконы.

Вся деревенская голытьба поднялась на кулаков и буржуев:

Без царя, без государя
На свободе мы живем.
Всех буржуев переколем,
Всех буржуев перебьем.

Возьму камень я тяжелый
И в кармашек положу.
В окно дома кулакова
Камнем этим я всажу.

Я срубил зелену елку,
На колышек обтесал,
Кулака свово Николку
Из винтовки расстрелял.

Ты, Маланья, сядь-ка рядом,
По душам поговорим:
Твой отец кулак богатый,
Мы давай его скрушим.

Надо резать, перерезать
Толстопузыех попов.
Они ходят по приходу,
Обирают бедняков.

Красны флаги веют, веют,
На них ткани не жалеют.

VI. Женский вопрос.

Революция выдвинула вопрос и о женском равноправии. „Ясны девки“ очень точно отвечают, почему они надели „красные платки“. Они уже приобщились к революции:

—Девки, девки ясные,
Зачем платочки красные?
—Потому платки надели,
Что свободы захотели.

Эх, пришла земля и воля,
Революция пришла
И в тяжелой нашей доле
Ослабленье нам дала!

Оказывается, что „девки“ пошли дальше. Вместе со своими „милыми“ они начинают целую войну в той области, которая еще недавно казалась совсем нерушимой:

Ты, Маланья, демократка:
Целоваться с тобой сладко.
Не дрожи, кленовый лист,
И не пой, соловушка:
Мой миленок—коммунист,
Умная головушка.
— Не пойдем во храм венчаться
С милым ласковым дружком,
А поедем к комиссару—
Там запишемся вдвоем.
— Коммунист ты, коммунист,
Рубашка сатинова,
Чрез тебя я, коммунист,
Дом родной покинула.
— Коммунист ты, коммунист,
Рубашка атласна,
За тебя я, коммунист,
Помереть согласна.
— Милый, милый, милый мой,
Ты возьми меня с собой.
Ты служить будешь с винтовкой,
Я служить буду сестрой.

VII. Дезертиры.

Началась война трудящихся с врагами Советской власти. Появились дезертиры. Как же относится к ним деревня?

Кулацкая частушка благословляет дезертирство:

К нам приехал комиссар,
Два красноармейца.
Все одно мы не пойдем,
На нас не надейся.
Дезертиры, в ряды стройся,
Красной армии не бойся.
Заряжайте пистолеты,
Разбивать пойдем Советы.
Не советую, ребята,
Дезертиров обижать,
Их, несчастных, паечков
В потребиловке лишать.
В поле розовы цветочки,

А я думала—пожар.
Ну, кому какое дело,
Что мил с фронта прибежал?
Красна армия приедет
Дезертиров к нам ловить,—
Дезертиров мы не пустим,
Молоком будем поить.

Не таково отношение к дезертирам сознательных элементов деревни:

Коммунисты, приезжайте
Дезертиров к нам ловить,
Чтоб они к нам не ходили
Во стада коров доить.

У сознательной деревни дезертиры вызывают лишь презрение и насмешку:

Птицы крылышки обили,
Все летавши по лесам.
Дезертиры все сглумилися
Не спавши по ночам.
Дезертиры, дезертиры,
Что вы здесь гуляете?
Красна армия уж в роще,—
Али вы не знаете?
Погуляйте, дезертиры,
Погуляйте, молодцы,
Красна армия приедет —
Отвечать будут отцы.

Подчас и сам дезертир сознает, насколько он жалок, насколько достоин осмеяния:

Дезертир я, дезертир,
Гражданин свободный,
Хоть в лесу я ночь живу,
Но сижу голодный.

VIII. Партии и направления.

С приходом революции разгорелась борьба партий. Появились и в деревне свои эс-эры, свои анархисты, свои большевики. Все это отразила частушка—маленькое зеркало русской жизни.

Вот частушка об эс-эрах:

Уж мы серы, серы, серы,
Научите нас, эс-эры.

А вот об анархистах:

Анархисты, приезжайте
Проповедывать сюда,
Чтоб ребята не ходили
Воевать здесь никогда.

Мой миленок—дезертир,
А я—анархистка.
Приказала я ему
В лесу хорониться.

Много звездочек на небе—
Одноё светлее нет.
Много партий есть на свете—
Анархистов лучше нет.

Любопытно, что анархисты нравятся потому, что они оправдывают дезертирство. Собственник вскрывает как нельзя лучше идейную сущность анархизма.

К коммунистам отношение двоякое. Кулацкая деревня поет:

Коммунисты дураки,
Все вы—чужеумы.
Вам придется в лапоть сесть
После нашей Думы.

Зато середняк и бедняк видят в коммунизме зарю новой прекрасной жизни:

То не зоренька встает—
Коммунизм к нам идет.
Коммунизм к нам идет—
Пляшет с радости народ.
Лучше зорьки, краше солнца
Жизнь хорошая идет.

И даже дочка кулака полюбила коммуниста:

Я любила коммуниста,—
Не попала за него.
Капиталы все забрали
У родителя мово.

Д. Семеновский.

Ив.-Вознесенск.

Из поэмы „От будней к празднику".

I.

Новому гению.

Тебе,
Планетарный Гений,
Сжигающий дебри людских заблуждений,
Зовущий к разумной борьбе—
Свой жаркий, восторженный бред
Приносит поэт.

Не ты ль открываешь хрустальные двери
Немеркнущих дней
И к правде из топких болот суеверий
Ведешь пробужденные толпы людей?
Свеваешь былое, как пыль,
Не ты ль?

И остров свободы воздвигнут тобою
В глухом океане тоски бытия.
Ты тишь просекаешь призыва стрелою.
Огни откровений внезапных струя,
Взвиваешься ввысь,
Где косы лучей расплелись!

Не ты ли сверкающей пламенно воле
Владычицу слабых—судьбу подчинил,
Измерил миров запредельных раздолье
И знойные глуби космических сил?
Над зыбким туманом догадок, тревог
Ты знания знамя зажег!

Тебе,
Планетарный Гений,
Во мраке скорбей
Ломающий стены, замки и ступени,
Зовущий к единству людей,
Тебе—кто готовит бессмертие всем—
Созвездие алых поэм!

II.

Песнь разрушения.

И рухнул мрак,
И сорвались
С полей небес
Курганы туч.
Победы знак—
Прорезал высь,
Спрыгнул на лес
Нежданный луч.

Разрыв-травой
Упал в туман—
И нет следа
Былых сетей.
Слился с грозой,
Весенне-пьян.
Ведет стада
Внезапных дней.

Обнажены:
Простор полей,
Котлы озер,
Хребты лесов.
В лесах видны
Извивы змей,
Ущелья нор
И гнезда сов.

В полях—разлив
Дурманных трав.
И кровь, и пот
По ним текут!
Трава-разрыв,
На них упав,
Узоры рвет
Кровавых пут.

Горбы лежат
Жилищ людских—
Разбитых стен,
Их крыш, дверей.
Твой жалок взгляд,
Веков былых
Чугунный плен,
Позор ночей!

III.

Творите неустанно.

Творите неустанно,
Восторженно творите,
Чтоб серого тумана
К вам не вернулись нити,

Чтобы трудом могучим
Всем обеспечить праздник,
Кто в темноте зыбучей
Стонал в тисках боязни!

Кипи, звени, движенье
Неодолимой силы,
Горячего стремленья
Восторг тысячекрылый!

Лети, наш юный гений,
В преображенной шири!
Ты смыл волной весенней
Бессилья злые гири.

Лучитесь в воздух, стрелы
Неугасимых взоров!
Желанного предела
Достигнут люди скоро.

Страшитесь перерыва
В работе многогранной:
Растает ваша нива
Несбыточным обманом.

Творите вдохновенно!
Не опускайтесь, руки!
Цветите неизменно,
Струясь, порыва звуки!

Все ближе праздник новый
В просторах небывалых.
Сливайте с делом слово
И трепет песни алой.

Грядущий отдых мира
Пусть грозы не спугнут.
У врат иного пира
Пируй, вселенский труд!

Николай Колоколов.

Отдел политико-экономический.

О продовольственном налоге [1]).

(Значение новой политики и ее условия.)

Вместо введения.

Вопрос о продналоге вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров. Вполне понятно, ибо это действительно один из главных вопросов политики при данных условиях.

Обсуждение носит характер немного сутолочный. Этим грехом, по причинам слишком понятным, страдаем мы все. Тем более полезной будет попытка подойти к этому вопросу не с его „злободневной“, а с его общепринципиальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня.

Чтобы сделать такую попытку, я позволю себе привести длинную выписку из моей брошюры: „Главная задача наших дней.—О „левом“ ребячестве и о мелко-буржуазности“. Эта брошюра вышла в издании Петроградского Совдепа в 1918 г. и содержит в себе, во-1-х, газетную статью от 11 марта 1918 года по поводу Брестского мира, во-2-х, полемику с тогдашней группой левых коммунистов, помеченную 5 мая 1918 г. Полемика теперь не нужна, и я ее выкидываю. Оставляю то, что относится к рассуждениям о „государственном капитализме“ и об основных элементах нашей современной, переходной от капитализма к социализму, экономики.

Вот что я писал тогда:

О современной экономике России.

(Из брошюры 1918 года.)

...„Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

---

[1]) От редакции. Статья тов. Ленина была предварительно издана редакцией журнала в виде отдельной брошюры.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется кое-кто от этих слов... Как? В советской социалистической республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед?.. Это ли не измена социализму?

Именно на этом пункте надо подробнее остановиться.

Во-первых, надо разобрать, каков именно тот переход от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов.

Во-вторых, надо обнаружить ошибку тех, кто не видит мелко-буржуазных экономических условий и мелко-буржуазной стихии, как главного врага социализма, у нас.

В-третьих, надо хорошенько понять значение советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение „Социалистическая Советская Республика" означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся на-лицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелко-буржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев—мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты, и главным предметом спекуляции является хлеб.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий вроде „государственный капитализм"? Между четвертой и пятой ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это—совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень

целого ряда экономических ошибок. Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии,— вот наш главный „внутренний“ враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих „избранных“ и громами деклараций, то теперь чисто-французское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эс-эров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелко-собственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частно-хозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелко-буржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелко-буржуазными предрассудками.

Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных „правдами“ и, особенно, неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный как основа спекуляции и частно-хозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от „государства“, ни в какой социализм и коммунизм не веря, „отсиживаясь“ от пролетарской бури. Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если сорганизуем бедноту, т.-е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос.

Мелкий буржуа, хранящий тысчонки,—враг государственного капитализма, и эти тысчонки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тысчонок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрою 1.000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелко-собственнического „обхода“ советских декретов и советских распорядков. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту „дань“, скажем, до ста или до пятидесяти будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелко-собственнический срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен.

Этим простым цифровым примером, который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения,—поясняется соотношение теперешнего положения государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность „взять“ всю тысячу, т.-е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма. Но многими путями мелко-собственническая и частно-капиталистическая стихия подрывает юридическое положение, протаскивает

спекуляцию, срывает выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, даже если бы (и я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это) мы заплатили больше, чем теперь, ибо заплатить „за науку" стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелко-собственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстоять государственный порядок против мелко-собственнической анархичности, научившийся тому, как наладить крупную общегосударственную организацию производства на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда,—извините за выражение,—все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это—во-первых.

Во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты.

* * *

Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем „последнее слово" современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерско-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского тоже, государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.-е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм.

Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые даже этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эс-эров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немыслим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала „цельный" социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга точно два будущих цыпленка, под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма—с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями,—ко-

нечно, если масштаб „трудного“ брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Если в Германии революция еще медлит „разродиться“, наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эс-эров (я нечаянно вспомнил речи Карелина и Ге в Ц. И. К.), которые способны по-карелински рассуждать, что, де, не пристало нам, революционерам, „учиться“ у немецкого империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелко-буржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую „общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов“. Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением „капитализма“ „социализму“ и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас.

В скобках будь сказано: это та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря „Новой Жизни“ и „Вперед“: худшие и средние из них, по тупости и бесхарактерности, плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно „долгие муки родов“ нового общества, при чем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя итти вперед, не проходя через то, что обще и государственному капитализму, и социализму (всенародный учет и контроль), пугать других и самих себя „эволюцией в сторону государственного капитализма“ есть сплошная теоретическая нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью „в сторону“ от действительной дороги „эволюции“, не понимать этой дороги; на практике же это равносильно тому, чтобы тянуть назад к мелко-собственническому капитализму.

Дабы читатель убедился, что „высокая“ оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и до взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“, написанной в сентябре 1917 г.:

...„Попробуйте подставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, т.-е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм. Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

...„Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

...„Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая

материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет" (стр. 27 и 28).

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь не о диктатуре пролетариата, не о социалистическом государстве, а о „революционно-демократическом". Неужели не ясно, что чем выше мы поднялись над этой политической ступенькой, чем полнее мы воплотили в советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, тем менее нам позволительно бояться „государственного капитализма"? Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в „преддверии" социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, „преддверие", в дверь социализма не войдешь?

* * *

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в Ц. И. К. с товарищем Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам „мы" „правее Ленина", ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы „откупиться от этой банды" (именно от банды капиталистов, т.-е. выкупить у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание.

Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей „мирной" победы социализма в смысле „выкупа" буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук на счет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а у Советской России после взятия власти пролетариатом, после подавления военного и саботажнического сопротивления эксплоататоров—неужели не очевидно, что некоторые условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первою в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии—тогда они были наилучше организованными капиталистам из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии)—к решению компромиссом политических и эко-

номических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности мирного подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными конкретными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас, вместо полнейшего преобладания рабочих, пролетариев в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культурности, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь соединения приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой „государственный капитализм" не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, с приемами компромисса или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на „государственный капитализм", способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятки миллионов людей.

Бухарин—превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы хорошо заплатить капиталистам, выкупить их, ежели (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, впереди любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем позади самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному „введению" социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного „выкупа", который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым итти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать организации крупного и крупнейшего „государственного" производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по своему мелко-буржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических „сил" и силы политической, то, „следовательно", не надо было брать власти. Так рассуждают „человеки в футлярах", забывающие, что „соответствия" не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием,—создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь „яркой“ революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эс-эры и анархисты иллюстрируют собой тип плохеньких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь—до истерики захлебываясь криком, кричат против „соглашательства“ „правых большевиков“. Но подумать они не умеют, чем плохо было и за что по справедливости осуждено историей и ходом революции „соглашательство“.

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистской буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Соглашательство части большевиков в октябре-ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело делить власть поровну не только с „ненадежными попутчиками“ вроде левых эс-эров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном, в разгоне Учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без „ненадежных попутчиков“. Говорить теперь о соглашательстве, когда быть не может даже речь о разделе власти, об отказе от диктатуры пролетариев против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но не понятые слова. Называть „соглашательством“ то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из обученных капитализмом элементов, их взять на службу против мелко-собственнического распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма“...

О продналоге, о свободе торговли, о концессиях.

В приведенных рассуждениях 1918 года есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это не удивительно. Но основные элементы нашей экономики остались те же. Крестьянская „беднота“ (пролетарии и полупролетарии) превратилась, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелко-собственническая, мелко-буржуазная „стихия“ усилилась. А гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров, нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно крестьянства, а не рабочих?

Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас „задержка“ самая большая—с точки зрения всего государственного хозяйства—именно из-за этого. А увеличить производство

и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место „отречение“ или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую „больную“ задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит: интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала.

Итак: в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства.

Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере в местном хозяйственном обороте.

В чем сущность замены разверстки продналогом?

На этот счет очень распространены неправильные представления. Неправильность проистекает бо̀льшей частью от того, что не вникают в сущность перехода, не спрашивают себя, от чего к чему ведет данный переход. Представляют себе дело так, как будто бы переход был от коммунизма вообще к буржуазности вообще. Против этой ошибки приходится неизбежно указывать на то, что говорилось в мае 1918 года.

Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного „военного коммунизма“, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

Своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали бо̀льшей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплоататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-эры, Каутский и К°, когда они ставили нам в вину этот „военный коммунизм“. Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. „Во-

енный коммунизм“ был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть благодаря алчности и злобе капиталистов завтра), что не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, т.-е. минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

При этом надо еще не забывать следующее. Нужда и разорение таковы, что восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т. п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистской войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого, ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия,— которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно.

Спрашивается, необходимо ли это? Можно ли оправдать это? Не опасно ли это?

Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают только наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы.

Взгляните на то, как я в мае 1918 года определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов. Оспорить то, что на-лицо имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, т.-е. полудикого, до социалистического, никому не удастся. Что в мелко-крестьянской стороне преобладает „уклад“ мелко-крестьянский, т.-е. частью патриархальный, частью мелко-буржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелко-буржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен: это бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину все потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была бы самая желательная, самая „правильная“ политика,—мы ее и начинали. Но мы не можем дать всех продуктов, далеко не можем и не очень скоро

сможем—по крайней мере, до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны.

Как же быть?

Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов „помышлением, словом и делом“ грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет.

Либо (последняя возможная и единственно разумная политика) не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть на-лицо в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще.

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом?

Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918 года. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918 года. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической (и мелко-патриархальной, и мелко-буржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелко-буржуазным производством.

Весь вопрос—как теоретический, так и практический—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, надо, прежде всего, возможно более отчетливо представить себе, чем на практике будет и может быть государственный капитализм внутри нашей советской системы, в рамках нашего советского государства.

Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она „насаждает“ государственный капитализм, это—концессии. Теперь у нас все согласны, что концессии необходимы, но не все размышляют о том, каково значение концессий. Что такое концессии при советской системе, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это—договор, блок, союз советской, т.-е. пролетарской, государственной власти с государственным капитализмом против мелко-собственнической (патриархальной и мелко-буржуазной) стихии. Концессионер, это—капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок. Мы имеем, скажем, сотню таких-то промыслов, рудников, лесных участ-

ков. Мы можем разрабатывать не все—не хватает машин, продовольствия, транспорта. Мы плохо разрабатываем по тем же причинам остальные участки. Из-за плохой и недостаточной разработки крупных предприятий проистекает усиление мелко-собственнической стихии во всех ее проявлениях: ослабление окрестного (а затем и всего) крестьянского хозяйства, подрыв его производительных сил, упадок доверия его к Советской власти, хищения и массовая мелкая (самая опасная) спекуляция и т. п. „Насаждая“ государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная, концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой, степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян,—конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика.

Государственный капитализм в виде концессий является, по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно-очерченной. Мы имеем здесь прямо формальный, письменный договор с наиболее культурным, передовым, западно-европейским, капитализмом. Мы точно знаем свои выгоды и свои потери, свои права и свои обязанности, мы точно знаем тот срок, на который сдаем концессию, знаем условия досрочного выкупа, если договор предусматривает право досрочного выкупа. Мы платим известную „дань“ всемирному капитализму, „откупаемся“ от него в таких-то отношениях, получая немедленно определенную меру упрочения положения Советской власти, улучшения условий нашего хозяйствования. Вся трудность задачи, по отношению к концессиям, сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением. Трудности тут, несомненно, есть, и ошибки тут, вероятно, на первое время неизбежны, но трудности, это—наименьшие по сравнению с другими задачами социальной революции и, в частности, по сравнению с другими формами развития, допущения, насаждения государственного капитализма.

Самая важная задача всех партийных и советских работников, в связи с введением продналога,—суметь применить принципы, начала, основы „концессионной“ (т.-е. подобной „концессионному“ государственному капитализму) политики к остальным формам капитализма, свободной торговли, местного оборота и т. п.

Возьмем кооперацию. Не даром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее „свободы“ и ее прав. Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо-очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на

первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть на-лицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость, обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением.

Но „кооперативный“ капитализм в отличие от частнохозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас,—разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы это развитие капитализма—ибо свобода продажи, свобода торговли есть развитие капитализма—направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Сравним концессии и кооперацию, как формы государственного капитализма. Концессия базируется на крупной машинной промышленности, кооперация—на мелкой, ручной, частью даже патриархальной. Концессия касается одного капиталиста или одной фирмы, одного синдиката, картеля, треста в каждом отдельном концессионном договоре. Кооперация охватывает многие тысячи, даже миллионы мелких хозяев. Концессия допускает и даже предполагает точный договор и точный срок. Кооперация не допускает ни вполне точного договора, ни вполне точного срока. Отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии, но разрыв договора означает сразу, просто, немедленно разрыв фактических отношений экономического союза или экономического „сожительства“ с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического „сожительства“ Советской власти с мелкими капиталистиками, но и вообще не в состоянии разорвать фактических экономических отношений. За концессионером „уследить“ легко, за кооператорами—трудно. Переход от концессии к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой „новизне“. Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых—по сравнению с нашими—крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам. Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения.

Возьмем третий вид государственного капитализма. Государство

привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя. Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение или промысел или участок леса, земли и т. п., при чем арендный договор похож более всего на договор концессионный. Об этих двух последних видах государственного капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают. Но происходит это не потому, чтобы мы были сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо „низкой истине" и слишком часто отдаем себя во власть „нас возвышающему обману". Мы постоянно сбиваемся на то, что „мы" переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это „мы". Перечень всех—непременно всех без изъятия—составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5. V. 1918, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. „Мы", авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы „мы" могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

Посмотрите на карту Р. С. Ф. С. Р. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова н/Д и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка—вернее: десятки верст бездорожья—отделяют деревню от железных дорог, то-есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это „одно" условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка.

На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. „Мы" часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо". Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил.

Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху до низу, мы еще не ощущаем этого зла.

Проходит еще год. На VIII съезде Р. К. П. 18—23 марта 1919 г. принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом мы говорим о „частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя“.

Прошло еще два года. Весной 1921 года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего (дек. 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X съезда Р. К. П. (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим это зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени, это—результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед „военным коммунизмом“, не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное, существование, но отстоим во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эс-эры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большой мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону как раз к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории Р. С. Ф. С. Р. „Запереть“ всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие „осады“, как над-

стройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя обнаружил себя вполне.

Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз с начала — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче. Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость „запертого" оборота промышленности с земледелием,— значит, надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности. Помочь делу с этой стороны, подпереть этот бок полуразваленного войной и блокадой строения. Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно „умеренные". Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение.

Все работники, партийные и советские, должны направить все усилия, все внимание, чтобы создать, вызвать большую инициативу мест—губерний; еще больше уездов; еще больше волостей и селений,— в деле хозяйственного строительства именно с точки зрения поднятия немедленно, хотя бы и „малыми" средствами, в малых размерах, крестьянского хозяйства, помощи ему развитием мелкой, окрестной, промышленности. Общегосударственный единый хозяйственный план требует того, чтобы центром внимания и забот, центром „ударных" работ стало именно это. Известное улучшение, достигнутое здесь, ближе всего к „фундаменту", самому широкому и самому глубокому, позволит перейти в кратчайший срок к более энергичному и более успешному восстановлению крупной промышленности.

Продовольственный работник знал до сих пор одну основную директиву: собери 100% разверстки. Теперь директива иная: собери 100% налога в кратчайший срок; затем собери еще 100% обменом на продукты крупной и *мелкой* промышленности. Тот, кто соберет 75% налога и 75% (из второй сотни) обменом на продукты крупной и мелкой промышленности, сделает более полезное государственное дело, чем тот, кто соберет 100% налога и 55% (из второй сотни) обменом. Задача продовольственника усложняется. С одной стороны, это—задача фискальная. Собери налог как можно быстрее, как можно рациональнее. С другой стороны, это — задача общеэкономическая. Постарайся так направить кооперацию, так пособить мелкой промышленности, так развить инициативу, почин, на местах, чтобы увеличился и упрочился оборот земледелия и промышленности. Мы еще очень и очень плохо умеем это делать; доказательство—бюрократизм. Нам надо не бояться признать, что тут еще *многому можно и должно поучиться у капиталиста*. Сравним по губерниям, по уездам, по волостям, по селам итоги практического опыта; в одном месте частные капиталисты и капиталистики достигли того-то. Их прибыль, приблизительно, такая-то. Это—дань, плата, которую мы отдали „за науку". За науку заплатить не жалко, лишь бы ученье шло толком. А вот в соседнем месте путем кооперативным достигнуто то-то. Прибыль кооператоров такая-то. А в третьем месте чисто государственным, чисто коммунистическим путем достигли того-то (этот третий случай будет в данное время редким исключением).

Задача должна состоять в том, чтобы каждый областной хозяйственный центр, каждое губернское экономическое совещание при исполкоме немедленно поставило, как первоочередное дело, организацию

тотчас же различного рода опытов или систем „оборота“ насчет тех излишков, которые остаются после уплаты продналога. Через несколько месяцев надо иметь практические результаты, чтобы сравнивать и изучать их. Местная или привозная соль; керосин из центра; кустарная древообратывающая промышленность; ремесло, на местном сырье дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина, продукты; „зеленый уголь“ (использование местных водных сил небольшого значения для электрификации) и так далее и тому подобное—все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет „думать“ о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализму?

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз на-лицо мелко-крестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частно-хозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых.

Поменьше спора о словах. Мы еще до сих пор безмерно много грешим по этой части. Побольше разнообразия в практическом опыте и побольше изучения его. Бывают условия, когда образцовая постановка местной работы, даже в самом небольшом масштабе, имеет более важное государственное значение, чем многие отрасли центральной государственной работы. И у нас как раз в данный момент, по отношению к крестьянскому хозяйству вообще и обмену излишков с.-х. производства на продукты промышленности в особенности, условия именно таковы. Образцовая постановка дела, в указанном отношении, хотя бы для одной волости, имеет более крупное общегосударственное значение, чем „образцовое“ улучшение центрального аппарата того или иного наркомата. Ибо центральный аппарат у нас за три с половиной года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность; мы его не можем значительно и быстро улучшить, мы не знаем, как это сделать. Помощь ему для более радикального улучшения, для нового притока свежих сил, для успешной борьбы с бюрократизмом, для преодоления вредной косности должна итти с мест, с низов, с образцовой постановки небольшого „целого“, но именно „целого“, т.-е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности.

Те из нас, кто осужден на то, чтобы остаться на центральной работе, будут продолжать дело улучшения аппарата и чистки его от бюрократизма, хотя бы в скромных, непосредственно доступных размерах. Но главная помощь в этом отношении идет и придет с мест. На местах у нас, в общем, стоит дело лучше,—насколько я могу обозревать—чем в центре, да и это и понятно, ибо зло бюрократизма есте-

ственно концентрируется в центре; Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим „местом“ в республике. На местах уклонения от среднего есть в обе стороны; уклонения в худшую сторону реже, чем уклонения в лучшую. Уклонения в худшую сторону, это—злоупотребления примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством. Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно. Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают „хвалю, тебя, господи, за то, что я не похож „них“, что я не признавал и не признаю террора“. Эти дурачки „не признают террора“, ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачения рабочих и крестьян. Эс-эры и меньшевики „не признают террора“, ибо они исполняют свою роль подведения масс под флагом „социализма“ под белогвардейский террор. Это доказала керенщина и корниловщина в России, колчаковщина в Сибири, меньшевизм в Грузии, это доказали герои Второго Интернационала и Интернационала „два с половиной“ в Финляндии, Венгрии, Австрии Германии, Италии, Англии и т. д. Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистской войны 1914—1918 годов, — таковы все страны мира, — без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фачисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, „третьего“ нет и быть не может.

Уклонения в лучшую сторону: успешная борьба с бюрократизмом, внимательнейшее отношение к нуждам рабочих и крестьян, заботливейшее поднятие хозяйства, повышение производительности труда, развитие местного оборота между земледелием и промышленностью. Эти уклонения в лучшую сторону, хотя и чаще, чем уклонения в худшую, но все же редки. Однако они есть. Выработка новых молодых, свежих коммунистических сил, закаленных гражданской войной и лишениями, идет повсюду на местах. Мы все еще делаем далеко и далеко недостаточно для систематической и неуклонной передвижки этих сил снизу наверх. Это возможно и необходимо делать шире и настойчивее. Некоторых работников можно и должно снимать с центральной работы и ставить на местную: в качестве руководителей уездов и волостей, создавая там образцовую постановку всей хозяйственной работы в целом, они принесут громадную пользу и сделают общегосударственное дело более важное, чем иная центральная функция. Ибо образцовая постановка дела послужит рассадником работников и примером для подражания, который перенять будет уже сравнительно не трудно, а мы сумеем из центра помочь тому, чтобы „перенимание“ образцового примера шло широко повсюду и становилось обязательным.

Дело развития „оборота“ между земледелием и промышленностью, на счет излишков после уплаты продналога и насчет мелкой, преимущественно кустарной промышленности, требует по самому своему существу самостоятельной, сведущей, умной инициативы мест, а потому образцовая постановка уездной и волостной работы приобретает, в настоящий момент, совершенно исключительную важность с общегосударственной точки зрения. В военном деле, например,

во время последней польской войны мы не боялись отступать от бюрократической иерархии, не боялись „понижать в чинах“, перемещать членов Р. В. С. Респ. (с оставлением в этой высокой, центральной должности) на низшие места. Почему бы теперь не переместить некоторых членов В. Ц. И. К. или членов коллегий или других высокопоставленных товарищей на работу даже уездную, даже волостную? Не настолько же мы в самом деле „обюрократились“, чтобы „смущаться“ этим. И найдутся у нас десятки центральных работников, которые охотно пойдут на это. А дело хозяйственного строительства всей республики выиграет от этого чрезвычайно, и образцовые волости или образцовые уезды сыграют не только крупную, но прямо решающую, историческую роль.

Между прочим, как мелкое, но имеющее все же значение обстоятельство, надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе с спекуляцией. „Правильную“ торговлю, не уклоняющуюся от государственного контроля, мы должны поддержать, нам выгодно ее развить. А спекуляцию нельзя отличить от „правильной“ торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно.

Как же быть? Объявить спекуляцию безнаказанной?

Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета. Именно такой постановкой вопроса (в С. Н. К. уже начата работа, т.-е. Совнаркомом уже предписано начать работу, по пересмотру законов о спекуляции) мы и добьемся того, чтобы направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло государственного капитализма.

Политические итоги и выводы.

Мне осталось еще коснуться хотя бы вкратце политической обстановки, как она сложилась и видоизменилась в связи с обрисованной выше экономикой.

Уже сказано, что основные черты нашей экономики в 1921 году те же самые, какие были в 1918 г. Весна 1921-го года принесла — главным образом, в силу неурожая и падежа скота — крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелом вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самое „натуру“ мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был Кронштадтский мятеж.

Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелко-буржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги „свободы“, „свободы торговли“, „раскрепощения“, „советов без большевиков“, или перевыбора советов, или избавления от „партийной диктатуры“ и так далее и тому подобное. И меньшевики и эс-эры объявляют кронштадтское движение „своим“. Виктор Чернов посылает гонца в Кронштадт, за „Учредилку“ голосует в Кронштадте, по предложению этого гонца, меньшевик Вальк, один из кронштадтских вождей. Вся белогвардейщина мобилизуется „за Кронштадт“ моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической. Белогвардейские военспецы в Кронштадте, ряд спецов, а

не один Козловский, разрабатывают план десанта в Ораниенбаум, план, испугавший колеблющуюся меньшевистски - эс - эровски - беспартийную массу. Свыше полусотни заграничных белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию „за Кронштадт". Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо разъясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в Питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что не к чему торопиться с Учредилкой, что можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков.

Конечно, нетрудно быть умнее таких самовлюбленных дурачков, как Чернов, герой мелко-буржуазной фразы, или как Мартов, рыцарь подделанного „под марксизм" мещанского реформизма. Не в том собственно и дело, что Милюков, как личность, умнее, а в том, что партийный вождь крупной буржуазии яснее видит, лучше понимает классовую суть дела и политические взаимоотношения в силу своего классового положения, чем вожди мелкой буржуазии, Черновы и Мартовы. Ибо буржуазия есть действительно классовая сила, которая при капитализме господствует неизбежно, и в монархии и в самой что ни на есть демократической республике, пользуясь также неизбежно поддержкой всемирной буржуазии. А мелкая буржуазия, то-есть все герои Второго Интернационала и Интернационала „два с половиной", не может быть ни чем иным, по экономической сути дела, как выражением классового бессилия,—отсюда колебания, фраза, беспомощность. В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они—отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми, или Каутскими, Макдональдами, и так далее и тому подобное.

Когда Мартов в своем берлинском журнале заявляет, будто Кронштадт не только проводил меньшевистские лозунги, но и дал доказательство того, что возможно противобольшевистское движение, не служащее целиком белогвардейщине, капиталистам и помещикам, то это именно образец самовлюбленного мещанского Нарциса. Давайте попросту закроем глаза на тот факт, что все настоящие белогвардейцы приветствовали кронштадтцев и собирали через банки фонды в помощь Кронштадту! Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо дает действительную тактику действительной белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого-угодно, какую угодно Советскую власть, лишь бы свергнуть большевиков, лишь бы осуществить передвижку власти! Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное, — остальное „мы", Милюковы, „мы", капиталисты и помещики, „сами" сделаем; анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К°. Этих мещанских Нарцисов, меньшевиков, эс-эров, беспартийных, настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарцисы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать.

„Лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного

вправо или немного влево, а остальное приложится", в этом Милюков совершенно прав. Это—классовая истина, подтвержденная всей историей революций всех стран всей многовековой эпохи новой истории, после средневековья. Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет, экономически и политически, либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало, в зачаточной форме, при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории, на самое короткое время; так было в России 1917—1921 годов в более развитой форме). О „третьем" пути, о „третьей силе" могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарцисы.

С величайшим трудом, в отчаянной борьбе выработали большевики способный управлять авангард пролетариата, создали и отстояли диктатуру пролетариата, и соотношение классовых сил в России стало яснее ясного, после проверки опытом, практикой четырех лет. Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелко-буржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за-границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики. Дело яснее ясного. Всякую „передвижку власти" используют и могут использовать только они.

В приведенной брошюрке 1918 года говорилось об этом прямо: „главный враг"—„мелко-буржуазная стихия". „Либо мы подчиним ее своему контролю и учету, либо она скинет рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос". (Из брошюры 5 мая 1918 г., см. выше.)

Наша сила—полная ясность и трезвость учета всех наличных классовых величин, и русских и международных, а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы. Врагов у нас много, но они разъединены, или не знают, чего хотят (как все мелкие буржуа, все Мартовы и Черновы, все беспартийные, все анархисты). А мы объединены—прямо меж собой и косвенно с пролетариями всех стран; мы знаем, чего мы хотим. И потому мы непобедимы в мировом масштабе, хотя этим нисколько не исключается возможность поражения отдельных пролетарских революций на то или другое время.

Мелко-буржуазная стихия не даром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное. Нарцисы мелкой буржуазии думают, что „всеобщее голосование" уничтожает натуру мелкого производителя при капитализме, но на самом деле оно помогает буржуазии, при помощи церкви, печати, учительства, полиции, военщины, экономического гнета в тысячах форм, помогает ей подчинять себе распыленных мелких производителей. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывает колебания; сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостоять колебаниям.

Весенние события 1921 года показали еще и еще раз роль эс-эров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелко-буржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить „передвижку власти" в пользу капиталистов и помещиков. Меньшевики и эс-эры научились теперь перекрашиваться в „беспартийных". Это доказано вполне. И только дураки могут теперь не видеть этого, не понимать, что нам нельзя давать себя одурачивать. Беспартийные конференции

не фетиш. Они ценны, если можно сближаться с массой, еще не затронутой, со слоями трудящихся миллионов, вне политики стоящих, но они вредны, если дают платформу меньшевикам и эс-эрам, перекрашенным в „беспартийных". Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине. Меньшевикам и эс-эрам, как открытым, так и перекрашенным в беспартийных, место в тюрьме (или в заграничных журналах, рядом с белогвардейцами; мы охотно пустили Мартова за-границу), но не на беспартийной конференции. Можно и должно найти другие способы проверки настроения масс, сближения с ними. Пусть едет за-границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в Учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартову, милости просим, испытайте прелесть „демократии", расспросите врангелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение. А нам не до игры в „оппозиции" на „конференциях". Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть „своих", чтобы восстановить помещиков и буржуазию. Мы будем держать меньшевиков и эс-эров, все равно как открытых, так и перекрашенных в „беспартийных", в тюрьме.

Мы будем всеми способами завязывать более тесные связи с незатронутой политикою массой трудящихся—кроме тех способов, которые дают простор меньшевикам и социалистам-революционерам; дают простор колебаниям, выгодным для Милюкова. Мы будем в особенности усердно двигать на советскую работу сотни и сотни беспартийных, настоящих беспартийных из массы, из рядовых рабочих и крестьян, а не тех, кто „перекрасился" в беспартийные, чтобы читать по шпаргалке меньшевистские и эс-эровские наказы, столь выгодные для Милюкова. У нас работают сотни и тысячи беспартийных, из них десятки на важнейших и ответственных постах. Больше проверки их работы. Больше выдвигать для новой проверки тысячи и тысячи рядовых трудящихся, испытывать их, систематически и неуклонно, сотнями, передвигать на высшие посты, на основании проверки опытом. Коммунисты у нас до сих пор еще мало умеют понять свою настоящую задачу управления: не „самим" стараться „все" делать, надрываясь и не успевая, берясь за 20 дел и не кончая ни одного, а проверять работу десятков и сотен помощников, налаживать проверку их работы снизу, т.-е. настоящей массой; направлять работу и учиться у тех, у кого есть знания (спецы) и опыт налаживания крупного хозяйства (капиталисты). Умный коммунист не боится учиться у военспеца, хотя $^9/_{10}$ военспецов способны на измену при каждом случае. Умный коммунист не побоится учиться у капиталиста (все равно, будет ли этот капиталист крупным капиталистом-концессионером, или торговцем-комиссионером, или мелким капиталистиком-кооператором и т. п.), хотя капиталист не лучше военспеца. Научились в Красной армии ловить изменников военспецов, выделять честных и добросовестных, использовывать в общем и целом тысячи и десятки тысяч военспецов. Учимся делать то же (в своеобразной форме) с инженерами, учителями—хотя делаем это много хуже, чем в Красной армии (там Деникин и Колчак хорошо нас подгоняли, заставляли учиться поскорее, поусерднее, потолковее). Научимся делать то же (опять-таки в своеобразной форме) с комиссионерами-торговцами, с скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-капиталистиками, с концессионерами-предпринимателями и т. д.

Массе рабочих и крестьян нужно немедленное улучшение их положения. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Продналог и ряд связанных с ним

мероприятий этому поможет. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблющихся много. Нас мало. Колеблющиеся разъединены. Мы объединены. Колеблющиеся экономически несамостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим.

Заключение.

Подведем итоги.

Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену.

Крайнее разорение, обостренное неурожаем 1920 года, сделало этот переход неотложно необходимым в силу невозможности быстро восстановить крупную промышленность.

Отсюда: в первую голову улучшить положение крестьян. Средство: продналог, развитие оборота земледелия с промышленностью, развитие мелкой промышленности.

Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени с бюрократизмом. Меру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность.

Борьбу с спекуляцией надо превратить в борьбу с хищениями и с уклонениями от государственного надзора, учета, контроля. Таким контролем мы направляем неизбежный в известной мере и необходимый нам капитализм в русло государственного капитализма.

Всестороннее, всемерное, во что бы то ни стало развитие инициативы, почина, самостоятельности мест в деле поощрения оборота земледелия с промышленностью. Изучение практического опыта в этом отношении. Возможно бо̀льшее его разнообразие.

Помощь мелкой промышленности, обслуживающей крестьянское земледелие и помогающей ему подняться; помощь ей, до известной степени, и раздачей государственного сырья. Преступнее всего—оставлять сырье необработанным.

Не бояться „ученья“ коммунистов у буржуазных спецов, в том числе и у торговцев, и у капиталистиков-кооператоров, и у капиталистов. Учиться у них по форме иначе, а по сути дела так же, как учились и научились у военспецов. Результаты „науки“ проверять только практическим опытом: сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные спецы, сумей добиться и так и этак подъема земледелия, подъема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить „за науку“: за науку заплатить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком.

Всячески помогать массе трудящихся, сближаться с ней, выдвигать из нее сотни и тысячи работников беспартийных на хозяйственную работу. А переодетых в модный, кронштадтски-беспартийный наряд меньшевиков и эс-эров держать бережливо в тюрьме, или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Милюковым, с грузинскими меньшевиками.

21 апреля 1921 г.

Н. Ленин.

Накопление капитала и проблема империализма.

I.

Империализм в его современной формулировке — явление сравнительно новое. Прошло не более четверти века с тех пор, как он во всеоружии выступил на мировой арене. Поэтому, вполне естественно, теоретический анализ империализма не мог быть дан основоположниками научного социализма. Маркс умер в начале 80-х годов, когда, пожалуй, еще живы были традиции фритредерства мирного Манчестера, а в момент смерти Энгельса империалистическая фаза воинствующего капитализма лежала еще в пеленках. Между тем пролетарская тактика, которая строится на объективном учете реальной действительности и в частности реального соотношения общественных сил, властно требовала от идеологов марксизма теоретического анализа сущности, корней и тенденций развития новейшей фазы капиталистического господства.

Наиболее значительная работа в этой области была написана представителем „австро-марксистской" школы Рудольфом Гильфердингом. В качестве ученого с непомутившимся еще разумом и в качестве революционера, носившего некогда на плечах своих ясную марксистскую голову, он искал корней империализма не в прирожденной расовой ненависти, не в исторической миссии некоторых „великодержавных" наций и не в человеческих инстинктах вообще, как это делали некоторые буржуазные „философы", которые в своем усердии по части одурачивания широких народных масс договаривались до „пчелиных", „муравьиных", „древесных" и разного рода иных „империализмов". Гильфердинг перенес центр тяжести своего исследования на специфический характер экономической структуры новейшего капитализма. Он показал, что капитализм последней формации с его „безличным" капиталом, с его гигантскими частнопредпринимательскими монополиями, охватывающими нередко целые отрасли промышленности, со свойственным ему „сращиванием" промышленного капитала с банковым, которое создает своего рода единый хозяйственно-оперативный штаб, осуществляющий безраздельное господство над целыми капиталистическими странами, — неизбежно влечет за собой адекватную ему империалистическую политику, политику железа и крови, грабежа и насилия. Стремление отдельных стран к расширению и повышению таможенных перегородок, стремление к новым рынкам сбыта сырья, стремление к новым районам для экспорта капитала и вытекающая отсюда аргументация силою оружия — все это выводится

у Гильфердинга из специфического перерождения основной экономической ткани капиталистического общества.

Книга Гильфердинга (мы говорим, конечно, о „Финансовом капитале“), вышедшая в 1910 году, наделала много шуму в Австрии и Германии. Она встретила широкий отклик в среде марксистов и была принята ими, как теоретический базис, как прочная основа для построения новой тактики пролетарской борьбы. Лозунги циммервальдской левой, провозглашавшие неизбежность и необходимость превращения империалистической войны в гражданскую, упираются своими корнями именно в „Финансовый капитал“, хотя автор его и скатился самым позорным образом в болото вечно „воздерживающегося“, вечно колеблющегося „центра“. „Финансовый капитал“ в свое время не даром был окрещен славным именем „четвертого тома Капитала“. В России книге Гильфердинга, вышедшей на русском языке в 1912 году, на первых порах не повезло. Но лишь только грянул гром войны, как русские марксисты жадно набросились на „Финансовый капитал“, который немало содействовал укоренению в их среде интернационалистического духа.

Совершенно иное—тоже экономическое—объяснение империализма дала покойная Роза Люксембург. В 1913 году она выпустила большую работу под заглавием: „Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма“[1]). Книга эта вызвала много толков и, в общем, была встречена марксистской критикой довольно холодно. За исключением Фр. Меринга и Ю. Карского (Мархлевского), большинство рецензентов, в том числе А. Паннекук, О. Бауэр и Г. Экштейн, выступили против Розы Люксембург с обширными полемическими статьями. Объяснялось это, с одной стороны, неожиданно новой постановкой вопроса, с другой стороны, ошибочностью некоторых утверждений, на которых автор „Накопления капитала“ строил свою теорию. В оценке Бауэра и Экштейна, несомненно, сыграли свою роль и соображения другого порядка: социал-демократический центр и в частности „австро-марксисты“, вообще, не питали особых симпатий к радикализму „Красной Розы“.

Сидя во время войны в тюрьме императора Вильгельма II и друзей его Шейдемана и К°, Роза Люксембург, превратившая борьбу против империализма в цель своей жизни, написала обстоятельный ответ своим критикам. Ей не пришлось, однако, увидеть свою последнюю теоретическую работу в печатном виде: 15-го января 1919 года она, освобожденная за пару месяцев до этого волею восставшего пролетариата, была зверски убита наемниками г-на Носке, а рукопись ее книжки („Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса“)[2]) была напечатана лишь в 1920 году одним из ее друзей.

Русскому читателю названные работы нашего покойного товарища неизвестны до сих пор. Насколько мы знаем, по поводу „Накопления капитала“ на русском языке не было написано ни одной статьи. Между тем эта книга представляет глубокий интерес и ни в малой мере не заслуживает забвения. Мы намерены поэтому познакомить читателя с основными идеями обеих названных книг Розы Люксембург и дать общую оценку ее теории.

---

[1]) Rosa Luxemburg. Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur Oekonomischen Erklärung des Imperialismus, Stuttgart. 1913. Стр. 446. Книга эта переведена мною на русский язык и должна в ближайшие дни выйти из печати.

[2]) Die Akkumulation des Kapitals oder was die Epigonen aus der Marxschen Theorie gemacht haben. Eine Antikritik von Rosa Luxemburg. Frankes Verlag in Leipzig. Стр. 140. Эта книжка также переведена мною на русский язык, но по техническим причинам, видимо, не скоро выйдет в свет.

II.

Теория империализма, данная примерно за год до войны Розой Люксембург, не имеет ничего общего с теорией Гильфердинга, которая успела получить среди марксистов почти всеобщее признание. Характерно, что „Финансовый капитал" ни разу не цитируется в „Накоплении капитала". Роза Люксембург ищет и находит корни империализма не в специфической структуре новейшего капитализма, а в экономике капиталистического общества вообще. Она связывает империализм с проблемой расширенного производства или, что то же, с проблемой накопления капитала. Роза Люксембург исходит в своем анализе из знаменитых схем воспроизводства, данных Марксом в третьем отделе второго тома „Капитала". Ввиду того, что эти схемы, благодаря своей математической абстрактности, представляют значительные затруднения для широкого читателя, мы попытаемся изложить теорию Розы Люксембург, не пользуясь анализом II тома.

Возьмем „чистое" капиталистическое общество, состоящее только из капиталистов и рабочих. В таком обществе, представляющем из себя предел капиталистического развития, нет ни ремесленников, ни крестьян: все промежуточные слои, все самостоятельные товаропроизводители пролетаризированы, и перед нами абсолютное и исключительное господство капиталистического способа производства. Как всякое другое общество, оно ежегодно производит некоторый „совокупный общественный продукт", который при наличности товарного хозяйства принимает ценностную формулировку. Этот „совокупный" продукт легко себе представить, если предположить, что все товары, произведенные за данный год, снесены на один колоссальный склад, общий для всего капиталистического мира.

Каковы составные части ценности полученной таким образом „товарной каши"? На этот вопрос ответил в своем „Капитале" К. Маркс. В совокупный общественный товар входит, во-первых, постоянный капитал, т.-е. сырье, вспомогательные материалы и изношенные части машин, во-вторых, переменный капитал, т.-е. выплаченная за данный период заработная плата и, наконец, в-третьих, прибавочная ценность. Первая составная часть, как известно, новой ценности не создает; не меняясь количественно, она в процессе производства переносит лишь свою ценность на изготовляемый товар; напротив того, переменный капитал не только воспроизводит себя в процессе производства, но создает и новую так называемую прибавочную ценность. Если мы для краткости условимся обозначать ценность вошедших в совокупный товар элементов постоянного капитала через c, переменного капитала через v, прибавочной ценности через m, то совокупная ценность товара может быть представлена формулой:

$$c + v + m.$$

$c+v$ представляет собой сумму (рублей или часов общественного труда — безразлично), авансированную классом капиталистов в начале годового цикла производства. Хотя ее вещественные элементы и приняли в процессе труда другой облик, но с точки зрения ценностной она никаких изменений не претерпела. Другое дело — m: оно родилось только за данный период производства в силу эксплоатации рабочего класса и заключает в себе сумму всей чистой прибыли класса капиталистов, в целом, или „собирательного капиталиста", как выражается Маркс.

Прибавочная ценность m представляет собой прежде всего фонд для существования „собирательного" капиталиста; с точки зрения ве-

щественной она состоит в значительной своей части из лучших предметов продовольствия, одежды, роскоши и т. д., которыми наслаждаются сильные мира сего. Если состав m только этим исчерпывается, другими словами, если класс капиталистов потребляет всю прибавочную ценность, то мы имеем перед собой случай простого воспроизводства. Это значит, что общество должно вступить в новый производственный цикл, ассигнуя ту же сумму ($v + m$), что и в начале предшествующего цикла. Это значит, что производство протекает в одних и тех же рамках, с одним и тем же постоянным и переменным капиталом. Никакого расширения производства в этом случае быть не может, так как прибавочная ценность, которая только и могла бы быть источником для организации новых предприятий, целиком поедается классом капиталистов.

Простое воспроизводство характеризует застойное состояние общества. Оно свойственно не капитализму, а скорее предшествующим общественным формациям. Так, например, первобытная деревенская коммунистическая община на протяжении огромных периодов исторического развития топчется на одном месте, из году в год, проделывая один и тот же производственный цикл. Прирост населения делается тут возможным, не благодаря постепенному расширению производства, а путем „периодического выделения прироста населения и основания столь же крошечных и самодовлеющих филиальных общин“[1]. Экономический, а, стало-быть, культурный прогресс возможен только в том случае, когда часть прибавочной ценности (resp.: прибавочного продукта) идет на организацию новых производственных единиц или на увеличение старых, т.-е. в случае расширенного воспроизводства. Без расширенного воспроизводства были бы немыслимы ни огромные ирригационные сооружения древнего Востока, ни египетские пирамиды, ни большие римские дороги, ни греческие искусства и науки, ни развитие ремесла и городов средневековья. Без превращения части прибавочного продукта (или в категориях капиталистического хозяйства—прибавочной ценности) в элементы, соответствующие новым массам постоянного и переменного капитала, общество было бы обречено на вечную спячку и вечный застой.

Мы сказали, что для капитализма характерно не простое, а расширенное воспроизводство, или накопление капитала[2]. Это объясняется, конечно, не тем, что капиталистический способ производства призван выполнять великую историческую миссию быть двигателем общественного прогресса. Более того, капиталисты вынуждены накоплять помимо своей воли. В самом деле, в капиталистическом обществе господствует неограниченная конкуренция. Каждый отдельный капиталист в погоне за прибылью, которая является единственным мотивом его „хозяйственной деятельности“, стремится захватить как можно больше покупателей, а последнее может быть достигнуто лишь путем удешевления товаров. „Но все методы, обещающие устойчивое понижение издержек производства товаров, т.-е. достигающие повышения прибавочной ценности сверх обычной нормы не путем уменьшения за-

---

[1]) При анализе процесса воспроизводства докапиталистических общественных формаций нельзя, конечно, говорить о капитале, ценности, прибавочной ценности и т. д. Все это—исторические категории капиталистического хозяйства. Понятиям этим в указанных формациях соответствуют адекватные им понятия средств производства, общественного продукта, прибавочного продукта и т. д. Это относится, конечно, и к коммунистическому обществу.

[2]) Накоплением капитала называется превращение прибавочной ценности или части ее в капитал.

работной платы, и удлинения рабочего дня, что, кстати сказать, натал кивается на разного рода затруднения,—сводятся к расширению прои водства. Идет ли речь об экономии на постройки и орудия производ ства, о применении наиболее продуктивных средств производства, прогрессирующей замене ручного труда машинами, или же о быстро использовании благоприятной рыночной конъюнктуры для приобретени дешевого сырья,—во всех этих случаях крупное производство имее преимущества над мелким и средним производством"[1]). Поэтому, если б нашелся среди капиталистов чудак, который не претендовал бы н увеличение своей прибыли, то он все равно должен был бы расширят свое производство, ибо иначе он пал бы жертвой конкуренции и скор сошел бы с арены рыночной борьбы: расширение производства таким образом, превращается для отдельного капита листа в принудительный закон, в условие его хозяй ственного существования. В капиталистическом обществе создается поэтому независимая от воли отдельных капиталистов „непрерывная тенденция к расширению производства, которая распространяется механически—непрерывно, волнообразно по всей поверхности частного производства".

Для расширения производства требуется прежде всего наличность известных технических предпосылок: добавочных средств производства и рабочей силы. Предположим, что эти предпосылки на-лицо. Кроме того, необходимо еще, чтобы капиталисты имели желание накоплять, чтобы они не превратились в расточительных феодалов времен упадка, которые только и думают о том, чтобы наиболее изысканным образом удовлетворить свои утонченные потребности. Но это „желание", как выяснено, дано самим характером капиталистического способа производства. Однако, наличности указанных технических предпосылок и воли к накоплению недостаточно для товарно-капиталистического хозяйства, ибо произведенные товары не распределяются организованным путем между членами капиталистического общества, а продаются тем, у кого есть деньги. Следовательно, для возможности расширенного воспроизводства требуется и увеличение платежеспособного спроса на излишек произведенных товаров. „Но откуда,—спрашивает Роза Люксембург,—исходит этот постоянно возрастающий спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства?"[2])

Тут мы подходим к центральному вопросу теории Розы Люксембург.

III.

На первый взгляд может показаться, что покупателями подлежащей накоплению части прибавочной ценности являются сами капиталисты, увеличивающие свое частное потребление. С точки зрения отдельного капиталиста это, конечно, так, ибо расширение спроса со стороны представителей господствующего класса на предметы роскоши являются для него „первоклассными условиями накопления". Но с точки зрения „собирательного капиталиста" это абсурд. Правда, вместе с накоплением может возрастать и на самом деле возрастает личное потребление капиталистов, но оно, тем не менее, составляет лишь часть произведенной рабочим классом прибавочной ценности. Прокучивание всей прибавочной ценности является для класса капиталистов „чистейшим безумием", „экономическим самоубийством", „смертным грехом против

¹) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 11.
²) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 104.

святого духа капитала"[1]), так как оно означает попросту отрицание накопления, т.-е. воспроизводство в прежнем масштабе. Стало быть, покупателями товаров, в которых воплощена рассматриваемая часть прибавочной ценности, не могут быть сами капиталисты.

Может быть, что искомыми покупателями являются рабочие. „Конечно, для отдельного капиталиста рабочий, если он платежеспособен, такой же хороший потребитель, т.-е. такой же хороший покупатель, как и капиталист, или еще кто-нибудь: в цене товара, который продается рабочему, отдельный капиталист точно так же реализует свою прибавочную ценность, как и в цене товара, который он продает любому другому покупателю"[2]). Но не так обстоит дело с точки зрения класса капиталистов, взятого в целом. В самом деле, рассуждает Роза Люксембург, класс капиталистов ассигнует рабочему классу строго определенную часть всего вновь произведенного им общественного продукта. Эта часть равна переменному капиталу, т.-е. сумме, выплаченной за данный год заработной платы. Стало быть, если рабочие покупают средства существования, то они этим самым возмещают классу капиталистов только полученную от него заработную плату. Сверх этой суммы они ни на грош купить не могут, как бы скудно ни были удовлетворены их потребности. Покупательная способность рабочего класса не может, таким образом, выскочить за пределы v. Рабочие в реальной действительности покупают товаров даже на меньшую сумму, поскольку они изредка сберегают часть своего заработка в надежде стать когда-нибудь самостоятельными товаропроизводителями. К тому же капиталистическое общество отнюдь не стремится к более широкому удовлетворению потребностей пролетариата. Оно заинтересовано только в том, чтобы воспроизводить в потребных ему размерах рабочую силу. Поэтому передача рабочему классу части его собственного продукта, сводящейся к социально допустимому для данного этапа исторического развития минимуму, является для класса капиталистов не больше, как печальной необходимостью. Значит, максимум того, что может быть куплено рабочим классом, равно v, т.-е. не потребленная капиталистами часть товаров, в которых воплощено m, ему абсолютно недоступна.

Но, ведь, даже в „чистом" капиталистическом обществе, кроме капиталистов и рабочих, есть еще врачи, присяжные поверенные, художники, ученые, попы, чиновники и т. д., которые, строго говоря, не могут быть отнесены ни к одному из основных классов капиталистического общества. Не они ли предъявляют спрос, который делает необходимым расширение производства? Но, поскольку мы говорим о представителях либеральных профессий, мы должны иметь в виду, что они получают покупательные средства в большинстве случаев прямо или косвенно из рук класса капиталистов, который уделяет им малую толику своей прибавочной ценности. То же самое относится к попам, врачам, бюрократии и военным, с той только разницей, что они получают часть своих средств из заработной платы рабочих. Перечисленные слои капиталистического общества принадлежат к так называемым непроизводительным элементам, и получаемые ими доходы носят производственный характер. „Эти производные... доходы, — говорит Маркс, — приобретаются их получателями посредством их общественной функции.

[1]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals oder was die Epigonen aus der Marxschen theorie gemacht haben, стр. 19.

[2]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 105.

как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д., это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники соответствующих доходов" [1]). На самом деле это, как показано выше, не более, как фикция, так как потребление всех названных слоев включено уже в потребление капиталистов и отчасти рабочих. Следовательно, никакого самостоятельного спроса они предъявлять не могут.

„Но может быть,—спрашивает Роза Люксембург,—ответ на поставленный вопрос заключается в том, что естественный прирост населения создает этот возрастающий спрос" [2]). Тут речь может только итти о приросте класса капиталистов и класса рабочих. Но прирост класса капиталистов и без того предполагается возросшей абсолютной величиной, потребленной части прибавочной ценности. Остается проанализировать возможное влияние прироста рабочего класса. „Спрашивается, не означает ли естественный прирост рабочего населения в то же время и увеличение платежеспособного спроса по сравнению с размером переменного капитала. На этот вопрос приходится ответить отрицательно. В нашей схеме единственным источником денежных средств рабочего класса является переменный капитал. Следовательно, понятие переменный капитал наперед предполагает прирост рабочего класса. Стало быть, одно из двух: или заработная плата рассчитана так, чтобы она могла прокормить и молодое поколение рабочих,—тогда последнее не может быть вторично принято как основа для расширенного потребления; или же это не имеет места, тогда новые рабочие, молодое поколение, сами должны работать, чтобы получать заработную плату и средства существования, тогда это молодое поколение уже включено в число занятых рабочих. *Следовательно, естественный прирост населения не может нам объяснить процесса накопления*" [3])...

Поскольку мы находимся в рамках капиталистического общества, взятого в его чистом виде, у нас все же остаются как-будто покупатели нашего пресловутого товарного „излишка": мы можем предположить, что сами капиталисты раскупают этот „излишек" друг у друга, и притом не для того, чтобы употребить его в свое удовольствие, а для того, чтобы затратить его именно на расширение производства. Для этого товары, о которых идет речь, должны состоять не из предметов утонченного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства и средств существования рабочих. Допустим, что это имеет место. В таком случае расширенное производство в следующем году выбросит на рынок еще больше товаров, чем за текущий год, и перед нами в еще более грозной форме станет все тот же вопрос: где найти покупателя для нового, еще бо̀льшего „излишка"?

Итак, куда ни кинь, всюду—клин. Видимо, одно спасение—во внешней торговле. Но тут мы делаем методологическую ошибку. Во-первых, этим допущением вопрос не разрешается, так как затруднение не исчезает, а лишь переносится из одной страны в другую; во-вторых, наши рассуждения, вообще, относятся не к отдельным капиталистическим странам, а к мировому капитализму, как к единой хозяйственной системе. На это указал еще Маркс, когда он писал: „Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация (предполагается капиталистическая нация. Ш. Д.) может превратить предметы роскоши в средства производства и существования, или наоборот. Для того, что-

[1]) К. Маркс. Капитал. т. II, пер. Базарова и Степанова, изд. I, стр. 343.
[2]) Rosa Luxemburg, l. c., стр. 105.
[3]) Rosa Luxemburg, l. c., стр. 106. Курсив мой.

бы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать, как одну нацию (конечно, капиталистическую. Ш. Д.) и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства"[1]).

Итак, мы можем вертеться сколько нам угодно, но мы и днем с огнем не разыщем в рамках „чистого" капиталистического общества тех общественных слоев, которые могли бы купить „излишний" товар и дать таким образом классу капиталистов основную предпосылку для превращения прибавочной ценности в деньги, и, стало быть, для накопления.

Роза Люксембург вынуждена обратиться к некапиталистическим слоям и странам.

IV.

„Реализация прибавочной ценности с целью накопления представляет собой в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих, неразрешимую задачу"[2]). Для того, чтобы капиталистическое накопление имело место, необходимо, чтобы были на-лицо такие покупатели товаров, заключающих в себе предназначенную для расширения производства часть прибыли, которые черпают свои покупательные средства не из прибавочной ценности и не из заработной платы, а из самостоятельного источника. Эти искомые покупатели должны удовлетворять следующим требованиям: они должны быть, во-первых, товаропроизводителями, т.-е. лицами, получающими покупательные средства в результате товарообмена, и, во-вторых, некапиталистическими товаропроизводителями, которые нуждаются, однако, в капиталистических товарах. Такого рода покупателей мы находим повсюду, так как рассматриваемое нами „чистое" капиталистическое общество, как некоторая предельная величина, есть абстракция, далекая от реальной действительности. На самом деле. Во всех странах, обладающих даже высокоразвитой крупной промышленностью, мы на-ряду с капиталистическими предприятиями в индустрии и в земледелии находим множество ремесленных и крестьянских хозяйств, которые отнюдь не могут быть причислены к капиталистическим. Далее, мы в самой Европе видим, на-ряду со старыми капиталистическими странами, страны с преобладающим крестьянским и ремесленным производством; таковы, например, Россия, Балканы, Испания, Скандинавия и др. Наконец, мы на-ряду с капиталистическими государствами Европы и Северной Америки сталкиваемся еще с „доисторическими" хозяйственными формами, начиная с первобытного коммунизма и родовой общины и кончая феодальным, крестьянским и ремесленным строем.

Между капитализмом и указанными слоями и странами с момента его рождения на свет устанавливается своеобразный „обмен веществ". Только этот обмен, по мнению Розы Люксембург, дает возможность капиталистическому обществу сбыть предназначенную к накоплению часть прибавочной ценности; только этот обмен обеспечивает его значительной частью необходимых ему продуктов и рабочей силы, ко-

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I. пер. Базарова и Степанова, изд. I, стр. 543, 21а. Курсив мой.

[2]) Rosa Luxemburg. l. c., стр. 321. Курсив мой.

торая „освобождается", пролетаризируется в результате разрушения докапиталистических экономических формаций. Некапиталистические слои и страны являются таким образом **питательной почвой** капитализма, без которой его существование так же немыслимо, как органическая жизнь в безводной пустыне.

Но, вступая в обмен с некапиталистической средой, капитал сразу же наталкивается на значительные затруднения. Ему, во-первых, приходится иметь дело с натуральным хозяйством, которое, вообще говоря, исключает всякий обмен, и, во-вторых, с ограниченностью потребностей как патриархально-крестьянского, так и ремесленного производства. Тут капиталу приходится прибегнуть к „героическим средствам", к методам **политического насилия**. „В самой Европе его первым шагом является революционное преодоление феодального натурального хозяйства. В заморских странах его первым делом, всемирноисторическим актом его рождения является порабощение туземцев и разрушение традиционного общинного строя... Указанные методы выступают в качестве постоянных спутников накопления" [1]). Капитализм насильственным путем разрушает в отсталых странах первобытные натурально-хозяйственные и патриархально-крестьянские отношения. Теми же методами он „вводит" в Азии и в Африке товарное хозяйство, превращая аборигенов в покупателей капиталистических товаров. Массовым, ничем не прикрытым грабежом миллионов порабощенных людей, которые лишаются земли и вынуждаются к систематическому платежу чудовищных налогов, капитализм с невиданной быстротой стимулирует свое собственное накопление, а это с неизбежностью толкает его на „обмен веществ" с новыми „некапиталистическими слоями и странами". С самого начала истекшего столетия, рука об руку с указанными методами „цивилизации", идет экспорт капитала из старых капиталистических стран в новые районы, где он на развалинах примитивных хозяйственных форм находит себе новых покупателей и новые возможности для накопления.

Роза Люксембург в третьей части своей книги собрала огромный исторический материал, характеризующий кровавый путь победоносно шествовавшего капитализма. Эта часть ее работы отличается такой силой изложения, что некоторые места напоминают главу Маркса о первоначальном накоплении, главу, вписанную огненными буквами в историю человечества.

По мере того, как капитализм стирает с лица земли натурально-хозяйственные формации, по мере того, как он ставит на их место простое товарное хозяйство, которое он, в конце концов, заменяет собственными способами производства, он прогрессивно разъедает свою собственную питательную почву и условие его существования, кольцо некапиталистического „окружения", становится все уже и уже. „Но чем больше участие капиталистических стран в погоне за сферами накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты еще для мировой экспансии капитала, тем ожесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных сфер накопления, **тем в большей мере его экскурсии по мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф: в мировые кризисы, революции и войны**" [1]). В этом и состоит империализм. Он является, таким образом, постоянным спутником капитализма, сопровождающим

[1]) Rosa Luxemburg. Die Akkumulation des Kapitals oder was etc, стр. 24. Курсив мой.

его на всем его историческом пути, но приобретающим все более ожесточенный характер по мере расширения капиталистических производственных отношений.

Развитие капитализма представляет собой своего рода диалектический процесс. Путем экспансии он создает себе условия накопления, т.-е. существования. Но он в то же время воспроизводит себя на все расширяющем базисе, разрушая те общественные формации, без которых немыслимо его развитие. В процессе своего роста, в процессе осуществления на земле „чистого" капитализма, буржуазное общество подрубает тот сук, на котором он сидит. Параллельно с этим он до крайних пределов обостряет классовые противоречия и международную хозяйственную и политическую анархию, так что восстание международного пролетариата против капиталистического господства становится неизбежным задолго до логического конца его развития. „Империализм является историческим методом для продления существования капитала, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по кратчайшему пути к цели и положить его существованию объективный предел. Этим однако не сказано, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Уже сама тенденция капиталистического развития к этой конечной цели проявляется в формах, которые делают заключительную фазу капитализма периодом катастроф"[1]). Наступает момент, когда перед человечеством встает дилемма: гибель культуры или коммунизм?

V.

При оценке изложенной теории Розы Люксембург, мы прежде всего должны отметить, что империализм, с ее точки зрения, непосредственным образом связан с существованием капитализма на всех ступенях его исторического развития. Он представляет из себя не что иное, как процесс первоначального накопления, предшествующий каждому шагу капитала, идущего по пути расширенного воспроизводства. Концепция Розы Люксембург, таким образом, совершенно игнорирует тот огромный трансформационный процесс, через который прошел капитализм, превращаясь из анархической, свободно конкурирующей экономической системы, в систему монополистическую, более или менее организованную, по крайней мере в пределах отдельных капиталистических стран. Между тем ясно, что империализм в его современной формулировке ни в каком случае не стоит в стороне от таких явлений, как „обезличивание" и ассоциирование капитала и перенесение основной организационной функции класса капиталистов на заправил могущественных банковых концернов. А это заставляет нас искать ошибки в абстрактном анализе Розы Люксембург.

В обеих своих работах она в целях упрощения исследования все время предполагает, что расширение производства происходит в определенный физический момент. Кончился, скажем, годичный производственный цикл. Начав функционировать в размерах (c + v), капитал по истечении срока дал ценность величиною в (c + v + m), и перед ним становится задача реализовать m. Потребление всех продуктов, овеществленных в m, классом капиталистов невозможно даже в том случае, если предположить, что численность его в результате естественного прироста увеличилась: это было бы „смертным грехом против святого духа капитала". Не помогает и рабочий класс с его при-

---

[1]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 425.

ростом, так как максимальная сумма его покупательной силы дана наперед размером совокупной заработной платы.

Все это, несомненно, безукоризненно с логической точки зрения, но только в предположении, что расширение производства есть ступенчатый процесс. На самом деле, как накопление, так и закупка рабочим классом средств существования идут непрерывно, обнаруживая, в общем и целом, устойчивую тенденцию к росту. Действительно, пусть пролетариат в целом получает еженедельно заработную плату в один миллион рублей. На эту сумму он естественно может купить ту часть общественного продукта, которая заключается в v. В качестве силы, реализующей хотя бы незначительную долю подлежащей накоплению прибавочной ценности, он выступать не может. Но стоит только предположить, что жизненные потребности рабочего населения в силу его естественного размножения за неделю увеличилось на один процент и что оно, пользуясь недельным кредитом в мелочных лавчонках, закупило продуктов на добавочных 10.000 рублей,— и рабочий класс выступает перед нами, как существеннейший фактор капиталистического накопления. Капитализм сразу получает возможность реализовать некоторую долю „неподдающейся" сбыту части m, а, стало быть, и накоплять. Но нас могут спросить: а каким путем рабочие уплатят собирательному мелочному торговцу те 10.000 рублей, на которые они кредитовались и которые оказались спасительными для „чистого" капитализма?

Ответ на этот вопрос совершенно ясен. Реализация части m вызывает накопление. Накопление означает введение в действие новых мертвых и живых производительных сил. Стало быть, число работающих в капиталистических предприятиях пролетариев увеличивается; в производство вовлекаются новые работники, которые черпаются, скажем, из подрастающего поколения потомственных пролетариев. Переменный капитал, вследствие этого, возрастает или, другими словами, денежная сумма, имеющаяся в данный промежуток времени в распоряжении пролетариата, как класса, увеличивается сверх той миллионной суммы, которою он, согласно нашему предположению, располагал в предыдущую неделю.

Другим могучим фактором, способствующим накоплению, служит капиталистическое государство. Будучи организацией классового господства, оно непрерывно закрепляет и воспроизводит капиталистические воспроизводственные отношения. Это достигается прежде всего при помощи насильственных методов политического угнетения, при помощи бюрократии, армии, полиции, тюрем и т. д. Буржуазное государство, вкупе с церковью, кроме того, занимается еще обработкой пролетарских голов. Но, выступая в качестве самой универсальной социально-экономической организации буржуазии капиталистическое государство принимает на себя и некоторые функции производственного характера: оно организует почту и телеграф, прокладывает новые железные дороги, орошает безводные пространства, роет каналы, строит гавани и т. д., и т. п. Другими словами, буржуазное государство не только кормит миллионы непроизводительных бюрократии, но занимается и накоплением в экономическом смысле этого слова. Каким путем государство получает необходимые для этого „ценности" или соответствующие им вещественные элементы? Оно получает их в виде налогов, которые составляются, главным образом, из прибавочной ценности. Таким образом, капитализм в лице государства приобретает весьма крупного „потребителя", который присваивает себе часть общественного продукта и тем самым

освобождает капиталистов от неприятных поисков за покупателями, хоть некоторой части не поддающейся сбыту прибавочной ценности.

Итак, мы пришли к заключению, что теоретически процесс накопления или расширенного воспроизводства вполне возможен и в абстрактном капиталистическом обществе, состоящем только из буржуазии и пролетариата, не знающем никакого некапиталистического „окружения". Этот вывод находится, конечно, в противоречии с изложенной выше теорией и тем не менее работа Розы Люксембург имеет огромное значение, ибо выдвинутые ею некапиталистические слои и страны, поскольку они существуют, являются предпосылкой неограниченного накопления. На самом деле. Если прирост населения в идеализированном буржуазном обществе может быть базой для расширяющегося капиталистического сбыта, то последний все же крайне ограничен относительно медленным размножением людей. При „чистом" капитализме накопление то-и-дело наталкивается на объективные пределы, которых оно никак не может перескочить.

Любопытны некоторые цифры, которые дает статистика. Согласно последним, довоенным демографическим переписям, ежегодный прирост населения в капиталистических странах (которые, кстати сказать, с точки зрения абстрактно-теоретического анализа еще далеко не являются капиталистическими) составлял:

для Германии	1,41%
„ Австро-Венгрии	0,87%
„ Италии	0,63%
„ Румынии	1,50%
„ Европ. России	1,37%
„ Сербии	1,60%
„ Бельгии	1,03%
„ Нидерландов	1,38%
„ Англии с Шотландией и Ирландией	0,87%
„ Соед. Штатов Сев. Америки	1,90%
„ Франции	0,18%

Но здесь нужно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, указанный процент естественного прироста населения в ряде перечисленных стран составляется в значительной мере из более быстрого естественного прироста некапиталистических слоев, так что размножение капиталистического населения (потомственных капиталистов и потомственных пролетариев) идет еще медленнее, чем это показывают приведенные цифры. Во-вторых, рост денежной заработной платы всегда медленнее роста рабочего населения, который, на наш взгляд, может стимулировать накопление. Уже Маркс указал тот факт, что по мере развития капитализма органический состав капитала повышается. Это, в конечном счете, означает технический прогресс, т.-е. повышение производительности труда, которое идет на пользу классу капиталистов. А отсюда вытекает, что если рабочее население дает ежегодный естественный прирост, скажем, в 3%, то прирост заработной платы, взятой в ее совокупности, будет ежегодно возрастать на последовательные величины членов такой, например, арифметической прогрессии: 3%, $2^{15}/_{16}$%, $2^{14}/_{16}$%, $2^{13}/_{16}$%, $2^{12}/_{16}$%, $2^{11}/_{16}$%, и т. д.

Следовательно, если бы капиталистическому обществу пришлось ограничиться одной только капиталистической средой, то накопление могло бы протекать в самых незначительных размерах. Германскому капитализму удалось бы достигнуть тех успехов, которые он сделал в

действительности, разве только в продолжение нескольких столетий, а французский капитализм вырождался бы вместе со своим населением. Между тем „полнокровный“ капитализм объективно требует широчайшего размаха, и весь мир неизбежно превращается в арену его невиданной экспансии.

Именно, с этой точки зрения, оба цитированных исследования Розы Люксембург бросают яркий свет на проблему империализма.

Ш. Дволайцкий.

M\/ I

Третий год борьбы Советской Республики против мирового капитала.

1. Язык оружия.

Поражение Колчака, Юденича и Деникина.

На исходе 2-го года существования Советской Республики Красная армия теснила Колчака вдоль Сибирской жел. дороги, обрекая его на окончательное поражение и разгром. Деникинские полчища были вынуждены к грандиозному отступлению; им предстояло остановиться лишь на Кавказе, где их между Ростовом и Новороссийском ждала гибель. Господин Ллойд-Джордж, однако, спокойно заявил, что он никогда не верил в победу Деникина и Колчака, как-будто они никогда не пользовались поддержкой Англии. Большевизма, — говорил он, — вообще нельзя уничтожить силой меча. Почему Колчак и Деникин должны были погибнуть, это ясно теперь даже буржуазной печати. Известия о положении дел в тылу Колчака, напечатанные летом в „Манчестер Гардиен", принадлежащие перу одного английского наблюдателя, говорят на том же языке, что и признания, которые мы слышим теперь от деникинцев. В тылу Деникина господствовала безудержная вакханалия наживы и карьеризма: справляли оргии спекулянты, расхищали и грабили все. Достаточно сказать, что англичане вынуждены были самолично доставлять обмундирование отдельным воинским частям, чтобы его не раскрали и не продали по дороге. В то время, как неслыханные суммы безумно расстреливались на воздух, население изнывало под тяжестью дороговизны и всякого рода кризисов. Богатейший южный хлебный район сильно страдал от недостатка хлеба. Имея в своем распоряжении угольный район мирового значения, неистощимые запасы нефти,— из-за недостатка топлива не могли пустить в ход ни транспорта, ни промышленности. Ужасающий подбор личного состава администрации превращал на местах в издевательства все высокие слова о законности и праве. Старые земские начальники, ожившие пристава, отбросы старого царского правительства, облеченные полномочиями, наезжали на места и кормились, пытаясь восстановить власть старых помещиков, которые при помощи местных властей и войска возмещали себе прежние убытки и мстили крестьянам. Шел систематический грабеж. В последнее время это никого не удивляло. Тащили солдаты, грабили офицеры, грабили многие генералы. Так описывает положение деникинского тыла контр-революционный журналист Г. Н. Раковский в своей книге „В лагере белых", вышедшей в Константинополе.

Крушение контр-революции вынудило главных партнеров гражданской войны в России—советское и английское правительство—ясно заявить, что они намерены делать дальше. Советская Республика дала ответ на этот вопрос на Съезде Советов, имевшем место в декабре 1919 года. Пушки гремели еще у Ростова-на-Дону, перед армией стояла еще тяжелая задача во время суровой зимы нанести последний удар полчищам Деникина. Но взоры советского правительства уже обратились к мирному строительству. Съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов прошел под лозунгом мирного строительства. В кругах коммунистической партии загорелась оживленная дискуссия о методах и формах организации производства,—дискуссия, которая закончилась на мартовском съезде партии и послужила исходным пунктом величайших усилий путем трудовых армий использовать силу крестьянства для восстановления промышленности, без которой и крестьянское хозяйство должно было пасть до уровня средневековья. Советскую прессу наполняла пропаганда трудовой дисциплины. Труд был возведен в религию и все более широкие круги охватывало радостное сознание, что пора кровопролития миновала и советское правительство и советская республика обратилась к тем задачам, ради которых она возникла: к борьбе против нужды и нищеты, к организации хозяйственных сил разоренной страны.

Руководящая сила европейской контр-революции,—британское правительство,—увидев невыполнимость плана с оружием в руках победить советскую Россию, казалось, пошло навстречу мирным стремлениям советской России. Конец января 1921 года принес радиотелеграмму о постановлении Союзного Совета снять блокаду с России. Надо было пережить впечатление этой вести на русском фронте, чтобы представить, как горячо и глубоко было стремление к миру и труду в русских народных массах. Переговоры, которые с декабря месяца начал Литвинов, одна из лучших дипломатических сил Советской России, с О'Греди в Копенгагене, повели к переговорам о modus'е vivendi между Советской Россией и капиталистическим миром: к Литвинову вскоре присоединился Красин, один из лучших русских техников и в то же время старый член Российской Коммунистической Партии. Советская Россия была готова пойти на значительные уступки, чтобы обеспечить себе возможность мирного труда. Ее руководящие сферы, как и массы, на которые она опирается, исходили при этом из того взгляда, который мы в феврале 1919 года изложили в следующих словах:

„Пока пролетариат не победит во всех главнейших государствах, пока он не в состоянии использовать для строительства производительные силы всего мира, пока на-ряду с пролетарскими государствами существуют государства капиталистические,—до тех пор первые вынуждены заключать с последними компромиссы, до тех пор не будет ни чистого социализма, ни чистого капитализма; будучи территориально разграничены между собой, они вынуждены будут друг другу предоставить концессии на своей собственной территории".

Скоро должно было обнаружиться, действительно ли Англия имела желание честно заключить компромисс с советской Россией. Польский вопрос был пробным камнем мирных намерений английского правительства.

Польская опасность.

Польская война была частью войны, которую Антанта вела против советской республики с конца 1918 года. Советская Россия еще в Брест-Литовске защищала независимость Польши против германского

империализма. Когда Польша, освобожденная русской революцией от когтей царизма, была и германской революцией освобождена от оков германского империализма, советская республика признала польскую республику и предложила правительству польских социал-патриотов с Дашинским и Пилсудским во главе вступить в переговоры, которые должны были окончательно ликвидировать наследие царизма. Но польские социал-патриоты боялись революции в собственной стране. Будучи идеологами мелких буржуа, они хотели в независимой Польше вводить социализм „безболезненно", демократическим путем. Они боялись мирных сношений с Советской Россией, потому что боялись революции. И стиснутые между русской и германской революцией, полные страха перед их революционизирующим влиянием, они обратили свои взоры к Антанте, единственной непоколебимой капиталистической группе, и ждали от нее спасения. Она должна была дать им сырье и машины, должна была дать оружие против революции. Для Антанты же вообще Польша была валом против советской России, для Франции в частности гарантией Версальского мира. Польша должна была вооружиться до зубов, чтобы быть готовой в качестве вассала Франции взыскивать русские долги и охранять ее от Германии. Эту роль взяла на себя Польша и выступила против советской Белоруссии и советской Литвы, под предлогом, что советская Россия готовит нападение на Польшу. В течение года варшавское правительство посылало на восточный фронт сыновей польских крестьян и рабочих, в течение года телеграфные агентства сообщали о польских победах над красными войсками. Эта слава была куплена дешево: советская Россия, находившаяся в тяжелой борьбе с Деникиным, Колчаком, Юденичем, Эстляндией, Лифляндией, Петлюрой, держалась против Польши оборонительно. Польские победы были одержаны на бумаге. И в момент решительной борьбы с русской контр-революцией советская Россия заключила даже тайные сношения с Пилсудским, на основании которых Красная армия отступила за условленную линию. Господин Пилсудский и польские социал-патриоты позорно предали Деникина и Антанту: царских генералов они боялись больше, чем советской России. Они были убеждены, что победа белых означает конец польской независимости. Поэтому хотя они и продолжали смиренно и добросовестно брать французское и английское золото на войну против советской России, они сговорились с этой последней, как не вести этой войны. Советская Россия предложила прямое окончание войны мирными договорами, которые должны были предоставить Польше всю Белоруссию до Березины, Волыни и Подолии. Но Пилсудский боялся разрыва с Антантой, он нуждался по крайней мере в видимости войны, чтобы не быть принужденным к демобилизации, которая должна была развязать внутренние социальные противоречия. Когда Деникин и Колчак были побеждены, белая Польша ожидала, что советская Россия обратит теперь свои освобожденные силы к наступлению на западном фронте. Пресса Антанты старалась укрепить ее в этой уверенности. Советская Россия, которая честно стремилась к миру с Польшей, старалась рассеять эти опасения польского правительства целым рядом заявлений. В одном заявлении высшего представительства советской России Ц. И. К. Советов, как и в заявлении Совета Народных Комиссаров, была торжественно признана независимость Польши, и ей были предложены мирные переговоры.

Польское правительство искало совета у союзников. В ответах Франции дело шло само собой понятно о поддержке военной фракции польского правительства. Французский империализм уступил давлению

английского правительства, согласившись на снятие торговой блокады, но он не отказался от мысли о ниспровержении Советской России. Англия ответила уклончиво. Правда, Ллойд-Джордж заявил полякам, что было бы лучше, если бы они заключили мир. Однако, он остерегался каким бы то ни было образом толкать на заключение мира. И Ллойд-Джордж не один представлял английское правительство. Рядом с ним, представителем мелко-буржуазных воззрений и сторонником мирной торговли, существовало еще второе английское правительство,— правительство В. Черчилля и лорда Керзона.

Это второе правительство состояло из двух клик: военной и индийской. Военная клика, группирующаяся около Черчилля, видит в России зачинщика мировой революции. Она боится победы коммунизма в Германии и могущего возникнуть союза между Советской Россией и Советской Германией. Она стоит за всемирные усилия для военного свержения Советской России и одновременно за уступки буржуазной Германии, которую должен укрепить польский натиск на советскую Россию. Лорд Керзон из Седльстона вырос в традициях защиты Индии. В качестве бывшего вице-короля Индии он рассматривает английскую политику и мировое положение с террасы индийского вице-королевского дворца. Основной мыслью внешней политики Керзона было и останется ослабление России, России вообще, безразлично, каково русское правительство. Керзон боялся победы белых генералов. Он был убежден, что белая Россия будет держать курс на экспансию в Азии, чтобы заставить русский народ забыть о революции и укрепить славу господствующей генеральской клики, а вместе с тем и ее внутреннее положение. Поэтому он в августе 1919 г. аннулировал старый русско-персидский договор и поставил Персию — этот военный гласис индийской крепости — под нераздельный английский контроль. Поэтому он уничтожил соглашение о Дарданеллах и взял их под „защиту" английских пушек. Ему были не по душе победы Деникина, и быть может история когда-нибудь докажет, что Керзон участвовал своей рукой в игре, если Деникин и Юденич не были поддержаны всей мощью Англии. После поражения Деникина, заботы Керзона должны были обратиться к мысли, как продлить состояние гражданской войны в России, как не дать зажить ранам России. Керзон должен быть ковать две вещи, пока железо было горячо. Одна часть деникинских войск была в момент поражения в Крыму, где они, подкрепленные беженцами с Кавказа под предводительством Врангеля, могли образовать исходный пункт новой интервенции. На западе стояли польские войска. Принуждаемый поражением белых в России и стремлением к миру английского рабочего класса, к мирным переговорам с Россией, Керзон не хотел допустить ликвидации антибольшевистских — что значило для него: анти-русских—сил. Под маской гуманности он начал переговоры с советской Россией о ликвидации врангельского фронта, с целью выиграть время для вооружения Врангеля. Он правильно рассчитывал, что сильно ослабленные войной красные войска не будут очень сильно теснить Врангеля, если им будут открыты виды на бескровную ликвидацию врангелевского фронта. Что касается Польши, то при воинственном пыле французов было достаточно, чтобы он и Черчилль дали ей понять, что она может продолжать получать обещанное оружие. Когда Польша стала уверена, что мирная позиция Ллойд-Джорджа всерьез не принимается его коллегами, она перестала принимать всерьез мирные предложения английского премьер-министра. А Ллойд-Джордж? Ллойд-Джордж не меньше Керзона хотел низвержения советской России. Он только не верил в победу оружия. Кер-

зон и Черчилль могли, однако, представить ему донесения своих агентов, в первую очередь ревельской военной миссии, из которой вытекало, что Красная армия совершенно деморализована жаждой к миру. Перевод отдельных частей Красной армии на положение армии труда принимал в этом донесении вид доказательства того, что советское правительство само видит небоеспособность Красной армии. Если это так, почему тогда не обождать, не удастся ли Польше разгромить Красную армию? Тогда не придется делать никаких уступок ненавистной советской России. Ллойд-Джорджа укрепило в намерении to wait and to see (подождать и посмотреть) поведение Литвинова и Красина в копенгагенских предварительных переговорах. Вместо того, чтобы жалобно молить (хныкать) о мире и предложить High Honourables Россию на распродажу, — Литвинов и Красин прямо заявили, что Россия так ослаблена войной, которую она вела вместе с союзниками, и новой гражданской войной, которую они финансировали, что она не в состоянии платить старых царских долгов и тотчас вывезти большое количество хлеба и сырья. Она должна сначала поднять состояние своего транспорта с помощью капитала Антанты, и пустить в ход промышленность, прежде чем будет в состоянии появиться на мировом рынке, как поставщик сырья и хлеба.

Польское правительство объявило, что готово на мирные переговоры. Но местом для этих переговоров оно предложило Борисов — городишко за польским фронтом, на железнодорожной линии, ведущей на Минск. Выбор места для мирных переговоров говорил всякому сведущему человеку, о каком мире думала Польша. Русско-польский фронт распадался на две части: на юго-западный и северо-западный. Для Польши было ясно, что советская Россия должна быть слабой на юго-западном фронте. Украинская железнодорожная сеть, состояние украинского населения, которое видело смену двенадцати правительств и поэтому не верило ни одному, — было тому объяснением. К этому прибавлялось соображение, что удар на юго-восточном фронте только тогда мог бы подействовать в направлении центра польского правительства Варшавы, если б за ним последовал удар на северо-западном фронте. Кратчайшая дорога на Варшаву — шла через Минск. Польское правительство, отказываясь от перемирия на целом фронте и допуская его только на фронте Борисова, было таким образом в состоянии, в случае, если Россия не пойдет на все требования Польши, повести наступление на Киев во время мирных переговоров в то время, как силы красных войск будут оставаться связанными на северо-западном фронте. Пилсудский хотел играть роль генерала Гоффмана. И как Гоффман в виде козыря против Советской России выставил мелкобуржуазного украинского националиста Петлюру, чтобы отделить от России украинцев, т.-е. хлеб и уголь, так и Пилсудский заключил с Петлюрой сделку, в силу которой этот трижды изгнанный рабочей и крестьянской Украйной всесветный союзник и всесветный изменник был признан Пилсудским защитником независимости Украйны. Советское правительство 8-го апреля обратилось к английскому правительству с нотой, в которой подтверждало это положение вещей и как место мирных переговоров, между прочим, предлагало Лондон. Вместе с тем говорилось: если английское правительство действительно заинтересовано в мире, то оно имеет возможность осуществить компромисс между Польшей и Советской Россией и таким образом устранить путем мирных переговоров войну. Если английское правительство этого не сделает, оно лишится права вмешиваться в русско-польскую войну. Как „нейтральная“ держава, английское правительство сняло маску.

Оно не ответило на ноту советского правительства; 29-го апреля началось наступление Пилсудского на Киев, который защищался всего 6.000 человек. 7-го июля Киев пал. Французская пресса высмеивала англичан: вы хотите получить сырье и средства существования переговорами с советской Россией. Все это доставит нам Пилсудский из Украйны.

Переговоры с Англией.

Английское правительство вело между тем затяжные переговоры. Правительство, которое Литвинова не впустило, утверждая, что дело идет не о политике, а о хозяйственных сношениях, начало с Красиным переговоры с вопроса о преодолении политических препятствий к хозяйственным сношениям. Оно горько жаловалось на коммунистическую агитацию, которая ведется со стороны советской России не только между английскими рабочими, но и — вот преступление — между народами Востока, которые самим богом предназначены к тому, чтобы наслаждаться благодеяниями английского господства. Оно требовало прекращения этой пропаганды, как основного условия русско-английского торгового соглашения.

Красин указал на то, что Англия является главной анти-русской коалицией, руководительницей русской контр-революции. На требование англичан прекратить борьбу против английских интересов на Востоке, Красин ответил указанием, что Россия никоим образом не в состоянии прочитать у англичан в глазах, в чем состоят их интересы на Востоке. Россия граничит с Востоком, и хотя она не преследует на Востоке никаких корыстных целей, ее интересы состоят в том, чтобы никакая империалистическая сила не использовала восточные страны, как базис для борьбы против советской России, совершенно независимо от того, что Россия связана с народами Востока солидарностью народа, теснимого мировым капиталом. „Известия“ развили эту мысль. Они говорили: Советская Россия никоим образом не видит в народах Востока объекта торговли. Она прочно связана с их подъемом, однако ясно, что если Англия заключит мир с советской Россией, то это создаст такую ситуацию, при которой также и восточные народы, поддержанные советской Россией, смогут достичь мирного modus'a vivendi с Англией, если они ради мира принесут жертвы, как это сделала советская Россия в Брест-Литовске.

Английское правительство, хотевшее использовать нетвердое положение советской России на польском фронте для заключения соглашения, настаивало на его заключении. 6-го июля — соглашение было подписано советской Россией. Соглашение гарантировало свободу торговых сношений обеих сторон под условием отказа с обеих сторон от всяких враждебных действий и агитации, не перечисляя их подробно. Английское правительство думало, что этим соглашением одержало крупную победу. В действительности оно получило кусок бумаги, который еще только надо было заключить. Не потому, чтобы советская Россия намеревалась по образцу Бетман-Гольвега рассматривать всякую сделку с капиталистическим правительством, как клочок бумаги. Не придавая дипломатическим соглашениям значения священного писания, советская Россия намеревалась, без сомнения, соблюдать мирное соглашение, потому что она нуждалась в мире для своего хозяйственного строительства. Лучшей гарантией сохранения мира советской Россией является ее заинтересованность в торговых сношениях с капиталистическими странами. Но если Англия думала связать Россию, не связывая себя, то это было большое заблуждение. Так как при

враждебном поведении Англии против советской России сдержанность России потеряла бы основание. Таким образом, соглашение представляло из себя пустой лист бумаги, который еще только должен был быть заполнен обеими договаривающимися сторонами.

В то же время Красная армия старалась создать условия, при которых также английское правительство стало бы живо заинтересовано в поддержании мира с советской Россией.

Война с Польшей.

Еще не высохла бумага, на которой польские буржуазные болтуны сравнивали победы Пилсудского с победами Болеслава Храброго, не завяли цветы, которыми забросали Пилсудского на улицах Варшавы при его возвращении из Киева, как на северозападе началось наступление Тухачевского. Поляки сдержали его у Молодечно, однако, ценой участия некоторого числа дивизий, взятых с киевского фронта. Это так ослабило польский Южный фронт, что когда кавалерия прежнего вахмистра Буденного перешла Днепр, польский южный фронт дрогнул. Благодаря этому северный фронт был оставлен без поддержки. Он повис в воздухе. В то время, как конные войска Буденного в ожесточенных боях отбросили поляков к Галиции, северный фронт форсированным маршем отошел к Брест-Литовску и Белостоку, жестоко преследуемый войсками Тухачевского. „Hannybal ante portas" (Ганнибал у ворот), кричала та самая империалистическая пресса Антанты, которая незадолго перед этим говорила о Красной армии, как о недисциплинированной орде. Французская пресса кричала о военном вмешательстве в защиту Польши. Начальник штаба маршала Фоша, генерал Вейганд, принял командование польской армией, и Англия, которая 8-го апреля не хотела ничего слышать о вмешательстве в пользу мира, вдруг показала себя высоко заинтересованной в установлении мира между советской Россией и Польшей. И хотя Англия, которая видела в Польше вассала Франции и никоим образом не имела причин питать симпатию к этой опоре французских стремлений к гегемонии на континенте, но она понимала, что уничтожение белогвардейской Польши будет иметь катастрофические последствия для мировой буржуазии. Советская Польша была бы передовым укреплением советской России. Господство рабочего класса на Висле не только лишило бы Версальский мир опоры в лице Польши, но и ускорило бы победу немецкого пролетариата, так как тогда у него исчез бы страх быть раздавленным между империалистической Францией и националистической Польшей. Поэтому Англия забыла, что она не может вести никаких политических переговоров с проклятой советской Россией.

Каменев во главе политической делегации поехал в Лондон; он был так любезно принят Ллойд-Джорджем, как будто являлся посланником кровожадного царя, а не пролетарской демократии России. И английское правительство предложило общую конференцию по восточному вопросу. Оно дало понять, что дело идет о полной ликвидации анти-большевистской политики, за которой должно последовать признание Советской России. Ллойд-Джордж и его приспешники таинственно посвятили русскую делегацию в секреты своих расхождений со „скверным" Мильераном, которые, разумеется, знал из газет каждый уличный мальчишка. Цена, которую предстояло заплатить советской России за честь пользоваться бóльшим доверием Ллойд-Джорджа, чем будто бы обладал Мильеран, цена всех этих любезностей должна была состоять

в прекращении военных действий против Польши. Советская Россия отклонила английское вмешательство. Ни английские любезности; ни угрозы муками ада, которые всегда выступают на сцену, когда английским империалистским интересам грозит опасность, ввиду того, что английский народ является избранным на-ряду с иудейским,—ни кнут, ни пряник не остановили русского наступления. Советская Россия была готова к миру, но это должен был быть мир, заключенный между русским и польским народами, который сделал бы раз навсегда невозможным для Антанты занести польскую саблю над советской Россией.

Опасности наступления однако были на-лицо. Чем дальше Красная армия удалялась от своего базиса, тем затруднительнее было кормить ее и снабжать военными припасами. Тяжелая артиллерия не могла следовать за войсками. Грозила опасность, что уставшая, растянувшаяся Красная армия столкнется с сомкнувшимся врагом. Состояние транспорта совершенно не позволяло принять участие в боях всем наличным силам. В противовес этим соображениям, которые диктовали остановку на берегу Буга, другие соображения указывали на то, что если предоставить полякам время, то они с помощью Франции восстановят свою ослабленную, но не истребленную армию и соберутся с силами для нового удара.

Англия же была не в состоянии взять на себя какие-либо обязательства, связывающие Францию. Риск неудачи был учтен. Красная армия перешла Буг, Неман, устремилась через Брест-Литовск и Белосток к Варшаве. Она перекинулась за Вислу, чтобы воспрепятствовать возможности поддержки Польши Антантой со стороны Данцига. Несмотря на явную опасность, сопутствующую всякой крупной военной операции, полная победа была возможна. Эта возможность разбилась в первую голову об организационные вопросы. Красная армия шла в наступление, разделенная на две части—юго-западную и северо-западную,—каждая под особым командованием. При затруднительности связи совместная работа обеих частей армий была неудовлетворительной.

Это обнаружилось в ходе борьбы, и юго-восточная группа была подчинена общему командованию Тухачевского. Тухачевский, который знал, что польские силы, отступившие под Брест-Литовском, отошли не к Варшаве, а к Люблину, видел опасность нападения с фланга на армию, осаждающую предместье Варшавы—Прагу. Он дал приказ кавалерии Буденного прекратить борьбу за Львов и итти в направлении Люблина. Буденный, однако, на основании прежних приказов самостоятельного юго-западного командования, был втянут в тяжелые бои и не мог освободиться от врага. Это позволило Вейганду осуществить удар с фланга, к которому присоединились удары с севера, имевшие целью разделить русскую армию; сами по себе они не имели бы никакого решающего значения, если бы Буденный подоспел вовремя.

Отброшенная у Варшавы, армия устремилась назад и, жестоко преследуемая арьергардными боями, могла остановиться едва лишь у Березины.

В то время, как Красная армия на Висле была близка к победе над лакеем мировой буржуазии—польской буржуазией, чтобы пошатнуть мировое господство капитала, последний увидел в собственных владениях возникновение красной опасности. В Германии вспыхнуло сильное брожение среди рабочих масс. Они не пропускали французские транспорты снарядов и были близки к тому, чтобы оживить рабочие советы, уничтоженные минометами Носке. В Англии впервые распространилась

в массах мысль о революции. На угрозу войны Downingstreet'а рабочий класс, еще не освободившийся от оппортунизма, ответил образованием Совета Действия и заявил, что он прибегнет к всеобщей стачке, если правительство попробует послать английский флот против советской России. Впервые в английской истории рабочий класс стал решающим фактором во внешней политике.

Целая гора свалилась с плеч мировой буржуазии, когда Красная армия отступила, разбитая на Висле. Но как она была не в состоянии понять победы Красной армии, так она была неспособна правильно оценить ее поражения.—В августе,—писал редактор одного руководящего английского органа своим корреспондентам в России,—английские буржуа были убеждены, что красные войска будут к Рождеству стоять на Рейне.—И господин Черчилль уже открыто выступил за амнистию „гуннов", не более черных и не менее цивилизованных, однако, чем сенегальские негры и индийские войска, которые французский и английский капитал заставил принять участие в войне для спасения цивилизации (приносит 20%). Теперь, когда исчезла военная опасность со стороны советской России и отхлынула волна революционного рабочего движения, объединенная буржуазная пресса всего мира предсказывала крушение советской России и восхваляла польских шляхтичей, как спасителей цивилизации. Те, которые при короле Собеском спасли христианство от турецкой опасности, спасли теперь спекуляцию. Слава Пилсудскому, спасителю цивилизации, и слава генералу Вейганду, спасшему безголового Пилсудского!

Перемирие в Риге и свержение Врангеля.

У советской России было под ружьем достаточно сынов, чтобы двинуться в третье наступление на Польшу. Она, однако, отказалась от нового военного похода и вступила на путь рижских мирных переговоров, с твердым решением закончить их компромиссом с белой Польшей. Основания, говорившие в пользу этого, были идентичны. Во время польской войны Франция признала Врангеля. Этим был создан новый центр русской контр-революции, за которым в данный момент стояла вся мощь Франции, а завтра также могла стать вся мощь Англии.

С польской контр-революцией компромисс был возможен. Польша была жестоко изнурена войной. Польская буржуазия и польские шляхтичи увидели, как ничтожна была помощь, которую могла оказать им Франция. Ее пресса назвала поражение Красной армии „чудом на Висле", а чудеса—это факторы, которые нельзя принимать в расчет. Переговоры в Минске показали, что поляки отказались от украинской авантюры—единственного вопроса, по которому не был возможен никакой компромисс. Можно было таким образом говорить о территориальных уступках в Белоруссии и об экономическом соглашении. Разумеется, для советской России было не легко отдать польской шляхте белорусских крестьян, с ликованием встречавших красные войска. Но советская Россия не в первый раз принуждена была отдавать одну часть своих детей в добычу врагу, чтобы не подвергать никакой опасности жизнь самой советской Республики: если советская Россия останется невредимой, то невредимым будет и центр мировой революции, которая в будущем освободит всех угнетенных. В болотах и лесах Белоруссии не заключалось никаких жизненных интересов советской России. Обладание Белоруссией только затрудняло экономическое положение польской буржуазии. Относительно экономических

вопросов компромисс между Польшей и советской Россией был возможен, и он был тем богаче возможностями, что для него требовались, разумеется, длительные переговоры, во время которых положение советской России могло быть укреплено победой над Врангелем.

С Врангелем не могло быть никаких компромиссов. Врангель и советская Россия были двумя центрами: центром контр-революции и революции в России. Оба сражались за власть в общерусском масштабе. Признанный и поддержанный Францией, Врангель начал стягивать остатки всех контр-революционных армий и угрожать жизненному нерву России. Он мог отрезать советскую Россию от бакинской нефти и северо-кавказского хлеба и мог разрушить только что начавшуюся работу по восстановлению донецкого бассейна. Врангель должен был быть побежден. Еще раньше, чем перемирие с Польшей было подписано, воинские эшелоны начали отходить с польского фронта на врангелевский. Вся Россия напрягала все силы, чтобы использовать зиму для боев против Врангеля. И дело шло не только о том, чтобы победить Врангеля. Победа над Врангелем была победой над империалистической Францией. Она была доказательством того, что Советская Россия не была поколеблена в своей основе польскими поражениями. „Daily News", орган либеральной английской буржуазии, справедливо писала: „Если советская Россия выдержит потрясение от поражения в польской войне, то она достаточно крепка". Ясно, что правительство, имеющее прочную основу, может вынести потерю десятков тысяч убитых и десятков тысяч пленных без глубочайшего потрясения. А насколько глубоко было потрясение, всего лучше могло показать поведение Красной армии на врангелевском фронте. Не будет ли она утомлена польским поражением, устоит ли она в течение зимы перед тяготами войны на юге,—таковы были вопросы, напрашивавшиеся каждому. Советское правительство готовилось к зимней кампании на врангелевском фронте. В начале октября началось наступление на Врангеля под командой тов. Фрунзе. В начале ноября с Врангелем было покончено.

Борьба против Врангеля составляет одну из славнейших страниц в истории Красной армии.

На юге к тому времени уже установилась жестокая зима. Снежные метели и морозы перемежались с дождем, который испортил все дороги. И хотя Москва и Петербург ежедневно доставляли 15.000 шинелей,—солдаты стояли в поле, подвергаясь всем трудностям поздней осени и начинающейся зимы. Тяжелая артиллерия с трудом могла быть подтянута. И когда Красная армия отогнала врангелевские войска к обоим соединяющим Крым с материком перешейкам, она остановилась перед прекрасно построенной линией оборонительных укреплений, которые были защищены под командой французских артиллерийских офицеров, превосходно вооруженных.

Немногие рассчитывали на возможность форсирования перешейков. Красное командование делало приготовления к ударам с флангов, со стороны моря. Но красные войска, не обескураженные польскими поражениями, бесстрашно шли в одно фронтальное наступление за другим. Десять тысяч сынов советской России осталось лежать на месте, но советское знамя было водружено на перешейках, и скоро с башен Севастополя советская звезда засветилась над Черным морем, показывая народам Востока путь борьбы и победы.

II. Перед решением.

Итоги политики Согласия.

1920-й год привел к концу то, что принес 1919-й: крушение интервенционистских планов Антанты. Советская Россия заключила мир с окраинными народами, когда-то порабощенными царизмом: с финнами, эстами, литовцами, латышами. Она близка к тому, чтобы заключить мир с Польшей. Она легко может покончить с Румынией, если та не пойдет на мир... Что это значит? Это значит, что все вассалы Антанты питают слишком мало доверия к своим господам. Или они считают, что Антанта далеко, а Красная армия близко, и в решительный момент они будут оставлены Антантой,—или ими руководит соображение, что Антанта совсем не намерена признавать их длительное существование, что она никоим образом не в состоянии этого сделать, если хочет поставить ставку на русскую контр-революцию. Наконец, они понимают, что связь с Антантой, принесет с собой их эксплоатацию капиталом Антанты, если они не будут иметь гарантий против этого в виде мира с советской Россией. И, наконец, расплывчатость политики Антанты похоронила их веру в устойчивость ее антибольшевистского курса. Окраинные народы, как постоянный козырь, были выбиты советской политикой из рук Антанты. Может быть, Антанта еще будет в состоянии поднять против советской России ту или иную шайку в одном из окраинных государств, но создать из них всеобщий фронт против советской России она больше не сможет. И это тем менее будет возможно, что массово-психологические основания для такой интервенции совершенно исчезли. Буржуазия окраинных государств только тем могла поднять на ноги против советской России крестьянство и мелкую буржуазию своих стран, что рассказывала им сказку о советском империализме. Советская Россия разбила эту сказку. Она решилась на мир не только в тот момент, когда ей угрожал более сильный враг, но она хранила мир и тогда, когда ее армии освободились... Массы в Эстляндии, Лифляндии, Литве начали понимать, что они были обмануты. Старое национальное недоверие к русским,—результат прежней царской политики национального угнетения,—исчезает. А буржуазия, которая так страшно боялась, что советская Россия может под маской мира готовить нападения на окраинные страны, рассчитывает следующим образом: самипо себе окраинные страны с очень слабым рабочим классом, не представляют никакого особенного объекта тяготения для советской России. Политически и экономически это только транзитные страны как для товаров, так и для революционных идей. Если победит революция в Германии, тогда— и это хорошо знали люди буржуазных кругов этих окраинных стран— пролетариат этих окраин также найдет силу взять власть. Но до тех пор, пока наступит этот день потопа, советской России нет никакого интереса тревожить эти страны. Они нужны ей теперь, как окна в Европу, пока она не достигла устойчивого мира с Англией. Когда же она будет иметь этот мир, то она будет еще живее заинтересована в том, чтобы не подвергать его опасности нападением на страны, с которыми она впервые заключила мир. Этот расчет буржуазных кругов— а его можно найти во всех головах в окраинных странах—тем больше укрепляет их мирное настроение, чем более они выгадывают при транзитной торговле с Россией.

Разгром сил русской контр-революции, финансированных и организованных Антантой, укрепил в широких кругах союзных политиков

то очень правильное убеждение, что всякое нападение на советскую Россию только укрепляет моральное положение советского правительства: оно возбуждает не только опасение крестьян за свою землю, не только страх пролетариата перед господством белого террора, но и национальное чувство интеллигенции. Поражения белых имеют еще и другое следствие: разбитые, оставленные под ударами, странствующие по всей Европе белые офицеры и беженцы, вкусившие за исключением маленькой части генералитета и руководителей все тяготы эмиграции, все ужасы концентрационных лагерей Антанты, обвиняли Антанту в своих бедствиях. Они обвиняли Антанту, что она считала их лишь пешками в своей борьбе за обладание Россией. Достаточно бросить взгляд на белогвардейскую прессу России, чтобы увидеть, что Антанта, в первую очередь Англия, овладела искусством объединить в ненависти к себе не только рабочие и крестьянские массы России, но и белых. Конечно, она всегда может возбудить к войне десяток—другой тысяч из этих ободранных, изголодавшихся, деклассированных элементов. Им нечего терять; они также волей-неволей нанялись бы к королю сиамскому, как и к королю английскому. Но с этими латниками без веры, без воли, без цели—нельзя выигрывать сражений.

Некоторые круги Антанты увидели, что карта на активные контрреволюционные силы бита. Они вывели отсюда заключение: „тогда стоит подождать, пока одолеет голод, хозяйственная разруха и пассивность крестьянских масс России, и они станут активным фактором массовой контр-революции". Но более умные элементы Антанты видели, что этот расчет построен на очень слабых основаниях. Если России не придется разрушать свою промышленность в войне, то она обратит свою энергию на восстановление своих производительных сил. Она начнет медленно оправляться, и англичане сказали, наконец, вместе с профессором Seely: „Сам по себе голод—не революционный фактор, он только революционизирующий фактор. Каждое правительство справится с восстаниями, если оно обладает сотнями тысяч отважных людей, связанных с ним на жизнь и смерть; чтобы из восстаний выросла революция, нужна организующая сила, опирающаяся на поднимающийся социальный слой, которая знает, чего она хочет, у которой есть идеалы, могущие воспламенить массы". Белогвардейская пресса сознается, однако, что у нее нет идеалов, возбуждающих массы.

Когда читаешь умнейшие белогвардейские органы, видишь в них атмосферу полнейшего уныния и безнадежности. Мистически они пророчествуют, что некогда для большевизма придет его Дамаск, но—когда и как? Это они сказать не могут. Хвастливая болтовня социалистов-революционеров о том, что „народ" восстанет во имя голого принципа демократии, не находит доверчивого приема в правящих кругах Антанты. Прежде всего, они видели госпожу демократию в объятиях стольких Колчаков и Деникиных, в сточных трубах стольких улиц, что они не могли поверить, чтобы эта растрепанная и запачканная особа могла пользоваться особым обаянием в глазах русских народных масс, тем более, что это обаяние не проявилось и в тот момент, когда она, еще „целомудренная", впервые подверглась насилию матросов в Таврическом дворце, и ни одна рука не поднялась на ее защиту. Разглагольствования социалистов-революционеров разбивались о недоверие руководителей Антанты тем более, что общее мнение Антанты о русских народных массах таково, что они вообще еще не готовы к демократическому самоуправлению.

Что же делать? Ждать? Но без России нет мира в Европе. Без России нет восстановления мирового хозяйства. Ждать—значит быть

свидетелем своего собственного разложения. И Антанта поэтому оказалась поставленной перед вопросом: война или мир с Советской Россией.

План Черчилля-Гоффмана о всеобщем походе на Советскую Россию.

Английско-французская интервенция против Советской России началась в 1918 году, как часть общей борьбы Антанты против германского империализма. Разумеется, Антанта ни мгновения не верила в свою сказку о том, что Советская Россия продалась германскому империализму. Никому так хорошо не было известно, как Антанте, что так называемые документы Сиссона, рисующие советское правительство как агентуру берлинского генерального штаба, грубо подделаны ее собственными агентами. Полковник Робинс, которому эти документы были представлены задолго до их опубликования, сам мог понять, что они все подделаны, без малейшего исключения. И господин Сиссон, которому это было открыто сказано и доказано, осмелился обнародовать их не раньше, чем Антанта решилась на интервенцию против советской России, и потому считала себя вправе употреблять удушливые газы. Антанта считала вместе с тем, что советская Россия будет слишком слаба, чтобы оказать сопротивление немецкому давлению, что под этим давлением она представит к услугам германского империализма русское сырье и средства существования и таким образом обеспечит ему победу. Эту опасность можно было отклонить двумя путями: или поддержкой Советской России, или занятием ее. Советская Россия была готова принять эту поддержку. Вынужденная в Брест-Литовске подчиниться германской диктовке, она лихорадочно работала над тем, чтобы сделать себя способной противостоять германскому империализму. Как серьезно она смотрела на это, мог подтвердить генерал Ниссель, французский военный атташе и его коллеги, когда они были привлечены к первым совещаниям, которые держал Троцкий с русскими военными специалистами о создании Красной армии в апреле 1918 года. Но союзнический капитал в разгаре своей решительной борьбы против германского империализма, уже думавший о будущей борьбе против мировой революции, не мог решиться на поддержку первого пролетарского государства. Ему ничего другого не оставалось, как попытаться создать в России новый фронт путем организации чехо-словацкого восстания, путем нападения на Архангельск. Этот фронт должен был заставить Германию перебросить силы с западного фронта в Россию и таким образом дать Антанте возможность на западе привести дело к концу.

Когда германский империализм уже был при последнем издыхании, он старался склонить Антанту к мысли по взаимному соглашению заключить мир за спиной русского народа, за его счет. Тогда в „Kreuzzeitung“, ближе всего стоявшей к главному военному командованию, появились статьи, в которых Антанте предлагалось соединиться с Германией для борьбы с мировым большевизмом. А генерал Гоффман рассказал в своем интервью с сотрудниками „Руля“, как все было готово к наступлению на Петербург, и как эти приготовления пошли на смарку из-за германского поражения на Западе.

Увидев себя вынужденной выпустить из рук Бельгию в качестве залога, Германия хотела взять в залог Петербург и Москву. Труп советской России должен был послужить приданым в браке по расчету между Германией и Антантой. Естественно, что эта попытка спасения немецкого империализма была следствием его известной психологиче-

ской тупости и неспособности учесть реальное соотношение сил. Антанта, которая должна была для своей победы мобилизовать всю ненависть народных масс к Германии, не могла, разумеется, сразу с Германией соединиться. И в тот момент, когда Антанта низвергла Германию, она могла верить, что своими силами справится и с советской Россией. Не на объединении с Германией, а, наоборот, против Германии, была теперь основана русская политика Антанты. Тот факт, что Антанта требовала от немецкого империализма, чтобы тот временно оставил свои войска в Балтике и на Украйне, показывает не на стремление к объединению с Германией, а на стремление к временному использованию немецких солдат, точно так же, как Антанта не объединялась с сенегальскими неграми, но использовала их, как своих сторожевых псов. Русская политика Антанты должна была быть не только антироссийской, но и антигерманской. Германия была разбита. Ей предстоял Версальский крестный путь к Голгофе. Россия была разорена войной. Антанта совсем не собиралась простить даже белогвардейской России ни одного франка, ни одного шиллинга ее долгов. Она не была намерена отдать обессиленную Россию на раздел в качестве общей добычи. Антанта должна была также считаться с тем, что восстановленная ею капиталистическая Россия постарается соединиться с Германией, чтобы стать по возможности независимой от Антанты, чтобы вынудить у Антанты нужные льготы. И еще Антанта должна была опасаться, что буржуазная Германия попытается восстановить свои силы, получая от России сырье и средства существования за ту промышленную и организаторскую помощь, которую она ей окажет. Если же в Германии победит революция, то ее жизненные интересы будут толкать ее на союз с Советской Россией. Таким образом Антанта видела назревающую общность интересов России и Германии, как бы ни пошло развитие: революционным или контр-революционным путем.

Политика Антанты по отношению к окраинным государствам и Польше соответствовала отчасти этому стремлению к отделению Германии от России. И нужна была вся глупость германского генералитета, чтобы броситься в бермонтскую авантюру.

Однако, когда летом 1920 года Красная армия стояла под Варшавой, Черчилль, как выше упомянуто, выступил со статьей, где он требовал, чтобы Антанта простила Германии часть ее версальских долгов, чтобы употребить ее в качестве тарана против красных войск. Эта статья показала, что в руководящих кругах пробивается новая тенденция, тенденция, которая говорит: старая война между капиталистическими лагерями кончена, наступила новая война гораздо бо́льшего значения в мировом масштабе, война между лагерями пролетариата и капитала. В первой войне, империалистской, дело шло о разделе мировой прибыли между обоими капиталистическими лагерями. В новой войне, войне капитализма против социальной революции, дело идет о прибыли вообще. Оставим старые раздоры о разделе версальской добычи и подумаем о спасении нашего существования.

Эта мысль—единственная будущая мысль в борьбе Антанты против советской России, если только эта борьба вообще будет предпринята. Ясно, что после того, как окраинные государства и русские белогвардейцы оказались безнадежными, Антанта сможет предпринять новую интервенцию только, если Германия будет втянута в игру. Ибо, если Антанта при волне безработицы, заливающей теперь мир, сможет набрать новые войска наемников, то союзнические военные операции должны иметь базисом Германию, чтобы они не являлись слишком поздно, чтобы был обеспечен подвоз продовольствия и военных припа-

сов. Германия может быть употреблена, как базис для похода Антанты или против своей воли, или согласно с ней. В первом случае Антанте пришлось бы употребить большую часть созданных против советской России войск для подчинения германского пролетариата, для занятия Германии. Только в случае помощи германского правительства и германской буржуазии, эта последняя взяла бы на себя вместо Антанты задачи усмирения и подчинения германского пролетариата.

Когда мы называем привлечение Германии к интервенции против России предварительным условием для новой интервенции, то этим не сказано ни то, что это условие выполнено, ни то, что оно совершенно фантастично. Характерно, что идея Черчилля была отвергнута французской империалистической прессой с „Temps" во главе. Ведь из-за того, что Германия будет привлечена к войне против советской России, французскому империализму придется отказаться от доброй части версальских расчетов. Участие Германии в войне против советской России позволило бы германскому империализму восстановить свои силы. И если генерал Гоффман простодушно заявляет: Антанта может потребовать технических обеспечений, что германское наемное войско не будет обращено к Рейну, французские империалисты могут ответить ему, несмотря на его простодушную мину: Шпигельберг, я знаю тебя.— Они знали так же хорошо, как благородный Гоффман, что дело шло бы не о технике, а о полном изменении положения Германии, как державы.

И затем, такой общий поход интернационального капитала на советскую Россию своим циничным характером колониальной экспедиции против русского народа возбудил бы всю его революционную энергию. И так как это была бы война мировой контр-революции, то она подняла бы на ноги международный рабочий класс. Английский империализм увидел, как этот последний неожиданно поднял голову летом 1920 года, хотя он готовился тогда к нападению на советскую Россию под маской защиты Польши. Английское правительство не могло сомневаться в том, что английский рабочий класс, все более революцинизируемый растущей безработицей, поднимется на решительную борьбу, если английское правительство рискнет на войну. Перспектива вести войну в то время, когда интересы капиталистического мирового союза ни в коем случае не однородны, вести ее, опасаясь революции в каждой из стран, примыкающих к Альянсу, вести ее при возможности снова дать Германии подняться,—все это представляет собой авантюру таких размеров, что руководящие круги Антанты пошли бы на эту авантюру только в том случае, если бы их внешнее и внутреннее положение принуждало бы их к игре ва-банк. Пока это еще не так, пока они еще надеятся выйти из мирового кризиса, в котором они находятся, сравнительно счастливо отделавшись,—можно рассчитывать на то, что мирные стремления будут все больше распространяться в среде Антанты вообще, в Англии в первую голову. Эти стремления будут усиливаться благодаря тем возможностям, которые стоят перед советской Россией в случае, если Антанта не установит с ней мира.

Перспективы революции в Центральной Европе и на Ближнем Востоке.

Чудом спасенная от разгрома Польша находится в процессе неудержимого разложения. Валюта этой союзной страны-победительницы стоит в десятки раз ниже, чем побежденной Германии. Ниже, чем валюта умирающей Австрии. Земледельческая страна принуждена обращаться за границу для покрытия своих потребностей в средствах

существования. Промышленность большею частью стоит из-за недостатка сырья и машин. Одна стачка следует за другой, хотя тысячи и тысячи коммунистов находятся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Правительство, расшатанное борьбой буржуазных клик, не знает, как быть. В Лифляндии и Эстляндии прошедший год был годом не хозяйственного укрепления, но, наоборот, растущей хозяйственной дезорганизации и растущей дороговизны. В Чехо-Словакии прошел националистический хмель масс, как это показали декабрьские события. Около миллиона рабочих, без коммунистической партии, без единого руководства, стояли с глазами, полными ненависти, против буржуазного правительства. В Венгрии белая диктатура довела страдания масс до таких размеров, которые едва выносимы. Австрия умирает от голода и холода. В Германии—никаких признаков наступающего равновесия, никаких признаков какого-либо хозяйственного упрочения. Во всех средне-европейских странах неудержимо идет вперед процесс пролетаризации общества. Социал-демократия, в 1919 году всюду державшая бразды правления и служившая буржуазии в качестве волнореза против революции, обострением противоречий вытеснена из правительства и принуждена перейти в оппозицию или в видимость оппозиции. И хотя пролетарская сила для наступления лишь постепенно накапливается в этих странах, она все же накапливается и с каждым днем увеличивается растущим гнетом сверху. Мировая революция готовит свое наступление на среднюю Европу. Ее победа в средней Европе, или даже только крупные гражданские войны между Рейном, Вислой и Дунаем, обезопасили бы советскую Россию от всякого нападения с Запада. Советская Россия не хочет вмешиваться в чужие дела; не из метафизической приверженности к праву народов на самоопределение, но исходя из реальных интересов, образующих основу этой формулы: из интересов самостоятельного развития революции. Не подлежит никакому сомнению, что революция в каждой стране будет тем сильнее, чем самостоятельнее она победит. Но в момент, когда буржуазия объединится против русского пролетариата, она должна будет победить также свой собственный пролетариат в Германии, в Австрии, в Чехо-Словакии, в Польше и в странах Антанты, чтобы открыть себе дорогу против русского... Тогда уже не только теоретически, но и в практическом смысле этого слова в Европе не будет больше никаких государств, никаких наций будет лишь лагерь революции и лагерь контр-революции. Тогда простейшим правилом войны было бы: со штыком в руке пробить мировой революции дорогу к средней Европе и к Западу. И социальное положение объективно таково, что при этом никоим образом дело не шло бы о том, чтобы на острее штыка привнести коммунизм в Западную Европу, а о том, чтобы штыком и прикладом разбить толстую капиталистическую кору, которая еще окружает пролетарское зерно и давит на него. Если Антанта, если мировая буржуазия войной с советской Россией ускорит таким образом мировую революцию,—советская Россия от этого не потеряет, как бы велики ни были страдания, которые могла ей нанести новая война, как бы велики ни были жертвы в этой решительной борьбе вместе с мировым пролетариатом.

А каково положение на Ближнем Востоке, в исходном пункте и объекте мировой войны?

Антанта настрочила условия Севрского мира. Чтобы их провести в жизнь, Англия держит 80.000 солдат в Месопотамии, Франция 70.000 в Сицилии и Сирии, Англия часть флота и внушительное количество войск в Константинополе. Вассал Антанты, малень-

кая Греция — 100.000 солдат в Малой Азии. И в то время, как во Франции и Англии раздается крик об умеренности против колониальных авантюр не только из народных масс, но даже из рядов буржуазии, в то время, как Франция требует пересмотра Севрского мира, в то время, как греческий народ свергает империалистского диктатора Венизелоса — Кемаль-паша собирает вокруг себя лучшие турецкие элементы и находит в турецком крестьянстве достаточно сил, чтобы оказать сопротивление Антанте. После того, как советская Россия через советскую Армению нашла путь к Турции, она может оказать ей сильную поддержку. Снаряды, в которых в первую очередь нуждался Кемаль-паша, могут найти себе путь через Анатолию. Когда Греция будет уничтожена, придет черед английских войск в Месопотамии, которые уже находятся в труднейшем положении против неорганизованных, плохо вооруженных арабов. В Персии англичанам до сих пор не удалось добиться от меджилиса признания англо-персидского договора, по которому дружественное союзу народов английское правительство в последний момент перед основанием союза пыталось забрать себе Персию за два миллиона английских фунтов золотом. Советскому правительству совершенно не нужно создавать в Персии искусственные советские республики. Ее актуальные интересы в Персии состоят в том, чтобы Персия не стала областью нападения на Баку. Если персидское правительство обяжется требовать удаления английских войск, и Англия отклонит это требование вопреки обещанию Ллойд-Джорджа, то красные войска появятся в Персии не как поработители, а как союзники. Если персидское правительство примет этот курс, диктуемый ему его собственными интересами, то тогда формы правления в Персии, разрешение в Персии аграрного вопроса — рабочий вопрос там едва существует — будут исключительно делом персидского народа, духовного влияния персидских коммунистов, ответственные руководители которых в большинстве прекрасно понимают, что коммунизм в Персии еще долгое время возможен лишь как форма крестьянского движения и что в это время коммунизм может итти небольшую часть пути вместе с демократической интеллигенцией.

В Индии высоко поднимается волна революционного движения. Дело идет уже не о чисто националистическом интеллектуальном движении, но одновременно о пробуждении миллионов пролетариев, сверх всякой меры эксплоатируемых как английским, так и индусским капитализмом. От состояния русско-английских сношений будет зависеть, ускорит ли советское правительство со всеми находящимися в его распоряжении силами ход развития индийских дел.

У Антанты безусловно есть причины полагать, что жажда мира у советской России не сильнее, чем у Антанты и Англии в первую очередь.

Мир с Польшей и торговый договор с Англией.

Мирные переговоры с Польшей закончились после долгих колебаний мирным договором, подписанным в момент внутреннего кризиса, переживаемого советской Россией по окончании войны. Тот факт, что Польша подписала мир как раз в момент, когда пушки Кронштадта были обращены на Красную Горку, подтверждает то, что было сказано о противоречиях в политике Антанты. Рижский мирный договор, разумеется, не отвечает идеалам, с которыми маршал Пилсудский начинал свое наступление на Киев. Отдача Польше части русского золотого фонда соответствует лишь десятой доле польских требований.

Территориально поляки в марте 1920 года могли получить гораздо больше, чем они получили по рижскому миру. Ни Подолия, ни Волынь не достались Польше. Несмотря на это, поляки подписали мир. Это случилось не только под давлением польской стачки железнодорожников и хозяйственного развала Польши, но и благодаря признанию того, что победа русской контр-революции представляет большую опасность независимой Польше. „Gaseta Warschawska“ („Варшавская газета“), орган Домбского, орган главаря польских юнкеров и капиталистов, поддерживавших ближайшие сношения с русскими белогвардейскими организациями, заявляла незадолго до заключения рижского мира, что большевистские народы представляют для Польши наименьшее бедствие. Мы оставляем в стороне философское объяснение этого факта, которое дает от себя польская национал-демократическая газета. Оно не важно. Важно только вытекающее отсюда заключение, что в своей борьбе против советской России Антанта не может опираться на окраинные государства.

За польским мирным договором последовал по пятам торговый договор с Англией. Он был заключен после долгих переговоров, после тысячи попыток шайки Черчилля саботировать переговоры, после сотен шахматных ходов, которые предпринял Керзон, чтобы затянуть переговоры или привести русского партнера к разрыву. Английское правительство подписало этот договор в момент, когда русская контрреволюция приветствовала кронштадтское восстание, как начало 3-ей революции, когда она возвещала наступление крестьянского термидора, как близкую перспективу для мирового капитализма. Русская контрреволюция жалуется на измену английского капитализма. Англия—враг, пишет берлинский „Руль“, орган Гессена и Набокова. Русский царь благодаря союзу с Англией должен был быть превращен в ягненка, питающегося одной травой—или кровавыми бифштексами, как конституционный король английский! И теперь—удар с этой стороны, и теперь—кинжал в этой любимой руке! Но Downingstreet делает дела не во имя любви, а во имя иных побуждений. Биржевые маклеры из Сити, кажется, пришли к убеждению, что они не в состоянии победить советское правительство оружием. Действуя под давлением рабочих масс, которые с надеждой ждали от торговых сношений с Россией уменьшения безработицы и верили, что из страха американской конкуренции английские торговые круги склонны подписать договор, они лелеют, как это показали события последних месяцев, еще заднюю мысль. Империалистская дипломатия изо всех сил работает над тем, чтобы укрепить своих агентов с помощью подкопной работы социалистов-революционеров против советской России.

Будь что будет. Торговый договор они подписали. Этот торговый договор дает впервые возможность промышленности советской России получить необходимые ей материалы, благодаря торговым сношениям с капиталистической заграницей. Таким образом, история ставит перед первой пролетарской республикой вопрос о ее отношениях с капиталистическим миром другой его стороной: стороной мира.

Или—или.

Как в наших предварительных объяснениях по вопросу о внешней политике пролетарской революции, которые мы имели в октябре 1919 года с немецкими национал-коммунистами Лауфенбергом и Вольфгеймом, так в нашей статье о внешнем и внутреннем положении советской России, вышедшей в январе 1920 года, мы писали, что с момента, как

кончилась мировая война, стало ясно, что внешняя политика стоящего пока одиноко пролетарского государства никоим образом не может быть основана исключительно на войне со всеми другими, капиталистическими, но, наоборот, должна быть построена на попытке создания modus'a vivendi между пролетарским государством и капиталистической государственной системой.

1920-й год принес с собой modus vivendi необычайного рода. В то время, как Франция открыто поддерживала войну Польши и Врангеля против советской России, Англия вела с советской Россией переговоры о торговых сношениях, продавала советской России товары через посредство различных нейтральных стран, которые с своей стороны также вступили в торговые сношения с советской Россией. Германия и ряд вассальных государств Антанты приняли участие в торговле. Положение советской России даже окрепло благодаря такому modus'y vivendi. Тот простой факт, что свою потребность в косах на 1921 год она смогла целиком покрыть из-за границы является маленьким штрихом в картине этих отношений. Мы убеждены, что невозможность низвержения пролетарской России и растущее разложение капиталистического мира только укрепят то противоречивое положение, что первое пролетарское государство находится в мирных сношениях с умирающим капиталистическим миром. Это положение вещей, разумеется, полно противоречий. Капиталистические государства, которые охотно увидели бы пролетарское государство не сегодня-завтра похороненным, не могут нанести ему удара кинжалом. Что же им остается еще, как не вступать с ним в торговое сношение? Разрушив пол-света, они узнали на собственной шкуре, что они обеднели от того, что исключение России из торговли, в первую очередь лишает их возможности продавать России свои товары, и что, таким образом, их хозяйственная разруха растет. Недостаток русского сырья и средств существования означает для отдельных из них также и подчинение американской монополии. И если ясно, что разоренная советская Россия сегодня может предоставить лишь ограниченное количество сырья и продовольствия, то, с другой стороны, ясно, что если хозяйственный развал всего мира не усилится, а ослабеет, то Россия также помощью, оказанной ее транспорту, ее промышленности и сельскому хозяйству, будет приведена в такое состояние, что сможет вновь появиться на мировом рынке. Но Россия — это советская Россия; все же другое, что говорит от имени России, — призрак или фантазия. Пусть Уэльс делает ошибки еще в своих суждениях о России, пусть большевики еще меньше отвечают тому идеалу правительства, который составил себе достопочтенное Сити, Уэльс в тысячу раз прав, когда он утверждает, что никакое другое правительство, кроме существующего советского, немыслимо на время, которое можно предвидеть. И даже философски настроенные политики, каким является господин Бальфур, не могут строить расчеты ни на какое другое время, кроме того, которое теперь можно обозреть вперед. И чем может помочь господину Керзону его тоска по хорошему консервативному правительству, члены которого получили бы свое образование в парижском корпусе, если такое правительство невозможно; а что торговые сношения с советской Россией укрепят ее, — не подлежит никакому сомнению. И если господин Ллойд-Джордж успокаивает себя надеждой, что манчестерские брюки и баушвельские сорочки изнежат большевиков, если он, может быть, даже надеется посредством шеффильдских бритв, если не перерезать нам горло, то, по крайней мере, превратить в джентльменов — то мы, разумеется, имеем об этом свое собственное мнение.

Политически решающим является: если капиталистический мир не хочет и не может вести с советской Россией бесконечной войны, то он должен теперь же закончить войну миром.

Разумеется, очень противоречиво такое положение, когда коммунистическая Россия вынуждена переводить свое золото в карманы европейских капиталистов, когда она вынуждена предоставлять капиталистам концессии на русской территории. Было бы смешно отрицать, что это укрепит капиталистов. Мы слишком мало нуждаемся в иллюзиях, чтобы отрицать это. Но в первую очередь сильнее всяких соображений является необходимость вновь и вновь показать русским народным массам, народным массам всего мира, что Советская Россия хочет мира. Это миролюбие советского правительства было самым сильным фактором его победы, было сильнейшим фактором мобилизации всемирного пролетариата на защиту советской России. И он мог выдержать свою роль только потому, что советская Россия честно хотела мира, только потому, что она не устраивала мирных демонстраций, а всеми средствами боролась за мир. И она могла честно стремиться к миру, потому что в конечном счете мир освобождает силы народных масс, потому что он сосредоточивает внимание народных масс на вопросах внутреннего переворота.

Трагедия мирового капитала в том, что он не мог избежать мировой войны и не может установить всеобщего мира. Это доказывает, что будущее принадлежит коммунизму, что он, рожденный войной и в войне благополучно ведущий к цели свой корабль против бурь и подводных камней, может также и в мире довершить свою судьбу.

Капитализм обречен на смерть. Два года прошло с конца мировой войны. И единственная спасительная мысль, которую капитал, если не породил, то заимствовал из старой библии, мысль о необходимости рассматривать мировое хозяйство, как одно целое, — мысль, которая раздается из траги-комической книги Кейнеса, этой библии пошлости, — из речей Роберта Сесиля, генерала Смутса, которая звучит в речах Ллойд-Джорджа,—мысль, с которой этот величайший государственный человек умирающего капиталистического мира может жить лишь в тайне, как с наложницей, — эта мысль является утопией. Капитализм слишком раздроблен, чтобы он мог осуществить эту мысль. И поэтому-то советская Россия не может рассчитывать на длительный мир, а только на мир, который закончит войну, и должна считаться с новой войной, которая последует за миром. Но советская Россия всегда будет вновь бороться за мир и с помощью мирной работы вооружаться для отражения грозящей ей опасности.

Русским народным массам вновь улыбается надежда на мир, надежда на мирное строительство. И вновь, как в прошлом 1920 году, русский муравейник приходит в движение. Снова честные труженики тащат бревна для постройки мостов, домов и школ, снова идут приготовления для борьбы с голодом, нищетой и снова раздается до небес трудовая песня. Снова мысль о разрушении уступает мысли о созидательной работе. И снова по стране расходятся апостолы, старающиеся встряхнуть спящих и построить их в трудовые колонны. Нигде и никогда не бывало столько сотен тысяч людей, с глубоким убеждением проповедующих религую совместного труда, труда для всех. И как в 1920 году, так и теперь руководитель этого народа, руководитель этих пионеров, этот провозвестник нового мирового порядка, говорит этому муравейнику: будьте на страже, с лопатой в одной руке — с оружием в другой: опасность не миновала. И от капиталистического мира зависит, будут ли трудовые армии корчевать леса России, улучшать

дороги России, убирать развалины в России, или они, голодные и оборванные, с пустым желудком, но с горячим сердцем, покатятся на запад, чтобы сражаться против тех, которые не дают им мирно работать, и помочь тем, что, как и они сами, хочет воссоздать новый мир из развалин. Выбор предоставлен капиталистическому миру, советской России принадлежит лишь решение никогда не унывать, бороться при всяких обстоятельствах и при всяких обстоятельствах победить. Это решение принято. И нет в мире средства, способного вырвать его из сердца русского пролетариата и передовых рядов русского крестьянства.

Карл Радек.

К характеристике крестьянских хозяйств периода войны и революции.

I.

То, что пережило земледельческое хозяйство России за последние 6 лет, оно при других условиях не пережило бы и в 100 лет.

Мировая война, предъявлявшая неограниченные требования как на продукты земледельческого хозяйства, так и на живые рабочие силы; величайшая, небывалая революция, в защите которой от врагов всего мира земледелец принимал деятельное участие; наконец, перестройка группового состава крестьянства в силу самой революции и созданных ею новых земельных отношений,—все это сказалось на земледелии самым чувствительным образом.

Революционное законодательство не только отдало землю трудящимся на ней, но выдвинуло и новые формы земледельческого хозяйства, основанные на обобществлении средств производства и труда,—коммуны. Эти новые формы, появившись на общем фоне мелкого индивидуалистического хозяйства, не могли быть восприняты массой быстро, беспрепятственно по многим причинам, часть которых учло и законодательство, а часть причин возникла в дальнейшем ходе революции.

В настоящий момент, говоря о существующем земледельческом хозяйстве, приходится иметь в виду исключительно крестьянское хозяйство, так как удельный вес коммун, артелей и совхозов очень незначителен. Если раньше в руках крестьянского хозяйства было около 90% посевной площади, то теперь крестьяне обрабатывают около 98% пашни.

Если не считать эпоху крепостного права, то история крестьянского хозяйства может быть разделена на 4 периода, каждый из которых накладывал новый отпечаток на мелкое земледельческое хозяйство России, а именно: 1) с 1861 до 1905 г.г.; 2) с 1906 по 1914 г.г.; 3) с 1914 до 1917 г.г. и 4) пореволюционный период с 1917 г. до настоящего момента.

Первый период характеризуется организацией мелкого индивидуального хозяйства на основе общинного права на землю при наличии вооруженного всеми юридическими и имущественными привилегиями крупного землевладения, что повело при прочих объективных условиях—освобождении лишнего труда из земледелия, развитии крупной промышленности к новым формам экономической зависимости мелкого земледельца от крупного землевладельца, а следовательно,—к классо-

вой дифференцированности внутри самого крестьянства. Община не только не могла ничего противопоставить этому, но, наоборот, способствовала удержанию малоземельных на местах и тем давала дешевые рабочие руки крупным собственникам. Обострение аграрных отношений вылилось в крестьянском движении 1905 года и в сочетании с революцией 1905 года привело правящие классы к необходимости изыскать суррогаты земельных реформ, что и выразилось в законодательстве 1906—1908 годов.

Период 1906—1914 г.г. характеризуется попыткой законодательства насадить мелкое хуторское хозяйство, в противовес общинному праву владения землею. Фактически же земельная община, как регулятор земельных отношений внутри ее, почти утратила свое значение к тому времени. Только в местностях, населенных сплошь бывш. государственными крестьянами, лишенными всякого арендного и купчего фонда благодаря отсутствию на этих территориях свободных казенных и помещичьих земель,—практиковались еще общие переделы, уравнивающие пользование землею по душам или по другим разверсточным единицам. Да и это регулирование было вынужденным и в результате не удовлетворяло спроса на землю все возрастающего населения.

Закон 9 ноября 1906 года сделал и надельную землю товаром, так как укрепленная в личную собственность земля могла отчуждаться и приобретаться. Кроме того, продажа мелкими участками крестьянам через земельный банк крупных помещичьих имений также сыграла свою роль в смысле подрыва отношений старой земельной общины.

Ликвидация дворянских имений и раньше совершалась быстрым темпом, а после 1905 года она пошла еще быстрее.

„Зло шутит жизнь над дворянами. Это сословие вступило в пореформенный период жизни богатым, знатным, с 80 милл. десятин земли, с 600-миллионным капиталом, взятым от прежних рабов и... быстро, очень быстро, впало в оскудение. На помощь ему пришло самодержавие. Но что оно могло дать умирающим обломкам жизни? Что могло дать самодержавие, само принадлежащее прошлому? Оно преподнесло дворянам дворянский банк, созданный с специальной целью поддержать поместное землевладение, дабы дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности...

„Широко воспользовалось дворянство этой милостью. 20 милл. десятин принесло оно банку..., но не для приобретения оскудевших хозяйственных средств“ и не для укрепления „пребывания в своих поместьях“. Совсем наоборот. Оно еще более впадает в „оскудение“, еще охотнее забрасывает свои поместья и предлагает банкам свою землю. Так смеется жизнь над представителями дореформенных отношений [1]).

Тотчас после революции 1905 года пошла усиленная распродажа дворянских земель. Так в 1903 году от дворянского сословия ушло 694 тысячи десятин, в 1904 году—620 тыс., в 1905 году—556 тыс. дес., а уже в 1906 году—1.335 тыс. десятин.

В то же время крестьянское сословие путем покупок приобретало землю. В 1903 году им приобретено 756 тыс. дес., в 1904 году—660 тыс., в 1905 году—429 тыс. и 1906 году—607 тыс. десятин.

Само собою разумеется, что купчая земля сосредоточилась в руках более состоятельных крестьян, сделав их еще более состоятельными. Другая сторона этого процесса заключалась в том, что тысячи пролетаризированного крестьянства выбрасывались из деревни в города, в

[1]) П. И. Попов, „Экспроприация дворянства“ в „Вестнике Жизни“, № 1, 1907 г.

промышленность, которая не могла поглотить всех рабочих сил, выбрасываемых деревней. Этот наплыв дешевых рабочих рук при постоянном запасе неиспользованного труда в деревне держал заработную плату на низком уровне.

Земледельческое хозяйство продолжало итти по линии углубления экономической, а следовательно классовой дифференциации, при чем результаты дифференцированности выливались за пределы отношений деревни, выталкивая из нее, с одной стороны, пролетаризированное крестьянство, с другой землевладельцев, переросших формы хозяйствования в деревне и ищущих более широкой арены применения своего капитала, накопленного в деревне.

Но главную массу выселяющихся составляла, конечно, беднота. Насколько увеличивалась в последние годы перед войной эмиграция из деревни, показывают следующие данные по Епифанскому уезду Тульской губернии (по другим губерниям, к сожалению, аналогичных сведений не имеется):

	Из 100 отсутствующих в 1911 [1]) хозяйств.
Выселились до 1895 года	26,7
" 1896—1900	14,2
" 1901—1905	19,0
" 1906—1910	40,1

Причем по годам последнего пятилетия выселение шло таким темпом: в 1906 году выселилось 6,2% всех отсутствовавших в 1910 году хозяйств, в 1907—4,8%, в 1908—8,4%, в 1909—10,0% и в 1910—10,7%. Из числа всех отсутствующих 72,3% выселилось в города—48,8% в Москву, а 23,5% в Тулу и прочие города. Таким образом, совершенно ясно, что выселяющаяся из деревни беднота и составляла тот резервуар, из которого промышленность черпала рабочие руки, причем предложение этих рук значительно превышало спрос на них.

Закон об укреплении надельной земли и хуторском расселении только способствовал процессам, совершавшимся в земледельческом хозяйстве в период 1861—1905 годов, усилив, может быть, лишь число выселяющихся на купчую землю. По экономическим группам за период времени с 1899 по 1911 г.г. выселение хозяйств по тому же уезду Тульской губернии представляется в таком виде [2]):

Группы хозяйств.	% всех выселившихся.	Из 100 выселившихся выселились на купчую землю.
Без пашни	21,3	2,1
Имеющ. пашни до 3 дес. . .	13,2	6,9
" " от 3 до 6 дес.	10,8	4,6
" " " 6 " 9 "	11,6	4,8
" " " 9 " 15 "	11,5	5,8
" " свыше 15 дес.	11,0	23,1
Итого	17,0	5,7

---

[1]) „Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г.г. Епифанский уезд". Тула 1916 г. Издание губ. земства.

[2]) Там же.

Из общего числа выселившихся 2.787 хоз. за период 11 лет 5,7% выселились на купчую землю, при чем очевидно, что такого рода выселение более характерно для высших экономических групп. Мелкие хозяйства, имевшие пашни 3 6 дес. и менее, выселявшиеся на купчую землю, это и есть те хуторяне, которые должны были притти на смену крестьянским общинам по смыслу столыпинского закона.

Что касается самой высшей экономической группы свыше 15 дес. пашни, то это хозяйства чисто капиталистического типа, переселившиеся в лучшие условия приложения капитала, в земледелии или в иных областях.

Что это так, доказывают следующие цифры:

Характеристика хозяйств, имеющих пашни более 15 дес.

Категории хозяйств.	Рабочих сил на 1 хоз.	Едоков на 1 раб. силу.	Десятин посева.		Рабочих лошадей на 1 хоз.	Нанято рабочих на 1 хоз.
			На 1 хоз.	На 1 едока.		
Оставшихся к 1911 году в деревне	4,56	1,30	19,0	3,22	2,8	1,5
Выселившихся к 1911 году	4,76	1,28	48,3	8,00	5,5	6,5

Поскольку признаки демографические характеризуют почти одинаково хозяйства выселившихся и хозяйства, оставшиеся в деревне, постольку экономические характеристики у тех и других резко различны. Они показывают, что выселяющиеся из высшей группы хозяйства к моменту своего выселения из деревни утратили типические черты крестьянского хозяйства совершенно и усвоили другие, явно капиталистические черты.

Таким образом, процесс классовой дифференцированности выливался за пределы деревни, отслояя из нее элементы противоположной социальной конструкции пролетаризированных земледельцев и хозяйства крупно-капиталистические. И тем, и другим нет места в деревне. Одни выталкиваются из нее, как не выдержавшие конкуренцию, утратившие способность к самостоятельному хозяйствованию на земле, а другие исчерпывающие все возможности эксплоатации в деревне и переносящие капитал в более широкие сферы его применения.

Динамические исследования крестьянского хозяйства, имевшие место до 1914 года, говорят всегда одно и то же, а именно:

1) Размножение земледельческих хозяйств происходит почти исключительно путем семейных разделов, сопровождающихся всегда разделом земли, скота и имущества.

2) Происходит все возрастающее выселение из деревни беднейших хозяйств, а как показали последние исследования по Тульской губернии (1899 1911 г.г.), также и выселение крупных хозяйств, размах производства которых не находит достойной себе арены в деревне.

3) Разделы сопровождаются всегда усилением эмиграции из деревни беднейших семей,—другими словами, образование прироста новых жизнеспособных крестьянских хозяйств получалось ценой усиленных жертв на алтарь капиталистических отношений.

Факторы демографического порядка приводили семью к разделам. Рост семьи и ее рабочего состава в рамках одного и того же

хозяйства не может совершаться бесконечно и в контакте с ростом всех других элементов хозяйства.

„В странах Западной Европы с высоко развитой промышленностью поглощение этой последней производительных сил, ненужных земледелию, происходит как само собою разумеющееся, почти автоматически. Лишний работник в земледельческом хозяйстве подготовляется и уходит в другие профессии, оставляя землю тому, кто ее наследует, и получая эквивалент своей доли в виде денежной суммы или в виде специального образования.

„У нас земледельческое население, при слабо развитой промышленности, в большинстве случаев находит занятия вне дома лишь временно, не порывая связи с деревней. И своеобразность эволюции русского крестьянского хозяйства вообще заключается в том, что здесь самый процесс развития хозяйства, рост его населения и средств производства ведет в большинстве случаев к его распадению — к разделам семьи, земли и имущества.

„Там, где на западе происходит лишь отделение от земледелия производительных сил в промышленность, у нас происходит раздробление их в земледелии же,—раздробление, сопровождающееся разделом имущества и земли“ [1]).

Вот это дробление хозяйств, вытекающее из существования тесной связи между размером семьи и размером земледельческого хозяйства, каковая связь воспитана веками—сначала крепостным правом, а затем общинным—и препятствовало созданию отдельных земледельческих хозяйств типа западно-европейских фермеров и крестьян. Связь семьи с размером производства, характерная для продовольственного хозяйства, с развитием товарно-капиталистических отношений и по мере углубления классовой дифференциации в деревне,—слабела. Предреволюционный период характеризуется наименьшей связью семьи с посевом, но слабое развитие промышленности не позволяло нашему земледельческому хозяйству сбросить со счетов тех потребителей, которые временно уходят на заработки или пребывание коих в деревне не вызывалось нуждами производства.

Законодательство о хуторском расселении 1906—1907 г.г. имело целью насадить по всему лицу России хозяйства-фермы размером от 10 до 15 дес. каждое. Имелось в виду убить таким образом двух зайцев: вселить в крестьян уважение к земельной собственности и устранить малоземелье. Но „классы нельзя обмануть“. И то, что хотели противопоставить революции,—как раз вело к ней. Законодатели не считались с фактами, и жизнь отомстила за себя. Не было принято во внимание, что при 100 милл. земледельческого населения отведение 2 дес. пашни на душу приведет к обезземелению и пролетаризации доброй половины земледельческого населения, а, следовательно, приведет к революции. В этом случае, как часто бывает в истории, объективный ход вещей привел к противоположным результатам, чем те, кои имело в виду сознательное творчество людей, делающих историю. И как дворянский банк, учрежденный для поддержания дворянского землевладения, способствовал ликвидации этого землевладения, так столыпинский закон, созданный для парализации революции, прямо и верно вел к ней. Поселение хуторян на землях бывших крупных имений лишало окрестных крестьян того арендного и купчего фонда, которым они пользовались до того. Расселение хуторян на надельных землях уже прямо лишало крестьян даже их надельных земель. В этом заключались предпосылки

[1]) Там же.

для враждебного отношения к хуторянам со стороны остального крестьянства и в этом же заключалось фиаско аграрных реформ самодержавия.

Когда разразилась мировая империалистская война, она застала крестьянство в том состоянии, к какому его привела предшествовавшая эволюция, кратко охарактеризованная выше. Банковские операции по насаждению хуторов не только не расширяли земельную базу для мелкого крестьянства, а, наоборот, сузили ее, и классовая дифференциация продолжала углубляться. Война создала условия для необычайно быстрого хода этой дифференцированности. Тяжесть войны естественно упала на крестьянские хозяйства, тогда как крупно-частновладельческие выигрывали от нее, увеличивая свои обороты и прибыли. В мелких хозяйствах война отражалась непосредственно на продовольственных и производственных рессурсах, уменьшая их; в крупном она увеличивала доходы, расширяя арену эксплоатации капитала.

В смысле изъятия из земледелия рабочих сил война сделала все возможное. Она выкачивала лучшие — от 18 до 45 лет — по работоспособности силы, непосредственно отправляя их в войска, а кроме того мобилизовала на заводы, работающие на войну же, еще изрядный контингент работников. По данным переписи 1917 года в различных губерниях % взятых на войну работников представляется таковым:

Губернии.	% мужчин в рабочем возрасте, находящихся в армии.
Владимирская	46,4
Костромская	49,0
Московская	45,3
Ярославская	50,0
Центрально-земледельческие губернии:	
Курская	53,4
Орловская	47,4
Пензенская	50,3
Рязанская	48,1
Тульская	53,6
Калужская	48,1
Малороссийские:	
Харьковская	49,1
Черниговская	49,4
Приуральские:	
Уфимская	44,7
Вятская	49,2
Прочие:	
Саратовская	47,4
Смоленская	44,0
Нижегородская	46,9
Новгородская	49,3
Вологодская	52,3
Могилевская	50,7
Олонецкая	47,7

Из всех районов России работники земли отвлекались в размере от 44% — минимум до 53,6% — максимум в Тульской губернии. Такое отвлечение рабочих сил не могло не отразиться на земледелии и, может быть, в значительной мере этим объясняется расширение посевов овса за период войны, так как культура его требует минимальных затрат на обработку почвы.

Труд беженцев и военнопленных использовался крестьянскими хозяйствами в минимальных дозах, как показывают следующие цифры:

РАЙОНЫ.	У крестьян. Из 100 работников, занятых в земледелии своих и наемных, приходится		У частных владельцев. Из 100 рабочих из служащих приходится	
	Военнопленных.	Беженцев.	Военнопленных.	Беженцев.
Среднечерноземный . . .	0,3	0,1	11,7	2,3
Малороссийский	0,3	0,1	16,8	1,0
Промышленный	0,3	0,0	27,0	2,2
Восточно-степной	1,1	0,4	15,5	6,0

Отсюда видно, кто извлекал непосредственные выгоды из войны: труд беженцев и военнопленных использовался исключительно в частновладельческих имениях, что, несомненно, чрезвычайно выгодно отразилось на размерах доходов владельцев. В крестьянстве же взятые на войну рабочие руки не компенсировались ни в какой мере и ничем. Многие крестхозы поэтому просто забрасывались совсем или на время. В результате мы и находим, что выселения из деревни усилились, а число бесхозяйных увеличилось. Так, из Епифанского и Тульского уездов выселение шло следующим темпом в период довоенный и военный:

УЕЗДЫ И ПЕРИОДЫ.		% выселившихся. Из числа неделившихся.	% выселившихся. Из числа разделившихся.
Епифанский уезд	Довоенный период 11 л. .	8,5	16,4
	Военный период 6 л. . . .	6,0	17,3
Тульский уезд	Довоенный 11 лет . . .	8,5	18,6
	Военный 5 лет	4,8	21,0
Увеличение против нормального (I-го периода) в %%	Епифанский у.	+ 1,4	+ 8,4
	Тульский у.	+ 1,0	+ 12,6

Особую интенсивность приобрела эмиграция в связи с разделами, и, следовательно, размножение земледельческих хозяйств стало покупаться еще более дорогою ценою, чем это было до войны. И несмотря на то, что процесс дифференциации с такою силою уносил из деревни продукты своей работы, внутри ее число бесхозяйных все же увеличивалось. Вот цифры, подтверждающие это [1]):

ГУБЕРНИИ.	% хозяйств			
	Беспосевных.		Без рабочего скота.	
	В 1910/1912 г.г.	В 1917 г.	В 1910/1912 г.г.	В 1917 г.
Тульская	4,2	6,5	29,5	30,1
Симбирская	10,2	13,4	34,0	35,7
Жиздринск. у. Калужск. г.	6,5	14,6	14,3	21,0
Пензенская	св. нет	7,8	31,6	36,1

Таким образом, период войны определенно усилил классовое расслоение в земледелии. В то же время нарушилась та, обычная в русских условиях, связь города с деревней, которая выражалась раньше в промыслах крестьянского населения вне своего земледелия. Определенная часть подрастающего населения раньше направлялась в промыслы, в ученье, на фабрику и т. д. Война положила конец этому, закрыв фабрики и заводы, производящие полезные предметы, с одной стороны, и взяв в войска рабочих этих фабрик — с другой; порвалась сразу связь промышленных рабочих с деревней, с ее потенциальными рабочими силами для промышленности.

В результате промысловость земледельческого населения, оставшегося в деревне, сильно понизилась. В Тульской губ., напр., в 1912 г. было 75,4% промысловых хозяйств, а в 1917 г. их уже только 32,8%; в Тверской в 1912 г. было 76,8% промысловых хозяйств, а в 1917 г.— 41,0%; в Пензенской в 1911 г. 46,6% хозяйств с промыслами, а в 1917 г. уже только 18%.

Следовательно, период мировой войны наложил свой отпечаток на все стороны крестьянского хозяйства, изменив как его внутриорганизационные элементы, так и междугрупповые (классовые) отношения. Главнейшие результаты влияния войны состоят в следующем:

1) Рождаемость крестьянского населения сократилась настолько, что численность населения в возрасте до 1 и от 1 до 4 лет сильно уменьшилась в 1917 году абсолютно и относительно.

2) Средний размер крестьянской семьи уменьшился.

Процессы социально-органического характера (разделы, соединения, эмиграция) также изменили свою интенсивность, а именно:

3) Ослабели процессы, образующие новые хозяйства (разделы).

4) Усилилось выселение из деревни.

5) Усилилось явление разрыва с земледельем хозяйств отсутствовавших.

6) Сильно упала промысловая деятельность оставшегося в деревне населения.

[1]) По другим губерниям сведений за предвоенный период совсем не имеется.

7) Усилилось участие в промыслах женщины.

8) Направление полеводства отметилось расширением культур, способствовавших усилению товарно-денежных отношений.

И, как результат всех этих условий,—

9) Произошла сильная дифференцированность крестьянских хозяйств, что выразилось как в усилившейся эмиграции бедноты из деревни, так и в увеличении числа беспосевных и бесскотных дворов в самой деревне.

II.

После 25 октября 1917 года для крестьянства открывалась новая эра. Оно стало хозяином земли и власти. Да, крестьянство стало хозяином земли и власти, но ни то, ни другое не могло изменить реальных условий производства с такою быстротой, чтобы новая эра наступила сегодня же...

Прежде всего ликвидация последствий войны требовала по крайней мере 1—2 десятков лет. Гражданская война требовала отложения в сторону всех дел мирного строительства и вложения всех сил в дело защиты революционных позиций. Несмотря на это, революция тотчас же произвела поравнение в земельных отношениях. Это было великое, всеобщее поравнение, уничтожившее классовые противоположности в деревне и создавшее почву для перехода к новым формам производства в земледелии... Но переход к этим новым формам не мог совершиться тотчас же. Обобществление земли и средств производства, как условия организации хозяйства, мы находим только в коммунах.

Могло ли мелкое индивидуалистическое хозяйство, впервые получившее землю и всю полноту власти, сразу перейти к новым формам производства?—Конечно, нет. И не потому, что не было элементов сознания логичности такого перехода, а потому, что не было всей полноты реальных условий для такого перехода. Это надо сознать, с этим считаться и это учитывать, чтобы верно притти к высшим формам производства в земледелии—к формам социалистического хозяйства.

Экстенсивное хозяйствование, низкая техника, хищническая растрата средств производства и труда—вот характерные отличительные черты мелкого земледельческого хозяйства дореволюционного времени. То, что раньше делали земства для земледелия, пошло на пользу вовсе не крестьянам, а помещикам же. Если бы мы могли изучить по документам деятельность земских складов сельскохозяйственных машин и орудий, мы бы увидели поразительную картину: частновладельческие имения на льготных условиях покупали машины и не платили за них. Задолженность частных владельцев в последние годы была громадна и только революция погасила все эти и другие долги... Агрономический персонал земства также находил более плодотворным работать в имениях, а вовсе не в крестьянских общинах, что, впрочем, вполне понятно. Выгоды получал тот, кто господствовал. Крестьянское хозяйство оставалось на самом низком уровне по своей технике, что в соединении с безграмотностью и бесправием давало великолепный фон для начертания резких линий классовых противоречий, приведших, наконец, к революции.

Формы хозяйствования меняются не сразу. При господстве любого способа хозяйства элементы новых форм, идущих на смену старым, всегда имеются, но до господства их еще далеко. Так было в эпоху рабства, в эпоху средневековья и в эпоху капиталистических отношений. Мы переживаем как раз момент, когда на-лицо все предпосылки для перехода к социалистическому способу производства, но не все

реальные технические рессурсы для этого перехода на-лицо. Социалистическое хозяйство Р. С. Ф. С. Р. достаточно испытало это на себе.

И теперь в нашем земледельческом хозяйстве в смысле производственных форм мало что изменилось. Все земледелье находится в руках мелких индивидуальных производителей. Какую роль в общем производстве играют совхозы, коммуны и артели, если даже оставить в стороне вопрос о техническом несовершенстве этих форм земледельческого хозяйства? Площадь посева, организуемая этими хозяйствами, и отношение к общей площади посева выражаются в следующих величинах:

ГУБЕРНИИ.	Общая площадь посева в 1920 г.	% площади посева.			
		У крестьян. обществ.	В совхозах.	В коммунах и артелях.	ИТОГО.
1. Брянская	343.880	97,5	1,7	0,8	100
2. Орловская	788.206	97,9	1,5	0,6	100
3. Рязанская	836.211	99,0	0,7	0,3	100
4. Пензенская	1.043.948	99,1	0,6	0,3	100
5. Екатеринбургская	1.019.634	99,8	0,0	0,2	100
6. Вятская	1.840.600	99,8	0,1	0,1	100
7. Пермская	634.921	99,8	0,1	0,1	100
8. Маркештадтская	563.314	99,7	0,2	0,1	100
9. Костромская	300.322	98,8	0,3	0,9	100
10. Иваново-Вознесенская	142.399	97,7	0,9	1,4	100
11. Ярославская	310.436	98,2	1,1	0,7	100
12. Череповецкая	151.204	97,9	1,4	0,7	100

Производственное значение совхозов, коммун и артелей ничтожно. Все земледелие находится в руках мелкого крестьянского хозяйства. Революция уничтожила главную базу классового строения—земельную собственность. Однако, при наличии собственности на средства производства, в руках индивидуалистического хозяйства остается еще некоторая база для дифференциации хозяйств. На почве неравенства суммы средств производства возникает арендное пользование землею; отсюда неравенство в размерах и способах производства, раз хозяйство ведется индивидуалистически. Положить конец этому может только технический переворот. Применение паровых или электрических плугов (тракторов), крупные уборочные машины, равенство удобрения почвы—все это автоматически делает производство общественным и само собою наступает обобществление средств производства и труда. До тех пор, пока мы не можем пустить тысячи тракторов по всему лицу Р. С. Ф. С. Р., приходится говорить лишь о том, что есть в области сельскохозяйственного производства, т.-е. о мелком крестьянском хозяйстве со всеми его отрицательными чертами и свойствами.

Изменение в классовом составе массы крестьянских хозяйств под влиянием революции отображается в следующих цифрах [1]):

[1]) Результаты группировки хозяйств 24 губерний по переписям 1917 и 1919 г.г.

ГОДЫ.	% хозяйств.													Всего хозяйств в группировке.
	По посеву.					По рабочему скоту.				По коровам.				
	Беспосевн.	Малопосевн.	Среднепос.	С посевом выше среднего.	Крупнопосевные.	Без рабочего скота.	С 1 голов. рабочего скота.	С 2—3 головами.	С 4 и более.	Без коров.	С 1 коров.	С 2—3 коровами.	С 4 и более.	
1917	11,4	29,6	51,1	7,0	0,9	28,8	48,5	20,8	1,9	17,9	56,4	23,7	2,0	402991
1919	6,5	44,5	45,9	3,0	0,1	25,1	60,8	13,4	0,7	15,7	60,7	22,6	1,0	436738
В 1919 г. больше или меньше в %%	— 38,5	+ 63,5	— 2,9	— 54,0	— 82,4	— 5,4	+ 37,0	— 29,0	— 64,1	— 5,1	+ 16,6	+ 3,5	— 45,8	+ 8,4

Число дворов бесхозяйных, бескоровных и без рабочего скота уменьшилось; еще сильнее уменьшилось число крупнопосевщиков. Классовая структура сгладилась, все крестьянские хозяйства поравнялись, нивеллировались. Оставшееся неравенство хозяйств объясняется размером семьи и общими продовольственными запросами его. Таково экономическое строение массы крестьянских хозяйств в момент первоначального воздействия на него Октябрьской революции. Поскольку 1917 год отражает влияние войны, т.-е. высшую степень дифференцированности крестьянского хозяйства, постольку 1919 год отражает совершенно противоположное влияние революции, которое, как видно из цифр, было чрезвычайно сильно. Дальнейшие моменты революции внесут еще коррективы в то положение хозяйства, какое наблюдалось в 1919 году, ибо с тех пор крестьянское хозяйство испытало продразверстки, и только наблюдения будущего дадут материал для определения процессов и результатов их в период после 1919 года. Но 1919 год интересен сам по себе, так как в то время правильный рынок отсутствовал и, следовательно, перед нами любопытное явление индивидуалистического хозяйства, лишенного рынка, лишенного главной его вдохновляющей силы, с оставлением ему лишь продовольственных стимулов. Какие поправки внесет сюда ближайшее будущее? Характер этих поправок можно наметить уже и теперь, имея в перспективе продналог.

В 1920 году положение крестьянского хозяйства мало изменилось, если не считать недорода, который в условиях мелкого индивидуалистического хозяйства является настоящим бедствием вообще, а при условии выполнения разверсток прошлого года тем более. Сведения по переписи 1920 года, которые могут быть сравниваемы с 1919 г., имеются, к сожалению, только по 4 северным губерниям; однако, и они представляют большой интерес с точки зрения дальнейшего воздействия на крестьянское хозяйство революционного периода; поэтому мы приводим здесь некоторые данные по этим 4 губерниям.

ГУБЕРНИИ.	% хозяйств					
	Без посева.		Без рабочего скота.		Без коров.	
	В 1919 г.	В 1920 г.	В 1919 г.	В 1920 г.	В 1919 г.	В 1920 г.
Костромская	7,2	6,0	27,4	27,7	14,7	11,8
Иваново-Вознесенск.	15,1	16,0	35,5	39,2	22,3	22,0
Ярославская	6,4	5,4	37,6	39,1	15,2	12,8
Череповецкая . . .	5,7	6,5	27,2	28,1	11,1	9,7

% беспосевных хозяйств в 1920 году немного уменьшился в губерниях Костромской и Ярославской, но увеличился, хотя и незначительно, в остальных 2-х губерниях; число хозяйств без коров уменьшилось во всех 4-х губерниях. Что же касается хозяйств без рабочего скота, то относительное их число увеличилось особенно заметно в губерниях Иваново-Вознесенской и Ярославской и незначительно в Костромской и Череповецкой. Отсюда надо сделать вывод, что то движение в перегруппировке хозяйств, которое имело место в период с 1917 до 1919 года приостанавливается, не идет дальше в том же на-

правлении. По отношению же к числу бескоровных хозяйств, повидимому, направление остается прежним: число их уменьшилось и в 1920 г.

Выше мы указывали, что империалистическая война произвела опустошение не только в земледельческом, но и в промысловом населении деревни,—уменьшилась промысловость земледельческих хозяйств. Эти последствия войны не могут быть устранены не только в ближайшие годы, но в несколько десятилетий. Поэтому, сравнивая % хозяйств с промыслами в 1917 и 1920 годах, мы находим следующий ряд цифр, характеризующий дальнейшее уменьшение % хозяйств этого рода.

ГУБЕРНИИ.	% хозяйств с промыслами.	
	1917 г.	1920 г.
Брянская	20,1	3,2
Костромская	40,3	20,0
Иваново-Вознесенская	39,4	35,4
Ярославская	30,6	18,6
Нижегородская	32,7	20,0
Череповецкая	36,3	27,2

С 1917 года % хозяйств с промыслами еще сократился. При объяснении этого явления нужно иметь в виду уже не только влияние мировой войны, но также и действие революции. При государственном регулировании труда, при общем его учете и распределении вполне естественно, что вольный наем не мог иметь широкого применения ни в 1919, ни 1920 годах. Кроме того, продовольственные затруднения в городах и промышленных центрах не способствовали привлечению сюда новых рабочих из деревни. Поэтому 1920 год помечен еще более низким % хозяйств с промыслами, чем 1919.

Промыслы крестьянского населения во время империалистской войны сильно сократились, но зато число женщин в промыслах очень возрасло. Так, напр., в Тульской губернии % женщин в промыслах в 1912 году—до войны—составлял 14,1%, в 1917 году—26,1%, а в 1919 году—14,6%. Таким образом, война затронула своим опустошительным влиянием даже женское население, посылая его на промыслы. Влияние революции в этом отношении оказало обратное действие: число женщин в промыслах сократилось в 1919 году до прежнего, довоенного показателя—14,6%.

Сообразно уменьшению числа населения, находящегося на промыслах, а также благодаря возвращению мужских рабочих сил из старой армии и плена, число отсутствующих мужчин в крестьянском хозяйстве в 1920 году значительно уменьшилось:

ГУБЕРНИИ.	% мужчин в рабочем возрасте.		% отсутствующих мужчин.	
	В 1917 г.	В 1920 г.	В 1917 г.	В 1920 г.
Брянская	48,5	44,3	27,7	16,5
Костромская	49,4	47,3	29,2	16,5
Череповецкая	51,1	49,5	28,2	18,0
Ярославская	51,1	50,0	34,2	20,4
Иваново-Вознесенская	48,3	48,5	29,0	17,6
Нижегородская	48,2	46,1	27,1	18,3

Табличка указывает на сокращение числа мужчин рабочего возраста в 1920 году по сравнению с 1917. Это явление станет вполне понятным, если мы примем во внимание, что в цифрах 1920 года учтена убыль мужского населения в мировой войне убитыми, взятыми в плен и не вернувшимися. Дело в том, что перепись 1917 года регистрировала всех мужчин, взятых по мобилизации и наборам за время войны; перепись же 1920 года, конечно, не регистрировала убитых и находящихся в плену. Поэтому убыль мужского населения в рабочем возрасте объясняется в данном случае, главным образом, потерями в империалистской войне.

В то же время возвращение по домам из старой армии, а также из городов в деревню мужчин, бывших на промыслах, значительно уменьшило к 1920 году число отсутствующих мужчин. Таким образом, революция возвратила деревне значительную часть отсутствующего мужского населения.

Мы не касаемся здесь подробно тех изменений, количественных и качественных, которые произошли под влиянием войны и революции в полеводстве крестьянского хозяйства. Укажем лишь на некоторые главнейшие явления в этой области.

Прежде всего, общая площадь посева крестьянских хозяйств в 1919 году по сравнению с 1917 уменьшилась по 26 губерниям Советской России на 16,4%. Это уменьшение, повидимому, имело место и в 1920 году по сравнению с площадью 1917 года. В этом сказались не только последствия империалистской войны, но и условия гражданской войны, так как в 1919 году вражеское кольцо, сжимавшее Советскую Россию, было наиболее узким. Кроме того, перестройка земельных отношений, увеличение мелких производителей и уменьшение крупных также сказалось на общем производстве.

Изменения коснулись не только общей площади посева, но и отдельных культур. По 26 губерниям в 1919 году по сравнению с 1917 годом особенно сильно сократился посев овса—на 25,2%, льна—на 31,5%; рожь сократилась не в такой степени, а лишь на 7,2%.

Сильно увеличилась площадь под посевами проса и подсолнуха; проса—на 26,7%, подсолнуха—на 67,1%. Площадь под кормовыми травами сократилась на 41%.

Если проследить изменение относительных величин площади под различными культурами во всех губерниях, то нетрудно наблюсти различный характер воздействия войны и революции на соотношение культур, при чем постоянство изменений приобретает характер закономерности. Так, напр., сравнение пропорции культур за 1916, 1917, 1919 и 1920 годы показывает, что площадь под овсом, увеличившаяся в 1917 году, сразу сократилась в 1919 году во всех губерниях за редкими исключениями; посев ржи и пшеницы за последние 3 года увеличился абсолютно во многих губерниях, а относительно увеличился повсеместно.

Посев льна сокращался сильно, абсолютно и относительно, при чем сокращение началось уже во время мировой войны. Посев проса расширяется всюду, а особенно сильно начиная с 1917 года, т.-е. в период революции. Наблюдается также сокращение посевов кормовых трав, в чем заключается уже опасность понижения типа системы полеводства.

Вот некоторые данные для суждения об изменении соотношения площадей посевов под культурами с 1916 по 1920 год по нескольким губерниям, взятым из разных районов республики:

	ГУБЕРНИИ.	Годы переписи.	Из 100 десятин посева находилось под:						
			Рожью.	Пшеницею.	Просом.	Льном.	Картофелем.	Кормов травами.	Овсом.
Льноводные.	Костромская .	1916	41,1	1,6	0,2	8,4	6,0	2,5	32,4
		1917	40,6	0,8	—	8,2	6,1	2,5	35,0
		1919	54,1	0,8	—	6,9	4,4	1,8	27,3
		1920	56,0	0,9	—	2,9	6,1	0,5	29,3
	Тверская . . .	1916	39,8	0,1	—	16,6	6,1	7,5	21,6
		1917	37,7	0,1	—	17,1	5,1	10,2	22,8
		1919	49,2	0,1	—	11,1	5,1	6,7	20,5
		1920	50,5	0,1	—	8,0	4,7	4,5	24,5
	Вятская . . .	1916	46,0	2,0	0,2	5,0	1,6	0,6	33,6
		1917	50,0	1,5	—	3,5	2,1	0,6	36,6
		1919	49,1	0,9	—	3,9	1,9	0,3	38,1
		1920	54,4	0,7	—	2,3	1,1	0,1	35,1
Просяные.	Рязанская . . .	1916	48,0	0,1	6,7	0,9	8,2	0,5	30,1
		1917	49,7	0,3	6,1	1,0	6,8	0,4	31,6
		1919	51,5	0,1	9,1	0,9	7,2	0,3	27,8
		1920	56,9	0,1	17,0	1,0	6,4	0,4	15,9
	Пензенская . .	1916	48,4	0,4	9,2	0,3	3,5	0,2	30,7
		1917	46,8	0,3	10,8	0,1	4,3	0,4	29,0
		1919	49,5	0,3	13,6	0,3	5,0	0,2	25,6
		1920	48,3	0,2	17,6	0,5	5,0	0,1	22,9
	Уфимская . . .	1916	37,9	15,7	4,8	0,4	1,6	0,4	23,6
		1917	38,6	17,4	5,0	0,2	1,4	0,5	25,4
		1919	41,8	15,8	7,1	0,4	0,7	0,6	22,3
		1920	44,3	12,0	6,7	0,6	0,8	0,1	25,9

В 1917 году заметно расширение площадей под овсом, что было несомненно результатом двоякого рода причин: 1) легкости возделыванья этой культуры, что при отсутствии работников имело большое значение, и 2) легкости сбыта овса в армию — товарность его. Первое несомненно явилось также и причиною уменьшения посевов льна, а отчасти и картофеля. Изменения от 1917 к 1919 и 1920 г.г. по отношению к ржи и овсу уже другого характера: посев овса, сократившись сильно в 1919 году, продолжает сокращаться и в 1920 г., тогда как культура ржи относительно расширяется. Это указывает на обострение нужды в продовольственных хлебах по сравнению с кормовыми; такое же значение имеет и сильное увеличение посевов проса.

Подходя к обобщениям и выводам из всего сказанного, необходимо иметь в виду два главные момента, от верности определения которых будет зависеть верность выводов: 1) характер трактуемого объекта, т.-е. индивидуалистического крестьянского хозяйства, и 2) условия, в которых оно живет в настоящий момент.

Поскольку крестьянское хозяйство остается индивидуалистическим, постольку, очевидно, и вся деятельность его будет определяться интересами не общими, а индивидуальными, а следовательно, и производство его может регулироваться только внутри его самого под влиянием воздействия внутрихозяйственных и внехозяйственных условий и требований, к нему предъявляемых; и поскольку это хозяйство мелкое — оно несет все невыгоды производства, неизбежные при индивидуалистическом способе хозяйствования, т.-е. здесь не может быть ни высокой механизации работы, ни рационального использования сил и средств. Особое, ему одному присущее свойство крестьянского хозяйства заключается также в его приспособляемости к самым различным, часто противоположным условиям, приспособляемости пассивной, а не активной или творческой. Так жило оно и в условиях товарно-денежных отношений, когда и продукты и рабочая сила хозяйства превращались в товар; вымирало, деклассировало, но жило, ничуть не изменяя привычных форм производства и техники.

Наблюдали мы его и в период отсутствия товарообмена, в период революции, когда рабочие силы мобилизовались государством, а не продавались частным предпринимателям — правда, при недостатке продуктов промышленности в руках государства для уплаты за продукты сельского хозяйства и рабочие силы, — и что же, как реагировало крестхозяйство на это? Оно, как улитка, ушло в свою раковину, сократив производство до возможного продовольственного минимума и сделало аморфными профессиональные навыки своего населения, оставляя обученных профессиональных рабочих на земле в деревне. И все это не в силу какой-либо программы или политических соображений, а чисто пассивно, следуя слепому инстинкту самоохранения, диктуемому промыслом мелкого индивидуалистического хозяйства. Таковы характерные черты крестхоза.

Теперь посмотрим, каковы условия, в которых оно живет в последние годы. Война развивала денежно-товарные отношения, суживая в то же время круг предметов снабжения сельского хозяйства взамен хлеба через посредство рынка. Уже в 1917 году, перед революцией, производство фабрикатов упало до невозможности найти на рынке ситцу, железа, машин и проч. в требуемом, даже минимальном количестве. Фабрики, заводы и рабочие были приспособлены к производству предметов для войны, и уже тогда ясно обрисовывался долженствующий разразиться кризис несоответствия между промышленным и сельскохозяйственным производством.

Революция пришла и как раз получила в свои руки наследие войны: отсутствие оборудованной промышленности (так как бывшее до войны оборудование приспособлено для работы на войну), с одной стороны, и классовое крестхозяйство, верхи которого не желали сбывать по твердым ценам (хлебная монополия военного времени) хлеба и фуража — с другой. Изменив земельные отношения, революция внесла уравнительный принцип в землепользование и, отчасти, перераспределила средства производства, оставив, однако, крестхозяйство индивидуальным. Сама по себе социализация земли открывала все возможности к обобществленному производству в сельском хозяйстве, но не было налицо технических средств для этого. Война поглотила возможности к

этому тем, что сельскохозяйственные машины и орудия во время войны почти не производились, и тем, что все изобретения техники и силовой энергии направлялись на нужды войны—развилась авиация, подводный спорт, орудия массового убийства. И когда пришла освободительная революция,—она застала во всех полезных производствах, а тем более в земледелии—только остатки старой техники.

Имея же технику производства прежнего уровня, да еще имея налицо полное расстройство транспорта—трудно допустить, чтоб обобществление производства в земледелии произошло сейчас же вслед за социализацией земли. Вот почему процесс революции затронул главную базу—собственность на землю. Перераспределив землю, революция стерла классовые черты в массе крестхозов. Отсюда вытекало и дальнейшее воздействие государства на земледелие, как оно выражалось в течение 1919—1920 г.г.

При невозможности наладить национализированное производство и транспорт в широких размерах,—государство не могло бросить достаточного количества нужных фабрикатов в деревню для продуктообмена. Поэтому средства продовольствия для городов получались от сельского хозяйства путем разверстки нужной суммы продуктов по территории, сообразно производству. Такой способ извлечения продуктов привел к своим результатам—к сокращению производства в сельском хозяйстве до минимума. Он мог бы явиться очень поощряющим мелкое хозяйство лишь в том случае, если бы транспорт и промышленность городов работали полным ходом и давали деревне вполне достаточное количество фабрикатов за продукты земледелия. Но этого не было и государство, будучи лишено возможности снабжать деревню в достаточной степени продуктами промышленности, логически пришло к продналогу.

Свойства мелкого индивидуалистического хозяйства, приведенные в соприкосновение с продналогом, могут породить условия для развития экономической дифференцированности в земледельческих хозяйствах. Предпосылки для экономической, а следовательно, и для классовой дифференцированности заключаются как в характере стимулов расширения производства, так и в порядке свободного отчуждения остатков. Это нужно сознать наперед, чтобы использовать положение в интересах выполнения заданий революции, в интересах грядущих высших форм производства в земледелии.

Из всего вышесказанного следует, что „проблема поднятия производительности земледелия при настоящих условиях лежит не только в плоскости этого последнего, а в той же мере,—если еще не в большей,—и в плоскости условий обрабатывающей и добывающей промышленности". Настоящий момент даже усиливает эту связь и можно прямо сказать, что земледелие выйдет на широкую дорогу только тогда, когда промышленность будет работать правильно, без недоборов. Требуется пропорциональность отдельных частей народного хозяйства, чтобы сделать нормальной связь города с деревней, утратившую теперь характер закономерных отношений. Крестьянство перейдет к обобществлению производства лишь в порядке последовательного решения задач. Первая ступень к этому уже пройдена—это уничтожение собственности на землю и уничтожение крупноэксплоататорских и кулацких хозяйств. На основе равного пользования землею должна была наступить вторая стадия—обобществления производства, превращение отдельных индивидуальных хозяйств в объединенные общественные хозяйства. И эта стадия наступила бы, не будь растрачены на войну все технические силы и средства и не задержись социальная революция в

других странах. Высокая техника и богатство производимых промышленных продуктов в руках государства—эти условия показали бы с очевидностью преимущества планового распределения перед свободой торговли даже мелкому крестьянскому хозяйству. Но этих условий не было и только через восстановление промышленности и транспорта, через продналог приходим мы к восстановлению земледельческого производства и к постановке задач социализации земледельческого производства. Отложение задач не есть отказ от их разрешения. Они будут разрешены, когда для этого подготовятся все условия, способствующие успешному разрешению этих задач. Тогда наличность могучих технических сил, которые в силу факта своей работы заставят предпочесть новые формы производства, поставив созидающие процессы вне прямой зависимости от живого труда, а этот последний сведя к минимуму и подчинив его регулированию внеклассового государства.

А. Хрящева.

Система Тэйлора и организация работы советских учреждений.

Странное дело: каждый коммунист знает, что бюрократизм вещь крайне отрицательная, что он губит всякое живое начинание, что он искажает все меры, все декреты, все распоряжения; но стоит коммунисту начать работать в каком-нибудь комиссариате или другом каком советском учреждении, он и оглянуться не успеет, как увидит себя уже наполовину увязшим в столь ненавидимом им бюрократическом болоте.

В чем же дело? кто виноват тут, — злые саботажники, старые чинушки, влезшие в наши комиссариаты, советские барышни?

Нет, корень бюрократизма кроется не в злой воле тех или иных лиц, а в отсутствии уменья планомерно и рационально организовать работу.

Дело управления—далеко не легкое дело. Это целая наука. Чтобы правильно организовать работу какого-нибудь учреждения, надо знать до мельчайших подробностей самую работу, надо знать людей, надо иметь большую настойчивость и проч. и т. д.

Мы, россияне, до сих пор были мало искушены в этой науке управления, но, не изучив ее, не научившись управлять, мы не подвинемся не только к коммунизму, но даже и к социализму.

У Тэйлора мы можем очень и очень многому научиться, и хотя он говорит преимущественно о постановке работы на заводе, но многие из проповедуемых им организационных принципов могут, и должны, быть применены и к советской работе.

Вот что пишет по поводу применения известных организационных принципов сам Тэйлор:

„Нет такой работы, которая не могла бы быть с выгодой подвергнута исследованию, с выяснением единиц времени, с разделением ее на элементы... Можно исследовать так же хорошо, например, время канцелярской работы и назначить дневной для нее урок, несмотря на то, что сначала она кажется очень разнообразной по своему характеру" (Ф. Тэйлор „Административно-техническая организация промышленных предприятий", стр. 148).

Уже из приведенной цитаты видно, что одним из основных принципов Ф. Тэйлор считает разложение работы на ее элементы и основанное на этом разделение труда.

Возьмем работу народных комиссариатов. Несомненно, известное разделение труда в них есть. Есть народный комиссар, есть коллегия

комиссариата, есть отделы, отделы разделены на подотделы, имеются секретари, делопроизводители, машинистки, протоколистки и т. п. Но это, ведь, самое грубое разделение. Очень часто не проведена граница между делами, подведомственным комиссару, коллегии, отделу. Это определяется обычно как-то на глаз. Не всегда точно определены и разграничены функции разных подотделов. Существуют и штаты. Но в большинстве случаев „штаты" эти очень приблизительны. Точного определения функций отдельных работников сплошь и рядом нет. Отсюда вытекает многолюдность учреждений. Существует в учреждении, скажем, 10 человек, функции их точно не распределены. Человек 8 из них толкутся зря, два остальных завалены работой сверх меры. Работа двигается плохо. Заведующему учреждением кажется, что не хватает людей, он берет еще десяток, но работа идет плохо. Почему? Потому, что работа не распределена надлежашим образом, служащие не знают, что и как им делать. Разбухание комиссариатов—постоянно наблюдаемый факт. Но идет ли от этого работа лучше?

Вопрос о „коллегиальности и единоличии", вопрос, выросший именно на почве отсутствия разделения труда, на почве отсутствия разграничения функций комиссара от функций коллегии, отсутствия разграничения ответственности коллегии и ответственности комиссара. Непонимание этой, столь простой, казалось бы, вещи ведет часто к административной фантастике. Так, в период обсуждения в Совнаркоме вопроса о коллегиальности и единоличии в Совнарком был представлен, между прочим, один совершенно чудовищный проект. В нем предлагалось уничтожить не только коллегии, но и заведующих отделами и подотделами, предлагалось оставить только комиссара и технических служащих, которым народный комиссар должен был давать непосредственные задания. В этом проекте выявилось полное непонимание необходимости детальнейшего и старого продуманного разделения труда. Авторы хотели упростить аппарат, но упустили из виду одну маленькую мелочь: при наличии только комиссара и технических служащих, комиссару придется давать служащим ежедневно несколько тысяч заданий. Никакому комиссару это не под силу.

На фабрике, на заводе проводится весьма тщательное и далеко идущее разделение труда. Там никому и в голову не придет сомневаться в пользе такого разделения.

Разделение труда в советских учреждениях самое грубое, детального разделения функций нет. Его необходимо создать. *Должны быть самым точным образом определены обязанности каждого служащего,—от комиссара до последнего рассыльного.*

Круг обязанностей каждого должен быть формулирован *письменно*. Обязанности эти могут быть весьма сложными и обширными, но тем важнее их как можно точнее формулировать. Конечно, это в еще большей мере относится ко всякого рода коллегиям, президиумам и т. п.

Затем Ф. Тэйлор настаивает *на точной инструкции, тоже составленной в письменном виде, указывающей подробно, как выполнять ту или иную работу.*

Тэйлор имеет в виду заводское предприятие, но это требование применимо всецело к комиссариатской работе.

„Инструкционные карточки можно применять очень широко и разнообразно. Они играют в искусстве управления такую же роль, как в технике чертежи и, подобно последним, должны изменяться по размерам и форме сообразно количеству и разнообразию сведений,

которые она должна давать. В некоторых случаях инструкция может представлять заметку, написанную карандашем на куске бумаги, которая отсылается прямо рабочему, нуждающемуся в указаниях, в других случаях она будет заключать много страниц написанного на пишущей машине текста, надлежащим образом исправленных и сброшюрованных; и будет выдаваться по контромаркам или другим установленным порядком, чтобы ею можно было пользоваться" (Там же, стр. 152).

Подумать только, как улучшило бы введение письменных инструкций постановку дела в комиссариатах, на сколько бы сократило ненужные разговоры, сколько точности внесло бы в нее, какое бы это было сокращение непроизводительной траты времени.

Ф. Тэйлор всячески настаивает именно на письменной форме инструкций, отчетов и проч.

Письменный отчет гораздо определеннее, и, главное, он зафиксирован. Письменная форма облегчает также контроль.

Разделение функций, введение письменной инструкции дают возможность ставить на ту или иную работу менее квалифицированных людей. Тэйлор говорит, что нельзя „пользоваться трудом квалифицированного рабочего там, где можно поставить более дешевого и менее специализировавшегося человека. Никому не придет в голову на рысаке перевозить груз, а битюга поставить там, где достаточно маленького пони. Тем более нельзя допустить, чтобы хороший мастер исполнял работу, для которой годится чернорабочий" (Там же, стр. 30).

Правильно распределить работу, каждого поставить на надлежащее место, соответствующее его силам, способностям, подготовке, опыту, „to put the right man of the right place", как говорят англичане—вот в чем задача администратора. В большинстве комиссариатов существуют так называемые учетно-распределительные отделы. В этих отделах должны сидеть высоко квалифицированные работники, знающие до мельчайших подробностей работу своего комиссариата, его нужды; умеющие правильно расценивать людей, выяснять их опыт, знания и проч. Это одна из ответственнейших работ, от которой зависит успешность работы всего учреждения. Достаточно ли это понимается комиссариатами? Нет. На этом сплошь и рядом сидит совершенно случайная публика.

„Нет людей", приходится слышать постоянно. Так говорят плохие администраторы. Умелый администратор может использовать и людей второстепенной квалификации, если он будет их как следует инструктировать и целесообразно распределять между ними работу. „Нет сомнений,—пишет Тэйлор,—что средний человек работает успешнее всего тогда, когда он сам или кто-либо другой назначает ему определенный урок, именно данная работа должна быть исполнена им в определенное время. Чем ниже умственные и физические способности человека, тем короче должен быть назначенный урок" (Там же, стр. 60).

И Тэйлор дает указания, как должна распределяться работа:

„Каждый рабочий, хороший и посредственный, должен ежедневно получать вполне определенный урок. Ни в коем случае он не должен быть неточным или неопределенным. Урок должен быть тщательно и ясно описан и не должен быть легким...

„Каждому рабочему должно хватить урока на целый день...

„Для того, чтобы возможно было назначить урок на следующий день и определить, насколько подвинулась за день работа на всем заводе, рабочие должны каждый день представлять в расчетный отдел письменные сведения с точным указанием исполненной работы" (Там же, стр. 57).

Только при детальном распределении и учете работы возможна премиальная система.

В комиссариатах премиальная система обычно применяется совершенно неправильно. Премии даются не за лишние часы работы или за большее количество выданной работы, а выдаются в виде добавочного жалованья. Уж одно это указывает на то, что нет правильного распределения деловой работы в советских учреждениях.

Конечно, правильно распределить работу может лишь тот, кто сам ее знает очень хорошо, до мельчайших деталей.

„Искусство управления определяется нами, как основательное знание той работы, которую вы хотите дать рабочим, и умение выполнить ее самым лучшим и экономным способом“ (Там же).

Казалось бы, что это само собой разумеющаяся вещь, между тем она почти постоянно игнорируется. Товарищи—дельные администраторы и вообще дельные работники постоянно перебрасываются из одной области работы в другую: сегодня он работает в Наркомземе, завтра в ТЕО, послезавтра по снабжению, затем в В. С. Н. Х. или еще где-либо. Прежде чем он успеет изучить новую отрасль работы, его перебрасывают в новую область работы. Понятно, что он не может сделать того, что мог бы сделать, если бы дольше работал в одной области.

Мало знать людей, иметь общие организационные навыки — надо знать в совершенстве данную область работы, тогда только можно ее правильно распределять, правильно и инструктировать, учитывать, контролировать.

Контролю Тэйлор придает особое значение. Он предлагает ежедневно и даже дважды в день контролировать работу рабочих, он настаивает на самой подробной письменной отчетности, предлагает не бояться увеличения административного персонала, способного контролировать работу. Самое лучшее, по мнению Тэйлора, было бы, если бы возможно было организовать чисто механический контроль (не даром контрольные часы связаны с именем Тэйлора).

„Всуе законы писать, ежели их не исполнять“. И Тэйлор понимает, что все распоряжения повисают в воздухе, если они не сопровождаются строго проводимым контролем.

Между тем, по части контроля в комиссариатах дело обстоит часто весьма неблагополучно.

Цель системы Тэйлора повысить интенсивность труда рабочего, сделать его труд возможно производительнее. Цель ее изменить медленный темп работы на более быстрый и научить рабочего работать без лишних перерывов, осмотрительно и дорожить каждой минутой.

Само собой Тэйлор враг всех лишних разговоров, отнимающих дорогое время. Устные отчеты он стремится заменить письменными. Там, где они неизбежны, он стремится сделать их возможно краткими.

„В систему управления все больше и больше входит принцип, который можно назвать „принципом исключений“. Правда, подобно многим другим элементам искусства управления, его применяют в единичных случаях и, по большей части, не признавая его принципом, который нужно было бы распространить повсюду. Обычный, хотя и печальный, вид представляет управляющий большого дела, добросовестно сидящий за своим столом среди моря писем и донесений, на каждом из которых он считает своим долгом расписаться и поставить свои инициалы. Он думает, что, пропустив через свои руки эту массу подробностей, он вполне осведомлен обо всем деле. Принцип исключений представляет полную противоположность этому. При нем управляющий получает только сжатые, сокращенные и непременно

сравнительные сведения, освещающие, однако, все вопросы, касающиеся управления. Даже эти краткие сведения, прежде чем поступить к директору, должны быть тщательно просмотрены одним из его помощников и должны заключать в себе последние данные, как хорошие, так и плохие, по сравнению с прошлыми средними цифрами или с установленными нормами; таким образом, эти сведения в несколько минут дают ему полную картину хода дел и оставляют свободное время на обдумывание более общих вопросов системы управления и на исследования качеств и пригодности более ответственных, подчиненных и служащих„ (Там же, стр. 105).

Какой деловой характер приняла бы работа комиссариатов, если бы работающие там товарищи держались бы „принципа исключений".

Подытожим сказанное. Ф. Тэйлор считает, что необходимо:

1) разложение работы на ее простейшие элементы;

2) детальнейшее разделение труда, основанное на изучении работы и разложении ее на элементы;

3) точное определение тех функций, которые ложатся на каждого служащего;

4) определение этих функций в точной письменной форме;

5) соответствующий подбор служащих;

6) такое распределение работы, чтобы на долю каждого служащего приходилось такое количество ее, какое он может выполнить за день, работая самым усиленным темпом;

7) постоянное инструктирование более сведущими лицами, по возможности в письменной форме;

8) систематический, правильно организованный контроль;

9) для облегчения его письменная отчетность (по возможности, за самые короткие сроки);

10) там, где возможно, механизация контроля.

„Это же всем известно", скажет читатель.

Но дело не только в том, чтобы знать, но чтобы уметь применять. В этом вся суть.

„Ни одна система не должна проводиться неумело", замечает Тэйлор.

Где же научиться управлению? „К несчастью, нет школ управления, нет даже ни одного предприятия, где бы можно было осмотреть большую часть деталей управления, которые представляли бы лучшее в своем роде" (Там же, стр. 164).

Это Тэйлор говорит по отношению к промышленности в передовых странах.

Явно, что у нас, в России, да еще в отношении не промышленности, а административных аппаратов, мы образцов не найдем. Тут надо прокладывать новые пути. Путем вдумчивого отношения к делу, учета всех условий работы, систематически надо оздоровить советские учреждения, изгнать из них и тень бюрократизма. Бюрократизм не в отчетности, не в писании бумажек, не в распределении функций, в канцелярии, — бюрократизм — это халатное отношение к делу, неразбериха и бестолочь, неуменье работать, проверять работу. Надо учиться управлять, надо учиться работать. Конечно, все не делается одним махом. „Для коренной перемены управления требуется время, много времени"... Перемена управления связана с переменой понятий, взглядов и обычаев многих людей, укоренившихся убеждений и предрассудков. Последнее можно изменить только медленно и, главным образом, при помощи ряда предметных уроков, каждый из которых требует времени, и при помощи постоянной критики и обсуждений. Решив применить

данный тип управления, нужно, по возможности, скорее предпринимать один за другим необходимые шаги для этого введения. Необходимо быть готовым к потере некоторого числа из своих ценных людей, которые не будут в состоянии приспособиться к изменениям, а также к негодующим протестам многих старых надежных служащих, которые в нововведениях не увидят впереди ничего, кроме нелепости и разорения. Очень важно, чтобы, кроме директоров компании, всем, имеющим отношение к управлению, было дано широкое и понятное объяснение главных целей, которых добиваются, и средств, которые будут применены.

Тэйлор, как опытный администратор, понимает, что успех дела зависит не столько от отдельного лица, сколько от спетости всего коллектива.

Только коллектив этот Тэйлор ограничивает кругом административных служащих. Это вполне понятно. В своем целом система Тэйлора имеет не только положительные стороны — повышение производительности труда путем его научной постановки, но и стороны отрицательные: повышение интенсивности труда, при чем система заработной платы строится Тэйлором так, что от этого повышения интенсивности выигрывает не рабочий, а предприниматель.

Рабочие понимали, что система Тэйлора—прекрасная система выжимания пота, и боролись с ней. Так как все производство находилось в руках капиталистов, то рабочих не интересовало повышение производительности труда, не интересовал подъем промышленности. Теперь, при Советской власти, когда уничтожена эксплоатация рабочей силы и когда рабочие заинтересованы до крайности в подъеме промышленности,—коллектив, который должен сознательно относиться к введению усовершенствования методов труда—должен быть коллектив всех рабочих данного завода или фабрики. Капиталист не мог опираться на коллектив рабочих, которых он эксплоатировал, он опирался на коллектив административных служащих, которые помогали ему осуществлять эту эксплоатацию. Теперь рабочий коллектив сам должен осуществить применение наиболее целесообразных методов труда. Его необходимо только ознакомить в теории и на практике с этими методами. В этом заключается производственная пропаганда.

Что касается служащих советских учреждений, служащих народных комиссариатов, то их необходимо возможно детальнее ознакомить с методами производительности труда. Это ложится на производственную ячейку коллектива служащих. Но только путем повышения уровня сознательности всех служащих, только путем вовлечения их в дело повышения производительности труда комиссариатов—возможно действительное улучшение дела и уничтожение не на словах, а на деле мертвого бюрократизма.

Н. Крупская.

Наши задачи в области художественной жизни.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Главполитпросвет и исскуство.

[redacted] Крупская совершенно верно отметила в своей статье полную нево[redacted] для Главполитпросвета отказаться от заботы о целом ряде сторон худо[redacted]венной жизни, слитых с художественным воспитанием масс.

Не подлежит сомнению, что к художественному воспитанию и сводится, едва ли не в главном, эмоциональное воспитание. Без чувства же одни идеи не определяют воли,—это утверждают все психологи.

У нас часто раздаются речи о том, что-де массы движутся интересами. Для темных масс, в классовом отношении бессознательных, это, конечно, правильно, непосредственно, каждый толкаем к тому или другому поступку голодом, холодом и т. п., словом, тем эгоизмом, который лежит, по мнению Адама Смита, в основе экономической жизни. Это верно относительно тех проявлений, которые непосредственно вырастают из угнетенного положения масс.

Но только тогда интересы приобретают характер чего-то связующего класс воедино, действительно руководящего, способного порождать планомерные действия, когда они превратились в програмку и идеал. И вот тут совершенно очевидно, что если идейное творчество, а потом идейная пропаганда претворяют голос отдельных интересов в призыв интереса классового, то только энтузиазм способен побудить каждую отдельную личность пожертвовать самой жизнью своей, а не только теми или другими интересами для дела общего, для широкого классового интереса.

В этом направлении энтузиазма к общему делу в первую голову и должно воспитывать человека искусство. Естественно, что оно приобретает при этом классовый характер, ибо общечеловеческое дело есть сейчас дело пролетариата, и представители других классов лишь в отдельных исключениях проникаются миросозерцанием пролетариата.

Но у других классов могут быть свои общие классовые цели и свой классовый энтузиазм, который развертывает их классовое искусство... Мало того, господствующие классы могут стараться развернуть выгодный им энтузиазм, например, патриотический, религиозный в массах и для этого будет иногда на половину искренное, в большей части вполне лицемерно, создавать и соответственное художественное воспитание для своих «рабов».

Задачи Главполитпросвета в области художественного воспитания масс можно разделить на три рубрики: 1) агитационно-пропагандистская работа через посредство искусства, 2) всяческая помошь выявлению самостоятельного классового пролетарского, а рядом с этим и крестьянского искусства и, наконец, 3) популяризация великих произведений искусств прошлого, хотя бы и не имеющих характера прямой пропаганды и агитации.

Я думаю последовательно изложить здесь мысли, касающиеся каждой из этих трех задач, и начну с той, которая является, по моему, наименее понятой, наиболее рискующей быть забытой, хотя как раз до сих пор она играла и играет самую большую роль, хорошо это, или дурно.

Я говорю о популяризации истинного искусства прошлого потому именно, что дело художественно-политической пропаганды и агитации, как и дело помощи выявлению самостоятельного пролетарского искусства—дела новые. Я не представляю себе, чтобы Главполитпросвет, для этого-то и созданный, мог запустить их. Но именно потому, что дело популяризации искусства как-будто дело старое, как-будто дело «внешкольное», как-будто «культур-трегерское», а по мнению некоторых даже сводящееся к «развращению» масс буржуазным искусством, именно поэтому я и думаю в первую очередь поговорить о нем.

Глава I.

Популяризация классического искусства.

Под кратким термином—классическое искусство—я разумею бесспорно ценные произведения во всех отраслях искусства.

Наше собственное пролетарское или коммунистическое искусство имеется сейчас только в зародыше. Говорить, что все старое искусство лишено всякой ценности, что на земле не было великих эпох искусства, великих художников и великих произведений, можно только по лицемерию или по невежеству.

Полагать, что пролетариат есть голый человек на голой земле, который отказывается от всей прошлой культуры, может только оголтелый анархист, случайно принявший себя за коммуниста и за марксиста. Здесь особенно показательными являются мнения самого Маркса. Мне доставило не малое удовольствие свидетельство Меринга о том, что Маркс «считал безнадежными идиотами людей, не понимающих значения античного искусства для пролетариата».

Да, мы живем на земле, которая имеет богатую культуру, развивающуюся несколько тысяч лет. Конечно, мы находимся в совершенно особом историческом моменте, конечно, настоящая заря подлинной человеческой истории занимается только сейчас. Конечно, вполне человечное искусство возможно только в относительно близком будущем после решительных побед труда над капиталом.

Но из этого вовсе не следует, чтобы в прошлом не было целых эпох, когда бодро развивающиеся впереди целых наций классы не порождали бы искусства, чрезвычайно близкого по своему духу тому, которое не может не восприниматься радостно пролетарием-освободителем.

Вспомните, что говорит Энгельс о французской революции или о германском идеализме? Буржуазия в эпоху французской революции шла впереди других классов и вынуждена была некоторое время выражать общечеловеческие политические идеалы. Пусть она выражала их не полным голосом, в несколько искривленном виде, тем не менее лозунги французской революции остаются дорогими и для нас. Пусть германская буржуазия,

развертывая в более политически угнетенной обстановке параллельно с французской революцией идею свободы, отразила ее в своих великих философских системах туманно, идеалистически,—все же Маркс черпал именно из этого источника, и Энгельс с гордостью говорил о том, что пролетариат является единственным наследником великих философов конца XVIII и начала XIX века!

То же относится, конечно, и к искусству. Прежде всего, разумеется, искусство имеет колоссальный интерес во всем своем историческом течении. Популяризация истории искусства, с которой так интересно и так глубоко связана вся история культуры, всегда будет, конечно, одним из прекрасных методов исторического просвещения масс вообще.

На эту сторону надо обратить всяческое внимание. Надо создать небольшие циклы по истории искусства с использованием в больших городах местных музеев и картинных галлерей, а в маленьких, главным образом, иллюстрации всякого рода (гравюры, литографии, фотографии) и в особенности диапозитивы, и давать через такое наглядное, хватающее человека прямо за сердце выражение эпох, как живопись, скульптурные и архитектурные памятники—живое изложение прошлого человечества, конечно, разъясняемого с точки зрения механизма классовой борьбы и постепенного роста того общественного строя, в недрах которого развивается наша революция.

Однако, не надо думать, что только и с т о р и ч е с к и й интерес должен руководить органами Главполитпросвета в деле художественной популяризации.

Нет, мы имеем в русской литературе, музыке, живописи и скульптуре, а тем более в общечеловеческом искусстве, громадную сокровищницу высоких произведений, знакомство с которыми обогащает душу, поднимает настроение, углубляет общественное чувство и т. д.

Популяризировать выдающиеся, или, как я кратко выражаюсь, классические, т.-е. бесспорные, произведения искусства необходимо. Для этого нужно устраивать, как устраиваются и сейчас, спектакли, концерты, экскурсии в музеи, в особенности, хорошо подобранные музейные выставки. Надо по возможности сопровождать их лекциями и объяснениями.

По отношению к спектаклям и концертам желательны короткие вступительные лекции. В тех случаях, когда публика организована, т.-е. представляет собой слушателей какой-нибудь школы, каких-нибудь курсов, членов какого-нибудь клуба, следует устраивать после таких спектаклей собеседования,—словом, заботиться о том, чтобы массы, не привыкшие разбираться в историческом, формально эстетическом, психологическом содержании воспринятого, приучались к этому.

Однако, даже и без такого сопровождения, весьма желательного, сами по себе произведения искусства не преминут оказать облагораживающего действия на восприимчивую и жадную к подлинному искусству душу трудового человека.

Все это делалось до сих пор, и дело Главполитпросвета заключается в том, чтобы окончательно истребить в театре, на концертной эстраде, на выставке все пошлое, являющееся подделкой под искусство, или прямой ему противоположностью. Но чего не делалось—это расширения круга культурного воздействия художественных центров на жителей маленьких городов и в особенности на деревни. У нас имеется колоссальное движение народных масс к искусству, особенно размножаются театральные кружки, плодятся также и маленькие самостоятельные, очень плохие глубоко провинциальные труппы и т. п. Не дело, однако, устраивать любительщину, и об этом я буду говорить в третьей главе этой статьи. Еще

менее того скомпрометировать самое искусство и часто искажать человеческие чувства путем его отвратительных суррогатов.

Главполитпросвет обязан завести в центре несколько образцовых разъездных трупп, несколько образцовых концертных ансамблей, ряд хорошо подобранных выставок, дающих ту или иную систему художественных впечатлений; губернские политпросветы должны иметь по крайней мере по одной такой труппе, одному такому ансамблю и одному такому комплекту для постоянных разъездов по уездам и деревням. Конечно, для деревни, где нет театральных зданий и удобных помещений, где массы особенно непросвещенны и имеют специфические черты, надо устраивать такого рода кочующие художественные экспедиции с особым расчетом, принимая во внимание все эти особенности.

Я сказал, что репертуар этой художественной популяризирующей работы охватывает классические, т. е. бесспорные, произведения.

Я думаю, что люди, которые считают с футуристической точки зрения «затхлыми», или с коммунистической точки зрения «бесполезными», скажем, Шиллера, Микель-Анджело, или Бетховена, Пушкина, Глинку или Брюлова, просто не заслуживают никакого серьезного внимания со стороны Главполитпросвета. Но, конечно, найдутся и произведения искусства относительно спорные... Что же, тогда и надо спорить.

Надо выяснить, есть ли это здоровая художественная пища, имеющая и для нашего времени психологический воспитательный интерес, или мы имеем перед собой интересный памятник определенной эпохи, важный только, как историческая иллюстрация, или, наконец, мнимое произведение искусства, действительно устарелое.

Здесь возникает вопрос о новых произведениях искусства. Вполне возможно, и мы это видим вокруг себя, что художники всех родов искусства будут производить новое вне всякой связи с искусством пролетарским, или искусством коммунистически агитационным. Такие произведения никогда не могут быть бесспорны. С ними надо ознакомиться, их надо обсуждать; то, что прекрасно, не должно никогда быть запретным, и априори отнюдь нельзя усумниться, чтобы художники не-пролетарии и не-коммунисты не могли произвести в наше время те или другие интересные художественные произведения,—это особенно относится к тем случаям, когда мы имеем дело с произведениями художественными, не отвечающими вполне нашим агитационным целям, но отражающими тем не менее современность более или менее правдиво или проникнутыми теми или другими революционными тенденциями в общем более или менее полезными и с точки зрения агитационной; таким произведениям искусства следует оказывать всяческое гостеприимство.

Само искусство сейчас разделено на несколько лагерей, и одно сечение бросается в глаза сразу: так называемое реалистическое искусство, под которое сейчас в общеречии подводят все искусство прошлого, и так называемое футуристическое.

Лично я думаю, что из искусства прошлого дорога к пролетарскому, социалистическому искусству идет не через футуризм, и если оно будет оплодотворено, хотя бы технически, теми или другими находками футуризма,—то вероятно не в очень серьезной степени [1]). Но это личное мое мнение, которое разделяет, вероятно, многое множество других коммунистов. Из него, тем не менее, нельзя сделать вывода, что футуристическое искусство вовсе не должно быть популяризируемо. Конечно, когда создается иллюзия, будто бы искусство молодых «левых» художников является государственным, когда мы ему особо покровительствуем (что случилось

[1]) Исключение я делаю для худож. промышленности.

постольку, поскольку эти художники, более подвижные, более демократические, менее связанные с буржуазией, п е р в ы е пришли нам на помощь), то получается несомненная несправедливость и ошибка.

Для меня не подлежит никакому сомнению, что пролетариат и крестьянство получат гораздо больше от полных человеческого содержания произведений глубоко идейного, глубоко содержательного искусства лучших эпох прошлого, чем от искусства, которое заранее заявляет, что оно бессодержательно, что оно чисто формально, и которое доходит, наконец, до пропаганды абсолютной бессюжетности.

Однакоже, никто не имеет права предрешать решения самой народной массы в деле школьных направлений,—было бы поэтому неправильным становиться в качестве средостения между художником, который часто со всею искренностью ищет новых путей, и между массой, которая, может быть, те или другие стороны его исканий и одобрила бы.

Вполне возможно, например, что многое найденное футуристами окажется в высокой степени приемлемым в области, где сюжета не требуется, в области декоративной в самом широком смысле этого слова.

Вообще, нисколько не давая п р и в и л е г и й так называемому новому искусству, не следует поднимать на него г о н е н и я, чем мы отбросили бы от себя симпатии целых сотен молодых художников, из которых многие идут к нам со всею искренностью, и сделали бы из них каких-то новых мучеников во имя своих идей, за которые они держатся твердо. Все это совершенно зря, без всякой нужды и пользы.

Относительно изобразительных искусств надо здесь сделать еще пару замечаний: во-первых, именно дело Главполитпросвета снабжать клубы, народные дома, а также места, где вообще собирается публика—библиотеки, вокзалы и т. п. и т. д.—художественными произведениями. Я говорю здесь пока не об агитационном искусстве (вроде плакатов и т. п.), а о настоящих картинах, гравюрах, художественных литографиях, бронзах, гипсах, хороших фотографиях и т. п.

Если мы соглашаемся, что вообще дело популяризации художественных произведений необходимо, то надо обратить внимание и на эту сторону. Главполитпросвет должен взять в свои руки закупку произведений искусств, воспроизведение их и распределение их в качестве украшения для потребностей организованных масс и даже частных жилищ тружеников.

Еще большее значение имеет дело, о котором я упомяну здесь вскользь, потому что оно к обязанностям Главполитпросвета не относится,—это забота, пока при нашей нужде осуществимая лишь в бледных формах, о повышении вообще эстетического уровня жизни масс. Без особой затраты усилий можно дать ткани, посуду, одежду всякую, одним словом, человеческую утварь, кончая самым жильем человека, несравненно более изящные, способствующие светлому жизнерадостному настроению людей, живущих среди подобных вещей. Но это дело не Главполитпросвета, а В. С. Н. Х., который должен разрабатывать так называемую художественную промышленность в теснейшем контакте с Наркомпросом и с другими его органами, а именно Главным Художественным Комитетом и соответственным отделом Главпрофобра.

Задачи художественной популяризации в области литетеруры, пожалуй, наиболее бесспорны. В конце концов, никому не придет в голову утверждать, что Главполитпросвет не должен через свои библиотеки распространять произведения великих писателей России и мира. Но здесь действительно имеются и некоторые стороны, на которые не обращено достаточного внимания.

Я не буду говорить о чтении, сопровождаемом комментарием, о лекциях по литературе и о т. п. вещах. Частью это само собой разумеется,

частью, может-быть, пока выходит за пределы достижимости для нас, обязанных направить наши силы на другую, политически для нас более важную сторону.

Тем не менее, чтение классиков русских и мировых мало подготовленными людьми иногда бывает не плодотворным, подчас даже вредным. Чуждый быт, непривычные мысли встречаются здесь на каждом шагу; бывает так, что произведения вроде «Войны и мира» или «Анны Карениной» вызывают в сердцах пролетария только глухое раздражение против бар, не позволяющее ему даже дочитать книгу. Но бывает и так, что те или другие для нас совершенно неприемлемые идеи, выраженные в чарующей форме и с огромной силой, словом, художественно выявленная идеология чуждого класса,—вносят естественный беспорядок в еще не устоявшееся миросозерцание молодого или еще неопытного читателя.

Разумеется, только правильно налаженная внешкольная жизнь,, только клубы, кружки, наличность при библиотеках и читальнях образованных коммунистов, к которым могли бы обращаться со своими сомнениями читатели, и, наконец, как самое главное, но и наименее легко достижимое, правильное школьное образование для всей массы, вступающей теперь в жизнь,—только эти меры являются разрешающими проблему правильного усвоения классической художественной литературы трудовым народом.

Но по крайней мере для тех книг этого порядка, которые издаются сейчас и будут еще издаваться Государственным Издательством, надобно прибегнуть и еще к одному в высшей степени естественному приему, именно снабжение таких книг марксистскими предисловиями в начале и марксистскими примечаниями в конце.

Мы издали громадную массу классиков в первый год после революции, издали немножко не критически, выбросив их полными собраниями сочинений, и ради дешевизны пользовались при этом готовыми матрицами.

Дело это, конечно, не дурное; хорошо, что выброшено несколько миллионов книг Щедрина, Успенского, Толстого, Гончарова и т. п. Так же точно находящееся под непосредственным руководством Горького издательство «Всемирная Литература» издало уже несколько десятков превосходных произведений писателей разных стран. Но и в том, и в другом случае у нас нет удовлетворительных предисловий, они или отсутствуют, или написаны не в нашем духе. Хорошо еще, если эти предисловия, вроде того, каким снабжено критическое, первое проверенное и полное издание сочинений Некрасова. Это по крайней мере честная нейтральная статья. Но уж совсем худо, если, например, такой классический в своем роде роман, во многом очень близкий для нас и нужный нам, как «Тиль Уленшпигель» Де-Костера, сопровождается бельгийски-патриотической барабанной статьей, едва-едва не заканчивающейся провозглашением «славы» королю Альберту. Это уж прямо из рук вон.

Разумеется, собрать наши марксистские ряды и распределить между собою писание таких предисловий, которые требуют довольно серьезной предварительной работы, страшно трудно, но надо все-таки сделать это.

Я не возражаю априорно против издания (хотя бы за границей) классиков русской и мировой литературы без всяких предисловий и примечаний; конечно, лучше иметь хотя такую книгу, чем никакой, но я считаю весьма печальным, что до сих пор не появилось ни одного капитального классического социально важного сочинения того или другого русского или иностранного гения с подлинным марксистским освещением. Особенно интересно в данном случае брошюрное издание отдельных повестей или драм для широкого народного употребления. Здесь несколько страниц марксистского предисловия будут иметь огромное пропагандистское значение.

Ограничусь пока этими общими замечаниями о задачах Главполитпросвета в области художественной популяризации. Статью эту, конечно можно без труда развить в целый трактат о таких задачах, что и необходимо сделать коллективно.

Глава 2-я.

Поддержка самостоятельного пролетарского и крестьянского искусства.

В последнее время чрезвычайно широко прокатывается по всему художественному миру мнимо-коммунистический лозунг: искусство—это производство. Действительно, чего кажется желать материалистичнее, экономичнее и марксистообразнее?

Я не хочу сказать, что в этом лозунге нет ничего правильного и ничего симпатичного. Правильна тут та мысль, что искусство в известной своей сфере, а именно постольку, поскольку оно направлено на очеловеченье среды, на создание приятной человеку эстетической обстановки жизни—не должно и не может отрываться от производства. Нам нужно сделать производство художественным. Что это значит?—Это значит, что все выходящее из рук человека человеку на потребу должно не только служить своей непосредственной цели: стул тому, чтобы на нем сидели, какой-нибудь пирожек тому, чтобы его ели,—но также и цели делать жизнь красивее, т.-е. радостнее.

Мебель, посуда, одежда, пища—все по возможности должно быть приятным, и угадать законы этого приятного дело глубокого, художественного чутья.

При массовой индустрии создание многообразных образцов, которые могут потом воспроизводиться в десятках и сотнях тысячах повторений есть дело первоклассной важности, увлекательное для самого великого художника, отнюдь не что-то в уничижительном смысле слова ремесленное.

С этим мы спорить не будем. Производство должно сделаться художественным, а искусство должно повернуться почти всем своим фронтом к производству, т.-е. ничего так не желать, как быть размноженным в бесконечном количестве экземпляров и стать элементом живой реальной жизни людской.

Есть в этом положении и нечто симпатичное. Именно—тенденция многих лучших художников прильнуть к пролетариату, приблизиться к заводу, слиться с профессиональными союзами. «Я тоже пролетарий»,—с восхищением восклицал Гейне. И то же восхищение слышится у лучших из художников, когда они говорят: мы тоже производители, производственники.

Но есть в этом лозунге и нечто глубоко неверное и несимпатичное. Неверно, будто все искусство имеет своей задачей производство (разве понять производство в чудовищно нелепо расширенной форме). Конечно, можно сказать, что и «Капитал» Маркса им произведен, и Горький является производителем повестей, но, повторяю, такое расширение чудовищно и нелепо.

С одной стороны, искусство претворяет человеческую среду, непосредственно внедряется в материю и придает ей приемлемые для человека, понятные для него формы, но, с другой стороны, искусство организует сознание и чувства человека, выявляя и, так сказать, воплощая его идеалы.

Художник полон то гнева, то жалости, то грезы, то восторга, но не надо думать, что эти чувства его, которые он с почти волшебной силой выражает в архитектуре, музыке, живописи, скульптуре, поэзии—суть его индивидуальные переживания.

Не надо думать также, что эти переживания общечеловеческие. Да, они индивидуальны, потому что художник искренен. Да, они общечеловеческие, потому что каждый их так или иначе поймет, если они гениальны; но в то же время они носят на себе печать определенной эпохи, определенной нации, а стало быть определенного класса, ибо каждая нация в каждую эпоху обладает определенной классовой структурой и культурой.

Такое искусство, **и с к у с с т в о, к а к и д е о л о г и я**, было всегда мощным организующим центром для того или другого класса в его социальной борьбе. Оно отражалось могуче и на стиле вообще, и на том «прикладном» искусстве, о котором мы только что говорили.

Можно ли думать, что пролетариат останется без такого оружия, что его грандиозные и бурные чувства не скристаллизуются вокруг новых художественных шедевров. Но говорить здесь о производстве—смешно. Какой-нибудь поэт-пролетарий, вроде т. Казина, является, конечно, производителем, когда он занимается столярничаньем, но ведь не производитель же он, когда является на митинг и ведет там классовую коммунистическую агитацию? Или когда он принимает прямое участие в борьбе пролетариата за свою гегемонию?

Это уж не производство, это идейная и физическая **к л а с с о в а я б о р ь б а**.

К какому же виду надо отнести деятельность такого поэта, когда он пишет свои стихи, подобен ли он при этом производителю досок, или сукна или подобен агитатору и бойцу?—может ли тут быть два мнения.

Итак, сводить искусство целиком к производству нелепо. Очень важно подчеркнуть глубокую демократичность, красоту, высоту так называемой художественной промышленности, но потонуть в ней совершенно, потопить в ней идеологию—это вовсе не марксизм и вовсе не пролетарская тенденция.

В ней есть нечто, как я уже сказал, **и н е с и м п а т и ч н о е**. В самом деле, художники, сознательно или бессознательно «примазавшиеся» (позволю себе употребить это столь некрасивое слово), с удовольствием говорят: «Да, да, производство. Вы заказывайте, а мы будем производить, только оплачивайте нас как следует, весь вопрос в тарифах. Весь вопрос в определении квалификации данного производства».

Можно подумать, что душа у этих художников совершенно умерла, что они не хотят больше выражать никаких идей, или чувств, так как у них их нет. Ведь нельзя же в самом деле думать на заказ и чувствовать на заказ, ведь нельзя же забывать, что искусство требует глубочайшей искренности?!

Однако, все это забыто. Есть даже целые школы молодых филологов, утверждающие, что искренность и искусство—антиподы, что художник всегда является холодным производителем эстетических ценностей, столь же холодно и формально воспринимаемых и зрителем.

Это, конечно, ужасающее падение искусства. Это последние симптомы распада буржуазной бездеятельности. Никогда ни один пролетарий (за исключением разве какого-нибудь соблазненного малого сего... Горе тому, кто его соблазнил!) не станет на такую точку зрения. У него есть его чувство и его мысль, которые он хочет выразить в художественной форме. Он потому поэт, что из переполненного сердца рвется песня. Но художник из другого класса, деклассированный, свои собственные чувства и мысли (которые к тому же у него изветошились, выветрились и измельчали) боится выражать. Они не подходят для нового «хозяина»—пролетария, коммуниста. Примкнуть же к коммунизму и сделаться искренним коммунистом он—чувствует—не может. И тогда с особенным удовольствием хватается он за это положение—искусство есть производство. «Закажите

плакат—произведу, карикатуру—произведу, стихи для ка какого-нибудь коммунистического торжества—произведу, и так как я ловкий производитель, хороший техник, то все это у меня выйдет ловко и хорошо. Больше вы с меня не спрашивайте».

Я не отрицаю того, что такое производство мнимо идейных и мнимо прочувствованных произведений полуискусства—может быть для нас полезным. Но уж, конечно, не так создадим мы то великое искусство пролетариата, которое сможет сыграть в его жизни роль, подобную роли Фидиев и Софоклов для афинской полудемократии, роли Боккачио и Джотто для демократии Флоренции, или хотя бы Руссо, Греза, Давида для буржуазии в ее революционную весну.

Мы должны с величайшим вниманием отнестись к первым росткам пролетарской поэзии. Мы должны помнить, с каким трогательным умилением отнесся Маркс к неуклюжим в общем проявлениям первой пролетарской теоретической мысли, к сумбурным писаниям Вейтлинга. Они были сумбурны, в них было много еще ребяческого, но Маркс уже говорил, что эти гигантские сапоги ребенка пролетария бесконечно больше и ценнее стоптанных туфель буржуазных мыслителей.

То же самое мы должны сказать о пролетарском искусстве. Скажу прямо, что в областях, где требуется высокая техника, в областях скульптуры, живописи, тем более архитектуры, пролетарское искусство идет в поводу у буржуазных или полубуржуазных художников, то катясь по старым рельсам, то с особенной охотой (ввиду большой легкости сделаться в этих приемах мастером) увлекаясь образцами левых, где и самый лучший художник с трудом разберет, кто мастер, а кто штукарь.

Несколько лучше стоит дело в области театра и с ним смежного искусства, например, массовая декламация, массовая ритмика и т. п., и наиболее хорошо в области литературы.

Здесь не место давать общую критику пролетарской поэзии. Я бы мог сказать по этому поводу очень много, я наблюдаю один общий тик, одну общую манерность, которая в последнее время начинает захлестывать пролетарских поэтов, так что сквозь ее однообразные перебои и искусственную рифмовку,—огню пролетарской поэзии приходится, так сказать, пробиваться. И он пробьется.

Но во всяком случае, каковы бы ни были недостатки, каковы бы ни были невольные подражания молодых пролетарских поэтов—в общем и целом поэзия их, если выбрать ее умелой рукой и создать антологию (это сейчас и делается), представляет собой уже замечательное достижение, такое, что рядом с этим томом антологии вряд ли можно было бы поставить любой том произведений наиболее прославленного современного поэта.

И подобная работа, подобные искания производятся не только в Москве и Петербурге, но и в провинции, подчас даже глухой.

Нечего и говорить, что Главполитпросвет, принимая на себя именем Наркомпроса некоторый общий контроль и некоторое общее покровительство по отношению к работе Пролеткульта, должен проявить здесь величайшую заботливость, именно об этих ростках, так как отсюда и только отсюда можем мы ждать того подлинного искусства, в котором агитационность (т.-е. попросту коммунистическая искренность) и красота формы (т.-е. попросту художественная убедительность, захват) будут совпадать.

Вступая в свои обязанности контролера, в некоторой степени руководителя работы Пролеткульта, Главполитпросвет, конечно, прежде всего учтет достигнутые результаты.

Однако, следует сказать о них два слова.

Несомненно, ни одного пролетарского театра до сих пор еще нет, и я не знаю, следует ли форсировать его возникновение.

С начала 1920 г. начали раздаваться громкие голоса, упрекающие меня в том, что я до сих пор не счел возможным дать Пролеткульту один из больших Московских театров.

Лично я был уверен, что Пролеткульт с большим театром не справится, что это заставит форсировать и раздуть работу, заставит какую-нибудь хорошую студийную рабочую труппу разбухнуть включением актерских элементов, и что даже при этих условиях театр не выдержит, не заполнит всех спектаклей, не заинтересует большую публику и послужит только к злорадству врагов пролетарского театра и к унынию его друзей.

Тем не менее я вошел в переговоры с т. Додоновой и т. Смышляевым и предложил им взять Никитский театр, в котором тогда была непутевая оперетка, подлежавшая закрытию.

Товарищи эти были достаточно осторожны, чтобы сказать мне: да, мы пока находимся в стадии студийности, нам нужен театр, но небольшой. Они просили Театр Драмы и Комедии.

Мы отчасти пожертвовали недурным и отнюдь не лишенным жизни Государственным Показательным театром в начале нынешнего сезона для того, чтобы уступить театр Эрмитаж Пролеткульту.

Я отнюдь не хочу сделать Пролеткульту никакого упрека, я отнюдь не говорю, что те дискуссии, которые предпринимались на так называемой Пролетарской арене (устроенной в этом театре) лишены были значения, что не следовало давать там те серии показательных вечеров, в которых публично отчитывались различные студии Пролеткульта.

Но разве это театр? Разве не правы те, которые говорят, что безбожно при нашей театральной тесноте, когда многие превосходные профессиональные труппы (Первая Студия, например, может быть лучший театр в Европе) задыхаются в ничтожных помещениях, отдавать театр под серию дискуссий и демонстраций учреждению, которое ни одного действительного спектакля за всю зиму не могло поставить?

Сейчас я говорю не для того, чтобы возбудить вновь вопрос о необходимости предоставить Пролеткульту в Москве и пролеткультам в городах хороших, по возможности первоклассных, но студийных помещений.

Дело совсем не в помещениях, а в самом принципе. Надо признать раз-на-всегда, что самодеятельный театр даже в больших городах не может родиться сразу, словно им из пистолета выстрелили. Такой преждевременно рожденный театр всегда будет либо жалко любительским, либо плохо замаскированным профессиональным.

Вот другой пример. Я сам присутствовал на торжестве объединения бывш. Незлобинской труппы с самодеятельным Красноармейским театром. Тов. Мейерхольд очень гордился таким объединением и Красноармейский театр должен был давать отчасти, с помощью профессионалов из труппы бывш. Незлобина, 2—3 спектакля в неделю. И что же?—Ни одного спектакля этот театр так и не дал, спектакли попрежнему целиком идут под флагом прежней труппы.

Я не знаю, почему не пошло дело, какие обстоятельства помешали, но я уже и тогда, хотя от души содействовал этому делу, что видно из моей (кстати сказать ужасно искаженной в печати) речи на этом торжестве, напечатанной в «Вестнике Театра»—однако опасался, чтобы переход от студийных форм к широко театральным не был преждевременным.

Если это так, то с другой стороны надо обратить внимание Главполитпросвета еще на одно обстоятельство. Конечно, пролетарский театр (театр Пролеткульта в первую очередь) вполне может развернуться в направлении агитационного театра (по крайней мере и в этом направлении), но отнюдь не следует из этого, что надо пользоваться студиями, как готовым агитационным орудием.

Студия есть самоцель. Разумеется, мы вынуждены иногда брать студентов

Свердловского университета или кого-нибудь в этом роде и бросать их в живую агитационную работу. В таком смысле и студийцы должны подлежать любой партийной мобилизации, но думать, что студия уже теперь должна разъезжать по фронтам, по деревням и только и делать, что давать плохо подготовленные, а иногда и неважно задуманные агитационно-плакатные фарсы—это значит преждевременной ездой загубить жеребенка, из которого может выйти прекрасный конь.

Студия—есть студия, студия—есть школа высшего порядка, практическая театральная школа.

Так и только так пока следует относиться к тем подснежникам пролетарского искусства, которыми украшается наша пока еще очень ранняя весна.

Рядом с этим имеется огромное количество чисто пролетарских, главным же образом, красноармейских и крестьянских самодеятельных театров, возникающих стихийно.

Крестьянских кружков еще в прошлом году было около 4 тысяч, кажется их теперь еще больше. Главполитпросвет, конечно, подведет некоторый счет всем им,—это представляет большой интерес. Еще в начале 1919 года в одной Костромской губернии было больше крестьянских театральных кружков, чем во всей Французской республике.

В этих кружках есть много чрезвычайно отрадного. Мне рассказывали, как в отдаленном Ветлужском крае старики старообрядцы, крайне враждебно отнеслись к затее своей деревенской молодежи, руководимой учительницей, устроить театр, и как потом все эти почтенные бороды появились все-таки на каком-то спектакле Гоголя или Островского, хохотали и удивлялись и сделались не только завсегдатаями театра, но и постановили оказывать ему всяческую поддержку.

Таких явлений не мало.

Театры проникают иногда в очень темную, заскорузло некультурную среду, как те нежные корни растений, которые словно чудом, а на самом деле химически растворяя встречные элементы, пронизывают твердые породы.

Известно также, что среди мусульман театр производит переворот, выводя на сцену без всякой чадры ту самую женщину, которую до его возникновения муж или отец считали величайшим позором показать посторонним.

Крестьянская любительская молодежь при этом проявляет очень много изобретательности—декорации, писанные на рогожах, парики из мочала—и всякие другие такого же типа кунсштюки делают порою большую честь искусству доморощенных бутафоров и парикмахеров.

Главполитпросвету следует обратить внимание на бывшую Поленовскую организацию, ныне «Секцию по помощи крестьянским, фабричным и школьным театрам». К сожалению, я не очень близко знаком с нынешней деятельностью этой секции, но уверен, что она может быть очень полезна Главполитпросвету по руководству крестьянских кружков в особенности.

Но рядом с положительными сторонами этого самодеятельного театра приходится признать и его отрицательные стороны. Конечно, он проявляет сплошь и рядом самую безграмотную любительщину, конечно, в самом лучшем случае он является довольно жалким обезьяничанием с провинциальной профессиональной сцены, в худшем случае, за неимением репертуара и за неразвитостью вкуса руководителей, он наполняется такой дрянью, которая может иметь только совершенно развращающее влияние.

Как это ни странно, театр этот особенно мало пользуется чисто крестьянскими источниками, он не умеет связать городские концы с деревенскими концами, свое—чудесные песни, чудесные хороводы и т. п.—остается в стороне, оно кажется не достойным сцены, слишком обыденным, и, таким образом, мы не имеем творческого крестьянского театра, между тем, как крестьянство чрезвычайно богато творчеством.

Братья Соколовы, талантливые собиратели фольклора в Приозерном крае, выдвигают идею создания центрального крестьянского театра, в котором бы крестьянское песенное, хороводное творчество так же точно, как своеобразные живописные архитектурные достижения крестьянства разных национальностей России были бы представлены в непосредственной своей жизни.

Это может быть дало бы толчок к более высокой оценке своего родного творчества всем многочисленным народам России, бесконечно богатым творчеством не только уже мертвым и застывшим в прекрасных произведениях прошлого, но и живым, ныне действующим.

Братья Соколовы утверждают, что крестьянство непрерывно творит и сейчас легенды, сказки, песни, пословицы часто замечательной остроты и художественного достоинства.

Но, повторяю, этих самодеятельных крестьянских театров мы пока не видим, кажется, вовсе и нигде. Надо обратить внимание на то, чтобы, во-первых, оздоровить проникающие в деревню лучи городского театра, для чего создать образцовые студии, кочующие по деревням, обратить особое внимание на такие курсы, как неудавшиеся и слишком $1^1/_2$ года проморившие молодежь, приехавшую из провинции, курсы Рабоче-Крестьянского театра в Москве; во-вторых, надо обратить внимание на пробуждение самостоятельного крестьянского творчества в местном, национальном стиле, сообразно многообразию русского деревенского населения.

Красноармейский театр также является театром иногда плохой любительщины, хотя порою поднимается в любительстве до такой большой искренности и силы, что может быть поставлен на ряду с хорошим профессионализмом.

Красноармейский театр, хотя и пробавляется иногда оческами репертуара, но большею частью, имея более интеллигентных руководителей, чем деревня держится относительно доброкачественного репертуара, часто обращаясь к революционным пьесам.

Репертуар революционных пьес у нас, как будет видно из последующей главы, очень жалок, но отдельные удовлетворительные вещи здесь есть.

При встречах с хорошими руководителями красноармейских театров, например, с т. Диевой, я убеждался, что они единогласно утверждают неправильность применения к красноармейцам обычной системы любительства. Они настаивают на том, что единственным театром, который увлекает красноармейцев, является чисто творческий, импровизационный театр. Для этого либо непосредственно задается тема и красноармейцы сами разрабатывают тут же роли, при чем фиксируют и записывают удавшиеся сценические появления, реплики и так создают коллективно пьесу; либо берется за основу несовершенная, часто полуграмотная пьеса какого-нибудь начинающего автора из своих и затем она подвергается сценической обработке в живом действии.

Я думаю, что в этом очень много правды и что на театр импровизационный следует обратить большое внимание как в рабоче-крестьянских кружках, так и в красноармейских.

Не буду распространяться здесь о проявлениях самодеятельного творчества в других областях искусства. Там приложимы приблизительно те же положения.

Мне остается еще сказать о той задаче Главполитпросвета, которая является отнюдь не менее важной, именно об агитационном искусстве, как таковом, но эту главу я откладываю до следующего номера нашего журнала.

А. Луначарский.

Ромэн Роллан.

(Материалы для характеристики.)

Когда началась империалистическая война, когда почти все французские писатели «стали бить в барабаны и петь кровавые гимны», Ромэн Роллан бросил в этот варварский хор исступленных голосов свой мужественный протест против мировой бойни, свою книгу «Над свалкою», сейчас же конфискованную цензурой.

Этим гражданским подвигом он обессмертил свое имя в бо́льшей степени, чем всей своей предыдущей писательской деятельностью.

Но в этом его мужественном протесте не было ничего от того духа, который породил несколько позже известный циммервальдовский манифест.

Противник империализма и войны, Ромэн Роллан не выступал от имени революционного Интернационала. Это был протест «одинокого», «внепартийного», «внеклассового» интеллигента, верившего во всемогущество интеллигентской мысли и интеллигентского слова.

Таким он был уже до войны.

Всякий, кто следил за ходом его развития, за его произведениями, знал, что он должен выступить против войны, но отнюдь не под знаменем революционного социализма, а как французский интеллигент, обращающийся к «избранному меньшинству» всех наций, к мировой интеллигенции.

Сын нотариуса провинциального городка, Ромэн Роллан двадцатилетним молодым человеком поступил в Нормальную школу в Париже и здесь, где он занимался преимущественно вопросами философскими, познакомился с учением яснополянского мудреца. Философия великого непротивленца очаровала его и его товарищей. Это было время, когда во французской интеллигенции еще господствовали пониженные минорные настроения—результат великого поражения 1870 г. Вспоминая впоследствии об этой студенческой поре, Ромэн Роллан сообщает:

«В нашем маленьком кружке встречались люди самых разнообразных вкусов и взглядов, происходили дискуссии, поднимались споры, но на несколько мгновений мы почти все сходились в любви к—Толстому. Каждый из нас любил его по-своему, ибо каждый находил в нем—себя. Но для всех нас он был откровением» [1].

---

[1]) После смерти Толстого в 1911 г. Ромэн Роллан написал его биографию, составляющую третью часть его „Жизнь замечательных людей“.

Непротивленские настроения, отрицательное отношение ко всякому насилию, в особенности к насилию организованному, осталось в его душе навсегда господствующим тоном.

А вместе с этим «толстовством» рано зародилось и окрепли в нем чувство международной солидарности, идея братского единения народов во имя торжества международной культуры. Молодым человеком очутился Ромэн Роллан в Риме, оказавшем на него такое же благотворное влияние, как на героя его будущей эпопеи, на Жана Кристофа. Здесь в Риме, когда-то центре объединенного (католичеством) человечества острее чувствовалась возможность в будущем слиянии всех народов в единую браткую семью.

«Если смотреть на мир с высоты римских холмов,—писал он,—то разъединенные ныне нации сливаются в единое гармоничное целое, подобное тому, какое являет собою Рим, если смотреть на него вечером с высоты Яникула.. Осуществить эту гармонию—такова та задача, работать над которой должны мы все, представители (т.-е. передовые представители) всех рас и всех наций...»

Не эти ли две черты—возмущение всяким организованным насилием и преклонение перед идеей братского союза народов—сказались потом так ярко в его выступлении против империалистической войны.

Из всех культурных наций Ромэн Роллан всегда выше других ставит две—французскую и германскую.

Он с ранних лет любил музыку. Музыка была потом его «специальностью». Диссертация его посвящена опере XVIII в., Люлли и Скарлатти. С 1903 по 1912 г.г. он в Сорбонне занимал кафедру по истории музыки. Его любимцем был—Бетховен. Ему он посвятил первую книгу в серии «Жизнь замечательных людей». Любил он и Вагнера. Германия была для него страной великих музыкантов. Героем своего десятитомного романа «Жана Кристоф» [1]) он сделал немца, музыканта. Вынужденный покинуть Германию, Жан-Кристоф Крафт поселяется в Париже и здесь вступает в тесную и теплую дружбу с французом Оливье. Этот союз между музыкантом Жан-Кристофом и поэтом Оливье должен символизировать собою союз германской и французской культуры [2]).

Над своим десятитомным романом Ромэн Роллан работал в период между 1904 и 1912 г.г. когда война между Францией и Германией казалась неизбежной. И чем грознее становился политический горизонт, тем решительнее подчеркивал Ромэн Роллан в своем романе необходимость тесного для блага человеческой культуры единения между интеллигенцией Франции и Германии, влагая в уста состарившегося Жана Кристофа, до дна испившего чашу сомнений и страданий, следующую декларацию, которую потом в 1914 г. он запечатлел своим мужественным выступлением: «Немецкие братья. Вот вам наша рука, ни ненависть, ни ложь нас не разъединят. Мы нуждаемся в вас, как вы нуждаетесь в нас, для величия нашего духа и нашей культуры. Мы—два крыла западного мира. Сломайте одно—и вы подрежете другое. Пусть вспыхнет война, она не сможет нас разобщить...»

---

[1]) Жизнь Жана Кристофа распадается на три части: „Жан Кристоф“, „Жан Кристоф в Париже“ и „Конец путешествия“. Первая часть в свою очередь распадается на романы: „Заря“, „Утро“ и „Юность“ и „Мятеж“, вторая на романы: „Ярмарка на площади“, „Антуанетта“ „Дома“, третья на романы: „Подруги“, „Неопалимая купина“ и „Новый день“.

[2]) В драме „Билюли“ Жан Кристоф и Оливье воскресают в образах Алтаира и Ангареса, поднимающих друг на друга братоубийственную руку.

Бросая на поля битв свою книгу «Над свалкой», Ромэн Роллан выступал против мировой буржуазии, но не рука об руку с мировым (революционным) пролетариатом.

Это было выступление одиночки.

«Один против всех»—так озаглавил он первоначально одну из своих книг, потом переименованную в «Клерамбо».

Таким «одиночкой», стоявшим в нерешительности или во всяком случае в раздумьи между буржуазией и пролетариатом, был Ромэн Роллан еще до войны.

Он знал цену буржуазии, знал цену буржуазной культуры.

Когда Жан Кристоф приезжает в Париж, он внимательно присматривается ко всем сторонам быта господствующей буржуазии, ко всем проявлениям буржуазной культуры, к этой пошлой и гнилой «ярмарке на площади»—как озаглавлена одна из частей его десятитомной эпопеи—и видит, как повсюду—в финансовых кругах, в прессе, в театре—царят тщеславие, пустота, фраза, деньги, связи,—таковы идолы и устои буржуазного мира.

Не здесь место Жану Кристофу, как не место здесь и его другу Оливье.

Потом судьба надолго относит Жана Кристофа от Парижа, сначала в Швейцарию, потом на юг в Италию, в Рим, где он—как и сам Ромэн Роллан—обретает духовное спокойствие и равновесие—после всех испытаний, ошибок, исканий и разочарований своей долгой жизни. Двадцать лет спустя возвращается он в Париж, изменившийся до неузнаваемости. На смену прежней французской интеллигенции—или светской, или «декадентской», скептической и эпикурейской, общественно пассивной и равнодушной—пришла интеллигенция иного склада и тона. Эти молодые люди—их представителем является сын его (покойного) друга Оливье—любители спорта и авиации, роялисты и католики, воспитанники Барреса и его «Аксион Францез», натуры действенные и агрессивные, готовые взять реванш за Седан, готовые покорить весь мир—знаменосцы французского империализма.

Не среди них место Жану Кристофу

Так отмежевался он от буржуазии в его старой и новой формации.

Но примкнул ли он к рабочим?

Вместе с своим другом Оливье Жан Кристоф вмешивается в самую гущу рабочих кварталов и приходят в ближайшее соприкосновение с рабочим движением (в его синдикалистском проявлении). Оба они участвуют в первомайской демонстрации и во время боя солдат с рабочими Жан Кристоф убивает полицейского, а Оливье падает от пули. Но это не значит, что они заодно с рабочей революцией. Совсем напротив. Оба они очень скоро приходят к убеждению, что их место не среди пролетариата. Народ, по их мнению, не лучше буржуазии. Ценность представляют не те или иные классы, в целом, а лишь отдельные личности во всех классах. Противоположность характеров, а не классовые противоречия—вот это имеет значение. Не с рабочим классом должна слиться высоко развитая личность (интеллигент—из ложно понятого социального идеализма), —а с избранным меньшинством, каковое имеется во всех классах общества.

Это избранное меньшинство (внеклассовое, всеклассовое) одно только и может указать миру и человечеству путь к лучшему будущему.

Так, повернувшись спиною к капиталистической и империалистической буржуазии, Ромэн Роллан остался стоять в стороне и от пролетариата.

Он чистейшей пробы индивидуалист.

Вся мораль, проникающая роман о Жане Кристофе, чисто индивидуалистическая, противополагающая личность всякому коллективу—церковному, партийному, национальному.

Смысл жизни его герой усматривает в выработке из себя совершенной, автономной личности. Лицом к лицу с новым поколением французской интеллигенции, лицом к лицу с этими носителями авторитарной морали национализма, клерикализма и роялизма, Жан Кристоф особенно остро чувствует, как дорога ему его «вера», свободная от всех «религий, партий и национальностей». А заканчивая свой десятитомный роман, Ромэн Роллан посвятил его «свободным душам всех наций, которые страдают, борются и—победят». Таким же чисто интеллигентско-индивидуалистическим выступлением против буржуазии, но не вместе с рабочими, и было выступление Ромэна Роллана против войны в 1914 году.

Уже в до-военных произведениях автора «Над свалкой» слышится определенный и решительный протест против грозившей мировой войны.

Еще в 1902 году Ромэн Роллан пишет драму под заглавием «Будет время». Изображается война между европейскими государствами, в которой виноваты они все. В центре—солдат один, который, насмотревшись на бойню, категорически заявляет: «не хочу больше убивать». Его расстреливают, как полагается в цивилизованных государствах. Умирая, он восклицает: «Будет время, когда люди постигнут истину, когда они перекуют мечи на плуги, а копья на серпы. Когда рядом с львом возляжет агнец». Пьеса с иронией посвящена цивилизации.

Тучи возможной войны нависли над европейским горизонтом и в те годы (1904—1912), когда Ромэн Роллан работал над своим десятилетним романом «Жан Кристоф». Часто между обоими друзьями происходили разговоры на эту зловещую тему. И всегда Оливье решительно восстает против войны. Повторяя слова Софокловой Антигоны, он формулирует свою точку зрения словами: «Я рожден любить, а не ненавидеть людей».

Накануне войны Ромэн Роллан окончил новый роман, совершенно своеобразный, совершенно не в духе «Жана Кристофа»—«Кола Бреньон», роман исторический, из XVII в., весь пронизанный настроением новым и неожиданным для нашего автора смехом. Мастер Бреньон—любитель поесть, попить, пофилософствовать и посмеяться, как смеялись люди в доброе старое время, как смеялся Раблэ. Время тогда было тревожное, военное и оставшийся одиноким, как Жан Кристоф, Кола Бреньон не может надивиться, как это народ так глуп, что идет проливать свою кровь ради господ, когда было бы целесообразнее убрать этих господ. «Мы разве животные, чтобы биться за выгоды наших сторожей?» «С волками народ и сам справится. А вот кто защитит его от—пастырей его».

Когда в 1914 году раздались первые раскаты мировой войны, то—после всего сказанного—нет ничего удивительного, если Ромэн Роллан в кровавую свалку обезумевших народов бросил свою книгу «Над свалкой».

Он не требовал прекращения войны, он ратовал только за справедливый грядущий мир. Тем не менее на него обрушился весь «цвет» французской нации—литераторы, профессора, журналисты. На него сыпались доносы, пасквили, писаки извращали смысл его слов, прокуроры во время антимилитаристических процессов кивали на него, как на интеллектуального виновника этих «преступлений» [1]). Не смущаясь этой гнусной травлей, Ромэн Роллан продолжал спокойно делать свое дело.—Если правители и народы потеряли разум, то не все же сошли с ума, есть же люди здраво-

---

[1]) В романе «Клерамбо» первоначально («Один против всех») Р. Роллан рассказал трагическую судьбу писателя, осмелившегося восстать против войны.

мыслящие и честные. И вот он тщательно собирает документы, научные исследования, беллетристические произведения, письма, комментирует их, размышляет над ними. Так возник его—не напечатанный «Дневник», составляющий уже 28 мелко написанных тетрадей. Часть этих документов с соответствующим комментарием он опубликовал в разных органах, а потом собрал в сборник «Предшественники», где освещены и оценены: «Биология войны» немца Николаго, роман Барбюсса, рассказы венгерца Лацко, приведены письма М. Горького и т. д.). Все эти статьи обращены—как и следовало ожидать от Р. Роллана—к избранному «меньшинству» всех наций, к истинной интеллигенции, и находят они свое высшее выражение в «декларации независимости духа», в которой между прочим говорится: «Мы чтим одну только истину, свободную, не знающую ни границ, ни предрассудков рас или каст. Мы не равнодушны к судьбам человечества. Мы работаем для него—но для н е г о в с е г о. Мы не знаем народов, мы знаем лишь один народ единый, универсальный, страдающий, борющийся, падающий, вновь поднимающийся и снова шествующий своим тернистым путем, орошенным его потом и его кровью». Манифест подписан многими представителями интернациональной интеллигенции,—нет только русских имен (ввиду блокады). Примечание поясняет: «Мы оставляем для них место. Русская мысль, это—авангард мировой мысли».

Но не оправдались надежды писателя на «избранное меньшинство всех наций». Империализм торжествовал и новые таил он в себе войны. И тогда одинокого протестанта охватило отчаяние, и из глубины этого чувства родилась его пьеса: «Лилюли»—быть может, самое оригинальное, что было написано против империализма.

«Лилюли»—кокетка—шалунья, в пестреньком платьице, а ля Ботичелли—это «иллюзия»—злейший и опаснейший враг человечества. Сладкими речами опутала она юношу Алтапра и отуманенный не видит он истинного лика жизни. Все представляется ему в розовом свете—жизнь, любовь и человечество. Только один не поддается чарам Лилюли—Полишинель, Арлекин,—Смех... «Смех лучшее оружие против иллюзии». Полишинель учит юношу видеть жизнь, как она есть—кровавой, безобразной, хитрой, лицемерной. Алтапр в отчаянии. «Для чего же жить?»—«Для меня», шепчет Лилюли и, погрузив его в сладкий сон, улыбаясь, смотрит, как сонного привязывают к пушке.

Меж тем к реке, разделяющей долину, подходят с двух сторон два народа—голлинули (французы) и гюрлюберлюши (немцы). Они располагаются по обоим берегам реки, появляется закуска, выпивка, туда и сюда летят шутки и прибаутки, дружелюбное настроение все нарастает, раздаются крики: «долой границы»... Рабочие уже навели мост через реку... Не по нутру это братанье народов «толстопузым» (буржуазии). Надо помешать. На толпу выпускают дипломатов. Они все устроят. На мосту ставится стража, устраивается таможня. Выступает член пасифистского общества. Без наций невозможна культура, доказывает он; а раз «нация», то как обойтись без войны. По обе строны реки народы приходят в восторг. Пушки венчаются цветами. Вооруженный мир.

Но вот с неба спускается сам господь-бог в свите дипломатов, банкиров, журналистов. Он заходит сначала в стан голлинулей. «Вы—одни носители культуры,—говорит он им.—«А на вас нападают с того берега». Дипломаты, журналисты, банкиры кричат неистово: «Война», а господь-бог тем временем исчез. Он уже в стане гюрлюберлюшей. И что же?—Там он говорит то же самое и с тем же эффектом. По ту и по сю сторону реки интеллигенция образует патриотический хор, поэты одевают мундиры, бьют в большие барабаны и распевают кровавые гимны.

Надо двинуть друг на друга мужичков. Дело не легкое. Крестьянин Жано (француз) и крестьянин Хансо (немец) копают себе спокойно землю и знать ничего не хотят... Тщетно натравляют их друг на друга патриоты тыла, тщетно напевает Лилюли: «бей, бей, убей». Только когда на сцену выступает сила еще более страшная, нежели фея—иллюзия— «общественное мнение», оба мужичка, изрядно труся, бросаются друг на друга и низвергаются в пучину к великому восхищению «интеллектуалов», торжественной процессией восходящих на капитолий. Надо двинуть друг против друга еще и «цвет» обеих наций. Если смертный бой мужичков—сцена комическая, то взаимное истребление интеллигенции самое сильное место в пьесе апостола интеллигенции—Роллана... Лилюли будит спящего Алтапра и указывает ему на стоящего на том берегу юношу Антаресса. «Он враг, убей его»,—шепчет она сначала одному, потом другомк. А они—кровные друзья. Еще раз—последний раз—вспыхивает в них старая братская дружба. Они обнимаются и—убивают друг друга. Теперь фурия войны может безумствовать во всю. Весь мир рушится с грохотом и хоронит под своими обломками даже того, кто один сохранил здравый смысл. божественный смех Полишинеля,—Арлекина.

«Если рыцари духа», «избранное меньшинство» бессильны освободить мир от гнета и крови империализма, то не следовало ли автору «Лилюли» уверовать в социальную революцию? Ромэн Роллан в последнее время все более признавался, что только коренное социальное переустройство всего общества может спасти культуру и человечество от вырождения. Итак—социальная революция.

Но ведь Ромэн Роллан—ученик Толстого, непротивленец. Отсюда—сомнения, колебания, нерешительная двойственность. «Я не революционер—писал он,—но и не противник революции... Я стою без колебания—в области действия—за социальное обновление, и не только социальное, но всестороннее,—моральное, религиозное, эстетическое. Но насилие я осуждаю и осуждаю его у всех партий. Если мне докажут, что оно неотделимо от действия (что однако спорно), то в таком случае мое действие иное, в иной плоскости, в сфере духа, где насилие есть ошибка, ибо есть отрицание или ограничение». Или в другом письме: «Нам говорят, что рано или поздно мы придем к насильственной революции. Отвечаю за себя—никогда. Всякое насилие претит мне, совершается ли оно революционерами или империалистами. Если мир не может обойтись без него, то моя роль—не вступать с ним в союз, а воплощать иной и противоположный принцип, служащий ему противовесом. У каждого своя роль»[1]).

И все-таки сквозь эти непротивленческие настроения, зародившиеся в нем в восьмидесятые годы, пробивается невольная симпатия к идее революции, расцветающая в нем под жарким солнцем наших дней.

Первого мая 1917 года Ромэн Роллан (в органе Гильбо «Завтра») приветствовал нашу февральскую революцию, истолковывал ее почти в духе будущего октябрьского переворота: «Наша революция была совершена великими буржуа, раса которых исчезла. У них были грубые пороки и такие же добродетели. Современная цивилизация унаследовала только их пороки: интеллектуальный фанатизм и алчность. Да будет ваша революция делом великого н а р о д а... Вспомните, русские братья, что вы боретесь и за себя, и за нас. Наши отцы 1792 года хотели распространить свободу во всем мире. Но это не удалось. Да и принялись они за это дело не так,

---

[1]) Отрывки из частных писем, цитируемые в книге Ж у в: „Р. Роллан", 1914—1919.

как следовало. Но воля их была возвышена. Пусть и ваша будет такой. Несите Европе—м и р и с в о б о д у».

Но и наша октябрьская революция не нашла в нем противника. В ответ на запрос одного шведского журналиста лево-социалистической газеты, как он относится к большевикам, Ромэн Роллан отвечал [1]:

«Я удивляюсь могучей организаторской новотворческой энергии русских советов... Мозг всего трудового мира своим местопребыванием имеет Москву. Т о л ь к о б о л ь ш е в и с т с к а я р е в о л ю ц и я м о ж е т р а с с ч и т ы в а т ь н а у с п е х п о п р и ч и н а м, к а к э к о н о м и ч е с к и м, т а к и м о р а л ь н ы м».

Среди последних Ромэн Роллан указывает на способности русских революционеров - большевиков «верить в свои цели», свои идеалы. Эти люди не жертвовали бы собою с таким возвышенным энтузиазмом, если бы не верили, что своим самопожертвованием они спасут весь мир. Этой веры слишком недостает народам Запада, «в особенности французскому». Эта явная симпатия «непротивленца» Роллана к нашей октябрьской революции многознаменательна.

Рано или поздно автор «Жана Кристофа» и «Лилюли» поймет, что без насилия не осуществить ни того «божьего царства», в которое он верит, как ученик Толстого, ни того «гармоничного слияния наций», о котором он еще в молодости грезил, глядя вечерней порой с высот холма Яникула на панораму вечного Рима.

В. Фриче.

[1]) Цитирую по немецкому переводу в журнале „Форум".

Отдел научно-популярный.

Периодическая система элементов Менделеева и современная физика.

(Речь, произнесенная на публичном заседании Московского Физического Общества имени П. Н. Лебедева, по случаю исполнившегося десятилетия со дня основания Общества 7/IV (25/III)—1911—7/IV 1921.)

Сегодняшний скромный праздник, по случаю исполнившегося десятилетия со дня основания нашего общества, совпадает с двадцатипятилетней годовщиной нескольких чрезвычайно крупных событий — событий, наложивших печать на все последовавшее за ними развитие физики.

В конце 1895 года Рëнтген открыл лучи, носящие и до сих пор его имя, в 1896 году Анри Беккерель открыл действие солей Урана на фотографическую пластинку и тем положил начало новому учению о радиоактивных явлениях и, наконец, в том же 1896 году и в самом начале 1897 сэр Джозеф Томсон в окончательной форме доказал существование электрона, как составной части каждого атома, любого элемента—любой известной нам формы материи.

Все эти открытия позволили нам глубже проникнуть в строение вещества, поставили на очередь вопрос о строении атома, позволили взглянуть на периодическую систему элементов с совершенно новой точки зрения и, наконец, в самое последнее время поставили нас лицом к лицу с разложением химических элементов—теперь ведь это совершившийся факт!

Всякий, кто имел возможность следить за событиями в науке, хотя бы только по тем скудным сведениям, которые попадают в газеты, знает, что в 1919 году английский физик Рутерфорд разложил атомы азота, а в следующем 1920 и отчасти уже в 1921 году ему же удалось разложить кислород и, по дошедшим до нас в последние дни сведениям, углерод, кремний, алюминий и бор,—впрочем, относительно последнего Рутерфорд еще сам не вполне уверен.

И вот эти новейшие открытия, которые не-специалистам, стоящим далеко от нашей науки, представляются чем-то совсем необычным, чем-то даже идущим в разрез с твердо установившимися в науке взглядами, непосредственно связаны с теми событиями, о которых я только что упомянул и которые произошли двадцать пять лет тому назад!

Когда Томсону удалось научиться отщеплять от любого атома один или несколько электронов, т.-е. частиц, заряженных отрицательным

электричеством и обладающих массой в 1700 раз меньшей массы атома водорода, стало совершенно ясно, что мы стоим на пути к разложению атома. Правда, отщепленные электроны скоро и легко заменяются другими, да и атом при таком расщеплении особенно глубоких изменений не претерпевает, тем не менее начало разложению атома было положено уже тогда. Но, что, пожалуй, еще любопытнее, определение массы осколков, получающихся при разложении азота, кислорода и атомов других элементов, производится теми же самыми методами, которыми установлена была масса электрона, и, наконец, теми же методами—правда, несколько усовершенствованными, Астон, ученик Томсона, доказал, что очень многие из химических элементов, хорошо нам знакомые, представляют собой не собрание однородных атомов, а смесь нескольких разновидностей данного элемента, химически не отличимых друг от друга, но обладающих различным атомным весом. Эти разновидности носят теперь название „изотопов", что значит занимающий одно и то же место—подразумевается в системе элементов Менделеева.

Вот почему, позвольте мне прежде всего напомнить, как отщепляют электроны от любого атома. Этот процесс всего удобнее осуществить в трубке с разреженным воздухом или каким-нибудь другим газом. В промежутке между катодом К (соединенным с отрицательным полюсом источника электрического тока) и анодом А (см. фиг. 1) под влиянием большого электрического напряжения между А и К от атомов находящегося в трубке разреженного газа отщепляются электроны, заряженные отрицательным электричеством, которые, отталкиваясь от катода К, несутся к концу трубки С, ударяются о стекло и вызывают характерное зеленоватое свечение стекла трубки. Положительно заряженные „остатки" атома, т.-е. то, что остается от атома после отщепления от него одного или нескольких электронов, двигаются в противоположную сторону (притягиваются катодом) и, если в катоде есть отверстие, то эти частицы проходят дальше во вторую часть трубки A'B' (фиг. 1). Так как в нормальном нерасщепленном состоянии атом не заряжен, то положительный заряд остатка атома должен как раз равняться по величине сумме отрицательных зарядов всех электронов, которые были от него отщеплены. Поток отрицательных электронов по старой привычке еще и теперь называют „катодными лучами", а поток положительно заряженных частиц „положительными" или „каналовыми лучами"—каналовыми их называют потому, что они выходят из отверстий—каналов в катоде (см. фиг. 1). Чтобы получить возможно более тонкий пучок этих „лучей" Томсон часто вставлял в катод иглу для подкожных впрыскиваний!

При движении в электрическом поле конденсатора A'B' (фиг. 1), состоящего из пары параллельных заряженных противоположными электричествами пластинок, каналовые „лучи" отклоняются, как показано на чертеже, так как это ведь поток положительно заряженных частиц, которые отталкиваются пластинкой B' и притягиваются к A'. Если мы подействуем на этот поток магнитным полем, поместив разрядную трубку между полюсами электромагнита, то весь поток отклонится в сторону, в плоскости, перпендикулярной к плоскости чертежа (фиг. 1), как отклоняется любой провод, по которому идет электрический ток и который может свободно двигаться в магнитном поле. Посмотрим, что получится на фотографической пластинке PP (фиг. 1), завернутой в тонкий листок алюминия, через который быстро летящие частицы свободно проходят. Если нет электрического и магнитного поля, то поток каналовых „лучей", прошедший через узкое отверстие в катоде,

дает на фотографической пластинке изображение в виде пятна O (фиг. 2), находящегося как раз против отверстия. Если действует одно только электрическое поле, то пятно отклоняется, растягиваясь в полоску AB. Почему пятно растягивается? Потому что не все частицы летят с одинаковой скоростью; процесс расщепления происходит не в одном каком-нибудь месте трубки, а на всем протяжении между анодом и катодом (Q и Q′ фиг. 1); поэтому сила притяжения катодом K и отталкивания анодом A действует не одинаково долго на все частицы, а потому они и получают неодинаковые скорости. С другой стороны, медленно летящие частицы дольше будут подвергаться отклоняющему действию A′B′ и потому сильнее отклонятся. То же самое происходит и с магнитным отклонением, при чем полоска получается в CD или в C′D′, смотря по расположению магнитных полюсов, а если их положение во время опыта несколько раз меняется, чего достигают переменой направления тока в электромагните, то получаются обе полоски и CD, и C′D′. Если же одновременно возбудить и электрическое и магнитное поле, то оба отклонения должны произойти одновременно, вследствие чего на пластинке получаются дуги кривых (a_1 b_1 ab), называемых параболами.

Элементарная теория показывает, что на одной и той же параболе располагаются следы ударов частиц, имеющих одну и ту же массу. Если в трубке была смесь, состоящая из двух газов, дающих положительно заряженные частицы с массами m_1 и m_2, то на фотографической пластинке появляются две параболы; при чем, как показывает элементарная теория, отношение длин хорд y_1 и y_2 (см. фиг. 2), возведенное в квадрат, обратно пропорционально отношению масс самих частиц, т.-е. $\left(\frac{y_1}{y_2}\right)^2 = \frac{m_2}{m_1}$. Что должно существовать обратное отношение, следует из того, что чем меньше масса частицы, тем большее она при прочих равных условиях получает отклонение—тем легче ее, так сказать, сбить в сторону с ее пути [1]). Таким образом является возможность определять атомные веса каких-угодно газов. Необходимо отметить, что подобным же путем Томсон 25 лет тому назад определил массу электрона и показал, что, откуда бы мы ни получали электроны, они все имеют одну и ту же массу. Однако, потребовалось около 15 лет упорной работы, чтобы применить этот прием к каналовым „лучам“ и выработать вытекающий из него новый метод определения атомных весов. Атомные веса получаются по методу Томсона с точностью до 1—2%, т.-е. с точностью, значительно уступающей точности химического анализа, и все-таки Томсону удалось открыть совершенно новые и неожиданные факты. Если наполнить трубку метаном (соединением водорода с углеродом) CH_4, то получаются не только частицы метана с положительным зарядом, но и группы: CH_3, CH_2, CH, C_+, H_+ и C_{++}, т.-е. соединения углерода с тремя, двумя и одним атомом водорода и, наконец, отдельные атомы водорода и углерода с положительными зарядами.

Ничего подобного химики не получали: группы CH, CH_2, CH_3 в свободном состоянии не были известны. Но понятие „свободное состояние“ весьма относительно: в любом газе при атмосферном

[1]) Несколько труднее бывает решить вопрос, отклоняется ли данная группа частиц более потому, что у нее масса меньше, или потому, что у нее заряд больше в результате отщепления двух или трех электронов заряда. Ведь увеличение заряда усиливает отклонение так же, как и уменьшение массы. Однако, по некоторым особенностям кривых (при больших зарядах скорости всех вообще частиц увеличиваются) можно безошибочно отличить, имеем ли мы дело с частицами меньшей массы по сравнению с наблюденными раньше или это те же частицы, но более сильно заряженные.

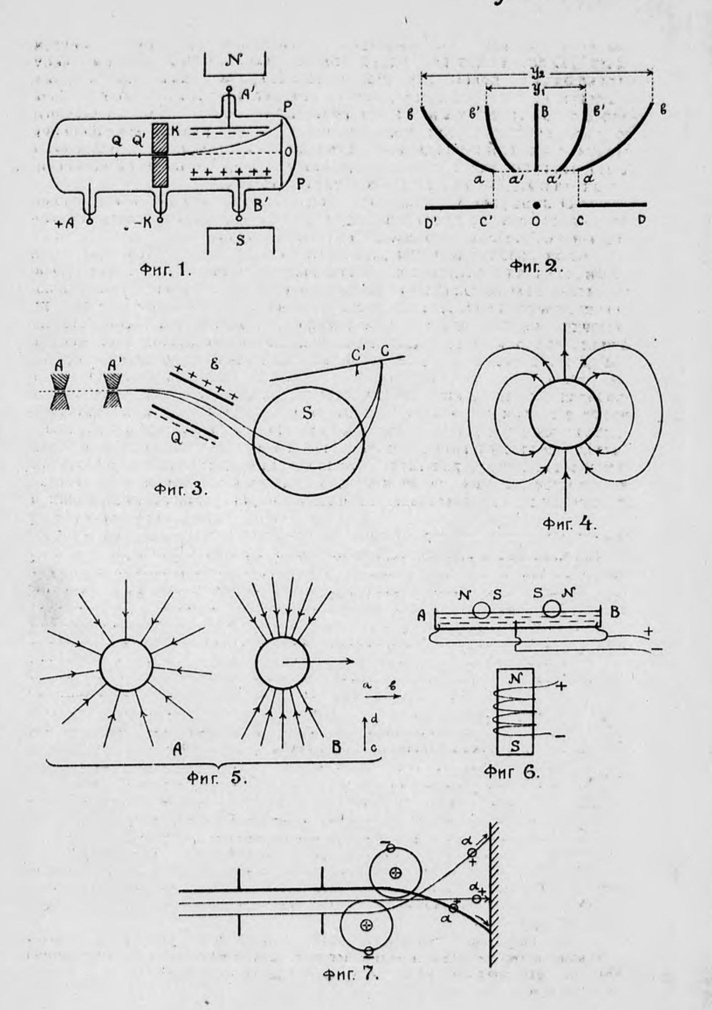
давлении частицы газа миллионы и миллионы раз друг с другом сталкиваются в течение одной только секунды! При каждом таком столкновении группы CH, CH_2 и CH_3, если бы даже нам удалось получить их в отдельности, могут соединиться между собой и дать более сложные молекулы. В разрядной же трубке Томсона частицы от того места, где произошло расщепление, без одного столкновения долетают до фотографической пластинки в несколько сто-миллионных долей секунды. Вот в этот промежуток времени они действительно, можно сказать, находятся в свободном состоянии!

После выработки Томсоном этого нового метода, спустя восемь лет в 1920 году в той же области было сделано весьма существенное усовершенствование учеником Томсона—Астоном.

Астон расположил электрическое и магнитное поле так, что вызываемые ими отклонения происходили в одной и той же плоскости, но имели противоположные направления. Очень узкий пучок „канaловых лучей" выделялся с помощью двух щелей A и A′ (см. фиг. 3), имевших ширину 0,05 $^{m}/_{m}$. В заряженном конденсаторе пучок расширяется, так как более медленно двигающиеся частицы отклоняются сильнее. Магнитное же поле, производя отклонение в обратную сторону, заставляло этот рассеявшийся было пучок соединиться вновь. В месте соединения, так сказать в „фокусе" C, помещается фотографическая пластинка—там получается „изображение" щели A′; частицы, имеющие другую массу, дадут изображение в другом месте, например в C′. Расчет, подтверждаемый опытом, показывает, что можно найти такое положение фотографической пластинки, при котором на ней именно и расположатся все изображения, все „фокусы", даваемые частицами различных масс. Получаемый на пластинке ряд полос Астон предложил назвать „спектром масс". Для определения масс, соответствующих отдельным линиям, всего удобнее подмешать к испытуемой смеси метан, который, как мы уже видели, дает частицы: CH_4, CH_3, CH_2, CH, C, H и C_{++}, имеющих массы 16, 15, 14, 13, 12, 1 и 6. Т.-е. мы получаем как бы готовый масштаб и притом с довольно удобным распределением делений! Если измеряемые массы больше 16, то можно подобрать—это именно и делает Астон—другие органические соединения, дающие еще бо́льшее разнообразие частиц и обладающих притом бо́льшей массой частицы.

Точность метода Астона прямо удивительная, атомные веса можно определить с точностью до десятой даже нескольких сотых долей процента,—стало быть точнее, чем это делают химики! На первых же порах Астону удалось сделать с помощью этого метода ряд крупнейших открытий. Так, например, хлор, атомный вес которого очень хорошо был известен химикам (его вес выражается числом 35,49), дал в спектре масс две линии: одну, соответствующую 35,00, и другую, соответствующую 37,00,—есть еще слабый намек на линию 39,00, но принадлежит ли она хлору или какой-либо примеси, установить пока не удалось. Если сравнить степень почернения фотографической пластинки этих двух линий и считать, что почернение пластинки зависит от числа ударившихся частиц, мы приходим к такой пропорции, которая как раз соответствует числу 35,49. Итак, обыкновенный хлор есть смесь по крайней мере двух разновидностей—двух „изотопов", занимающих одно и то же место в системе Менделеева и ничем, кроме своей массы, не отличимых друг от друга!

На следующей таблице (см. табл. 1) начерчена система Менделеева в таком виде, как она представляется физикам. Рядом с порядковым числом, характеризующим положение данного элемента в системе—физический смысл этого числа мы разберем несколько позже—и хими-

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

Фиг 6.

Фиг. 7.

Таблица I. Периодическая система элементов Д. И. М

	1 Водород H = 1,008					
2 Гелий He = 4,00 (4, 3)	3 Литий Li = 6,94	4 Берилий Be = 9,1	5 Бор B = 10,9 (10, 11)	6 Углерод C = 12,00 (12)	7 Азот N = 14,01 (14)	8 Ки O
10 Неон Ne = 20,2 (20, 22)	11 Натрий Na = 23,00	12 Магний Mg = 24,32	13 Алюминий Al = 27,2	14 Кремний Si = 28,3 (28, 29)	15 Фосфор P = 31,04 (31)	16 S =
18 Аргон A = 39,88 (36, 40)	19 Калий K = 39,1	20 Кальций Ca = 40,07	21 Скандий Sc = 44,1	22 Титан Ti = 48,1	23 Ванадий Va = 51,06	24 Х Cr
	29 Медь Cu = 63,57	30 Цинк Zn = 65,37	31 Галлий Ga = 69,9	32 Германий Ge = 72,5	33 Мышьяк As = 74,96 (75)	34 С Se
36 Криптон Kr = 82,92 (78, 80, 82, 83, 84, 86)	37 Рубидий Rb = 85,45	38 Стронций Sr = 87,83	39 Иттрий Y = 88,7	40 Циркон Zr = 90,6	41 Ниобий Nb = 93,5	42 Мол Mo
	47 Серебро Ag = 107,88	48 Кадмий Cd = 112,4	49 Индий In = 114,8	50 Олово Sn = 118,7	51 Сюрьма Sb = 120,2	52 Те Te =
54 Ксенон X = 130,2 (128 130. 131, 133 135)	55 Цезий Cs = 132,81	56 Барий Ba = 137,37	57 Лантан La = 139,0	58 Церий Ce = 140,25	59 Празеодим Pr = 140,6	60 Не Nd =
	62 Самарий Sa = 150,4	63 Европий Eu = 152,0	64 Гадолиний Gd = 157,3	65 Тербий Tb = 159,2	66 Диспрозий Ds = 162,5	67 Хол Ho =
	69 Туллий Tu = 168,5	70 Иттербий Ad = 173,5	71 Лютеций Lu = 175	72 Кельтий Ke = 178	73 Тантал Ta = 181,5	74 Воль W =
	79 Золото Au = 197,2	80 Ртуть Hg = 200,6 (197 . . . . 204)	81 Таллий Tl = 204 (IV)	82 Свинец Pb = 207,2 (XI)	83 Висмут Bi = 208 (V)	84 Пол P (V
86 Эманация Радия Em = 222 (III)	87 ?	88 Радий Rd = 226 (IV)	89 Актиний . Act (II)	90 Торий Th = 232,15 (VI)	91 Уран X_{II} (II)	92 Ур Ur = (I

Крупные цифры в левом верхнем углу каждой клетки означают порядковое число элемента, со
ядра атома. Числа, стоящие после знака равенства, означают атомный вес по данным химического ана
стей данного элемента по измерениям Астона. Там, где атомные веса не вполне установлены, в скобк

тема элементов Д. И. Менделеева по новейшим данным.

лерод = 12,00 12)	7 Азот N = 14,01 (14)	8 Кислород O = 16,00 (16)	9 Фтор F = 19,00 (19)			
емний = 28,3 , 29)	15 Фосфор P = 31,04 (31)	16 Сера S = 32,06 (32)	17 Хлор Cl = 35,46 (35, 37)			
тан = 48,1	23 Ванадий Va = 51,06	24 Хром Cr = 52	25 Марганец Mn = 54,93	26 Железо Fe = 55,85	27 Кобальт Co = 58,97	28 Никкель Ni = 58,68
аний = 72,5	33 Мышьяк As = 74,96 (75)	34 Селен Se = 79,2	35 Бром Br = 79,92 (79, 81)			
кон = 90,6	41 Ниобий Nb = 93,5	42 Молибден Mo = 96,0	43 ?	44 Рутений Ru = 101,7	45 Родий Rh = 102,9	46 Палладий Pd = 106,7
ово 118,7	51 Сюрьма Sb = 120,2	52 Теллур Te = 127,5	53 Иод Id = 126,92			
ий 140,25	59 Празеодим Pr = 140,6	60 Неодим Nd = 144,3	61 ?			
бий 159,2	66 Диспрозий Ds = 162,5	67 Хольмий Ho = 163,5	68 Эрбий Er = 167,7			
тий 178	73 Тантал Ta = 181,5	74 Вольфрам W = 184,0	75 ?	76 Осмий Os = 190,9	77 Ирридий Ir = 193,1	78 Платина Pt = 195,2
ец 207,2)	83 Висмут Bi = 208 (V)	84 Поллоний Pol (VII)	85 ?			
ий 32,15)	91 Уран X_{II} (II)	92 Уран Ur = 238,2 (II)				

орядковое число элемента, совпадающее с числом элементарных положительных свободных зарядов
ес по данным химического анализа. Числа в скобках означают атомные веса изотопов—разновидно-
вполне установлены, в скобках стоит только число изотопов (римские цифры).

могли бы ожидать, зная, что воздух почти в 1000 раз легче воды. Это происходит потому, что при движении пузырек должен расталкивать воду перед собой; на фиг. 4 показаны направления струек воды, приводимых в движение пузырьком. Теория показывает, что движение происходит так, как-будто к пузырю была прибавлена половина массы воды, вытесняемой им, а двигался он в пустоте. Представим себе шар с твердыми и очень легкими стенками, из которого весь воздух выкачен, такой шар, двигаясь в воде, будет увлекать с собой таким же образом окружающую воду, и движущаяся масса будет состоять главным образом из увлекаемой шаром воды. Этот пример может служить аналогией между отсутствующей „обыкновенной" массой электрона и шарика, массы шарика тоже нет, раз воздух из него выкачан. „Электромагнитная масса" в нашем примере есть масса окружающей шарик воды, но ведь эта масса воды самая настоящая, материальная, хотя мы ее и не видим при движении пузырька! Аналогия однако может быть проведена далее; если мы возьмем тонкий и длинный цилиндр и будем его двигать в воде, тогда окажется, что, смотря по направлению движения, цилиндр будет захватывать с собой при движении различные количества воды: при движении параллельно оси, т.-е. торцем вперед, он будет приводить в движение меньшие количества воды, чем тогда, когда мы будем его двигать перпендикулярно его оси. Вот, следовательно, пример на продольную и поперечную массу, взятый из области чистой механики!

Наконец, можно доказать, что когда в воде двигаются несколько цилиндров одновременно, то увлекаемые ими массы воды, зависят от того: близко ли друг к другу расположены цилиндры или нет.

Но вернемся к электромагнитной массе и посмотрим, как Томсон, который раньше других показал, как надо рассчитывать электромагнитную массу, и первый заговорил вообще об электромагнитной массе еще в 1881 году [1]), объясняет, исходя из этой механической аналогии, продольную и поперечную массу электрона; а также возрастание массы со скоростью. Томсон, так же как Фарадей и Максвелль, приписывает так наз. силовым линиям реальное существование. Эти линии располагаются вокруг заряженного неподвижного шара, как изображено на фиг. 5 А. Фактически их можно наблюдать следующим образом: если в расплавленный параффин, к которому подмешана угольная пыль, опустить на шелковинке заряженный шарик, то угольные пылинки располагаются по направлению радиусов шара, как показано на фиг. 5 А. При движении электрона в эфире эти силовые линии по Томсону должны сместиться в экваториальную область электрона (см. фиг. 5 В) по той же причине, по которой полураскрытый зонтик сам раскрывается при движении против ветра. По мере увеличения скорости силовые линии все гуще скопляются в экваториальном поясе и все бо́льшие массы захватывают с собой из окружающей среды—эфира; этим объясняется таинственное возрастание массы со скоростью! Из одного взгляда на фиг. 5 В ясно, что при движении в направлении ab увлекаемая масса будет больше, чем в направлении cd. Таким образом понятно, почему „продольная" масса электрона больше „поперечной". На это возразят, что эфир уже сдан в архив; новый принцип относительности его более не допускает. Не лишне однако заметить, что изложенная нами сейчас теория Томсона с помощью эфира [2]) объясняет очень просто те

[1]) „Effects produced by the Motion of Electrified Bodies, „Philosophical Magazine", April 1881.

[2]) „Physikalische Zeitschrift", 1921, Februar.

же самые явления, которые были предсказаны принципом относительности путем самых головоломных вычислений! Свою теорию Томсон резюмирует следующим образом: „Всякая масса—есть масса эфира, всякое количество движения есть количество движения эфира и всякая кинетическая энергия есть кинетическая энергия эфира“ [1]).

Вернемся однако к вопросу об атомном весе водорода: из сказанного ясно, что если ядро и электрон не во всех случаях одинаково расположены, то связывающие их линии сил будут иметь неодинаковое расположение, не одинаковую густоту, а это сказывается на величине массы увлекаемого ими эфира. Где же здесь, спрашивается, дематериализация материи? И не забудем, что Томсон является основателем учения об электромагнитной массе.

Открытие Астоном изотопов хлора, брома и ртути очень удивило неспециалистов, а между тем мы, физики, имеем уже дело с изотопами несколько лет. Только эти изотопы были найдены среди недолговечных продуктов распада урана, радия, тория и актиния—словом, изотопы были установлены для радиоактивных тел, а в них еще и до сих пор некоторые ученые стесняются видеть настоящие химические элементы.

Так в недавно вышедшем руководстве по химии проф. В. Я. Курбатова атомы радиоактивных тел из осторожности называются: „атомоидами“. Такова уж сила привычки и... наклонность к философствованию. А именно здесь в этой области радиоактивных процессов выяснилось, что собственно делает изотопы химически не отличимыми друг от друга, а также какой именно фактор определяет положение элемента в периодической системе. В длинном ряде известных нам радиоактивных превращений мы встречаемся с двумя типами этих превращений. В превращениях первого типа происходит выделение одной α частицы, т.-е. одного атома гелия (атомный вес=4), от которого отщеплено два электрона и который, следовательно, несет с собой двойной положительный заряд. Будем называть такой процесс α-превращением.

Превращения второго типа сопровождаются выделением одной β частицы, т.-е. одного электрона с одним отрицательным зарядом—будем называть это β-превращением. Возьмем для примера радий с атомным весом 226—он принадлежит к той же II группе, что и кальций, стронций и барий. Атом радия, распадаясь, дает одну α частицу с атомным весом четыре и атом нитона или эманации радия с атомным весом 222. Эманация по своим химическим свойствам относится к нулевой группе, т.-е. к той группе, где помещаются так называемые благородные газы: гелий, аргон, неон, криптон и ксенон. Заметим, что атомный вес убавился на четыре единицы, заряд ядра атома убавился на две единицы, так как из него вылетела одна α частица с двойным зарядом и в то же время при этом в процессе эволюции вещество переместилось в Менделеевской системе на два места назад: из второй в нулевую группу. То же самое происходит и при двух следующих за тем α-превращениях: заряд ядра уменьшается на два элементарных заряда, получающееся вещество по своим химическим свойствам попадает в системе элементов на место, отстоящее на два номера назад в сторону убывающих атомных весов; в данном случае атомный вес действительно убывает на четыре единицы. После трех α-превращений радий — эманация, эманация — радий A, радий A — радий B, наступает β-превращение радий B—радий C при этом выделяется один электрон.

[1]) Дж. Дж. Томсон. «Elektricität und Materie», p. 33, Vieweg Braunschweig 1904.

Атомный вес при этом почти не изменяется; во всяком случае учесть это изменение мы не можем и, несмотря на это, по своим свойствам радий С принадлежит к V группе, тогда как радий В имеет место в IV. Следовательно, при β-превращении вещество перемещается на одно место в Менделеевской системе вперед в сторону возрастающих атомных весов, атомный вес не возрастает, заряд же ядра (положительный) возрастает также на единицу, так как из ядра вылетает один заряженный отрицательным электричеством электрон. Изложенное правило, установленное Содди и Фаянсом, показывает, что с физической точки зрения положение того или другого элемента в периодической системе обусловлено не атомным весом, а числом свободных элементарных положительных зарядов ядра атома. Это число, как мы увидим, совпадает с порядковым числом, т.-е. с № места в Менделеевской системе.

Слово свободный имеет следующий смысл: из ядра атома вылетают α и β частицы, значит в ядре имеются заряды и того и другого знака. Поэтому, если в ядре будет 10 зарядов + и 2 заряда —, то свободным зарядом ядра мы будем считать +8; но то же число +8 мы получим взяв +12 и —4. Среди весьма значительного числа продуктов распада радиоактивных веществ, получающихся путем α и β превращений встречается много изотопов: число их на табл. I отмечено римскими цифрами. Эти вещества химически не отличимы друг от друга, и если мы узнали об их существовании, то исключительно по их радиоактивным свойствам; эти вещества обладают различной долговечностью: одни из них распадаются так быстро, что через несколько минут после их выделения от них остается очень незначительная доля, для других этот процесс идет часами, годами и даже тысячелетиями. Кроме того эти вещества при α и β превращениях выделяют α и β частицы, обладающие различными скоростями, которые благодаря этому могут проникать через различную толщу воздуха: получаются, как говорят, α частицы различного свободного пробега. От радия С, например, видны следы ударов α частиц на экране сернистого цинка в виде вспышек, заметных в лупу, в воздухе при атмосферном давлении еще на расстоянии в 7 сантиметров от источника α частиц, а от самого радия только на расстоянии в 3,3 сантиметра. На длине свободного пробега основан способ анализа радиоактивных веществ.

Однако все эти исследования с такими малыми количествами и производятся они с помощью таких необычных — в житейском смысле — экспериментальных приемов, что у многих ученых, не специалистов в данной области, оставались сомнения и самый факт существования изотопов не получил той широкой огласки, которой он заслуживал. Однако в 1915 году и в этой области было сделано открытие, которое способно было заставить призадуматься самого непримиримого скептика.

Если мы просмотрим всю цепь превращений от урана (атомн. вес 238) до радия G, то при этом заметим 8 α-превращений, отсюда атомный вес радия G должен равняться 238 — 8 . 4 = 206. По правилу Фаянса радий G попадает на одно и то же место менделеевской системы, где стоит свинец с атомным весом 207,2, а известно, что свинец встречается всегда в рудах, содержащих уран и торий. С другой стороны конечный продукт распада тория получается из него после 6 α-превращений, следовательно, атомный вес этого тела равен 232 (ат. вес тория) — 4 . 6 = 208, а если мы рассчитаем по правилу Фаянса, где должно находиться в системе элементов это вещество, мы приходим на то же самое место, т.-е. туда, где стоит свинец! Числа 206 и 208 и атомный вес свинца 207,2 заставляет сделать предположение: не представляет ли обыкновенный свинец смесь двух изотопов?

Для проверки этой гипотезы были добыты урановая руда из южной Африки, содержащая ничтожнейшие следы тория, и с другой стороны были отобраны куски торита, не содержащего урана, из той и другой руды был выделен свинец и был определен его атомный вес; результаты получились следующие: атомный вес уранового свинца RdG = 206,05, а для ториевого свинца получилось 207,77! Лучшего подтверждения нельзя было и желать!

Итак, положение элемента в периодической системе определяется свободным положительным зарядом ядра, свободным в указанном выше смысле этого слова. Но ведь атом нормальный нерасщепленный электрически нейтрален; как же располагаются в нем электроны, нейтрализующие этот свободный заряд ядра?

Для того, чтобы наши рассуждения не носили отвлеченного характера, позвольте с помощью модели иллюстрировать расположение электронов в атоме. В деревянной ванне налита ртуть; к центру ванны подводится один полюс электрического провода, по краям имеются электроды, соединенные с другим полюсом. Под ванной находится полюс сильного электромагнита. На ртути плавают стальные намагниченные шарики. Под влиянием притяжения электромагнитом все шарики поворачиваются к полюсу N (см. фиг. 6) своими S полюсами и начинают двигаться к центру ванны, но тут начинает сказываться взаимное отталкивание одноименных полюсов S плавающих шариков. Они располагаются под действием электромагнита (полюс электромагнита изображает ядро атома) и взаимных отталкиваний в фигуры равновесия в виде одного или нескольких колец с центром в средине ванны, находящемся над электромагнитом. Пропуская ток через ртуть, мы можем заставить ее вместе с шариками вращаться в поле электромагнита и тем получить иллюзию движения электронов в атоме. В нашей модели мы можем сколько угодно шариков бросать на ртуть, в атоме же число электронов в кольцах определяется свободным зарядом ядра, так как ведь атом должен быть электрически нейтрален. А числом электронов определяется число и размеры колец, так что, если, как у изотопов, ядро имеет один и тот же заряд, то внешняя оболочка атома — его кольца одинаковы, а следовательно, внешние размеры и его химические и физические свойства за исключением радиоактивных, определяемых самим ядром, должны быть одинаковы. Это вполне подтверждается целым рядом опытов.

Таблица II.

	A (атомный вес).	d (плотность).	Объем, приходящийся на каждый атом	
Обыкновенный свинец	207,2	11,337	$\frac{207,2}{11,337N}$	$\frac{18,28}{N}$
Свинец из Карнотита	206,35	11,289	$\frac{206,35}{11,289N}$	$\frac{18,28}{N}$
Свинец из Клевента	206,08	11,273	$\frac{206,08}{11,273N}$	$\frac{18,28}{N}$

В таблице II приведены вычисления атомных объемов: если мы атомный вес или число граммов, равное числу единиц в атомном весе (грамм-атом), разделим на плотность, т.-е. на массу в одном кубическом сантиметре, мы получаем объем одного грамм-атома. А разделив еще на N, т.-е. на число атомов в грамм-атоме, мы получим объем приходящийся на каждый атом: это число N теперь хорошо известно. Как видно из таблицы, атомный объем для изотопов и для смесей изотопов один и тот же, следовательно внешние размеры атомов одинаковы.

В следующей табл. III приведены схемы гальванических элементов:

при чем один электрод состоит из каломели Hg_2Cl_2, другой из перекиси свинца PbO_2 или перекиси $RdGO_2$ (перекись радия G — изотоп свинца) в качестве электролита в этом элементе берется азотнокислый свинец или азотнокислый радий G.

Таблица. III.

	I электрод.	Электролит.	II электрод.
1)	Hg_2Cl_2	$Pb(NO_3)_2$	PbO_2
2)	Hg_2Cl_2	$RdG(NO_3)_2$	PbO_2
3)	Hg_2Cl_2	$RdG(NO_3)_2$	$RdGO_2$

Как показывает опыт, электродвижущая сила этих элементов с точностью до 0,005 милливольта одинакова. А между тем обыкновенно ничтожнейшие изменения электродов или электролита вызывают сильные изменения электродвижущей силы. Таким образом электрохимические свойства изотопов одинаковы.

Далее оказывается, что спектры лучей Рёнтгена, получаемых в результате бомбардировки катодными частицами тел, состоящих из различных элементов, тесно связаны с порядковым числом элемента, т.-е. с свободным зарядом атома. Квадратный корень из частоты колебания, соответствующей какой-либо линии рёнтгеновского спектра, оказывается пропорциональным порядковому числу. Для этого приходится только выбирать определенную линию из той или другой серии. Дело в том, что рёнтгеновские спектры различных веществ все похожи друг на друга и в них можно найти соответствующие друг другу линии и вот для этих линий и имеет место указанная закономерность. Таким именно путем и были точно установлены порядковые числа, стоящие в табл. I и эти числа и послужили основанием для несколько необычного, с точки зрения химика, размещения обведенных в таблице I чертой элементов: так называемых редких земель. Из таблицы видно, что вплоть до самого тяжелого элемента урана остается только пять пустых мест. Существует в этих пределах еще пять неизвестных в и д о в материи, число же разновидностей изотопов может быть и очень велико даже в этих пределах (от водорода до урана). Предела для числа разновидностей мы пока установить не можем.

Но, пожалуй, еще более интересное и более наглядное доказательство правильности излагаемой нами теории дают опыты, впервые осуществленные Гейгером и Марзденом. Эти опыты в последнее время были тщательно проверены и дополнены, о чем уже имеются указания в литературе, но полностью они еще, повидимому, не опубликованы. Дело сводится к следующему, если пучок α лучей, т.-е. заряженных атомов гелия, пустить на экран сернистого цинка, то каждая частица вызывает заметную в лупу для глаза искру и если на пути пучка нет особых препятствий; если, например, газ, через который они пролетают, разрежен, то пучок имеет размеры тех отверстий, через которые его пропускают (см. рис. 7). Но если мы на пути поставим тонкий листок какого-нибудь металла, то, пролетая вблизи ядра, заряженный положительно атом гелия или α частица оттолкнется в сторону: он может оттолкнуться только от ядра, имеющего бо́льшую по сравнению с ним массу, а не от отдельных электронов, которые он сам разбросает в стороны, так как масса атома гелия относится к массе электрона примерно так, как масса солнца относится к массе планеты Уран. Вследствие этих отклонений пучок станет расходящимся и, как показывает теория Рутерфорда, изучая распределение искр на экране в этом расходящемся пучке, можно определить заряд ядра отклоняющего атома.

Выполненные измерения блестяще подтвердили основное предположение, что число свободных зарядов ядра для каждого элемента оказывается равным порядковому числу. Таким образом и эта цепь фактов приводит нас к тому же результату. Однако я здесь должен оговориться: способ Гейгера и Марздена применим к исследованию атомов значительно более тяжелых, чем атомы гелия,—так, например, для алюминия отношение будет 27 : 4. Только в таком случае мы можем отвлекаться от перемещений отклоняющего ядра, т.-е. можем считать, что ядра атомов в металлических пластинках сами не смещаются. В этом предположении и была построена теория Рутерфорда, объясняющая опыты Гейгера и Марздена. Но является вопрос: а что же случится, если атом гелия ударится о какой-нибудь легкий атом, например, налетит на один из двух атомов молекулы водорода? Тут, конечно, придется считаться с тем, что обе частицы будут двигаться после столкновения—теорию пришлось дополнить. Эта новая задача была выполнена молодым английским теоретиком Дарвином, внуком знаменитого Чарльза.—Интересно отметить: дед изучал эволюцию органического мира, отец—эволюцию двойных звезд, а сын изучает эволюцию атома! Дарвин показал, что если α частица налетает в упор на атом водорода или почти в упор, то атом, во-первых, вылетает из молекулы и движется со скоростью в 1,6 раз большей, чем сама выбившая его α частица, вылетающая из радия С. А вместе со скоростью возрастает так называемый свободный пробег частицы, т.-е. то расстояние, на котором еще видно действие частицы, на экране сернистого цинка. Для радия С в воздухе при атмосферном давлении искры на экране сернистого цинка видны еще на расстоянии 7 сантиметров. Опыт показывает, что максимальный пробег растет пропорционально третьей степени скорости, а потому для водородных или, как их теперь обозначают, для Н частиц этот пробег будет в $(1{,}6)^3 \cong 4$ раза больше, чем для радия С. Н частицы должны быть видны в воздухе на расстоянии 28 сантиметров.

Поставленные для этой цели опыты блестяще подтвердили расчеты Дарвина. Можно поставить на пути α частиц, летящих в атмосфере водорода в какой-нибудь трубке, алюминиевый экран такой толщины, чтобы он задержал все частицы с пробегом в 7 сантиметров. Этим экраном можно, например, закрыть окошко в трубе, наполненной водородом, и по другую сторону, т.-е. в воздухе поместить подвижной экран с лупой для наблюдения искр, вызываемых Н частицами, обладающими большим пробегом. Когда же начали проверять теорию Дарвина с количественной стороны, так как по теории можно для данного слоя водорода подсчитать, сколько придется ударов, дающих в результате одну Н частицу,—оказалось, что водородных частиц больше, чем этого требует теория, и они появлялись, правда в очень небольшом числе, даже тогда, когда в трубке водорода не было, а был воздух. Долгое время Рутерфорд, занявшийся этим вопросом со своими учениками, думал, что Н частицы получаются из следов влаги, имеющейся в трубках и в препаратах радия, но это предположение не оправдалось. Загадка была решена, когда трубку вместо воздуха наполнили азотом: число Н частиц возросло на 25%. Стало ясно, что водородные частицы выбиваются не только из молекул водорода, но также из атомов азота, а это значит, что атомы азота разложены! Вы видите таким образом, что открытие Рутерфорда не было случайностью, что здесь мы имеем сложную, но вместе с тем крайне логичную связь, правильное чередование опыта и теории, которое неизбежно роковым образом должно было привести Рутерфорда к его замечательному открытию.

Все, что последовало за этим, представляет собой верх эксперимен-

тального искусства. Не надо забывать, что наблюдение и подсчет искр, появляющихся на экране сернистого цинка, требуют огромного напряжения.

Н частицы дают искры более тусклые — опытный глаз их сразу отличает от α частиц, поэтому их гораздо труднее наблюдать, особенно когда они появляются редко, а это как раз и имеет место в опытах Рутерфорда. Он проделал опыты с отклонением этих частиц магнитным полем, т.-е. воспользовался теми методами, о которых у нас шла речь. Ему удалось установить, что масса Н частиц равна 1, т.-е. что это несомненно атомы водорода. Кроме этих Н частиц он нашел еще и другие, названные им X_3 с атомным весом, равным 3, он считает эти частицы за изотоп гелия, так как они несут такой же двойной заряд, как и α частицы. Эти частицы X_3 получаются из атомов азота и кислорода. Как я уже сказал, по самым последним известиям Рутерфорду удалось разложить атомы углерода, кремния, алюминия и, быть может, бора.

Позвольте привести теперь ряд крайне любопытных цифр. Как часто выбивает α частица Н частицу, т.-е. частицу водорода из молекулы водорода, т.-е. как велик % благоприятных для этого выбивания столкновений? Оказывается, что на 10.000 столкновений только одно дает Н частицу! Для азота дело обстоит еще хуже: при столкновении с α частицами распад атома получается только в одном случае на 10 миллиардов столкновений! Значит, надо попасть в определенное место атома, чтобы вызвать его распад.

Далее, если бы мы взяли один грамм радия и заставили его день и ночь бомбардировать азот или кислород, то мы собрали бы 1 кубический миллиметр газа X_3, т.-е. объем, немного больший булавочной головки, только через 250 миллионов лет!

Это показывает, как мало мы еще овладели процессом распада, а с другой стороны это показывает, как чувствительны наши методы исследования. Да ведь и в самом деле каждая искра на экране, которую мы можем учесть — это ведь всего один атом!

Между прочим, Рутерфорду удалось показать, что энергия движения частиц Н и X_3, получаемых из азота и кислорода, на несколько процентов больше, чем она должна получиться от толчка, вызванного ударом α частицы. Это показывает, что в ядре разрушаемого атома эти частицы уже обладали некоторой энергией. Факт крайне интересный, но его и следовало ожидать. Из опытов с радиоактивными веществами мы знаем, какие колоссальные количества энергии таятся в атоме; и если эти запасы существуют в атомах одного вида, то естественно было предполагать их и во всех остальных.

Во всяком случае процесс распада атомов подчиняется теперь, хотя и в очень слабой степени, руке экспериментатора. Это огромный успех: начало новой эпохи в истории физики!

В заключение позвольте мне остановиться на двух наиболее прочно установившихся предрассудках, связанных с этими замечательными открытиями. Прежде всего говорят, что не только эти блестящие исследования Рутерфорда, но и самая электронная теория опровергла атомную теорию вещества. Говорят, что раз атом можно разделить — значит он более не атом! Я думаю, что этот предрассудок никогда бы и не появился на свет, если бы атом окрестили не по-гречески, а хотя бы по-латыни, если бы его назвали, скажем, индивидуумом. Это ведь тоже значит неделимый. Но никому из нас в голову не придет сказать, что человек теряет окончательно и бесповоротно свою индивидуальность, перестает быть индивидуумом, когда хирург ему вырежет червеобразный отросток или ампутирует руку или ногу. На это возразят,

что в обычных известных химику условиях атом все-таки был неделим. Совершенно верно, но ведь при нормальных условиях нормальным людям хирурги операций также не делают!

В этом отношении для нас особенно ценно признание самого творца периодической системы Дмитрия Ивановича Менделеева—ценно потому, что он как раз был страстным противником применения принципа эволюции к химическим элементам. Он скептически относился к теории атомного распада радиоактивных элементов и, несмотря на это, вот что он писал в своих знаменитых „Основах химии": „Для нас ныне атом есть неделимое не в геометрическом, абстрактном смысле, а только в реальном физическом и химическом. А потому лучше было бы назвать атомы индивидуумами—неделимыми. Греческое атом=индивидууму латинскому по сумме и смыслу слов, но исторически этим двум словам придан разный смысл. Индивидуум механически и геометрически делим и только в определенном реальном смысле неделим.

Земля, солнце, человек, муха суть индивидуумы, хотя геометрически делимы. Так атомы современных естествоиспытателей, неделимые в физико-химическом смысле, составляют те единицы, с которыми имеют дело при рассмотрении естественных явлений вещества, подобно тому как при рассмотрении людских отношений человек есть неделимая единица, или как в астрономии единицей служат светила, планеты, звезды" [1])... А к этому можно добавить, что первые атомисты, поставившие атомную теорию на строго научную почву, как раз пытались найти, хотя бы только внешнюю—только числовую, связь между атомными весами, чтобы тем самым подтвердить гипотезу Виллиама Проута о возможном происхождении всех элементов из водорода; как мы видели после опытов Астона, эта гипотеза становится теперь через сто лет весьма вероятной! Таким образом не атомисты, своими смелыми мыслями забегавшие на сто лет вперед, огорчились бы, если бы могли воскреснуть в наши дни, а скорее их противники, предостерегавшие их от смелых гипотез и своей осторожностью создававшие догматы вроде абсолютной неделимости атома, и не давшие науке ничего, кроме тормоза для творческой мысли ученого.

Переходим ко второму предрассудку: он интересен хотя бы уже и потому, что он прямо противоположен первому, что не мешает ему пользоваться одинаково широким распространением. Нам говорят, что теперь, наконец, осуществилась мечта средневековья—мечта алхимиков: элементы разложены! Говорится это часто в виде упрека. Вот вы, мол, ученые превозносите вашу науку, а что вы сделали? Только подходите к тому, над чем еще вчера смеялись, как над несбыточной мечтой. Насколько же умнее вас были те люди, которые за много столетий думали о том, о чем вы только теперь удосужились как следует подумать! Рассмотрим это обвинение со всем хладнокровием терпеливого исследователя. Говорить серьезно об исполнении желаний алхимиков может лишь тот, кто весьма скромно относится к человеческим желаниям вообще; кто не только не унывает, когда желание не исполнилось, но даже способен радоваться, когда исполнилось прямо противоположное тому, чего люди желали!

В средние века искали способа получить золото—тяжелый металл—элемент с большим атомным весом. Словом, тогда искали синтеза элементов. Современная наука открыла естественные процессы распада, а за последние два года нашла способ вызывать этот распад искусственно. На это можно возразить, что и алхимики искали предварительно состав-

[1]) Д. И. Менделеев, „Основы химии", стр. 164, 5-е издание 1889 г.

ных частей металлов, из которых можно было бы путем синтеза построить золото, но они не учли одного: они не учли, что процесс распада сопровождается выделением огромных количеств энергии, которую неизбежно придется затратить на синтез, если бы даже мы и научились этому синтезу когда-нибудь. Таким образом, если даже в более или менее отдаленном будущем мы и научимся тела низкого атомного веса превращать в золото, то при этом придется затрачивать огромные количества энергии. Если мы будем расценивать эту энергию на золото же, то придется во много раз больше истратить золота, чем сколько его получится! А если бы золото удалось получить из более тяжелого элемента, то выделенные при этом огромные запасы энергии будут стоить гораздо дороже, чем полученное в конце концов золото, которое в данном случае будет служить побочным продуктом производства, если не отбросом!

Вообще сравнение младенческих исканий человечества с современной наукой крайне поучительно. Полу-ученый, полу-фантаст, сидевший в своей полутемной келье, окруженный отошедшими в область истории ретортами, мечтал о драгоценном золоте, в котором он видел верх благополучия. Он не знал, что такое энергия, не думал об ее источниках, да к чему это и было тогда? Люди работали сами или заставляли работать своих лошадей; ни фабрик, ни заводов, ни железных дорог тогда не было!

И вот для сравнения мысли Фредерика Содди—ученого, впервые увидавшего в 1903 году появление элемента гелия из другого элемента радия и подсчитавшего те огромные количества атомной энергии, которые выделяются при этом процессе. В своей книжке „Материя и энергия“ [1]) он высказывает серьезные опасения, что на земном шаре в будущем не хватит топлива: запасы угля и нефти истощаются. Он предвидит, хотя и в отдаленном будущем, бедствия, а в науке, открывающей путь к атомной энергии, он видит избавление от этого бедствия. Он ставит вопрос ребром: „Или вся наша цивилизация будет разрушена, или будет разрушен атом!“.

В этих словах видно, на сколько мы ушли вперед. Современного ученого—правда, это один из лучших представителей науки во всех отношениях [2])—влечет не золото, не личное благополучие; для него в будущем его отвлеченные, чисто академические работы о строении атома связываются с самыми жизненными, самыми насущными вопросами о возможности дальнейшего существования человечества на земном шаре...

Но не будем заглядывать в будущее так далеко! Вернемся к тому, о чем у нас была речь сегодня, и зададим себе вопрос, что дало современной физике возможность добиться таких замечательных результатов? Как физик, я должен буду ответить: электронная, или, как предпочитает говорить Томсон, электрическая теория материи. В XIX столетии было установлено, что любая форма лучистой энергии,—свет, лучистое тепло, волны беспроволочного телеграфа,—представляет собой электромагнитные процессы, получающиеся в результате движения электронов—электрических зарядов в том, что мы называем материей.

---

[1]) Ф. Содди, „Материя и энергия“, перевод под редакцией А. Тимирязева, издание „Печатник“, 1913.

[2]) Содди отличается редким качеством: он без всякого стеснения говорит, что думает. Его резкая критика нынешнего английского правительства навлекла на него резкие нападки „свободной“ печати в Англии.

В XX столетии выяснилось, что заряд атома определяет его физические и химические свойства, что нет материи без электричества и нет электричества без материи.

Но что же, кроме этого, остается во всей физике?

Я думаю, что мы только теперь начинаем понимать тот глубокий пророческий смысл, который заключался в одной шутке, сказанной великим английским физиком лордом Кельвиным уже много лет тому назад. Одну из своих бесед со студентами после лекции он закончил следующими словами: „Скажите мне, что такое электричество, и тогда я вам объясню все остальное!".

А. Тимирязев.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Наши достижения в аэрогидродинамике и новейшие средства сообщения.

Последние сообщения из-за границы рисуют поразительную картину успехов мировой науки и техники. Поставленная ребром задача о разложении и превращении элементов, отчасти уже разрешенная в лабораторном масштабе, уже одна она показывает, что человеческая мысль подошла сейчас вплотную к основным вопросам строения мира, впервые за многие тысячелетия выдвинула научно-обоснованные гипотезы о первоисточнике всего существующего.

Провозглашенный еще совсем недавно принцип относительности уже дал громадные результаты, а то, что он обещает, не поддается даже учету.

Рядом с этим столь же огромные завоевания в области техники—беспроволочная телефония, трансатлантические рейсы на самолетах и т. д. и т. д. И естественно возникает вопрос, что делалось в России за последние несколько лет, участвовала ли она в общей работе мировой научной мысли.

Настоящая беглая заметка имеет целью указать на несколько последних русских достижений в аэрогидродинамике и смежных с нею областях.

Одной из крупнейших задач, задачей, над которой напрасно бились в течение столетия русские и заграничные ученые, является вопрос „о волновом сопротивлении судов", разрешенный в минувшем году проф. Жуковским в организованном в 1918 г. Центральном Аэрогидродинамическом Институте (ЦАГИ) Научно-Техническим Отделом В. С. Н. Х. Судно при движении поднимает волну и тратит на это энергию. При достаточно быстром движении это последнее сопротивление (волновое) становится больше сопротивления трения, поглощает бóльшую часть мощности корабельных машин. Выработанная до сих пор форма судов, именно с точки зрения вызываемого ею волнового сопротивления, является весьма мало удовлетворительной. Например, произведенные в Японии испытания модели гуся и эквивалентной по водоизмещению модели крейсера „Кацуга" — дали для модели гуся вдвое меньшее сопротивление, чем для модели крейсера. Профессору Н. Е. Жуковскому удалось разрешить задачу о волновом сопротивлении сначала для артиллерийского снаряда (в воздухе) и затем распространить и на движение тел в жидкости, в частности в воде. При трех громадных мощностях современных пароходов—в сотни тысяч лошадиных сил даже 10%-е уменьшение сопротивления (при более выгодной форме)—дает суточную экономию топлива на одном пароходе, исчисляемую в тысячи пудов. Одновременно проф. Жуковским (совместно с Н. Г. Чепцовым) разрешена и другая задача „о наивыгоднейшей форме плуга",—также до сих пор не поддававшаяся теоретическому исследованию. Практическое значение особенно для России, как страны земледельческой, ясно каждому. При тракторной вспашке—улучшение формы плуга позволит увеличить

число лемехов, прицепляемых к трактору при одной и той же его мощности. К крупным работам следует отнести также „О просачивании воды через плотины",—работа, позволяющая предугадать опасные для разрушения плотины пути просачивания. Наконец, крупнейшим достижением, давшим уже громадные результаты, является „вихревая теория винтов" Н. Е. Жуковского. Н. Е. Жуковскому удалось всю совокупность крайне сложных явлений, возникающих в воздухе (или воде) при вращении винта, выяснить в зависимости от вихрей, образующихся вокруг пропеллера, и на основе математического анализа дать стройную картину всего происходящего. Все заключения этой теории проверены в Аэрогидродинамической Лаборатории ЦАГИ и были в полной мере подтверждены на опыте. Инженер В. П. Ветчинкин разработал приемы расчета винта по этой теории, соединив с расчетом на прочность. В настоящее время винты Жуковского или, как их называют, винты НЕЖ широко употребляются в русской авиации.

Попутно с разработкой „вихревой теории винта" проф. Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин произвели ряд крупных исследований о влиянии потока воздуха на помещение туда тела и о давлении, испытываемом телом как в продольном направлении, так и в поперечном — по отношению к потоку. Указанные исследования позволили выяснить вопрос о подъемной силе крыльев самолета (поперечное давление) и о сопротивлении, которое необходимо преодолевать тягой винта. Проф. С. А. Чаплыгину удалось даже выразить математически подъемную силу крыла, он же разработал теорию разрезного крыла, обещающего дать некоторые преимущества перед сплошным. Он же указал ряд профилей крыльев, выгодных с точки зрения малого лобового сопротивления и большой подъемной силы. Наконец, сейчас является уже совершенно разработанной сотрудниками Центрального Аэрогидродинамического Института—вся теоретическая сторона авиации—расчет самолетов на прочность, расчет аэродинамический, динамика аэропланов и т. д. Работы эти позволили в настоящее время выяснить теоретически все свойства, достоинства и недостатки самолетов—а при проектировании новых аппаратов дать возможность совершенно свободно задаваться теми или другими желательными особенностями их. Когда после долгого промежутка были получены заграничные авиационные журналы, в начале их содержание прямо поражало; были построены огромные аппараты, достигнуты очень значительные скорости и высоты полета, созданы линии постоянных воздушных сообщений... Но когда первое впечатление прошло, то увидели, что в некоторых областях они ушли от нас недалеко.

Так, оказалось, что за-границей последним словом техники являются новые винты, винты, в точности соответствующие нашим типа проф. Н. Е. Жуковского.

Новейшие заграничные бестросовые самолеты имеют толстые крылья, весьма близкие к серии теоретически разработанных и испытанных у нас еще несколько лет тому назад крыльев типа инверсии параболы. Некоторые последние статьи Ланчестера, Кутта, Прандтля повторяют выводы, уже сделанные русскими учеными, но с той разницей, что мощный аппарат заграничной промышленности немедленно подхватывает все результаты работы научной мысли и претворяет их в жизнь. К сожалению, тяжелые условия переживаемого момента не позволили в достаточной мере использовать у нас достигнутые результаты, хотя и в этом отношении многое сделано.

ЦАГИ построены новые типы аппаратов, служащих для передвижения (по воде, снегу и воздуху): глиссер, аэросани, триплан. Глиссер представляет из себя лодку, имеющую особой формы днище с реданом (уступом), благодаря которому при известной скорости лодка выскакивает из воды и начинает поддерживаться не водоизмещением (как обыкновенно), а давлением воды на днище от скольжения так же, как летящий аэроплан поддерживается в воздухе. И теперь, как аэроплан имеет скорость много бо́льшую, чем аэростат, благодаря малому сопротивлению — также и глиссеры будут давать скорость в 2—3 раза бо́льшую обыкновенной моторной лодки. Глиссер снабжен плавниками, позволяющими ему устанавливать желательный, наиболее выгодный угол наклона днища к поверхности воды—так наз. угол встречи. Строющийся в настоящее время при грузоподъемности около 25 пудов — по расчету должен давать скорость

80—100 верст в час. В настоящее время степень готовности выражается в 80—90%. При нашей бедности путями сообщения и наличности развитой системы рек—глиссеры должны оказать существенную пользу, особенно на окраинах (Сибирь) как для почтовых сношений, так и для транспорта ценных грузов.

Попыткой разрешения вопроса о передвижении зимой, когда даже шоссе у самого города становятся почти непроходимыми для автомобиля, являются аэросани, первая партия которых была выпущена зимой 1919—1920 г.г. специальной комиссией, образованной Аэродинамическим Институтом совместно с Автомобильной Лабораторией Н. Т. О. Аэросани представляют из себя аппарат, поставленный на лыжи. Передние лыжи управляются, как в автомобиле. Сзади имеется мотор с вращающимся и толкающим аппарат пропеллером. Кроме выпущенных позапрошлой весной — в минувшую зиму, были разработаны и выпущены еще несколько типов по различным заданиям: маленькие—двухместные, легковые—четырехместные, грузовые, пулеметные (несколько вариантов). При мощности моторов от 50—80 сил легковые сани дают скорость 40 — 70 верст по насту и до 90 верст в час по льду. Громадное применение в Сибири по рекам, да и в Европейской России для почты и легкого транспорта, для службы при аэродромах, для связи с севшими на поле самолетами, вообще для передвижения по покрытому снегом полю, ясно каждому.

Наконец, крупным шагом вперед являются строющиеся сейчас под руководством Аэродинамического Института трипланы. При небольшой мощности мотора (480 лош. сил) и небольшом размахе, благодаря тому, что поддерживающая поверхность расположена в 3-х плоскостях — самолеты обладают сравнительно большой грузоподъемностью (около 50 пуд. полезного груза) и большим потолком, т.-е. высотой полета.

Из настоящего беглого обзора видно, что творческая работа научной мысли в республике не приостановилась и, несмотря на тяжелые условия, шла вперед, во многом предвосхищая последние достижения западной Европы.

Инж. Вл. Архангельский.

Успехи применения радио заграницей.

Всемирная война 1914—1918 г.г., в общем замедлившая темп прогресса техники во всем мире, в то же время необычайно благоприятно сказалась на двух отраслях инженерного дела—авио и радио. По справедливому замечанию американских специалистов, в этих двух областях за 4 года войны, под давлением военных требований, было сделано столько же, сколько мирным, постепенно-эволюционным путем было бы достигнуто в течение 20 лет.

Об успехах заграничного воздухфлота уже появлялись известия в русской периодической, даже не специальной, прессе. Известно, что во всех странах Европы и Америки установлено регулярное почтово-пассажирское сообщение на самолетах и дирижаблях, на которых устроены комфортабельные каюты на 5, 10, 15, 40 пассажиров; есть самолеты и на 125 человек пассажиров и команды. Англия связана правильными рейсами с Индией, Австралией и Канадой. Перелеты через Атлантический океан стали обычным явлением; рекорд скорости такого полета был недавно побит на биплане Виткерса, совершившем перелет из Англии в Америку без посадки на промежуточной станции в 16 часов (скорость около 300 километров в час). Расстояние Нью-Иорк—Сан-Франциско почтовый аэроплан в 1921 г. покрыл всего в 33 часа. Англия уже к концу войны имела 25.000 самолетов и 30.000 летчиков; а в авиационной промышленности Франции занято в 1920 году было около 200.000 человек. Одна из частных английских авиокомпаний опубликовала отчет о своей деятельности за 4 месяца: всего совершено 21.000 полетов, при 4.000 час. в воздухе, при чем было перевезено 52.000 пассажиров; при этом аварий случилось 13, из них сопровождавшихся

несчастными случаями—2 (пострадали пилоты). Перелет Лондон—Брюссель стоит дешевле, чем проезд в I классе того же расстояния по железной дороге.

За границей прогресс радиотехники идет еще интенсивнее. В то время, как у нас о радиотелефоне—передаче речи, музыки и т. д. на расстояние без проводов говорят, как о редкостном явлении, и до сих пор нет ни одной эксплоатационной, регулярно работающей для общественных, а не только технических целей, установки такового, в Америке, в Питтсбурге образовался своеобразный клуб из 400 радиоистов, члены которого по вечерам устраивают поочереди „радиотелефонные концерты" и пр.; радиотелефон там же нашел такое распространение, что оказалось необходимым изыскивать приспособление для зашифрования речи говорящего в микрофон с последующим расшифрованием ее в телефоне только того корреспондента, который имеет соответственно настроенное такое же приспособление. В Вашингтоне несколько прений по законопроектам велось по радиотелефону; в Висконсине таким же способом передаются метеорологические бюллетени фермерам и т. д. Лесной департамент Соед. Штатов Северной Америки вводит в гористых, изобилующих ветрами, местностях, радиотелефонные установки, работающие часто от ветрянок—и служащие лесничим средством быстрой подачи донесения в местный центр о начавшемся в его участке лесном пожаре. В западной Европе прогресс радиотелефонии идет немного медленнее; но и там (в Англии) уже можно встретить публикации о продаже домашних радиотелефонов (по 150 шиллингов за комплект). В Германии сильно развиты междугородние радиотелефонные установки, притом связанные с обычными проволочными телефонными центральными станциями. И абоненты двух городов, беседуя между собой посредством обычных, известных в России, кабинетных телефонных аппаратов, часто сами не подозревают, что речь их с центральной станции одного города на таковую же другого передается, в случае занятости проволочной линии, посредством радиоаппаратов. Аппараты, разработанные во время войны лишь для радиоцелей, теперь нашли огромное применение в так называемом „проволочно направляемом беспроволочном телефоне" (Wired Wireless); насколько он выгоден—показывает то обстоятельство, что после установки этих радиоприборов по любой проволочной одиночной линии возможно вести до 12 разговоров одновременно. Следует особо отметить завоевание прогресса—только при помощи радиотелефона удалось передать речь через океан: проволочная телефония по океанскому кабелю до сих пор признается невозможной в силу огромных технических трудностей. Даже в Китае прививаются радиотелефонные установки: английская фирма Маркони обязалась построить 200 радиотелефонных установок—в 1920 и 1921 годах; а совсем недавно, в марте 1921 года, корреспонденты русских газет в Харбине и Чите слушали на соответствующих русских радиостанциях радиоразговор из Пекина (частью на русском языке), после которого были так же хорошо слышны исполненные на Пекинской же радиостанции разные музыкальные отрывки.

Колоссальные успехи авиационной техники и радиоинженерного дела создали новую специальность—авиационной радиотехники. Применение радиотелефона на воздушных кораблях представляло много заманчивых перспектив. Достаточно указать, что еще в конце 1918 года Северно-Американская армия имела целые эскадрильи (до 40 аэропланов в каждой) воздушных судов, управляемых в полете голосом командира эскадрильи с земли. На парадном испытании первой такой эскадрильи, в июне 1918 года все 39 аэропланов такого воздушного отряда согласно, по команде с земли, проделывали в воздухе различные маневры, сложные повороты, скольжение на крыло, падение штопором и др.—при чем все вышли из этого испытания вполне благополучно, только у одного лишь повредилась антенна (так называется длинный—до 100 метров—бронзовый провод, служащий для излучения или поглощения электромагнитных волн, которыми работают в радио на аэропланах. Он во время полета спускается вниз). В Англии серьезно разрабатывается вопрос о предоставлении возможности абоненту обычной телефонной станции на земле сноситься по радиотелефону с другим лицом, находящимся на воздушном корабле, совершающем перелет, например, через Атлантический океан. Во время упомянутых выше перелетов через океан дирижабли и самолеты находились в связи по радио с обоими континентами и с пароходами на

океане. Но эта связь по радио удовлетворяла не только нуждам пассажиров воздушного корабля: капитан корабля получал от специальных земных радиостанций важные для авиаторов метеорологические сведения: так, например, дирижабль „R34" избежал, благодаря полученным по радио сведениям, циклона при путешествии Англия—Америка; а на обратном пути, благодаря тем же сведениям, попал в благоприятный пассат, так что путешествие Америка—Англия сделано им только в 55 часов вместо 94 часов, затраченных на прямой путь (сведения относятся к 1919 году). Само собою понятно, что радиотелефонные установки, как более пока надежные, нашли себе повсеместное распространение в авиации; здесь не место дольше останавливаться на этом, укажем лишь, что в каталоге немецкой фирмы Телефункен, вышедшем в начале 1919 года, приводится более 25 типов таких радиотелефонных станций на аэросудах.

Радио в авиации получило еще одно большое применение—как способ ориентироваться в полете ночью в облаках, при полетах над неизвестной местностью и т. д. Описание таких радиокомпасов выходит за пределы настоящей заметки и требует известных технических знаний; такое определение местоположения аэрокорабля легко производится помощью двух радиостанций, находящихся на земле. Примеров применения радио в авио слишком много, чтобы их можно было здесь исчерпать; достаточно указать, что С.-А. Соед. Штаты, впервые введшие у себя закон об обязательном снабжении всех торговых судов радиостанциями, разрабатывают подобный же закон для всех коммерческих аэропланов и воздушных кораблей, при чем для больших типов этих машин будет обязателен не только радиотелеграф, но как радиотелефон, так и „определитель направления"—радиокомпас.

С существующими применениями радиотелеграфа читатели, вероятно, более знакомы. Радиотелеграфные станции устанавливаются на всех морских, частью даже речных (на Миссисиппи) судах, но приобретают все бо́льшее распространение и на суше, где успешно конкурируют с проволочным телеграфом—особенно при сношениях на дальнее расстояние. Радиотелеграф настолько вырос в техническом и эксплоатационном отношениях, что является серьезным соперником линейному телеграфу: недавно приехавшие из-за границы специалисты передавали, что английские кабельные и телеграфные коммерческие компании всеми мерами стремятся помешать проведению в полном объеме так называемой имперской радиосети, при которой Англия будет связана по радио со всеми частями мира, в которых имеются ее колонии. И действительно, уже в 1920 г. радиофирма Маркони предполагала устроить радиотелеграфное сообщение между Англией и Австралией по цене 2 шиллинга за слово вместо 3 шиллингов при кабельной сети; а сведения от февраля с. г. из Германии указывают, что на одной из немецких установок себестоимость передачи слова по радио обошлась в пять раз дешевле передачи того же слова по проволочной линии.

Для характеристики достигнутого прогресса в радиотелеграфной передаче (т.-е. передаче на расстояние без проводов слов, выраженных точками и тире по азбуке Морзе) укажем, что близ Бордо недавно открыла свое действие, повидимому, самая мощная радиостанция в мире, нормальный радиус действия которой 20.000 километров т.-е. половина окружности земного шара: приемник, установленный в любой точке земной поверхности, будет принимать сигналы от этой новой станции. Итак, казалось, что все возможные рекорды дальности передачи на земле побиты: тогда радиоинженеры обратились к следующей задаче—улучшению отдачи, т.-е. более экономной—меньшей механической мощностью—передачи сигналов на то же расстояние. И вот полезное действие отправительной станции в Н. Брауншвейге (Америка) недавно удалось увеличить в 6 раз по сравнению с существующими западно-европейскими радиостанциями. Но для рационального соревнования с проволочным телеграфом необходимо было значительно увеличить пропускную способность радиопередачи, устроить многократные (т.-е. одновременно несколько депеш) передачу-прием; нижеприводимые данные о строящейся ныне огромной радиостанции в С. Ассив (Франция), показывают, что радиоинженерам, повидимому, и тут удалось уже справиться с этой задачей. Сооружения этой станции покроют площадь в 300 гектаров (275 десятин); в число их

войдет 16 мачт по 250 метров высотой; система антенн (длинных, натянутых по верхам мачт, проводов) займет 3 километра длины и 600 метров в ширину, на что потребуется 214 километров бронзовой, медной и стальной проволоки. Станция эта с общей мощностью в 5.000 лошад. сил обеспечит интенсивные сношения с Америкой, Индо-Китаем, Японией, Южной Африкой и Австралией. Она может посылать одновременно 8 телеграмм со скоростью 1.000 слов в минуту и принимать 14 депеш без всякой путаницы. Минимум принятых и переданных слов за 24 часа будет равняться 2.000.000. Работа станций будет равняться работе сети 50 подводных кабелей, соединяющих Париж со всеми станциями 5 частей света.

Не меньший прогресс достигнут за границей и в области радиоприема. В связи с изобретением мощных усилителей удалось до последнего предела уменьшить размеры всей приемной установки, т.-е. таких приборов, помощью которых приходящая электрическая волна воспринимается и затем превращается в ощущаемые ухом точки и тире, комбинация которых составляет так называемую азбуку Морзе. Примером, но далеко еще не предельным, компактности, известным в Англии еще в конце 1919 г., может служить переносная приемная радиостанция, со всеми приборами заключенная в удобопереносный ящик размером 32×40×15 см. С таким приемником, весящим всего несколько килограмм, легко отправиться на прогулку, где угодно расположиться и без помощи мачт принимать на расстоянии нескольких сот километров от мощных европейских радиостанций сигналы временно, последние новости—прессу (циркулярные радиодепеши, для помещения в газетах) и т. д.

Можно подумать, что заграничным радиотелеграфистам, побившим все рекорды дальности на земле, стало тесно на земной поверхности; недаром в конце 1919 года и начале 1920 г. во многих, даже специальных журналах появились различные трактовки вопроса о радиосвязи с планетой Марсом. Немцы, высчитавшие, что для возможности передачи радиосигналов с Марса на Землю, марсиане должны были бы установить радиостанцию мощностью в 15 миллионов лошадиных сил, первые, кажется отнеслись достаточно критически к этой затее.

В. Баженов, д. ч. РОРИ.

Внутри советской России.

Новая полоса.

Эмигранты из русской буржуазии, покинувшие страну после октябрьской революции, не один раз упаковывали свои чемоданы для возвращения обратно в Россию на свои насиженные эксплоататорские места. Во время успехов Краснова и чехо-словаков, во время успехов Колчака,—тогда, когда Деникин занимал Орел и гул орудий Юденича был слышен в Петербурге,—во все эти моменты наибольших успехов белогвардейского оружия много чемоданов упаковывалось в Константинополе, Париже, Лондоне и всех других местах сосредоточения контр-революционной эмиграции. Из тех, кто поторопился уехать, не все вернулись обратно, а из вернувшихся не все вернулись с чемоданами. Выиграли те, которые не трогались с места и выжидали.

Последний раз усиленно упаковывались кадетские чемоданы во время кронштадтского восстания и опять правы оказались те, которые не торопились. Чемоданы пришлось распаковать, и снова алчущие и жаждущие падения большевиков застыли в привычной для них позе рыцаря Гринвальдуса, упорно ожидающего с севера улыбки контр-революционного счастья и пока что протягивающего руку за подаянием банкирам Лондона и Парижа.

Все те, которые были биты на протяжении гражданской войны, за немногими исключениями не научились интересоваться причинами своих поражений; умирающему классу это не так важно. Наоборот, мы, победители, с одинаковым вниманием и добросовестностью пытались уяснить себе всегда как причины наших побед, так и корни поражений и политических кризисов, через которые шагает к своей конечной цели великая пролетарская революция. В чем же причина, какова социальная природа того политического кризиса, который получил наиболее яркое выражение в кронштадтском восстании, заставившем кадетских Гринвальдусов переменить свою позу, сделав ее не только привычно унизительной, но после ликвидации Кронштадта и смешной?

Для ответа нам необходимо на минуту оглянуться назад. Основным социальным базисом октябрьской революции 1917 года был революционный союз пролетариата и всего крестьянства страны. По четырем важнейшим вопросам—по вопросу о прекращении войны с Германией, по вопросу о передаче помещичьей земли крестьянству, по вопросу об экспроприации фабрик и заводов у буржуазии и, наконец, по вопросу о необходимости свержений буржуазного режима и организации рабоче-крестьянской Совет-

ской власти между этими двумя классами, составляюшими 90% населения, существовало полное единодушие.

Но со времени октябрьского переворота этот рабоче-крестьянский базис далеко не оставался неизмененным. Первое испытание прочности октябрьского блока произошло весной и летом 1918 года. Это было время, когда рабочий класс находился в самом тяжелом продовольственном положении, и изъятие хлеба из деревни было для него вопросом жизни или смерти. Как известно, Советская власть прибегала тогда к организации комитетов бедноты и к насильственному отобранию у кулачества продовольственных излишков, при чем деревенская беднота получала не только часть собранного хлеба, но и была поддержана государством в деле экспроприации у кулачества части скота и инвентаря для хозяйства бедняков. А так как комитеты бедноты задевали и среднее крестьянство, к тому же часто находившееся под сильнейшим влиянием кулачества, то в результате новой политики Советской власти октябрьский блок потерпел очень сильное изменение. Его прочным стержнем остался пролетариат с деревенской беднотой, из блока вышло кулачество, поднявшее ряд восстаний по России, а среднее крестьянство колебалось, то примыкая к кулачеству, то к бедноте, чаще же оставаясь в выжидательной, нейтральной позиции.

Среди самого рабочего класса также не было уже того победного и единодушного настроения, которое господствовало в рядах пролетариата в октябрьские дни. Это объяснялось тремя причинами. Во-первых, Советской власти пришлось от легкой работы разрушения старого строя, в частности старой капиталистической дисциплины на фабриках, перейти к усилению трудовой пролетарской дисциплины, что не могло возбудить особый энтузиазм у отсталых слоев рабочего класса, только что разогнувших спину от гнета капиталиста. Во-вторых, в материальном отношении революция, кроме первых двух-трех месяцев, не улучшила положение пролетариата, а, наоборот, продовольственный кризис усилился. В-третьих, наконец, русский пролетариат, составляющий меньшинство в стране и находящийся в окружении многомиллионного крестьянского моря, никогда не мог освободиться в лице своих отсталых, полукрестьянских и связанных материально с деревней слоев от влияния на него крестьянских настроений. Кулачество возбуждало среднее крестьянство и часто увлекало за собой. Настроения среднего крестьянства передавались пролетариату, связанному с деревней, и обычно эти колебания, сомнения в необходимости и успехе пролетарской диктатуры принимали в пролетарской среде форму анархической оппозиции Советской власти и ее наиболее жестким мероприятиям. Именно тогда, когда единство пролетариата было более всего необходимо, некоторые отряды его зашатались, на некоторых заводах Советская власть не могла провести в прифронтовой полосе мобилизации вследствие враждебного настроения рабочих; были случаи, когда некоторые группы рабочих, наиболее близких по уровню жизни мелкой буржуазии, открыто переходили в лагерь чехо-словаков (часть рабочих Воткинского, Ижевского, Полевского, Златоустовского и других заводов). Весной и летом 1918 года сила буржуазного и мелко-буржуазного натиска на диктатуру пролетариата определялась на-ряду с прочей амплитудой колебаний среди связанных с крестьянством слоев пролетариата.

Это что касается внутреннего положения в стране весной и летом 1918 года.

Внешнее положение было еще более тяжелым. Брестский мир не гарантировал от нападения со стороны германского империализма ни на одну минуту, потому что военные силы республики были крайне ничтожны. Украйна занималась немецкими войсками. Чехо-словацкие восстания, отдавшие в руки белых Сибирь, распространились на Поволжье; Самара,

Симбирск, Казань были во власти восставших. Казаки угрожали центральным земледельческим губерниям. Наконец, если взять всю международную обстановку в целом, то советская Россия, представлявшая из себя в военном отношении ничтожную силу в сравнении с любой из империалистических клик, по существу одинаково ей враждебных, удерживалась лишь по небрежности и недосмотру капиталистического мира, поглощенного войной на французском фронте.

Таково было положение. Никогда Советская власть не была так близка к падению, как летом 1918 года. Колебания были в части самого рабочего класса. Но коммунистическая партия оказалась твердой, как сталь, и перед лицом этих колебаний, которые были наиболее страшными как колебания в собственном доме, так и перед лицом внешней опасности. Враги Советской власти были несравненно сильней, но им не доставало одного: единодушия, спайки, единства действия. Учредиловцы ссорились с Колчаком, Колчак с Семеновым и Хорватом, деникинскими генералами—и деникинцы не ладили между собой, Антанта воевала с Германией, а внутри Антанты были распри по вопросу о русских делах. В результате сжатые в одном кулаке и спаянные коммунистическим центром и силы советской России уже к осени 1918 года начали наносить белым одно поражение за другими.

Что же касается отношений коммунистической партии к колебаниям среди части самого пролетариата, то мы имели здесь факт величайшего значения для всего Коммунистического Интернационала. Именно тот факт, что наша партия ни на минуту не поддавалась панике и неуверенности, которые проявились среди части пролетариата, и энергично боролась с психологией отчаяния, проявлявшейся в форме рабочего анархизма—этот факт имел решающее значение и предопределил победу. Горе было бы Советской власти, если бы летом 1918 года она поставила на голосование вопрос о том, вести ли ей смертельную борьбу за диктатуру пролетариата, несмотря на перевес сил у врага,—или прекратить борьбу. Вопрос об отношении партии к колебаниям в рядах ее собственного класса для правящей партии пролетариата имеет совершенно исключительное значение. Когда партия рабочего класса борется за власть, как ни тяжело бывает ей вести борьбу в те моменты, когда в массах усиливаются временно под влиянием тех или иных преходящих причин не коммунистические настроения, катастрофой это не грозит. То, что теряется сегодня как в числе членов и в массовом сочувствии, то с лихвой может быть возвращено завтра с изменением обстановки. Иное дело, если начинаются шатания среди пролетариата, который уже овладел властью. Опыт советской Венгрии и ее гибель показывают, какая трагедия может разыграться там, где стоящий у власти пролетариат не имеет противоядия собственной слабости в лице мощной коммунистической партии, отражающей не его минутные настроения, на его минутные интересы, а интересы его будущего, интересы его за весь данный исторический период. Горе той коммунистической партии, которая, стоя у власти, дает эту власть другому классу под влиянием колебаний среди пролетариата. Эти колебания сами по себе имеют гораздо более ничтожное и преходящее значение, чем те последствия, которые они могут иметь при слабости самой партии.

В 1919 году Деникин брал Орел, находясь в 350 верстах от Москвы. Советская власть находилась под угрозой в военном отношении, но внутри советский блок был крепче, чем в 1918 году. Среднее крестьянство окраин, испытавшее власть Колчака, Деникина и контр-революционного казачества, оставив свои колебания, решительно стало на сторону Советской власти. Это отражалось и на настроении пролетариата, снабжение которого к тому же в это время несколько улучшилось. Период успехов

Деникина был периодом временных военных неудач Советской власти на южном фронте и в этом отношении не идет ни в какое сравнение с летом 1918 года, когда республика переживала и внешний и внутренний тягчайший кризис. Во всяком случае те чемоданы, которые упаковывались буржуазными эмигрантами для возвращения в Москву летом 1918 года, имели гораздо больше шансов доехать с их владельцами до столицы, чем осенью 1919 года.

После 1920 года, к концу которого Советская власть победоносно закончила гражданскую войну на всех фронтах и на протяжении которого внутри страны не было крупных волнений, мы имеем весной 1921 года политический кризис, напоминающий внутренний кризис 1918 г. Наиболее ярким проявлением этого кризиса было мартовское—кронштадтское восстание. Спрашивается, где корни этого кризиса, когда он созревал—и чем может кончиться?

В советской России, где власть в классовом отношении опирается на блок пролетариата с крестьянством, при чем крестьянство, как показал опыт, может участвовать в блоке то в меньшем, то в большем объеме своих сил,—в советской России сколько-нибудь серьезный политический кризис не может проистекать вследствие каких-либо изменений политической позиции интеллигенции, городского мещанства, остатков торговой буржуазии. Лишь изменения взаимоотношений между пролетариатом и средним крестьянством, лишь колебания в этом блоке могут вызвать кризис. И поскольку кризис на-лицо, исследование его причин делается легким и его источник приходится искать в определенном месте, а именно во взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством.

Что же переменилось в этих взаимоотношениях в началу 1921 г. в сравнении с тем, что было в предыдущие годы?

Нужно сказать, что блок пролетариата с крестьянством не был блоком коммунистической партии с какой-либо крестьянской или выступавшей от имени крестьянства партией. Партия левых эс-эров, пытавшаяся в первые месяцы после октябрьской революции выступить от имени среднего крестьянства и участвовавшая тогда во власти вместе с коммунистической партией, сошла на-нет после своего дурацкого восстания в Москве в июле 1918 года, когда она сама не знала, чего ей требовать. Поэтому блок пролетариата с крестьянством, их соглашение не были записаны на бумагу и оформлены. Это был молчаливый, деловой союз, неписанные условия которого определялись как соотношением сил между той и другой стороной, так и соотношением сил между обоими участниками блока и вражеским лагерем.

Посмотрим, во-первых, каковы были цели блока и каковы его реальные условия.

И рабочий класс, и крестьянство участвовали в гражданской войне отчасти по общим, отчасти по различным классовым мотивам. Общими мотивами были: защита независимости страны от внешнего нападения иностранных капиталистов, борьба против превращения России в колонию мирового капитала, борьба против попыток помещиков и капиталистов вернуться к власти, защита земли, отобранной у помещиков, защита фабрик, отобранных у буржуазии. Это более или менее общие мотивы, хотя уже из последнего пункта ясно, что крестьянин больше рабочего заинтересован в сохранении за собой помещичьей земли, а рабочему больше крестьянина приходится беспокоиться за судьбу городской промышленности.

Что же касается мотивов различных, то достаточно указать на следующее. Рабочий класс добивается победы над врагами, чтоб наладить социалистическое хозяйство. Наоборот, этот мотив абсолютно не убедителен для крестьянина, который думает о том, как спасти и наладить *свое*, а не о том, как наладить *социалистическое* хозяйство.

Во всяком случае и у крестьян по своим мотивам и у рабочих по своим было достаточно оснований отдавать свои силы делу победы в гражданской войне. На каких условиях существовал блок, что вносила каждая сторона на общее дело?

Крестьянство доверяло рабочим в лице коммунистической партии политическое, военное и хозяйственное руководство государством. В частности, это выражалось в том, что почти везде и всюду при выборах в Советы крестьянство без малейшего давления и даже без предвыборной агитации почти везде выбирало коммунистов, хотя нередко отношения с местными коммунистами на почве местных дел были у крестьян в корне испорчены. Крестьянство рассуждало так: вы взялись спасти страну, так и доводите дело до конца, мы в этом мешать вам не будем. Далее, крестьянство давало главную массу бойцов в Красную армию, где они находились под политическим руководством и боевым командованием коммунистов. Наконец, крестьянство давало излишки продуктов продовольствия для снабжения армии и военной промышленности.

Рабочий класс выделил из себя нужные силы для формирования огромного государственного аппарата, дал известный процент рядовых бойцов в Красную армию (от 10 до 25%), дал комиссарский состав армии и его основной кадр, поддерживал промышленность, работая на транспорт, на оборону в важнейших промышленных предприятиях страны.

Но что самое важное и должно быть отмечено, как небывалый в истории факт, рабочий класс, как правящий и господствующий класс, не воспользовался своим политическим привилегированным положением для извлечения экономических выгод из своего положения. Наоборот, никто так много не выносил голода, нужды и материальных лишений, как стоящий у власти пролетариат, проявивший величайшее терпение, выдержку и сознательность.

Но вот гражданская война кончилась, враги разбиты, главнейшая опасность, пугавшая деревню, опасность потерять захваченную землю и получить помещичью власть,—устранена. Страна вступает в новую полосу своего существования. И вот перед тем, как начать проходить новый исторический перегон, один из участников блока дает понять своему компаньону, что он не желает итти дальше так же, как раньше.

В чем же дело? хочет ли крестьянство выйти из блока, или же хочет лишь изменить условия соглашения с пролетариатом на новый период борьбы к бо́льшей для себя выгоде? Остановимся на этом вопросе, потому что мы здесь подошли к основному вопросу, на который должен быть дан ответ каждым, кто хочет понять с у щ н о с т ь политического кризиса с его кронштадтским и другими внешними выражениями.

Но чтобы уяснить себе, идет ли крестьянство на разрыв блока или требует лишь изменения его условий, необходимо посмотреть, что изменилось в положении крестьянства в 1920 и к началу 1921 г.г.

Во-первых, в 1920 году был тяжелый неурожай. Этот неурожай коснулся наиболее хлебных губерний центральной России и Поволжья. Был неурожай трав, который привел к массовому падежу от бескормицы крестьянского скота. Неурожайный год очень сильно пошатнул крестьянское хозяйство, которое за предыдущие годы понемногу клонилось к упадку, несмотря на то подкрепление, которое дала ему революция в виде помещичьих земель, скота и инвентаря. Между тем увеличение армии и расширение промышленности и увеличение общей массы людей, которых приходилось кормить государству в 1920 году, заставили его установить разверстку на продукты крестьянского хозяйства. Вместо 236 миллионов пудов, собранных в предыдущем году, было назначено к сбору 423 миллиона пудов хлеба. Правда, больше половины этой суммы было распределено между

Кубанью и Сибирью, но собрано больше было именно в неурожайных губерниях, где продовольственный аппарат был лучше налажен. А если мы вспомним, что средняя урожая была на рожь в 1920 г. 33 пуда с десятины, против нормальной цифры 50 пудов, за пятилетие 1908—1913 годов, что недосев достигал согласно переписи до 18%, то станет ясно, что разверстку крестьянство выполняло в ряде губерний не за счет излишков, а за счет сокращения своего общего потребления. Правда, при общем неурожае это вообще неизбежно. Иначе города умерли бы голодной смертью. Но тем не менее такое положение не может не вызвать крайне обостренного недовольства Советской властью, производящей такие вычеты из крестьянского потребления.

Далее, в то время как количество отдаваемого деревней продуктов все время увеличивалось, достигнув, несмотря на неурожай, максимума в 1920 г., ценность товарного фонда, даваемого городом деревне, все сокращалось.

Если прибавить к сказанному, что разверстка убивала всякие стимулы у индивидуального хозяйства к расширению и улучшению, ничего не обещая старательному хозяину, потому что добавочно затраченный труд при этой системе обществом не вознаграждается, если вспомнить, наконец, об эксцессах при принудительном взимании хлеба, то недовольство крестьян станет вполне понятным.

Но это недовольство сдерживалось фактом войны, необходимостью защищать землю, необходимостью кормить армию, защищающую эту землю. Когда в конце 1920 года этот сдерживающий мотив отпал, кризис обозначился гораздо сильней.

Чего же хочет крестьянство?

Мы имеем основание утверждать, что если исключить отдельные конкретные требования (отмена разверстки, свобода торговли, улучшение снабжения деревни), то по основному политическому вопросу, по вопросу о власти, крестьянство не единодушно и большинство крестьянское, крестьянин средняк, еще не смог сформулировать того, чего он хочет. И тот факт, что средняк не сформировался и не сказал громко, чего он хочет в области политической, говорит за то, что он не хочет смены власти и уничтожения октябрьского блока, а требует пересмотра условий этого блока. Что дело обстоит именно так, об этом мы будем говорить ниже.

Но есть крестьянский слой, который внятно произносит свою политическую программу. Это зажиточное крестьянство, которое требует ликвидации коммунистической власти и диктатуры пролетариата, требует установления новой власти на основе буржуазной демократии. Партия правых социалистов-революционеров и крестьянский союз в Сибири являются организациями, выражающими интересы этого слоя. В этом же направлении работает мысль верхнего слоя крестьянства во многих других районах России. В этом отношении чрезвычайно любопытный разговор имел бывший председатель Курского губисполкома тов. Юренев с одной крестьянской делегацией. Делегаты, между прочим, так формулировали свои цели в текущем моменте: „Нас, крестьян, в России подавляющее большинство. Рабочий — это наш меньшой брат. Мы помереть с голоду ему не дадим, но куражиться над нами не позволим".

В этих немногих словах мы имеем целую политическую программу, сформулированную с гораздо бо́льшей определенностью и классовой правдой, чем все программы эс-эровских групп, с их интеллигентской якобы социалистической декламацией и туманом.

Когда рабочий класс осуществляет свою диктатуру, то, по мнению крепкого мужичка, это его младший брат „куражится". Он до сих пор позволял ему куражиться, потоиу что рабочий создал государство, создал из кресть-

янского песку и цементировал Красную армию; руководил защитой крестьянской земли от помещиков и капиталистов, отстоял независимость республики. Но теперь крепкий мужичок говорит рабочему: „довольно, спасибо за сделанное, дальше я сам буду управлять страной и ты под руку старшему брату не суйся". И зажиточному крестьянству рисуется такая обстановка: Российское крестьянское государство, в парламенте которого в небольшом меньшинстве слева разместилась партия „меньшого брата", партия коммунистов, господствующей партией является огромная эс-эровская крестьянская партия.

В крестьянском государстве пролетариат—это наемный рабочий крестьянского класса. Раньше этот рабочий работал на капиталиста. Теперь он работает на организованное крестьянство. Как в иных селах есть общественный кузнец, общественный мельник, содержащиеся за счет общества и работающие на него в качестве наемных рабочих,—так и рабочие России в целом работают на крестьянство, как на хозяина и заказчика, и вся промышленность в целом есть лишь расширенная кузница при всероссийской деревне.

Таковы мечты зажиточного крестьянства.

Эти мечты кажутся с первого взгляда реально обоснованными, если вспоминать о численном перевесе крестьянства над пролетариатом и о том, что бо̀льшая часть ценностей в стране создается пока не в промышленности, а в сельском хозяйстве. Но, как и всегда это бывает в политических построениях мещанства, в этом построении, учитывающем то, что есть перед глазами, не учтено соотношение сил в мировом масштабе и не видно никаких следов понимания всей той исторической эпохи, в которой мы живем.

В самом деле, еслиб зажиточному крестьянству удалось отбросить от власти пролетариат, что могло бы произойти лишь после ожесточенной гражданской войны и разгрома пролетариата, то перед победившей деревней встала бы задача организовать крестьянское государство и своими методами наладить промышленность. К чему это привело бы в России, окруженной со всех сторон капиталистическими странами?

Это привело бы неизбежно к тому, что после мелко-буржуазной контрреволюции к власти стала бы прокладывать путь крупная буржуазия, поддержанная финансовым капиталом извне. Именно эта буржуазия, а не крестьянство, приступила бы в городе к восстановлению промышленности на капиталистических началах и к ней бы неизбежно перешла политическая власть. В истории еще не было (и вероятно не будет) примера, что когда-либо и где-либо крестьянство совершенно самостоятельно могло бы создать государство и направлять политику страны, не являясь подсобной силой одного из городских классов; как самостоятельная сила, крестьянство могло лишь поднимать восстания, неизбежно подавлявшиеся другими классами, способными по своей социальной структуре к организации в государство. И лишь в союзе с тем или иным городским классом, лишь в роли его пехоты, его чернорабочей силы революции, крестьянству удавалось одерживать победы над своими классовыми врагами. Потерпев поражение в период крестьянских войн и восстаний, деревня лишь в союзе и под руководством городской буржуазии побеждает феодалов и освобождается от крепостного права и его остатков в эпоху буржуазных революций. Лишь в союзе с пролетариатом и под его руководством деревня побеждает буржуазно-помещичий блок в эпоху пролетарских революций, которые начались, и лишь в таком классовом сочетании может удержать в своих руках результаты победы. Где тот твердый стержень, господствующий над городом, имеющий корни в городе и собирающий вокруг себя разрозненные силы деревни, который мог бы быть к услугам крестьянской

демократии, если она пришибет позвоночник пролетариату? Какой класс может занять его место? Эс-эровская интеллегенция? Но она слишком ничтожна численно, дрябла в политическом и бессильна в экономическом отношении, чтоб могла заменить собой пролетариат. Остается другой класс, это остатки русской буржуазии с многочисленными прослойками средней и мелкой буржуазии и торгового капитала всяких рангов, поддержанные могучими капиталистическими трестами иностранных держав. Эта сила достаточна, чтобы возглавить мелко-буржуазную стихию, после того как будет срезана на следующем этапе контр-революции интеллигентская эс-эровская верхушка. Правда, все те народнические элементы, которые стремятся создать в России демократическую крестьянскую республику, убеждены в том, что крестьянство и интеллигенция представляют из себя между пролетариатом и буржуазией достаточно мощную третью силу, чтоб не допустить возвращения буржуазной власти. Но, как известно, результаты классовых битв в определенный период истории определяются тем соотношением реальных сил, которые складываются в конце боя, а не силой „убеждений" борющихся сторон в реальности своих программ в начале боя. Опыт Самарской учредилки, Сибирской областной думы, Кубанской Рады, опыт Венгрии и т. д. показал, что когда после победы пролетариата на сцене остются две силы: мелко-буржуазная демократия и буржуазия, то последняя побеждает с головокружительной быстротой. Так бы точно развернулись события и в России в случае падения Советской власти и Милюков победил бы Чернова не только потому, что все силы старого мира восстановили бы с чрезвычайной быстротой старые организационные скрепы и сгруппировались бы вокруг буржуазного центра, но и вследствие того, что иностранный капитал будет всегда поддерживать Милюкова против Чернова, а не наоборот. А именно за иностранным капиталом будет последнее решающее слово в конце боя.

Таким образом, если зажиточный курский мужичок хочет обуздать „меньшого брата" не для власти капитала, а для создания своей кулацкой крестьянской власти, а его идеолог Чернов строит для него теорию о третьей силе революции, то и иллюзии курского мужика и мещанские утопии Черновых в конечном счете есть лишь тот исторический навоз, который может приготовить более пышные всходы лишь для кадетской власти и облегчает быстрое превращение ныне независимой советской России в колонию иностранного капитала.

Таково было объективное содержание классовой борьбы в России к началу 1921 года. Уже осенью и зимой 1920 года коммунистическая партия совершенно ясно представляла себе те трудности, которые ожидают Советскую власть весной 1921 года, и ту приблизительную группировку сил мелко-буржуазной контр-революции, которая именно весной должна была усилить свой натиск на диктатуру пролетариата. Коммунисты не могли только знать, в каком месте с наибольшей силой прорвется мелко-буржуазная стихия и какая тактика будет усвоена противниками Советской власти.

Обычной формой борьбы с Советской властью со стороны мелко-буржуазной контр-революции была форма повстанческой партизанской борьбы, организация банд, разрушение ж.-д. связи, набеги на отдельные села и маленькие города. Весной 1921 года повстанческое движение усилилось и, например, в Сибири повстанцы сорганизовали довольно крупные силы и на две недели прервали сообщение этой окраины с центром. Точно так же усилилось повстанческое движение в Тамбовской, Воронежской, Саратовской губерниях. Если прибавить к этому Украйну, где бандитизм никогда не прекращался ни при каких правительствах на протяжении трех с половиной лет, то нам станет совершенно ясна социальная география повстан-

ческих районов. Совершенно спокоен Север и промышленный центр, т. е. губернии малохлебные, не производящие. Движение группируется в губерниях хлебных, с сильной прослойкой в крестьянской среде кулаческих элементов.

Кронштадтское восстание выдвинуло новую тактику, тактику нападения на Советскую власть под „левыми" лозунгами. Вместо Учредительного Собрания, которое сами матросы разогнали в свое время, за которое не могли политически выступить, были выброшены лозунги „настоящей" Советской власти, без коммунистов и без централизации, лозунги „вольных советов". Побывавшие в отпусках в деревне матросы принесли с собой во флот настроение крестьянского недовольства. Они получили таким образом заряд недовольства из того же самого источника, который питал и питает бандитское повстанческое движение, выступающее в большинстве под лозунгом Учредительного Собрания и уничтожения Советов. Перед нами таким образом вариант в словах, речах, лозунгах, но то же самое социально-классовое содержание движения, ведущее к тем же самым объективным последствиям, т.-е. к свержению Советской власти и к приходу через мелко-буржуазный мостик капиталистической власти. Лозунги восставшей части матросов рассчитаны лишь на другую, не на кулацкую среду, а на среду деклассированной части пролетариата и тех групп рабочих, которые находятся в связи с деревней и под влиянием деревенских настроений.

Коммунистическая партия ни минуты не сомневалась в определении своего отношения к этому новому варианту мелко-буржуазной контрреволюции и, начав усиленную кампанию разоблачения мятежников с политической стороны, одновременно рядом быстро проведенных военных мероприятий покончила с восставшей крепостью. В первой части работы нашей партии очень сильно помогли наши противники с Милюковым во главе, которые аплодировали кронштадтцам, начали в лице торгово-промышленных и прочих организаций сбор пожертвований в пользу защитников их дела и тем разоблачили перед трудящимися массами классовую основу мятежа.

Каковы же перспективы?

Стоящие у власти коммунисты в отличие от якобинцев Великой французской революции, не понимавших объективных целей того движения, которое их выплеснуло на верх революционной волны, отдают себе совершенно ясный отчет в обстановке своего сегоднешнего и завтрашнего дня. Будет что-либо одно из двух. Или мелко-буржуазные силы крестьянства, поблагодарив коммунистов за их великую работу, которую они выполнили и которая была не по плечу раздробленным силам крестьянства, т.-е. работу по ликвидации помещичьей власти по защите земли и вообще по обороне страны от внешнего нападения, скажут им: «вы сделали свое дело, можете уходить» и заставят их уйти в результате новой гражданской войны. Либо, наоборот, коммунисты, сделав необходимые и возможные уступки большинству крестьянства, изолируют его контр-революционное зажиточное и кулацкое меньшинство, разобьют его военными межами и удержатся у власти, опираясь на тот же самый блок, который сложился в октябре, за вычетом из него явно непримиримых кулацких и повстанческих элементов.

К концу апреля месяца 1921 года ситуация определенно сказывается в пользу второго варианта.

Отмена разверстки на продукты и введение вместо нее натурального налога оказала огромное влияние на крестьянство и снова сблизило его недовольные элементы с Советской властью. Изданием соответствующего декрета начался в сущности пересмотр тех условий, на которых участвовал в гражданской войне блок рабочих с крестьянами,—тех условий, которые

после окончания войны чувствовались как чрезмерно тягостные крестьянством и именно вследствие окончания войны могли быть изменены без особых потрясений в системе социалистического распределения. Но отмена разверстки вызывалась и другими причинами, прежде всего необходимостью увеличить посевную площадь по инициативе и желанию самих крестьян.

На 1921 г. вместо разверстки в 423 миллиона зерна назначено в виде продналога получить 240 миллионов, вместо 110 миллионов пудов картофеля 60 миллионов, вместо 24 миллионов масличных семян 12 миллионов—уменьшение почти вдвое. Спрашивается, как может позволить себе нищее социалистическое государство с систематически недоедающим пролетариатом такую роскошь?

Вот вкратце ответ:

1) Окончание войны не требует брать продукты из деревни во что бы то ни стало, как можно скорей и хотя бы без всякого возмещения. Теперь возможно гораздо более точный учет крестьянских доходов и необходимой суммы обложения.

2) Демобилизация более половины Красной армии, снимаемой с государственного довольствия.

3) Прорыв блокады и возможность благодаря торговле с заграницей увеличить товарный фонд для обмены на хлеб.

4) Хотя и медленное, но несомненное увеличение производства продуктов на русских фабриках, позволяющее увеличить обменный товарный фонд.

Если в 1921 году Советская власть соберет весь продналог и извлечет путем товарообмена до 60 миллионов пудов хлеба из деревни, то это при условии мира дает возможность не только прокормить наличный пролетариат, но и иметь запас продовольствия для расширения промышленности и топливных заготовок.

Но важнейшим экономическим следствием отмены разверстки должно быть увеличение земледельческого производства, потому что теперь каждый хозяин, имея возможность по внесении налога свободно сбывать свои продукты, получает сильнейший толчек к расширению посева, какового стимула у него не было при разверстке, отбиравшей у него почти без всякого возмещения все излишки производства.

Заграницей изменение экономической политики Советской власти по отношению к крестьянству буржуазная печать толкует как отказ от коммунизма и переход к капитализму. На это мы, перефразируя русскую пословицу, можем сказать: чем бы буржуазные правительства ни тешились, лишь бы не делали интервенций и вели им же выгодную торговлю с нами. Удивляться и спрашивать нас надо не о том, как совместить коммунистическое строительство с отменой разверстки, а о том, как могла рабочая власть в крестьянской стране проводить эти годы разверстку с такой решительностью и твердостью, как это было до сих пор и каким образом ей удалось три года вести социалистическую войну за счет, главным образом, мелкого производства.

Это последнее удивление было бы гораздо более умным удивлением, гораздо более похожим на то удивление, из которого по Платону родится истина. Тому, кто, проникшись таким удивлением, попытался бы дать себе удовлетворительный ответ на поставленный вопрос, стало бы тогда ясно, как глубоки корни октябрьской революции не только в городе, но и в русской деревне и как легкомысленны надежды белогвардейцев поднять против Советской власти большинство крестьянства. Если же теперь, с окончанием войны, мелкое хозяйство будет отдавать для социалистического хозяйства лишь часть того, что оно отдавало для социалистической войны и военной промышленности, то это отнюдь не изменяет основы взаи-

моотношений между крупным социалистическим и мелким индивидуальным хозяйством. Не мелкое хозяйство будет усиливаться за счет крупного, а, наоборот, крупное за счет мелкого, только темп этого развития будет несколько более медленным. Но это отнюдь не значит, что крупная промышленность в абсолютных цифрах получит меньше от мелкого производства и более медленно будет развиваться, чем в период войны. В самом деле, если принять, что крестьянство дало государству по всем видам разверстки на продукты сельского хозяйства в 1920 году на 450 миллионов золотых рублей, считая по двойным ценам (эта цифра по моим вычислениям очень близка к реальной), если на 80 миллионов крестьянство получило продуктов от государства и таким образом без возмещения государство получило продуктов на 370 миллионов, то при отмене разверстки государство получит в виде частного дохода лишь то, что дает продналог [1]). Делая поправку на недобор некоторого количества налога, государство получит в 1921 г., вероятно, миллионов на 100 меньше, т.-е., примерно, на 270 миллионов продуктов. Доля получаемого государством, а следовательно, и промышленностью этого государства, будет на 100 миллионов меньше. Но это уменьшение не ухудшает положения социалистической части промышленности и земледелия, потому что одновременно с этим уменьшением еще на большую сумму сокращается расход государства на войну и на содержание той части армии, которая будет демобилизована в 1921 году. Если предположим, что сокращение расходов государства на армию будет равно самой минимальной цифре в 150—170 миллионов, что соответствует приблизительно стоимости содержания демобилизуемых с их теперешним пайком и снабжением обувью и одеждой, то и тогда, за вычетом названных 100 миллионов, излишек от экономии, который должен быть употреблен на восстановление промышленности, будет в 50—70 миллионов. В целом дело можно представить себе тамик образом, что Советская власть, получая сокращение расходов на войну на определенную сумму, делится этой суммой с крестьянством, получая в результате не уменьшение, а увеличение доходов на восстановление промышленности. Реально, вероятно, и этот доход государства будет больше указанного и сокращение крестьянских жертв на войну будет значительно больше, вследствие возвращения к мирному труду огромного количества работников, увеличения посевной площади, и благодаря прекращению военных реквизиций в местах прохождения фронта.

Если же мы вспомним о том, что наша промышленность находится в стадии хотя и медленного, но несомненного подъема, что развал в огромном большинстве отраслей приостановился в первой половине 1920 года и во вторую половину 1920 года мы имели значительное улучшение в ряде отраслей, что частичные кризисы, вызванные открытием ряда новых заводов при недостаточных запасах топлива, и их временное закрытие не меняют общей картины, что основа промышленности—топливо и его добыча—увеличивается неуклонно и по углю, и по нефти, и по торфу, и по дровам, то опасение за судьбу социалистического хозяйства при системе продналога и частной свободы торговли совершенно неосновательно.

Это не значит, разумеется, что при новом курсе политики, которую можно назвать политикой некоторого экономического либерализма в отношении к мелкому производству, не будет известных затруднений, если не сказать опасностей. Свобода торговли естественно ведет к увеличению удельного веса мелкого торгового капитала и кустарной промышленности,

---

[1]) Дохода от выпуска бумажных денег я не касался здесь вовсе, предполагая, что в этой области все остается по-старому. А как реально здесь обстоит дело, см. мою брошюру «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», IV и V главы.

к более интенсивному накоплению, к ослаблению зависимости всех работников от государства, ведет к попыткам части рабочих улизнуть с крупных государственных заводов в ремесло, дающее бо́льшие заработки и т. д. Мы убеждены, однако, что мелкое товарное хозяйство будет не в силах ни в экономическом, ни в политическом отношениях поколебать мощи социалистического государства и его крупной индустрии, несмотря на отдушину, которая для него делается. Сроки и материальные возможности для развития из мелкого хозяйства если не крупной, то, по крайней мере, средней промышленности, слишком ничтожны, тогда как возможности прогресса социалистической промышленности несравненно более широки. Во всяком случае пока власть находится в руках пролетариата, он будет иметь полную возможность срезать те капиталистические наросты, которые будут образовываться на территории несоциалистического производства и распределения. Не даром поэтому все верхушечные слои мелкой буржуазии из деревенского кулачества, крупных кустарей и торговых спекулянтов, выставлявшие свои кандидатуры на экономические посты Гучковых и Рябушинских, ставят первым пунктом своего порядка дня в классовой борьбе ликвидацию Советской власти. Пока эти слои находятся в железной узде пролетарского государства, а их политические идеологи вроде „социалиста“ Чернова, в компании с белогвардейской эмиграцией занимаются тем, что распаковывают чемоданы после каждого очередного поражения,—ни о какой серьезной опасности возрождения настоящего капитализма в России не может быть речи.

Резюмируем. Программа наших врагов, т.-е. мирового капитализма и его российских приказчиков, такова: сначала двинуть в бой против Советской власти мелко-буржуазную массу под лозунгами или архи-левыми, или во всяком случае не обещающими ниспровержения системы советов. Когда первый натиск окажется удачным и пролетариат, в лице своего коммунистического авангарда, выведется из строя, начинается борьба внутри самого антибольшевистского блока, и правые эс-эры в союзе с кадетами разбивают свою левую оппозицию, т.-е. анархических и лево-эс-эровских крикунов.

Наконец, в последней фазе господа Милюковы дают пинка Черновым и при поддержке иностранного капитала организуют национальное правительство в духе Колчака, Деникина, Хорти, Скоропадского, обращая страну в колонию одного из капиталистических трестов. Короче говоря программа такова: Сначала вместо советов с большинством коммунистов советы без коммунистов, потом Учредительное Собрание без Советов. Потом правительство Врангеля—Милюкова без Учредительного Собрания.

Программа Российской Коммунистической Партии такова. Путем пересмотра условий боевого блока рабочих и крестьян в духе уступок среднему крестьянству и уменьшения его тягот опереться в деревне на большинство среднего крестьянства, которое принципиально не против Советской власти, а недовольно слишком большими жертвами, которые падали на него и стали особенно чувствительными и менее понятными крестьянам после окончания войны. Изоляция среднего крестьянства от кулацких верхов.

Искоренение партизанских банд, рекрутируемых из этих верхов.

Решительная борьба со всеми попытками контр-революции завоевать советы без коммунистов.

И, наконец, основная положительная часть программы состоит в том, чтоб неуклонно укреплять, расширять, усовершенствовать крупную соци-

алистическую индустрию, сосредоточив на этой работе все материальные и живые силы республики.

Разумеется, если в Европе или в части Европы победит в ближайшее время пролетарская революция, это кроме хозяйственной помощи от рабочих Запада приведет к коренному изменению соотношения сил и внутри России и обеспечит ее социалистическому хозяйству несравненно более быстрый темп развития, чем теперь, когда вся республика в международном масштабе находится как остров в капиталистическом окружении, а внутри этого острова социалистическое хозяйство и диктатура пролетариата находятся в окружении мелко-буржуазной стихии.

А. Преображенский.

После Кронштадта.

Побежденные термидорианцы. — Петербургское совещание. — Московские выборы. — Голод и революция. — Кто победит?

I.

Кронштадтское восстание должно было послужить началом термидорианской реакции в России. Между удачным переворотом 9-го термидора 1794 года и неудачным восстанием 2-го марта 1921 года так много сходных поучительных черт, что сопоставить эти два исторических акта совершенно необходимо.

Против правительства Робеспьера в 1794 году поднялась лево-правая коалиция. В заговоре участвовали: дантонисты (правые), якобинцы Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенн (левые), жирондисты (крайне правые), шометисты и гебертисты (крайне левые). Эти партийные заговорщики находились в союзе и опирались на „Болото", т.-е. на „беспартийную" часть конвента Великой французской революции.

Точно такую же группировку течений имеем мы в Кронштадтском мятеже. Здесь на глазах у всего мира против Советской власти объединились: эс-эры и меньшевики (правые), левые эс-эры и максималисты („левые"), кадеты и монархисты (крайне правые), анархисты („крайне левые"). Эти партийные ненавистники Советской власти находились в союзе с „беспартийными" ненавистниками пролетарской республики.

Термидорианцы говорили, а некоторые из них даже думали, что они совершают новую революцию. Их лозунгом было: „Долой тиранию! Долой диктатуру якобинцев!".

Кронштадтские мятежники говорили, а некоторые из них возможно даже думали, что они совершают новую, третью революцию. Их лозунгом было: „Долой тиранию! Долой диктатуру партии коммунистов!".

Термидорианский переворот был произведен лево-правой коалицией. Но на другой же день после победы правая взяла верх и начала ликвидацию революции.

Кронштадтским мятежникам не удалось одержать губительной для революции победы. Но еще в процессе борьбы, явно для всех, правые белогвардейцы начали брать верх над „левыми" болтунами. Если бы мятежный Кронштадт победил — кто стоял бы сейчас у власти? „Беспартийный" Петриченко? Конечно, нет! Власть перешла бы сначала

в руки Чернова-Керенского-Милюкова, а затем она постепенно стала бы передвигаться направо. Только сдвинуть революционную власть с места, только свалить ее,—дальше государственная машина быстро покатится назад. Меньшевистско-эс-эровским банкротам революции никогда не удержать власть в своих руках. Не имея опоры налево, они сами станут добычей правой реакции.

Почему победили термидорианцы французской буржуазной революции? Почему потерпели поражение термидорианцы русской пролетарской революции?

Правительство Робеспьера, опиравшееся на поддержку парижской бедноты, не только не пошло навстречу нуждам этой бедноты, но на законнейшие требования экономического характера ответило тем, что обезглавило ее вождей. Облегчить страдания парижских рабочих и мелкой буржуазии можно было лишь за счет крупной и средней буржуазии. Робеспьер на это не пошел, и лишился своей главной опоры. Буржуазия для него опорой не могла служить—он был слишком левым для нее. Буржуазия ждала момента, когда будет устранен с арены красный „диктатор", чтобы самой взять власть в руки. Этот момент наступил 9 термидора.

Кронштадтские мятежники потерпели поражение, первый натиск термидорианской реакции был отражен потому, что российская революционная власть и руководящая партия пролетарской республики имеют твердую опору в рабочем классе, в городской и сельской бедноте.

Кронштадтские события сопровождались в некоторых случаях обострением отношений между массами и властью. Белая гвардия хотела обострение превратить в разрыв, разрыв—в войну.

Эс-эро-меньшевистская, кадетско-анархическая коалиция работала над тем, чтобы изолировать власть и правящую партию. Изоляция не удалась. Наоборот, Кронштадт отрезвил, открыл глаза массам. Они поняли, что на карту поставлена судьба революции. Они увидели, что в „домашний", братский спор между массой и ее авангардом вмешались „чужаки", вмешались враги, желающие использовать недоразумение. В результате произошла не изоляция, а еще большее сближение между властью и массой.

II.

17 марта был ликвидирован белый Кронштадт. А две недели спустя в Петербурге началась кампания по выборам в общегородское совещание рабочих. Совещание созывал губпрофсовет. Он выработал и предложил на обсуждение рабочим подробнейший наказ, который охватывал все стороны рабочей жизни и труда. На местах наказ подвергался тройному обсуждению: на открытом заседании ячейки в присутствии беспартийных, на совместном заседании ячейки и делегатского собрания, наконец, на общем собрании рабочих данного предприятия. Выборы на совещание вызвали огромный интерес. Рабочие и работницы проявили удивительно серьезное, вдумчивое, внимательное отношение к вопросу. В первом обращении совещания к рабочим, работницам и крестьянам всей России говорится: „На собраниях перебывал весь рабочий Петербург. На громадном большинстве всех фабрик и заводов принят один наказ, одобренный петербургским советом профсоюзов. Десятки и сотни тысяч рабочих и работниц Петербурга участвовали в избрании делегатов на нынешнее наше совещание".

И представители этих десятков и сотен тысяч трудящихся в своем подавляющем большинстве пошли с коммунистической партией, несмотря на то, что на совещании меньшевики и эс-эры проявили большую энергию, чтобы перетянуть беспартийную рабочую массу на свою сторону.

С первых же минут открытия совещания начались „бури". Еще до выбора президиума оппозиция начала яростные атаки. Весь этот авансовый шум имел целью мобилизацию „общественного мнения" в пользу оппозиции. Однако, совещание отнеслось отрицательно к дезорганизаторской работе г.г. эс-эров и меньшевиков.

Президиум избирается по списку, предложенному губпрофсоветом. Утверждается предложенный им же порядок дня. О международном и внутреннем положении и о задачах рабочего класса с докладом выступает т. Зиновьев. Он рисует положение современной Европы, говорит о результатах войны, останавливается на роли различных партий, при чем целиком оглашает переданную в президиум меньшевистскую листовку, основной смысл которой сводится к следующему: большевики вам предлагают говорить о бане, — мы, меньшевики, предлагаем вам говорить о политике...

Два дня продолжались дебаты по докладу т. Зиновьева. Говорили — и очень много — меньшевики. Говорили „беспартийные" эс-эры и кадеты. Говорили просто беспартийные рабочие. В результате — яркая резолюция докладчика, одобряющая всю политику Советской власти, подчеркивающая необходимость самой тесной связи между передовыми беспартийными рабочими и коммунистами, принимается почти единогласно, против ничтожной кучки соглашательских штрейкбрехеров революции, при общем энтузиазме.

Совещание продолжалось 10 дней. В пленарных заседаниях оно заслушало доклады об улучшении быта рабочих и о продовольственном вопросе. Главная работа сосредоточилась в секциях. Их было образовано восемь: 1) секция снабжения рабочих и улучшения их быта, 2) секция соц. обеспечения и воспитания, 3) тарифа, натурпремирования и трудового пайка, 4) постановки товарообмена рабочих организаций с крестьянством, 5) секция земельно-огородная, 6) секция о жилищах и топливе для рабочих, 7) секция по участию рабочих в советском строительстве, 8) секция по организации петербургской промышленности.

Постановления секций, одобренные пленумом, были затем утверждены Петербургским Советом. По предложению губисполкома, совещание делегировало в губисполком для постоянной работы 5 рабочих. 10% совещания было выделено для несения ответственной работы в центральных и районных учреждениях Петербурга.

Одновременно в Петербурге происходило совещание крестьян — представителей уездных, волостных и сельских советов Петербургской губернии. Совещание прошло под знаком дружной совместной работы рабочих и крестьян на трудовом фронте, под руководством Советской власти. Представители крестьянского совещания явились на рабочее совещание и приветствовали его при бурных рукоплесканиях и восторженных кликах огромного пролетарского собрания.

Каковы результаты петербургского рабочего совещания? Эс-эры строили замечательные планы: они хотели превратить совещание... в „беспартийный совет" и взять от его имени власть в свои руки. Начали они с того, что предлагали рабочим образовать „беспартийную фракцию". Но рабочие высмеяли этих „беспартийных" глашатаев „беспартийной партии". Члены совещания занимались делом. Меньшевики уговаривали их: занимайтесь „политикой", плюньте на баню, — иными словами: свергайте Советскую власть, отложив на будущее заботы о нуждах сего-

дняшнего дня. Рабочие на это ответили: политический вопрос для нас решен: у нас есть своя власть и вместе с ней хотим работать. Рабочие не противопоставили себя своей власти, как того добивались эс-эры и меньшевики. Они не отдалились, а сблизились со своим авангардом. Масса недоразумений и неясностей была разъяснена, масса ошибок была исправлена. И масса, и партия из совещания вышли усиленными, укрепленными. Ибо ведь их сила и крепость—во взаимном понимании, взаимной связи, общей согласованной работе...

Какая правящая партия в мире подходила когда-либо так близко к своему классу, прислушивалась так внимательно к его голосу! Министры, члены партии эс-эров, бросали в тюрьмы крестьян за то, что они выполняли эс-эровскую аграрную программу. Министры-меньшевики разоружали, усмиряли, бросали рабочий класс под ноги буржуазии. Мировая социал-демократия в том только и полагает смысл своего существования, чтобы держать пролетариат привязанным к капиталистической тачке кровавыми цепями... Термидорианцы XX века могут обмануть тот или иной отряд пролетариата, но оторвать рабочий класс от стоящей у власти коммунистической парти они не смогут никогда! Вот почему им обеспечено позорное поражение в той предательской борьбе, которую они не прекращают.

III.

Если петербургское совещание имело по преимуществу „деловой" практически-организационный характер, то выборы в Московский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов являлись, прежде всего, актом политическим. Выбирая в Совет, трудовая Москва избирала власть, голосовала за ту или иную систему правления. При самой для нас неблагоприятной обстановке, когда продовольственный вопрос стал обостряться, мы поставили трудящимся вопрос: Кому вы доверяете? Кого вы хотите видеть у власти?

Перед избирателем предстала вся кронштадтская термидорианская коалиция. Меньшевики, эс-эры, анархисты, левые эс-эры,—все они по основным вопросам говорили одно и то же: Прекратите „партийную диктатуру"! Уничтожьте органы самозащиты революции (чека, трибуналы)! Перед лицом восстаний и заговоров белой гвардии—разоружайте революцию!

Какой ответ дала трудовая Москва? Из 2.100 депутатов весь термидорианский „лево"-правый блок имеет 28 депутатов. Меньшевики, эс-эры, анархисты, левые эс-эры—все они вместе составляют в Совете 1,36%. Самая „крупная" оппозиционная фракция меньшевиков насчитывает 13 членов, что́ составляет не многим более полпроцента. Эс-эры имеют один мандат, левые эс-эры—6 мандатов.

Сильно представлены в новом Совете беспартийные,—их 530 чел., что́ составляет 25% всего Совета. Но беспартийные—не фракция, не партия, не „оппозиция". В своем подавляющем большинстве беспартийные идут за коммунистической партией. Они не противопоставляют себя существующей власти, они не подходят к ней как к чуждой, враждебной силе. Беспартийные рабочие и служащие вместе с коммунистами впряглись в общую трудную работу, вместе с коммунистами взяли на себя ряд ответственных практических задач.

Коммунисты составляют в новом Совете 72%. Подавляющее большинство трудящихся Москвы, когда перед ними встал основной поли-

тический вопрос о власти, выразило полное доверие коммунистической партии. Другой своей партии у трудящихся нет и не может быть!

Петербургское совещание и московские выборы говорят о том, что попытка контр-революции изолировать партию и власть, а затем свалить ее, не удалась. Меньшевики и эс-эры могут конечно, шуметь о том, что они не имели „свободы выборов". Они имели полную свободу устной агитации. Они провели тринадцать депутатов на две с лишним тысячи. И малому ребенку известно, что партия, за которою идут массы, может одержать относительный успех даже при самых неблагоприятных условиях. Наша партия проводила в царскую думу депутатов при чудовищно-тяжелых условиях... Меньшевики и эс-эры потерпели позорное поражение на московских выборах потому, что массы против них. Голодный рабочий, когда он хочет „сорвать злобу", „досадить" большевикам, готов иногда слушать даже эс-эров и меньшевиков, но никакого решительно доверия к ним он не питает... Изолированной оказалась не партия революции, а „лево"-правая коалиция контр-революции.

IV.

Но эс-эрам и меньшевикам помогает голод. Правда, это помощник мало подходящий. Но что делать, если лучшего нет? В стране продовольственное положение обостряется,—как этим не воспользоваться в борьбе с Советской властью?

В Кронштадте мы отбили первый натиск, первую волну термидорианской реакции. Хлеба мало в стране, до нового урожая нам предстоят серьезные продовольственные затруднения. Этими затруднениями наши враги систематически будут пользоваться. Их не интересует разрешение хлебного вопроса. Они мечтают о разрушении Советской власти. Борьба продолжается.

Мы безусловно победим в этой борьбе потому, что у нас имеется могучая, сплоченная, закаленная в боях, сила—наша партия. Спорные вопросы между старым и новым миром решает она. Наше великое преимущество перед руководителями прежних революций заключается в том, что мы несравненно лучше организованы и дисциплинированы.

Якобинцы шли от единения к расколам, к расщеплению, взаимоистреблению. Наша партия от расколов и расщепления пришла к единству. Укрепим это единство, сохраним нерушимую сплоченность основных элементов партии, и революция преодолеет все препятствия! Это—основной вопрос, и он решен положительно. Решения Десятого Съезда партии имеют такое же—если не бо̀льшее - значение как победа над мятежным Кронштадтом.

Якобинцы представляли далеко расходящиеся интересы различных слоев мелкой, отчасти даже средней, буржуазии, интеллигенции и рабочего класса. Этим объяснялась невозможность для якобинцев создать единую сплоченную партию, которая смогла бы удержать знамя революции не только перед внешними, но и перед внутренними врагами. Партия коммунистов представляет интересы единого пролетарского класса. В этом классе имеются различные слои, более передовые и менее передовые, сохранившие бо̀льшую или меньшую связь с деревней и т. д. Наличность различных слоев в рабочем классе может объяснить и оправдать разномыслие в партии по второстепенным вопросам. Но наличность такого рода разномыслия ни в коем случае не может, не должна нарушать организационного единства партии, представляющей интересы рабочего класса в целом

А наши враги? Что объединяет „лево"-правую коалицию? Одна только ненависть против пролетарской революции. На другой же день после победы члены этой бесчестной коалиции восстали бы друг против друга. Как долго, например, мог бы держаться союз между анархистами и эс-эрами (центра), если бы исчезла Советская власть? Если анархистам „тесно" при Советской власти, то им было, ведь, еще теснее при Керенском! Но возьмем отдельные составные части русской термидорианской коалиции. Эс-эры, даже после бесчисленных расколов и отколов, разбиты на бесчисленные фракции и группы. Партия меньшевиков, которая продолжает расползаться, разбита на три почти самостоятельные группы. Левые эс-эры разбиты на две „партии". Анархисты делятся по крайней мере на десять „течений" и групп.

Против этой разношерстной, беспринципной, оторванной от массы, растерявшей свои принципы и программу, растрепанной, разлагающейся коалиции стоит единая, 700-тысячная коммунистическая армия, со стойким „командным составом", с великолепным „главным штабом", прочно связанная с „тылом" и „глубокими резервами".

Пусть, кто хочет, смотрит уныло на грядущее! В нас нет ни тени сомнений! Мы будем бить наших врагов так же, как били их не раз!

Ил. Вардин.

Иностранное обозрение.

Производственные и социально-политические предпосылки забастовки английских углекопов.

Историю забастовок, локаутов и классовых конфликтов крупного масштаба можно изучать двояким способом: 1) с точки зрения внешнего драматизма разворачивающихся событий, их непосредственных причин и роли в них тех или иных исторических персонажей, 2) с точки зрения тех социальных двигателей, которые вызывают к жизни рассматриваемый конфликт и делают его более или менее ярким показателем социальных тенденций переживаемого момента.

Если рассматривать два последних конфликта между английскими углекопами и копевладельцами—октябрьскую забастовку и нынешний локаут—с этой точки зрения и изучить материал, характеризующий внутренние социальные пружины этих невиданных по размаху схваток между трудом и капиталом, то придется сделать два чрезвычайно важных вывода:

1. Конфликты эти были не только борьбой рабочих за абсолютное и относительное повышение заработной платы в первый раз и за недопущение понижения ее во второй раз, но прежде всего борьбой рабочих за организованность хозяйства, в частности, за объединение всех угольных копей страны в единую целостно-организованную отрасль хозяйства, допускающую максимальный технический и экономический прогресс. Борьба правительства против углекопов была не только отстаиваньем права кучки капиталистов на бесконтрольное „делание барышей", но прежде всего борьбой кучки авантюристов, стоящих у власти, за право отдельных капиталистов бесконтрольно управлять своими предприятиями, какова бы ни была техническая отсталость их и к какой бы колоссальной государственной невыгоде такая анархичность ни приводила.

И потому:

2. Конфликты эти занесены на одной из последних страниц истории английского капитализма.

Второй вывод вытекает из первого. Он есть его логическое дополнение. Доказать, что нынешнее правительство Англии не способно стать на точку зрения государственного технически-прогрессивного капитализма, доказать, что на государственной точке зрения стоят рабочие, а не правительствующие представители капитала, это значит выявить тенденцию момента: английский капитализм не способен на серьезную самозащиту социального порядка, он становится технически ре-

грессивным, теряет силу своих организационных связей и дни его сочтены, даже если он и повелевает пока что силой оружия. И когда историк, который захочет оценить социальную роль и значение этих конфликтов, заглянет не в газетные отчеты, а в статьи серьезных английских журналов и в книги и технические материалы, посвященные этому вопросу, он будет поражен той ясностью и отчетливостью, с которой сколько-нибудь серьезные наблюдатели характеризовали создавшееся положение на арене классовой борьбы в Англии.

Анархия капиталистического производства начинается под землей. Об этом красноречиво свидетельствуют показания „земельного комитета", рассматривавшего положение угольной промышленности Англии и опирающегося на данные „геологического обзора". Показаний этих очень много и все они один за другим выявляют объективную невозможность рациональной эксплоатации копей при частной собственности. Приведем из них только две вводных, намечающих общее направление, аргументации:

1. В некоторых случаях собственники останавливали развитие предприятий по причинам либо совершенно неосновательным, либо, может быть, и имеющим основание с точки зрения собственника, но противоречащим интересам науки.

2. У собственников копей не было общего плана развития угольной промышленности, основанного на научном изучении геологических условий земных недр, рассматриваемых в их совокупности. Исключение составляли лишь отдельные случаи, когда собственник руководил разработкой достаточно большого пространства и либо сам обладал при этом соответствующей мудростью и широтой предвиденья, либо имел помощников, наделенных соответствующими качествами.

Полный перечень всех геологических аргументов в пользу национализации копей представляет документ исключительного интереса как для теоретика, так и для практика социальной борьбы.

Не лишены интереса и выводы специальной угольной комиссии под председательством судьи Сакки, требовавшей национализации копей и прекращения спорадического предпринимательства из технико-экономических соображений. За это с ней обошлись, по выражению журнала „Nation", „так, как будто она была прислана из Москвы". На эти выводы мы находим также любопытные ссылки на страницах этого органа радикальной интеллигенции:

„В требованиях рабочих превратить угольные копи в единое, целостное хозяйство, писал этот журнал еще во время осенней забастовки углекопов, — нет ничего произвольного, утопического или бессвязного. Разорительность теперешней системы, доказанная чрезвычайно серьезными экспертами, выступавшими перед комиссией Сакки, может быть устранена только в порядке таких преобразований. Но что ответило на это правительство? Оно проповедует еще с бо́льшим пылом, чем обычно, священную неприкосновенность спорадического предпринимательства и частных прибылей...

„Какое несчастие, неисчислимое по своим последствиям, что в момент назревания такого крупного кризиса во главе страны стоит кучка министров, более беспринципных, чем все беспринципные министры, побывавшие у власти в течение последних поколений. Наступили дни авантюристов... Черчилль готов служить под каким угодно знаменем, лишь бы оно предоставляло ему возможность сделать карьеру. Ллойд-Джордж рассматривает каждый кризис с точки зрения избирательного политиканства и в его руках парламентская система делается ареной

для особого рода политических шарлатанов, обладающих нарочитым талантом беззастенчивости...

„Укрепить всемогущество частных интересов в ответ на требование введения более демократической системы организации промышленности—такова отныне важнейшаи цель правительства Ллойд-Джорджа... Ясно, что парламентская демократия потерпела фиаско и что ящик, куда опускали избирательные записки, оказался слишком медленным и запоздалым средством социальных преобразований...

„Исход, который предлагают рабочие, есть исход в интересах всей нации. Как организовать и контролировать угольную индустрию, которая управляется теперь самым нерациональным путем? У углекопов есть определенная политика: они хотят, чтобы все копи составляли часть единой системы и чтобы угольная промышленность была превращена в отрасль общественного хозяйства. Ответ правительства на это требование был открыто беззастенчивым и определенно провокаторским..."

Таковы показания научно-технической интеллигенции, отнюдь не социалистической, но неподкупленной правительством. Конечно, „объективность" ее показаний тоже условная и отнюдь не вне-классовая. Здесь приходится скорее видеть ярких выразителей технически-прогрессивно-государственного капитализма, если Англия в состоянии перейти к таковому. Это—голос интеллигенции, толкающий буржуазию к тем высшим формам ее господства, при которых капитализм сможет справиться хоть отчасти с вопиющей остротой своих противоречий и приобрести бо̀льшую внутреннюю устойчивость, чем в данный момент. Однако, правящие круги буржуазии упорно стоят, как мы видели, за сохранение анархического капитализма, пытаясь победить социальную неустойчивость политическим насилием. Единственным активным борцом за ближайшую высшую ступень организованности является пролетариат. Его политическое сознание далеко еще не достаточно созрело, но его производственное сознание выкристаллизовалось уже довольно определенно.

Участники социальной битвы, углекопы, в своей борьбе за жизненный уровень стояли и стоят на чисто-производственной, коллективистической точке зрения. Защита классовых интересов рабочих органически слита с производственной идеологией. Капиталисты, отстаивающие свое право на хищнические барыши, отказываются от точки зрения технически-прогрессивного капитализма и защищают свои потребительские интересы вопреки интересам производства в целом.

Объективное положение вещей, как его констатируют техники и экономисты, таково: оборудование копей сильно износилось и давно не не возобновлялось, благодаря чему относительно повышается затрата человеческого труда и падает средняя добыча на душу. Этому же обстоятельству способствует и нерациональная разработка пластов, благодаря которой в некоторых копях разрабатываются только очень тонкие пласты, а в других не использовываются новые. Все это вместе делает объективно убыточным самое производство в целом. Оно теряет характер промышленности передовой капиталистической страны и делается все больше и больше похожим на предприятия примитивного хищнического капитализма. Прибыли не перестают, однако, расти, как мы увидим ниже.

Каков же выход из положения? Рабочие видят этот выход: 1) в национализации копей, 2) в затрате государством достаточных средств на техническое оборудование копей и научную обработку их и 3) в эксплоатации угольных копей, как целостного хозяйства.

„Рабочие научились,—пишет секретарь федерации углекопов, Франк Ходжес,—рассматривать промышленность как единое целое... Рабочие знают, что они не в силах повысить в достаточной мере производительность каждой единицы затрачиваемого труда и, таким образом, понизить стоимость производства, а следовательно, и цены, ибо возрастание производительности на каждую единицу труда требует усилий и предпринимателей и рабочих, а со стороны предпринимателей это усилие должно выразиться в улучшении техники“.

Это было написано на страницах „Times'a“, когда последний предложил Ходжесу высказаться на своих столбцах в начале конфликта. В своей же книге, посвященной национализации копей, Ходжес определенно доказывает, ссылаясь на показания многочисленных экспертов, что самое улучшение техники возможно только при национализации копей.

На фоне этих основных производственных требований становятся понятны и конкретные требования момента. Это не только требования повышения или недопущение понижения заработной платы, это также и требования производственной возможности такой оплаты.

Уже во время осенней забастовки федерацией углекопов был сделан следующий расчет: требуемая ими (тогда) прибавка к заработной плате обойдется в общем и целом в 27 миллионов фунтов, требуемая же ими (тогда же) отмена введенной правительством надбавки цен на уголь составит 36 миллионов фунтов. И все же при огосударствлении копей правительство, несмотря на этот минус в 63 миллиона, получит доход в 3 миллиона фунтов.

Это была аргументация, развиваемая рабочими при требовании ими повышения заработной платы. Теперь же, когда им приходится отстаивать себя от выдвигаемого собственниками копей требования понижения заработной платы, их аргументация приняла иной конкретный облик.

Помимо требования, касающегося абсолютной высоты заработной платы, выдвигаются еще два требования: национального тарифа, вместо местных тарифов, на которых настаивают владельцы,—и национального взаимного страхования копей таким образом, чтобы лучше оборудованные и более доходные предприятия поддерживали более слабые и менее доходные и обеспечивали бы им тем самым возможность оплачивать рабочих по принятому единому для всей страны тарифу.

Остановимся на каждом из этих требований.

Во-первых, об абсолютной высоте заработной платы. Предлагая сбавку ее, копевладельцы утверждают, что при нынешнем кризисе исход лежит только в понижении заработной платы. Между тем, по официальным данным, приведенным в парламенте, барыши, полученные копевладельцами в течение последних 12 лет, исчислялись следующими цифрами:

1909—1914	9,8%	в год в среднем
1914—1917	17,0%	„ „
1917—1921	15,5%	„ „

Общий капитал шахтовладельцев исчислялся на 31 марта 1920 г. в 180 миллионов фунтов. Довоенная высота его определялась докладчиком (секретарем угольного департамента, Бриджманом) в 140 миллионов фунтов. Таким образом, сверх дивидендов, раздаваемых акционерам и составлявших в среднем 11½%, шахтовладельцы увеличили

еще свой капитал на 40 миллионов фунтов. Докладчик угольной комиссии д-р Стамп исчислил довоенный капитал в 135 миллионов фунтов.

Но чтобы вычислить полную сумму барышей, следует еще прибавить доходы от эксплоатации побочных продуктов (угольной пыли и т. п.), исчисляемые членом угольной комиссии Кларком в 10 миллионов в год.

„Daily Herald", принимая общую сумму угольного капитала в 135 милл. для довоенного периода и в 180 милл. с 1914 по 1921 г.г., исчисляет общую сумму полученных копевладельцами за 12 лет барышей:

1909—1914, считая по 9,8% + + 10.000.000 ф. в год 23.230.000	Итого за 5 лет. . . . 116.150.000
1914—1917, считая по 17% + + 10.000.000 ф. в год 40.600.000	Итого за 3 года. . . 121.800.000
1917—1921, считая по 15,5% + 10.000.000 ф. в год 37.900.000	Итого за 4 года. . . 151.600.000
	Итого за 12 лет . . . 389.650.000

В этих выкладках несколько преувеличен общий размер капитала за период 1914—1917 г.г., но зато приуменьшен за период 1909—1914 г.г. Общий итог, однако, повидимому ниже действительного, ибо д-р Стамп исчисляет доход за период 1909—1914 г.г. в 165 миллионов, тогда как по выкладке „Daily Herald" этот период дает всего 116 миллионов. Таким образом, за 12 лет чистая прибыль превышает основной капитал больше, чем в два с половиной раза. Посмотрим теперь, какую заработную плату предложили господа копевладельцы рабочим с момента, когда был отменен государственный контроль над угольной промышленностью, т.-е. с 31 марта?

Первоначальное предложение состояло в понижении заработной платы до уровня 1914 г., принимая во внимание уровень цен конца февраля 1921 г., а при дальнейшем падении цен новый пересмотр и новое понижение в мае. Реально же предложенные сбавки были высчитаны так, что понижали заработную плату в значительно бо̀льшей мере, чем упала дороговизна. При расчете по разным округам цифры получались не всюду одинаковые, но средний итог дает заработную плату на 35% выше довоенной, тогда как „стоимость жизни рабочего класса", по официальным и несомненно приуменьшенным данным, превышает довоенный уровень на 141%. В январе это повышение составляло 165%; в феврале 151%, в марте 141%.

Приведем в виде иллюстрации расчеты секретаря южно-уэльской федерации, Уинстона. При сравнении теперешней платы с вновь предлагаемой + возможная надбавка в 36—37% в том случае, если прибыль будет превышать 17%, получаем:

	Шилл.	Пенсы.
Теперешняя плата углекопа	17	10,2
Предполагаемая плата—7 шилл. 4 пенса + + надбавка	10	0,0
Итого сокращение на .	7	10,2

или на 44%.

	Шилл.	Пенсы.
Теперешняя плата чернорабочего	14	9,05
Предполагаемая плата—5 шилл. 4 пенса + + надбавка	7	3,28
Итого сокращение на .	7	5,77
	или на 50%.	

По разным округам сокращение варьировало от 5 до 7 шиллингов и составляло всюду 45—50%. Таким образом, если даже допустить, что в последнее время заработная плата углекопов догнала дороговизну, то предполагаемые сбавки сразу спустили бы ее значительно ниже уровня цен 1914 г. Однако, момент уравнения мог быть лишь очень краткосрочным. В течение военных лет движение заработной платы резко отставало от движения дороговизны. В свое время детальный анализ движений этих 2 рядов цифр был дан мною в таблицах и диаграммах (см. статью „Конфликты труда и капитала в современной Англии") [1]). Приведу также выкладку муниципального советника Форшау, сделанную специально для рабочих угольной промышленности:

Время прибавки.	Размеры прибавки.	Рост стоимости жизни [1]) в %%.
Май 1915	15½% военн. надб.	20
Декабрь 1915	5% сверх платы 1911	35
Март 1916	5% „ „ „	35—40
Июнь 1916	3½% „ „ „	45
Февраль 1917	4½% на военн. надб.	65—70
Сентябрь 1917	22½% сверх довоенн. уровня	80—85
Июль 1918	22½% „ „ „	100

Таким образом, до конца войны вся сумма надбавок составляет немного больше 75% при дороговизне, официально высчитанной в 100%. Форшау допускает, что после окончания войны был один момент, когда заработная плата углекопов догнала дороговизну, но это был лишь один момент. Теперь он сменился кампанией за новое понижение реальной заработной платы.

Картина вполне ясна. Но борьба идет также за единый национальный тариф, за право общей борьбы и общего отстаивания интересов.

Нужно сказать, что это наиболее острый пункт борьбы, вокруг которого ведутся наиболее ожесточенные споры. В процессе переговоров капиталисты уже предлагали уменьшить размеры сбавки, если рабочие согласятся на местные тарифы. Предлагали они и заменить „окружные" договоры более широкими „районными".

Но, конечно, все эти предложения встречают резкие отказы со стороны рабочих. Точно так же, как для предпринимателей нужно во что бы то ни стало отстоять местные тарифы для того, чтобы защитить спорадическое предпринимательство и разбить единство рабочей борьбы и рабочих организаций, для рабочих спасение этого единства является вопросом жизни и смерти и краеугольным камнем их требований. В борьбе за жизненный уровень, как и в борьбе за организацию производства они стоят на целостной точке зрения и их массовые интересы тесно сплетаются с интересами производства.

---

*) В сборнике „Очерки переходного хозяйства".

Но для обеспечения единого тарифа необходимы и реальные меры. При спорадическом предпринимательстве не все копи одинаково доходны и платежеспособны. Поэтому в качестве требования-минимум в борьбе за организованность производства выдвигается требование взаимного национального страхования копей. Практически над копями пока существовал государственный контроль. Такое страхование существовало, но существовало для „прибылей": государство гарантировало всем копевладельцам определенный уровень дохода. Теперь, при отмене контроля, рабочие выдвигают требования выплаты определенного налога с каждой добываемой тонны для того, чтобы получить фонд для обеспечения работоспособности, поднятия технического уровня и гарантии заработной платы наихудше оборудованных копей. Идея кажется варварской и совершенно неприемлемой. Ллойд-Джордж при каждом разговоре с рабочими делает вид, что не понимает их плана и заставляет их подробно объяснять его.

Все, что напоминает взгляд на промышленность, как на нечто единое целое, все, что может способствовать сплоченности рабочих и организованности производства, кажется ему покушением на священные права собственности.

Такова производственно-экономическая обстановка угольного конфликта. Посмотрим теперь, какова его социальная сторона.

Послевоенный промышленный кризис, который переживает современная Европа и который с особой остротой отразился на Англии, имеет некоторые специфические особенности.

Нарушенные войной международные экономические связи до сих пор не восстановлены целиком благодаря блокаде России, с одной стороны, и разорению Германии—с другой. Нарушение обмена создает застой в производстве и безработицу в одних странах и сокращение потребления и промышленный голод в других. Так, в Англии всю зиму закрывались один за другим машиностроительные заводы, работавшие прежде для вывоза в Россию, а в России от недохватка оборудования разрушались целые отрасли производства. И когда английские рабочие настойчиво требовали заключения торгового договора с Россией и „мира" с Германией, международная солидарность рабочих была для них не только праздничным лозунгом в их борьбе за полное освобождение рабочего класса, но и полным непосредственного жизненного содержания требованием момента. Это было требование производственной солидарности трудящихся, протест против бессмысленной анархии капитализма, приносящего производство в жертву рыночной конъюнктуре.

Мы живем в эпоху, когда грань между требованиями программы-минимум и программы-максимум стирается, и программа-максимум становится тем минимумом, без которого человечеству грозит гибель и вырождение. Это объективное положение вещей находит свое отражение в психологии пролетариата, которому принадлежит будущее. Но буржуазия ярко выявляет в своей психологии черты класса, у которого нет будущего. Производство было принесено ею в жертву молоху войны, ибо войной надеялась она предотвратить тот грядущий день, когда на смену ее господству придет пролетарское общество. Но когда расчеты ее не оправдались и война только обострила классовые противоречия, буржуазия снова приносит в жертву своим политическим аппетитам будущее мирового производства.

Отсюда упорное разорение России и Германии и упорное сопротивление восстановлению нормальных экономических связей между европейскими странами и отсюда же вторая черта, характерная для

нынешнего кризиса: наступление экономическое и политическое на пролетариат, попытка смирить его политически, идущая рука об руку с стремлением понизить его жизненный уровень. И завод за заводом закрываются только для того, чтобы вновь открыть их, набрав из числа изголодавшихся рабочих таких, которые согласны итти работать по ставкам „ниже профсоюзовских". Конечно, это относилось преимущественно к наименее квалифицированным и плохо организованным слоям пролетириата и особенно к женскому и детскому труду. По отношению к лучше организованным слоям рабочих применялись массовые увольнения, локауты, объявления о сбавке заработной платы и в особенности покушения на права профсоюзов.

Промышленная буржуазия не боится закрывать свои предприятия: при закрытии их она получает назад все налоги на чрезвычайные прибыли, выплаченные ею во время войны, и так как прибыли эти были действительно „чрезвычайными", а налоги очень высокими (60—80%), то она может позволить себе роскошь сокращения производства ради политического обуздания рабочих. Таким образом, высокое обложение военных прибылей, о котором столько кричала в свое время английская пресса и которое, однако, даже и тогда являлось лишь стимулом к дополнительному выколачиванию прибавочной ценности и ничуть не мешало колоссальному росту прибылей, явилось теперь как бы очень выгодной формой страхования капитала.

Притом же параллельно закрытию ведется ожесточенная кампания за удешевление рабочей силы и уничтожение профсоюзов. Нынешний угольный локаут, главной целью которого является ввести „местные тарифы" вместо единого национального тарифа, от которого ни за что не хотят отказаться рабочие, является лишь кульминационным пунктом в этой борьбе. Первым подвергся гонениям союз строительных рабочих, избранный Ллойд-Джорджем нарочитой мишенью для борьбы за „свободный", т.-е. неорганизованный, нищенски оплачиваемый труд. Под флагом борьбы с безработицей правительство пытается „разжижить" строительных рабочих демобилизованными солдатами, которые будут работать помимо союза и его требований о заработной плате и квалификации. Союз отчаянно сопротивляется, а Ллойд-Джордж предъявляет ему ультиматум согласиться на требования правительства под угрозой рекрутировать для работ „армию свободного труда" из среды безработных.

Меньше всего стеснялись, конечно, с плохо организованными отраслями труда. Весьма откровенны были на этот счет дебаты о допущении двухсменного труда женщин и подростков. Здесь, с одной стороны, говорилось, что некоторые отрасли промышленности, в том числе — резиновая и стеклянная, — погибнут, если не будет допущена двухсменная работа женщин и детей, а с другой, — что ее нельзя применить к текстильной промышленности, ибо „текстильный союз очень силен и его сопротивление будет очень велико". Положение вполне ясно: несмотря на растущую безработицу, несмотря на сотни тысяч безработных взрослых мужчин, господам владельцам резиновых и стеклянных фабрик понадобился во что бы то ни стало дешевый и удобный вечерний труд неорганизованных и проявляющих слабую сопротивляемость женщин и подростков.

Не замедлили подать свой голос в этом направлении и господа землевладельцы: чтобы обеспечить себе дешевую рабочую силу на земле, лендлорды, заседающие в попечительствах о бедных, обратились к министерству земледелия и „комиссии по установлению заработной платы сельскохозяйственных рабочих" с настойчивым приглашением

„принять меры к тому, чтобы неквалифицированные, но желающие работать рабочие принимали (sic!) работу в сельском хозяйстве за плату, соответствующую их индивидуальным способностям, и были таким образом спасены (sic!) от вынужденного безделья".

Так изо всех сил стараются господа спасители ввести „свободный труд" и „индивидуальную оплату", а в конечном счете разрушить профсоюзы. Так режиссируют они великую трагедию безработицы, разыгрывающуюся в стране. За кулисами трагедии стоят опытные солидные дельцы, интересы которых чтут и соблюдают правительственные молодцы, распинающиеся за свободный труд.

Вот выделяется среди них фигура „лорда угля и стали", иначе лорда Абернонвей, изрекающего: „результатом безработицы явится понижение заработной платы до весьма резонного уровня".

А вот вторит ему гражданин-пивовар Дуффус: „производство должно быть значительно повышено, а рабочие должны получать за свой труд уменьшенное вознаграждение".

И еще ряд таких же внушительных, таких же определенных фигур. Они пользуют „конъюнктуру". Раз вы без работы и вы голодны, вы должны подчиниться. Прочь профсоюзовские ставки! Повышайте прибавочную ценность и не угодно ли вам понизить свой жизненный уровень? И буржуазная из буржуазных „Вестминстерская Газета" разражается по этому поводу следующим циническим рассуждением:

„Рабочий класс может быть уверен в том, что никакая сила на земле не защитит его от понижения жизненного уровня, пока есть голодные люди, борющиеся друг с другом за право на жизнь. Наличие их именно и составляет те условия, при которых всякие уровни летят за борт".

И одни за другим сыпятся предложения о понижении заработной платы.

Между тем, несмотря на некоторое падение оптовых цен, розничные цены, по которым исчисляется стоимость жизни рабочего класса, продолжали еще показывать повышательную тенденцию уже после того, как выявилась понижательная тенденция оптовых цен. Некоторое падение их началось сравнительно недавно. Если же принять во внимание падение реальной заработной платы во время войны — т.-е. значительно меньшее повышение ее, чем индекс дороговизны[1]), — то совершенно очевидно, что сбавка заработной платы, как ее хотят навязать рабочим, есть сбавка, сводящая заработную плату и жизненный уровень рабочих к плате и уровню, ниже довоенного.

И по мере того, как расло число безработных, захватывая все новые и новые круги производителей, а уцелевшим рабочим урезывалась все больше и больше заработная плата, из биржевых кругов доносились торжествующие голоса:

„Спрос на промышленные акции повышается".

„Винеровские получили влиятельную поддержку".

„В текстильной группе настроение очень бодрое".

И т. д., и т. д.

Искусно использовываемая безработица приводила даже к повышению акций. Промышленный кризис имеет и свои выгодные стороны.

Наконец, чтобы свести весь рабочий класс к положению голодных рабов, правительство выдумало „смелый план": сократить рабочий день тех рабочих, которые не потеряли еще работу и дать работу остальным за их счет, иначе говоря заставить нести ответственность за без-

---

[1]) См. выше цитированную статью.

работицу самих же рабочих и добиваться внесения на этой почве раскола в их ряды. Так могла бы быть блестяще реализована программа „Вестминстерской Газеты“, надеющейся, что „голодные люди будут бороться друг с другом за право на жизнь“. План этот вызвал огромное возмущение. „Дэйли Геральд“, этот боевой орган рабочего движения, писал:

„Они предлагают рабочим: содержите сами своих безработных. Либо сокращайте вашу заработную плату так, чтобы ваши жены и дети жили в нужде,—либо пусть ваши товарищи ходят голодными по улицам. Мы эксплоататоры, мы капиталисты, мы делатели барышей не берем на себя никакой ответственности за безработицу. И мы не станем платить им ни в форме налогов на нас, ни каким-либо иным способом.

„А безработному они говорят: у тебя нет работы, у тебя ни гроша в кармане. Но посмотри на своего соседа. Ему перепала работа. Иди к нему и требуй, чтобы он дал тебе половину работы и половину заработка. Но не приходи к нам. К нему иди. Или убирайтесь вы оба к чорту“...

А в другом месте, комментируя только что приведенное рассуждение „Вестминстерской Газеты“, „Дэйли Геральд“ говорит:

„Приходило ли им когда-нибудь в голову, что, когда голодные люди борются друг с другом за право на жизнь, за борт может полететь нечто совсем иное, чем жизненный уровень рабочих?“

Может быть „им“ и пришло в голову нечто подобное, ибо проект не был проведен в жизнь и остался лишь как уродливая угроза, нависшая над рабочим классом.

Такова социальная атмосфера, в которой назревал угольный конфликт. Но, чтобы картина была полна, отметим еще чисто-политическую сторону дела.

Политика есть сконцентрированная экономика. Это как нельзя более ярко сказалось в период бурной схватки труда и капитала, развернувшейся теперь в Англии. Это как нельзя лучше доказал Ллойд-Джордж всей своей политикой по отношению к безработным и забастовщикам. Три наиболее ярких акта характеризуют эту его политику:

1) избиение демонстрации безработных,

2) издание закона о чрезвычайных полномочиях исполнительной власти в борьбе с забастовщиками

и 3) отмена государственного контроля над угольным хозяйством, введенного во время войны.

Еще осенью, когда безработица только начала обозначаться и парламент и пресса впервые стали уделять ей внимание, произошел первый взрыв. Демонстрация рабочих с знаменами, на которых было написано: „Работы или государственной поддержки“, направилась к правительственному дворцу Уайтхолла, охраняемому со всех сторон конной и пешей полицией. Когда демонстрация подошла к дворцу, от нее отделилась группа „рабочих мэров“, т.-е. мэров тех рабочих районов Лондона, где рабочие в большинстве в муниципиях и где они провели в мэры своих кандидатов; рабочие мэры пошли объясняться с Ллойд-Джорджем о безработице; с беспримерной наглостью втолковывал он им, что единственной мерой борьбы с безработицей, которую предлагает правительство, является постройка домов руками безработных солдат, не считаясь с требованиями профсоюза, „а если строительный союз будет противодействовать, то тем хуже для него“. И пока этот разговор происходил в правительственной приемной, на улице и набережной Темзы шел другого рода разговор.

Вход с набережной к улице Уайтхолл тщательно оборонялся кор-

доном конных и пеших полисмэнов. В ожидании делегатов демонстранты соблюдали образцовый порядок. Там и сям устраивались импровизированные трибуны и вокруг ораторов собирались кучки народа. Полисмэны требовали прекращения речей. Какой-то проходивший мимо буржуа крикнул: „пушки надо пускать в ход против этих свиней". Рабочие протестовали, но соблюдали все же спокойствие и выдержку. В это время к месту действия, совсем близко к кордону полицейских, подошла запоздавшая группа Шотенгэмского района со своими знаменами. Впереди всех шел молодой рабочий с красным знаменем. Красный цвет подействовал на полисменов, как на быка. Одна из этих огромных, толстых, откормленных фигур, за спинами которых Ллойд-Джордж принимал делегатов, сорвалась с места, бросилась на молодого знаменоносца, вырвала из рук его знамя, унесла его в соседний переулок и там торжествующе изорвала красную ткань, изломала в щепы древко. Это вызвало бурю негодования. Толпа заволновалась, несколько камней полетело в полисмэнов. В это время вышла из дверей уайтхоллского дворца делегация. Попытки уладить дело оказались безнадежными. На подмогу полисмэнам появился новый конный отряд, приготовленный очевидно заранее по близости и без предупреждения врезался в толпу и пустил в ход свои знаменитые дубинки. Не только рабочая пресса, но и часть буржуазной признала, что избиение было беспощадным: рабочих били, мяли, давили, ранили, сваливали с ног. Побоище длилось около часа.

Итак, избиение на улице и угроза отменить все права трэд-юнионов в правительственном дворце таков был первый политический разговор Ллойд-Джорджа с безработными. Избиение было не единственным. Избили процессию рабочих в Ислинстонском районе, когда она пришла просить у мэра района возвращения организации безработных помещения при муниципальной библиотеке, которое у нее отняли.

Не менее определенен был и разговор Ллойд-Джоржа с забастовщиками. В то время, как происходило первое избиение безработных, в его портфеле лежал уже проект закона, отменяющий при борьбе с забастовками все конституционные гарантии и развязывающий администрации руки для самых беззастенчивых преследований рабочих.

Закон этот был проведен после осенней забастовки углекопов и введен в действие при весенней. Официальное название его: „закон о чрезвычайных полномочиях при особой опасности". Авторы его считают, что закон этот должен „дать административной власти исключительные права для защиты общества (sic!) в случаях кризиса", рабочие же организации считают, что он „покушается на самое существование рабочего движения".

Вот важнейшие параграфы его:

1. Если Его Величеству покажется когда-либо, что лицо или группа лиц совершили или угрожают немедленно совершить поступок такого характера и такого размаха, что его следует отнести к числу угрожающих снабжению всего общества или значительной части последнего пищей, водой, топливом, светом или иными предметами первой необходимости, или средствами передвижения, или насущнейшими для жизни предметами, то Его Величество может прокламировать положение особой опасности.

2. Там, где прокламирование особой опасности имело место и на все время действия его, Его Величество во главе своего совета имеет право издавать приказы и постановления для обеспечения общества предметами насущной необходимости. Постановления эти могут состоять в облечении одного из министров Его Величества или лица, стоящего

во главе правительственного учреждения, или всякого иного лица, состоящего на службе Его Величества, такого рода полномочиями и обязанностями, какие Его Величество найдет необходимыми.

Стиль и содержание дополняют друг друга. Под напыщенной средневековой формой грубая действительность звучит резко, ярко, непримиримо.

Посмейте только угрожать снабжению — и вся конституция страны будет отменена и любой чиновник будет „облечен полномочиями" для безответственной расправы с вами.

Правда, во время парламентских прений рабочей партии удалось добиться принятия двух поправок:

1) Отмены наказания принудительными работами, предоставленными исполнительной власти первоначальным проектом.

2) Дополнение, в силу которого постановления, о которых говорит закон, не будут применяться ни к отдельным лицам, ни к группам лиц за их участие в забастовках или мирное убеждение других лиц принять участие в забастовке.

Но рабочая партия и рабочая пресса отнюдь не строят себе никаких иллюзий по поводу этой „видимой" уступки, ибо на деле истолкование ее будет в руках исполнительной власти, которой закон предоставляет неограниченные возможности в борьбе с рабочим движением.

И во время второй — теперешней — забастовки-локаута углекопов это не замедлило сказаться. Постановление об „облечении" исполнительной власти чрезвычайными полномочиями было прокламировано, как только началась забастовка, и в силу его начались преследования забастовщиков по всякому поводу: аресты агитаторов, обыск главного помещения коммунистической партии, арест секретаря партии тов. Инкнина и т. д. При всяком столкновении между бастующими и так называемыми „черноногими", т.-е. штрейкбрекерами, при всякой попытке не допустить разгрузку и перевозку угля для промышленных предприятий (для больниц, приютов и т. п. никаких препятствий не чинится), неизбежно пускаются в ход дубинки, и начинается избиение, аресты. И все это покрывается „чрезвычайными полномочиями". В начале мая главное помещение коммунистической партии было наводнено полицией и сыщиками, тов. Инкнин был арестован; все помещение и особенно комнаты, где помещается редакция, были тщательно обысканы, все документы, материалы, газеты и даже портреты и гравюры, висевшие на стенах, были конфискованы и увезены. Из кассы были взяты все деньги, чеки, переводы и даже почтовые марки.

Тов. Инкнину было предъявлено обвинение в „незаконном" напечатании и распространении „Тезисов Коммунистического Интернационала", т.-е. „совершении акта, запрещенного законом о чрезвычайных полномочиях" и „могущего возбудить к неповиновению гражданское население". Так действует „закон о чрезвычайных полномочиях", вводящий фактически в Англии Романовский режим. Этим законом разлагающийся капитализм пытается оградить свое существование и ввести в законодательные рамки фактическую практику удушения рабочего движения и социализма.

Это второй политический акт правительства Ллойд-Джорджа в разыгрывающейся классовой схватке труда и капитала. Его третье политическое мероприятие — это „деконтроль" угольных копей, т.-е. отмена государственного контроля над угольной промышленностью, введенного осенью 1916 года под влиянием угрозы всеобщей забастовкой со стороны углекопов южного Уэльса.

Тогда при неимоверном росте цен и барышей и понижении реальной заработной платы рабочие боролись за соответствующее поднятие ее. Теперь при падении цен рабочим приходится спасать свою заработную плату от понижения ее ниже уровня падения цен.

Тогда государственный контроль внес некоторые уступки рабочим и поставил рост цен на уголь и рост барышей в известные рамки, хотя и гарантировал им довольно высокий куш за счет государства. Теперь он отменяется, чтобы снять эти ограничения и предоставить полную свободу действия копевладельцам, недоросшим еще до государственного капитализма! „Деконтроль" должен был быть введен 31 августа, правительство провело через парламент введение его 31 марта. С этого же дня копевладельцы предложили повсеместно рабочим понижение заработной платы под угрозой локаута. Рабочие, сопротивлявшиеся введению деконтроля и понижению заработной платы, решили не принимать предложения работодателей и объявить ту же дату введения деконтроля датой своего выступления. Политика есть сконцентрированная экономика и дата политического мероприятия деконтроля сделалась датой выступления обеих борющихся сторон...

Мы видели, что лежало в основе требований рабочих. Мы видели, что из двух борющихся сторон только рабочие стоят на производственно-коллективистической точке зрения, и что, защищая свои классовые интересы, они требуют в то же время и объективно высших форм производства. Ими руководит логика класса, которому предстоит сделаться классом-организатором общественного производства. Вся же экономическая политика современной английской буржуазии это — политика класса, у которого нет будущего, который живет только сегодняшним днем и хищническим отвоевыванием бо̀льшего куска на сегодняшний день, даже и за счет разрушения производства. С производственной точки зрения буржуазия перестает быть прогрессивной силой. И все ее усилия направлены теперь на то, чтобы смять и раздавить рабочих и их организации. Как будто бы политическое и экономическое закрепощение рабочих может спасти ее от того краха, который уготован ей объективными производственными условиями!

История не всегда идет самыми короткими путями. Развивая и углубляя классовую борьбу в стране с развитой промышленностью и пролетаризированным населением, она отказала пролетариату этой страны в быстром развитии политического сознания. Специфические условия развития Англии создали у них своеобразную психику. Английские рабочие лишь очень медленным темпом подходят к революционному осознанию своей социальной борьбы.

И все же объем и размах их классовой борьбы, предметные уроки, которые дает им история, распад капиталистического строя, в котором они живут, и вырождение их правящей буржуазии в хищников и авантюристов не могут не сделать свое дело. Колесо истории не может быть остановлено. Для обеих сторон борьба зашла слишком далеко, чтобы был возможен какой-либо длительный мирный исход, ибо противоречия капиталистического строя сделались слишком большими, чтобы быть мирно изжитыми. Героическая борьба английских углекопов как нельзя лучше иллюстрирует это положение. Она записана на одной из последних страниц английского капитализма.

М. Смит.

Кемалистское движение в Турции.

§ 1. Победа Антанты и планы раздела Турции. Начало национального движения в Анатолии.

Одержав победу над Тройственным союзом и добившись отторжения от Германии, Австро-Венгрии и Болгарии громадных территорий, Антанта решила покончить с Турцией и поделить последнюю между собой. Прежде всего Антанта решила захватить Констанстантинополь в свои руки. Введя в Босфор и Дарданеллы сильную эскадру, заняв Константинополь 75-тысячной оккупационной армией и превратив султана в своего заложника, Антанта приступила к ликвидации турецкого наследства и разделу Малой Азии. По договору о перемирии, дополненному впоследствии Тройственным соглашением об Анатолии и Севрским договором, Англия заняла Месопотамию, Франция—Киликию, Италия—область Адалии, Греция оккупировала область Смирны. Целым рядом условий Севрского договора, перед циничным содержанием которого совершенно бледнеют пресловутый Брестский мир и даже Версальский договоры, уцелевшая от раздела часть Малой Азии была фактически превращена в колонию европейского империализма.

Попытка Антанты поработить все мусульманское население Турции и разделить последнюю, разбойничьи действия англо-французских войск и особенно греческих армий и армянских дружин вызвали сильное национальное движение в Турции, начавшееся прежде всего в Анатолии.

Национальная война в Анатолии против Антанты встретила горячий отклик среди мусульаннского населения в Константинополе. Многие студенты, представители либеральных профессий, рабочие, а особенно офицеры стали покидать Константинополь и перебираться в Малую Азию, где они частью вступали в ряды повстанческих войск, частью входили в различные организации, помогавшие национальной анатолийской армии в ее борьбе с Антантой.

Среди офицеров, прибывших из Константинополя в Анатолию, особенно видное место занял прославленный в Турции защитник Дарданелл генерал Кемаль-паша, который сразу стал во главе анатолийского национального движения и принял верховное командование над всеми турецкими войсками в Анатолии. Прибыв в Анатолию, Кемаль созвал Национальный конгресс в Эрзеруме.

Конгресс, созванный в Эрзеруме, не был первым, как ошибочно предполагают некоторые историки анатолийского национального движения.

Первый конгресс собрался в вилайете Айдин под лозунгом „Дезанне-

ксия Смирны". Высадившись в Смирне, греческие войска тут же на набережной начали массовое избиение турок и продолжали его на глазах офицеров и экипажа союзного флота. Тысячи безоружных мужчин, женщин и детей были зарезаны и брошены в море. Страшный погром в Смирне вызвал возбуждение во всей Анатолии и дал могучий толчок национальному движению.

2-ой конгресс, названный конгрессом „Защиты прав Трапезунда" собрался в Трапезунде.

Наконец, третий исторический конгресс, сыгравший особенно важную роль в истории турецкого национального движения, собрался в Эрзеруме под лозунгом „Защиты национальных прав Восточной Анатолии".

На конгрессе в Эрзеруме, собравшемся в июле—августе 1919 г., участвовал, как мы упоминали, и Кемаль-паша, который в присутствии делегатов публично отрекся от генеральства и поклялся работать как рядовой вместе с народом для освобождения родины. К нему присоединился и Реуф, бывший морской министр.

На конгрессе в Эрзеруме участвовали, главным образом, представители шести вилайетов (Ван, Битлис, Харпут, Сивас, Эрзерум, Диарбекир) и Трапезунда. Председателем конгресса был избран Мустафа Кемаль-паша.

В сентябре 1919 г., т.-е. вскоре после закрытия Эрзерумского конгресса, был открыт Сивасский конгресс, на котором приняли участие делегаты всей Турции, в том числе западной Анатолии, Константинополя и Фракии.

Сивасский конгресс официально собрался под именем конгресса „Защиты прав Анатолии и Европейской Турции".

На Сивасском конгрессе было провозглашено образование партии „Куа-Милье" (Национальной Силы), поставившей своей задачей „защиту прав турецкой национальности" и избран центральный исполнительный комитет, председателем которого был выбран тот же Кемаль-паша.

§ 2. Константинопольский парламент. Разбитые иллюзии.

Вопрос об открытии национального парламента в Константинополе был решен в Анатолии и вызвал сильные разногласия среди членов партии Куа-Милье. Часть членов этой партии находила смешным собирать парламент в Константинополе под пушками союзнических судов и под дулами винтовок оккупационных союзных отрядов, распоряжавшихся в Константинополе, как в завоеванной территории. Победило течение, защищавшее открытие парламента в Константинополе, так как момент для окончательного разрыва с Антантой еще-де не пришел. Большинство членов поехало в Константинополь.

Мустафа Кемаль, выбранный в парламент, благоразумно остался в Сивасе, выжидая событий.

Парламент вотировал предание суду кабинета Ферид-паши за заключение перемирия и за несоблюдение условий перемирия. Затем он заставил уйти в отставку кабинет Али-Риза и поставил на его месте министерство Селих-паши, в которое вошли некоторые члены „Куа Милье".

Более того, ввиду антантистской ориентации султана, слишком боявшегося английских пушек, решено было низложить султана Махмуда VI и заменить его одним из его наследников, при чем новый султан должен был переехать в Малую Азию под охрану национальной армии. Сюда же было решено перевести и парламент. Кроме того, парламент опубликовал пресловутый Пакт Националь (Национальное Соглашение),—договор, который должен был обеспечить независимость Турции.

Все эти планы не могли быть приняты Антантой, стремившейся к превращению всей Турции в свою колонию. Союзники решили прибегнуть к самым энергичным мерам, чтобы покончить с национальным движением.

начавшим угрожать Антанте в самом Константинополе и на берегах Босфора и Дарданелл. В Константинополь были введены новые подкрепления и официально было объявлено об оккупации Константинополя.

Английские отряды заняли военное и морское министерство, обезоружив турецкую страну, затем ворвались в парламент и здесь на глазах депутатов арестовали нескольких членов Палаты. Кроме видных турецких государственных деятелей, министров, сенаторов, принца Абдурахмана и членов парламента, были арестованы члены некоторых рабочих синдикатов. Чтобы произвести устрашающее впечатление на мусульманское население, многие арестованные в одном белье были вытащены на улицу и, под ударами ружейных прикладов, брошены на борт английского судна.

Впоследствии всех арестованных отправили в заключение на остров Мальту под надзор английских тюремщиков.

Так кончилась в марте 1920 г. эпопея Константинопольского Национального Парламента, осмелившегося стать в оппозицию к политике Антанты. Разоружение турецкого гарнизона, сопровождавшееся убийством многих турецких солдат, официальная оккупация Константинополя и фактическое пленение султана, грубый разгон Парламента и ссылка на остров Мальту всех видных политических деятелей Турции, не соглашавшихся с планами Антанты превратить Турцию в простую колонию ненасытных захватчиков,—этот жестокий финал наивной попытки добиться освобождения Турции от ига европейских империалистов парламентским путем под дулами английских орудий и винтовок разбили последние иллюзии всех тех турецких „патриотов", которые всячески отклоняли от себя мысль о неизбежности вооруженной борьбы не на жизнь, а на смерть с Антантой для спасения Турции и надеялись воздействием парламентской „говорильни" улучшить судьбу родины. Финал Константинопольского парламента обозначал новый этап, начало новой эры в развитии национального движения в Турции. Бесцеремонные меры союзников и прежде всего „либеральной" Англии вырвали почву из-под ног у тех оппортунистов, представителей духовенства, турецкой средней торговой буржуазии, определенной части интеллигенции и других элементов, отгонявших от себя мысль о решительной борьбе с Антантой,—борьбе, для успеха которой было необходимо, с одной стороны, призвать под оружие широкие народные массы, с другой, искать союза с революционной советской Россией, сближение с которой не могло бы пройти бесследно для трудового населения всей Турции.

§ 3. Ангорское Национальное Собрание. Его социальный состав и законодательная деятельность. Кемаль-паша.

Разгон Константинопольского парламента, со всеми сопровождавшими его насилиями и беззакониями, арест делегатов, разоружение турецкого гарнизона,—при чем было убито много турецких солдат и офицеров,—наконец, формальная оккупация столицы дали новый толчок национальному движению в Анатолии. Все оппортунистические иллюзии насчет возможности соглашения с Антантой были изжиты. Именно с этого момента начинается сильный поворот в общественном мнении Турции в сторону сближения с советской Россией. Симпатии к большевикам становятся в такой мере всеобщими, что даже представители имущих классов не стесняются открыто выражать свой восторг перед поведением русских большевиков. Как констатируют в своих донесениях агенты Антанты и как об этом пишут в своих газетах европейские корреспонденты, все турки, начиная от бедняков и кончая богатыми людьми, начиная от безграмотных простолюдинов и кончая профессорами, только и мечтают, что о приходе больше-

виков. А когда начинаешь объяснять, что вы, мол, первые пострадаете от прихода большевиков, даже купцы и лавочники ухмыляются с недоверчивым видом и порой отвечают: „Ни Турции, ни Индии не может быть хуже, чем теперь. Нам терять больше нечего. Только большевики не склоняют своей спины перед Англией. Они—наш последний оплот".

Большевистский метод действий, непримиримая и победоносная борьба с Антантой внушают и всем туркам уверенность в возможность завоевать независимость их страны в результате геройской борьбы с Антантой.

Когда весть о константинопольских событиях дошла до Анатолии, Ц. К. защиты национальных прав Анатолии и Европейской Турции объявил, что ввиду занятия Константинополя союзниками, разгона парламента и пленения султана в Ангоре организуется Временное Правительство и созывается новый парламент.

Новый парламент Турции—Большое или Великое Национальное Собрание (Меджлис)—был открыт в Ангоре 24 апреля 1920 г. В число делегатов вошли члены Константинопольского парламента, как оставшиеся в Анатолии, так и бежавшие из Константинополя. Около сорока депутатов, которым удалось избегнуть когтей агентов Антанты и спастись от ссылки на остров Мальту, с опасностью для жизни, большей частью пешком пришли в Ангору. Сюда же прибыло и много турецких офицеров, которым удалось обмануть бдительность англичан. Ангорская печать очень много писала о героическом поведении Хамеди Эддин Хамоим,—писательницы, которую англичане хотели сослать на Мальту, но которая бежала в Малую Азию и после 20-дневного путешествия,—большую часть дороги пешком, в модных башмаках и шелковых чулках, под дождем и снегом достигла Ангоры.

Новый парламент Турции, на этот раз вдали от английских пушек, под охраной Национальной армии собрался под знаком борьбы с Англией.

Избирательная система в Великое Национальное Собрание была довольно запутанной. Многие депутаты были избраны по двухстепенной системе. От 2.000—5.000 избирателей цензовиков избирали по одному выборщику, которые в свою очередь избирали делегата в Меджлис. В среднем на 50.000 цензовиков приходилось по одному депутату. К выборам были привлечены провинциальные советы, муниципальные советы и члены Комитета защиты прав Анатолии и Европейской Турции. В общем, от каждого санджака было избрано по 5 человек.

Таким образом, в Великое Национальное Собрание могли пройти лишь представители цензовых элементов, купечества, средней буржуазии, духовенства, либеральных профессий и т. д.; в общем было избрано около 300 депутатов. Состав Меджлиса по профессиям:

Купцы—большинство.
Муллы—50.
Адвокаты 10—15.
Штаб-офицеры 12—15.
Представители полу-пролетарских масс 2—3.

Когда депутаты собрались в Ангоре, было открыто торжественное собрание под названием Верховного Национального Собрания, объединяющего законодательную и исполнительную власть. Мустафа Кемаль был единогласно избран председателем Собрания и главой исполнительной власти, 2-м председателем—бывший председатель парламента, разогнанного в Константинополе англичанами, Джелах-Эддин-Ариф, представитель крупной судейской буржуазии.

Как только Национальное Собрание конституировалось, оно обратилось ко всем иностранным правительствам с декларацией, в которой заявило от имени турецкого народа:

1) что оно энергично протестует против несправедливой оккупации

Константинополя, против покушения на неприкосновенность парламента и против последовавших за этим ссылок:

2) что оно не признает Константинопольского правительства и считает султана английским пленником;

3) что власть в Турции переходит отныне к Великому Национальному Собранию, которое является единственным законным представителем турецкого народа;

4) что все договоры и соглашения Константинопольского правительства с иностранными правительствами аннулируются;

5) что все предписания и фирманы, исходящие от султана, пленника англичан, аннулируются.

Для борьбы с Великим Национальным Собранием Антанта, кроме посылки вооруженных отрядов, применила тот же метод, к которому она прибегла в советской России. Агенты Антанты попытались возбудить контр-революционное восстание во многих областях Анатолии. Во главе контр-революционных шаек стал бывший разбойник, черкес Анзавур, награжденный титулом паши. После упорной борьбы национальные войска разбили контр-революционные банды и Анзавур спасся на английском военном судне.

Великое Национальное Собрание стало во главе национального движения в Анатолии и много содействовало усилению этого движения и более энергичной борьбе с европейским империализмом, пытавшимся окончательно поработить Турцию.

В области внутренних реформ Национальное Собрание сделало очень мало. Было издано много финансовых законов, направленных, главным образом, к взысканию податей и таможенных сборов. Никаких законов, изменяющих конституцию или вводящих новые серьезные улучшения и преобразования в экономической жизни страны с целью улучшить печальное угнетенное состояние народных масс до сих пор не издано. В области аграрных реформ равным образом ничего не было сделано. Единственными законами, заслуживающими внимания, являются: 1) закон о расширении городского самоуправления, распространяющий право выборов и на нецензовые элементы; 2) закон о воспрещении производства, ввоза, продажи и употребления всякого рода спиртных напитков; 3) закон об увеличении жалования солдатам.

Фактическая власть в Анатолии перешла в руки правительства Кемаля-паши.

Кемаль-паша, глава национального движения, родился в Салониках. Ему 38 лет. Офицер генерального штаба, один из деятелей революции 1908 г., Кемаль, при Абдуле-Гамиде основал в Салониках „Общество Свободы“ (Юриэт Джеммиэтин), к которому примкнула молодежь означенного города. Уличенный в противоправительственной деятельности Мустафа Кемаль был арестован и отправлен в Константинополь, где он некоторое время находился под стражей. Затем был сослан в Багдад, где служил в пятой армии. Отсюда он пробрался в Салоники и примкнул к младотуркам. После июльского переворота 1908 г. Кемаль временно отстранился от политической деятельности. Перед войной 1914 г. он был военным атташе в Софии. В начале войны он руководил защитой Дарданелл в части, именуемой Анафахталар. На этом посту он обнаружил себя как храбрый и умелый военачальник. Он разбил английскую армию при Анафарталахе и спас положение в самый критический момент. Обладая большой энергией, военными талантами и организационными способностями, Кемаль много сделал для поднятия боевой мощи Анатолийской армии. Главными сподвижниками Кемаля в руководстве Национальной армии являются Казим Карабекир, Алифуад-паша и Реу-Рафет.

§ 4. Военные силы Национального Собрания. Армия Кемаля.

Национальная армия. О численности армии Кемаля существуют самые разноречивые данные. По одним сведениям в распоряжении „Национальной Силы“ имеется до 200.000 штыков при 300 орудиях, по другим армия Кемаля достигает чуть ли не 300.000 штыков. Данные эти в известном отношении сильно преувеличены.

Что касается численности организации и командного состава турецкой Анатолийской армии, то в начале ее сформирования она состояла, главным образом, из партизанских отрядов (четы). Четы существуют в Турции еще с давних времен, представляя собой вооруженные шайки с каким-нибудь беем во главе.

Став во главе военных сил Анатолии, Кемаль начал собирать рассеянные остатки и разрозненные части старой регулярной армии и объединил таким образом под своим начальством до 50.000 регулярных войск. Впоследствии эта армия значительно возрасла и в настоящее время численность ее достигла приблизительно 100 тысяч штыков. Регулярная армия разбивается на корпуса, дивизии, бригады, полки и батальоны. В каждом корпусе (орду) имеется три дивизии (носорду). Полный корпусной комплект считается в 16.000 штыков, но фактически корпус состоит из 6.000 штыков. К концу 1920 г. армия Кемаля состояла из двух главных армий из Измидской или Смирнской армии и Восточной армии. Смирнская армия состояла из трех корпусов, 12, 14 и 20, и находилась под командой Али-Фуад-паши. Восточная армия также состоит из трех корпусов (13, 15 и еще одного корпуса, нумерация которого нам не известна) и находится под командой Казима Карабекира. Кроме того, один корпус действует на южном фронте, 3-й корпус расположен в районе Ангора-Сивас. К этому же временл в Трапезунде нвходилась 3-я дивизия.

Кроме этих регулярных войск, под общей командой Кемаля-паши действуют партизанские отряды, составляющие значительную силу армии Кемаля. Так при наступлении на армянском фронте значительную помощь регулярным войскам Карабекира оказали партизанские отряды из беженцев, спасавшихся от мусульманских погромов, организованных правительством дашнаков, и бежавших в Турцию. Известно, что дашнаки сожгли более 200 мусульманских деревень в мусульманских областях Армении. Понятно, что при таком образе действий армянских, греческих, французских и английских империалистов у Кемаля не могло быть недостатка в людях, готовых взять оружие в руки, чтобы итти драться против врагов Турции. Достаточно указать, что одни только лазы дали Кемалю до 30.000 человек, отправившихся в качестве партизан сражаться на западный фронт против греков.

Численность партизанских отрядов представляет собой колеблющуюся величину с значительными уклонами в ту или другую сторону. Однако, общую численность партизанских отрядов, действующих на Восточном, Смирнском и южном фронтах можно определить приблизительно в 100.000 человек.

Армия Кемаля очень богата хорошо обученным офицерским составом и благодаря наличию крепких кадров может быть значительно увеличена численно. Главные склады боевых припасов и снаряжений находятся в Афиюн-Карагисире, Эски-шеирре и Сивасе. Патронных, снарядных и орудийных фабрик в Малой Азии нет. Это представляет Ахиллесову пяту военного аппарата Национальной армии, которая испытывает большую нужду не только в артиллерии, но даже и в винтовках, пулеметах и снарядах к ним. Нужно, впрочем, прибавить, что победоносная война с дашнакцаканской Арменией, захват Карса, Ардагана и Александрополя и

разгром армянской армии дали возможность войскам Казима Карабекира захватить громадные военные запасы, сотни орудий, пулеметов, десятки тысяч винтовок и множество снарядов и патронов, которыми союзники усердно снабжали дашнакцаканское правительство, подготовляя наступление против советской России на Кавказе. В настоящий момент армия Казима Карабекира является безусловно наилучше вооруженной и оборудованной в техническом отношении частью Национальной турецкой армии, хотя некоторое количество захваченного оружия Казим Карабекир отправил Кемалю.

* * *

Благодаря внушительным военным силам, находящимся в его распоряжении, и поддержке населения Кемалю удалось сказать такое противодействие союзным войскам, что правительствам Антанты пришлось волей-неволей подумать о каком-нибудь соглашении с Ангорским правительством. Антанта довела свои военные силы в Малой Азии до крайнего предела, а между тем подавить национальное движение оказалось невозможным. Англия сосредоточила в Месопотамии армию, которая в некоторые моменты достигала численности в 100.000 человек. Франция отправила в Сирию и Киликию 80.000 армию под командой Гуро, Греция сосредоточила в Смирнском вилайете около 8-ми дивизий до 110.000 человек. Был момент, когда греческая армия в своем наступлении приближалась к Афиюн-Карагисиру, главному базисному складу Национальной армии, но затем грекам пришлось отступить. Вообще продвижение вглубь Малой Азии с удалением от берега представляет собой опасную операцию, требует громадных сил на охрану пути и поддержку связи с главной военной базой. Эта операция оказалась не по силам греческой армии, на которую Антанта возлагала преувеличенные надежды.

Финансовое напряжение, которое потребовалось от Греции для осуществления всех авантюристических планов Венизелоса, гибель десятков тысяч греческих жизней на фронтах во Фракии и Малой Азии вызвали сильное возмущение среди народных масс Греции, и Венизелосу, этому агенту Антанты, пришлось покинуть свой пост и бежать в Париж, где на него, между прочим, было произведено покушение двумя бывшими офицерами греческой армии.

Греческие события заставили союзников еще серьезнее задуматься над необходимостью какого-нибудь соглашения с Ангорским правительством. В начале 1919 г. вся турецкая империя, беспомощная, беззащитная лежала у ног победителей. В начале 1921 г. Мустафа Кемаль управлял фактически $^4/_5$ Малой Азии, господствовал в значительной части Армении, из которой союзники мечтали создать вторую Грецию для борьбы в недалеком будущем против советской России на Кавказе, а в ближайшее время против Турции в восточной Анатолии; кроме того, на стороне Кемаля стояло все мусульманское население фактически оккупированных союзниками прибрежных областей Малой Азии и Европейской Турции, включая сюда и часть христианского населения Болгарии и Македонии, готового вступить в союз не только с турками, но хотя бы с самим „чортом“, лишь бы освободиться от греческого ига.

Ангорское Национальное Собрание во главе с Кемалем сочувственно откликнулось на предложение Антанты и послало своих представителей на Лондонскую конференцию, чтобы добиться пересмотра Севрского договора и признания независимости и целости Турции в ее этнографических границах.

§ 5. Ангорское правительство и Антанта. Англо-французские осложнения из-за раздела Турции. Итальянская политика в Малой Азии.

Мы уже указали выше, что упорное и часто победоносное сопротивление армий Кемаля англо-французско-греческим войскам, далее поражение Антанты в борьбе с советской Россией, разгром контр-революционных армий Колчака, Деникина, наконец Врангеля красными войсками Советской федерации, советизация Армении и Грузии, наконец, антагонизм интересов между державами Антанты заставил последнюю изменить свою вызывающую политику по отношению к правительству Кемаля и искать путей соглашения с последним.

Невозможность примирить между собой интересы союзников в Турецком вопросе обнаружилась прежде в политике Италии, которая не только отказалась принимать участие в активных военных действиях против армий Кемаля и отозвала свои войска с малоазийского фронта, но более того стала контрабандным образом снабжать турецкие повстанческие войска оружием и боевыми припасами.

Обессиленная войной Италия не могла мобилизовать для действий в Турции такую же многочисленную армию, какую могли снарядить Франция и Англия; на роль простого жандарма или наемника этих государств Италия не могла согласиться; с случае раздела Турции Италии досталась бы сравнительно небольшая добыча и таким образом, в результате непропорционального усиления Франции и Англии и резкого нарушения равновесия на Средиземном море, Италия, как империалистическая держава, понесла бы сильный урон.

На место выбывшей из строя Италии была приглашена Греция, что еще более обострило враждебное отношение Италии по отношению к англо-французской политике в Малой Азии и усилило симпатии итальянцев к кемалистам.

Вместе с этим выступление Греции в качестве активной участницы малоазийской авантюры расширило и углубило трещину, создавшуюся между Францией и Англией в восточном вопросе, Франция была недовольна результатами конференции в Сан-Ремо, после которой французским капиталистам пришлось отказаться в пользу Англии от Моссульских нефтяных источников. Разочарование в своих надеждах относительно доли французской добычи в Малой Азии было так сильно в империалистических кругах Франции, что Клемансо пришлось покинуть свой пост[1]). Поддержка, оказываемая Англией арабскому эмиру Фейсалу, ярому врагу Франции, изгнанному французами из Дамаска, еще более обострила англо-французские отношения.

Англия стремится создать арабское королевство под британским протекторатом. Кандидатом на престол Англия намечает Фейсала. Многие английские газеты указывают на необходимость, для привлечения симпатий арабов к Англии, отказаться от поддержки сионистских бредней и удовлетворить требование палестинских арабов об объявлении Палестины национальным центром арабов. Французские империалисты с опасением относятся к этим английским проектам, осуществление которых поколеблет окончательно неустойчивое положение Франции в Малой Азии.

Активное участие Греции в борьбе с национальным движением в Турции возбудило вначале отрадные надежды в империалистических кругах

---

[1]) Подробнее об этом см. нашу книгу; „Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал",—см. § 2 „Борьба между Англией и Францией из-за Востока".

Франции, которые рассчитывали, что с помощью греческой армии и греческой поддержки Франции удастся усилить свое положение в Турции. Однако слабая, обанкротившаяся в финансовом отношении Греция Венизелоса, обремененная громадными недавно аннексированными территориями, этой добычей, которую она неспособна была переварить, не в состоянии была ни вести самостоятельной политики в восточном вопросе, ни служить сразу двум богам, английскому и французскому империализму с их взаимно сталкивающимися интересами. И так как Англия оказалась державой, захватившей в свои руки гегемонию на всем Средиземном море, Ионическом заливе, Босфоре, Дарданеллах и в самом Константинополе, так как в результате мировой войны финансовая гегемония в Европе также перешла в руки Великобритании,—естественно, что Греция в конце концов оказалась в полном подчинении именно у английского империализма и стала плестись на буксире у последнего. Таким образом, участие Греции в разрешении Восточного вопроса лишь усилило позиции Англии в ущерб французским интересам.

Вот почему французская пресса с таким азартом использовала падение Венизелоса и возвращение к власти Константина, чтобы настаивать на устранении Греции от участия в малоазийских делах и потребовала пересмотра Севрского договора в смысле самых серьезных уступок туркам на счет греков. Так французская пресса в согласии с итальянской потребовала удаления греческих войск из Смирны. Более того та же французская пресса опять-таки в унисcон с итальянской указывала на необходимость удовлетворения болгарских притязаний относительно порта в Эгейском море.

В лице усиленной Болгарии империалистическая Франция намеревается создать противовес Греции, этому орудию английской захватной политики. Вот почему Франция, равно как и Италия, против оставления Фракии в руках Греции.

Под влиянием французских и италианских требований пересмотра Севрского договора и успехов кемалистов в борьбе с союзными войсками, Англия решилась созвать конференцию в Лондоне (февраль-март 1921 г.), на которую были приглашены и представители ангорского правительства, с которым Англия только недавно не желала и разговаривать, как с шайкой авантюристов и бандитов.

На Лондонской конференции сразу обнаружилось расхождение между союзниками во взглядах по восточному вопросу. Английская делегация настаивала на неприкосновенности Севрского договора, как на главном условии умиротворения Востока и на поддержке Греции, как важного фактора для противодействия кемалистским планам и защиты интересов Антанты.

Итальянская делегация, напротив, настаивала на полном пересмотре Севрского договора и ориентации в сторону Турции и Мустафы Кемаля. Французская делегация, хотя и разделяющая взгляды итальянской делегации, оказалась вынужденной—благодаря международной ситуации и необходимости для Франции полной поддержки со стороны Англии в принятии репрессивных мер по отношении к Германии [1])—пойти на серьезные уступки в восточном вопросе и удовлетворилась требованием некоторых изменений Севрского договора.

---

[1]) На лондонской конференции наряду с турецким вопросом рассматривался и германский. Англия поддерживала все требования Франции в результате все немецкие контр-предложения были отвергнуты, как „бессовестные", и союзная англо-франко-бельгийские войска оккупировали в виде репрессии Дюссельдорф, Руорт и Дюисбург. Италия отказалась участвовать в этих репрессиях.

Само собой разумеется, что новая Турция не сможет добиться какого-либо прочного соглашения с империалистической Антантой. Международный империализм не может отказаться от своих планов насчет Оттоманской империи. Мы уже подчеркивали, что борьба за турецкое наследство была одной из важнейших причин мировой войны. Образование сильной, независимой и демократической Турции нанесет сокрушительный удар Антанте не только потому, что последняя лишится тех колоссальных выгод, которые мировые державы извлекали из эксплоатации Турции, как своей полуколонии, но в особенности потому, что торжество революционно-национального движения в Турции, в этой стране, пользующейся громадным престижем во всем мусульманском мире, поколеблет устои и владычества капиталистических держав в Алжире, Марокко, Тунисе, Триполи, Египте, Индии и т. д.

Кемалистский парламент выпустил воззвание, подписанное всеми депутатами, со следующими минимальными условиями заключения мира:

„Великий Парламент полагает, что прочный мир может быть достигнут лишь при соблюдении нижеследующей программы, без реализации которой не может быть единой Турции:

„1) Будущее территорий Оттоманской империи, заселенных арабами, должно быть разрешено путем всенародного голосования.

„2) Несмотря на предшествующее присоединение трех восточных провинций—Карса, Ардагана и Батума—к Турции, мы согласны на пересмотр этого решения путем плебисцита. Судьба Западной Фракии должна быть решена таким же беспристрастным образом.

„3) Константинополь и проливы должны быть неприкосновенны и освобождены от вмешательства чужестранцев. При соблюдении этого условия мы соглашаемся, путем договора с заинтересованными народами, предоставить право свободного прохода через проливы для коммерческих судов.

„4) Мы обязуемся перед Антантой и ее союзниками уважать права национальных меньшинств, при условии, что они будут уважать наши права.

„5) Мы настаиваем на признании того, что жизненным вопросом для Турции является развитие ее экономической и финансовой мощи, а также усовершенствование ее правительственного аппарата. Поэтому мы безусловно отбрасываем все ограничения в политической, судебной или финансовой областях, которые бы задержали ее развитие. Условия погашения народного долга должны быть выработаны в полном согласии с этим существенным пунктом".

Комментируя эти требования кемалистов, английские газеты находили, что турки усвоили себе надменный тон, что они предъявляют „нелепые" требования, которые ни в коем случае не могут быть удовлетворены.

Антанта может лишь в самой минимальной степени удовлетворить требования новой Турции. Между тем несомненно, что если новая Турция откажется на деле от младотурецких принципов в области национальной политики, силы Турции удесятерятся и она новым языком заговорит с Антантой.

В настоящее время мы видим, как Турция Великого Национального Собрания становится центром притяжения не только для революционно настроенных арабов, лазов, курдов, но также египтян, индусов, марокканцев и т. д. „Морнинг Пост" сообщало недавно (февраль 1921 г.), что шейх Сенуссии, прибыв в Кесарию, сказал представителям прессы следующее:

„Анатолия исполняет свой высший долг по отношению к Оттоманской империи и всему мусульманскому миру. Правительства Антанты издавна задались целью порабощения Ислама, и, к сожалению, это им частично удалось. Но теперь турецкое правительство, являющееся единственным

оплотом Ислама способно оказать сопротивление и разрушить планы Антанты. Конец войны внушил Антанте надежду на осуществление своего плана. Вот почему Антанта пыталась навязать Турции мир на невероятно тяжелых условиях. Осуществление этих условий было поручено злейшим врагам Турции, в частности—армянам и грекам. Анатолия поставила во главе управления страной честных и дальновидных вождей и показала миру совершенно неожиданную силу сопротивления. Долг всех мусульман поддержать Анатолийское движение, и я верю, что весь мусульманский мир будет на их стороне". („Морнинг Пост", от 28 февраля).

Опираясь на дружеское соглашение с советской Россией, имея свой тыл обеспеченным с этой стороны, привлекая к себе симпатии всего мусульманского мира, новая Турция будет становиться с каждым днем сильнее и будет бороться за свое полное освобождение от гнета империалистических правительств Европы, которые в состоянии пойти по отношению к Турции лишь на самые ничтожные уступки.

Мих. Павлович.

С. Штаты и советская Россия.

§ 1. Республиканская партия и советская Россия. Промышленный кризис. Военные приготовления Америки. Грядущая война.

Из двух главных американских политических партий, представляющих интересы господствующих классов и борющихся за власть в С. Штатах. республиканской и демократической, первая стоит за соглашение с Россией, вторая, наоборот, резко враждебна советской России.

Республиканская партия является представительницей интересов индустриального капитала и многочисленных банков, связанных с угольными копями, фабриками и заводами, производящими земледельческие машины, паровозы, автомобили, рельсы, обувь, одежду и т. д. В настоящее время все эти отрасли промышленности переживают сильнейший кризис, выражающийся в отсутствии спроса, в промышленной панике и систематическом сокращении производства. Этот промышленный кризис является причиной безработицы, которая принимает в Америке катастрофический характер. Так, по последней статистике безработных в Америке к 1-му января 1920 г. было зарегистрировано:

среди строительных рабочих	300	тыс.
„ текстильных „	225	„
на локомотивных фабриках	250	„
в портновском производстве	150	„
в сталелитейном „	150	„
среди железнодорожников	200	„
„ моряков	125	„
„ пищевиков	100	„
„ шахтеров	50	„
„ печатников	50	„

В общем в Америке считается более 2.500.000 безработных[1]).

Неудивительно, что при таком остром кризисе, вызываемом сокращением спроса на предметы американской промышленности, не только миллионы рабочих, даже далеких от сочувствия идеям Советской власти, но и сотни капиталистов, в том числе многие видные члены конгресса и сенаторы и т. д., требуют восстановления торговых сно-

[1]) Вашингтонский корреспондент „Морнинг Пост“ от 21 янв. сообщает, что в одном только штате Нью-Иорк на 1 янв. числилось 645.043 безработных.

шений с страной, представляющей собой гигантский 170-миллионный рынок.

Несмотря на то, что торговый договор между Россией и Америкой еще не подписан, Америка все же ввезла с начала текущего года в Россию больше товаров, чем все остальные страны вместе взятые... В то время, как с начала текущего года Англия экспортировала в Россию товаров всего на сумму 121.047 пудов (сукна, шерстяную ткань, костюмы), Швеция—130.016 пудов (масла машинного, кос, бумаги, металлических изделий), Германия—217.241 п. (машинного масла, бертолетовой соли, дубильных веществ, земледельческих орудий, электрических лампочек), С. Штаты ввезли к нам товаров 1.776.000 пудов (уголь, мыло, земледельческие орудия и проч. грузов).

Помимо желания использовать гигантский русский рынок, соображения международной политики толкают определенную часть американской буржуазии к сближению с Россией. Несомненно, что С. Штаты намерены вести сепаратную, но очень актуальную мировую политику, противоречащую интересам других империалистических держав. С. Штаты находятся в настоящее время в том положении, в каком когда-то находилась Англия, именно в положении „блестящей изоляции". Это положение пугает многих представителей американской буржуазии. Критикуя меру, принятую Вильсоном по отношению к представителю России Мартенсу, влиятельная буржуазная газета „Нью-Иорк Америка" писала: „Изгнание Мартенса отнюдь не является проявлением патриотизма наших правящих кругов, а лишь непростительной ошибкой... Америка в настоящее время изолирована, и единственными друзьями ее могут быть лишь Россия и Китай, поэтому необходимо направить нашу внешнюю политику так, чтобы можно было завязать прочную дружбу с Россией и Китаем". Многие другие буржуазные газеты резко критиковали меру, принятую по отношению к Мартенсу.

Мы уже имели случай на страницах „Правды" и в нашей работе „Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал" (см. § 3: „Англия и Америка в борьбе за мировую гегемонию") писать о англо-американском конфликте. Еще более острый характер принимает с каждым днем конфликт американо-японский.

Лихорадочные военные приготовления Америки, предстоящая концентрация громадного американского флота на Тихом Океане, грандиозная судостроительная программа морского министра, согласно которой военный флот С. Штатов, имеющий в настоящее время водоизмещение в 300.000 тонн, будет иметь в 1925 г. водоизмещение в 1.600.000 тонн, т.-е. усилится более чем в пять раз, далее разработанный морским министром проект грандиозных строительных работ на Тихоокеанском побережье, на Филиппинах и Гавайских островах для создания здесь сильнейших военных баз, стоимость которых обойдется приблизительно в 200.000.000 долларов, колоссальные расходы на усиление сухопутной армии, ответные вооружения Японии, 60% государственных доходов которой идут исключительно на военные нужды и правительство которой разрабатывает план военной мобилизации японской промышленности, по образцу, указанному Людендорфом, открытые заявления многих органов американской и японской прессы о неизбежности войны между обеими сторонами—все это свидетельствует о крайней серьезности положения в Тихом Океане. „Война неизбежна,—говорит японский журналист Фузе.—Эта война будет на Востоке". О неизбежности войны на Тихом Океане, войны между Японией и Америкой говорят многие американские и английские газеты.

Расходы на содержание американской армии в 1921 г. определены в 326 миллионов долларов. Конгресс установил расходы в 331.000.000 долл., но сенат увеличил эти расходы еще на 31.000.000 долл. В 1914 г. содержание армии обходилось в 94.266.145 долларов, в 1915—в 100.212.000 долл. Таким образом, по сравнению с 1915 г. расходы на содержании армии увеличиваются более чем в $3\frac{1}{2}$ раза.

Не довольствуясь громадными расходами на увеличение армии и особенно военного флота, американское правительство устраивает демонстрации, которые отнюдь не свидетельствуют о миролюбивых планах правящих классов трансатлантической республики. К числу таких демонстраций относится упомянутая концентрация сильного американского флота в водах Тихого Океана. „Чикагская Трибуна" от 21 янв. сообщает, что американский атлантический флот прошел через Панамский канал и соединился с тихо-океанским. Оба флота немедленно же начинают совместные грандиозные маневры—будет произведена пробная война с наблюдением по возможности тех условий, которые возникнут в случае войны между Америкой и Японией. После маневров флоты предпримут долгое крейсирование вдоль берегов Южной Америки.

§ 2. Борьба за мировую гегемонию. Успехи Америки в области торгового судостроения.

В высшей степени поучительны данные о конкуренции между С. Штатами, Англией и Японией в области торгового судостроения.

В Англии в 1920 г. было построено 618 торговых судов, вместимостью в 2.055.624 тонны. Судостроение в 1920 г. значительно выше всех предыдущих лет и повышает рекордную цифру 1913 г. на 435.182 тонн. Из построенного в Англии тоннажа норвежские судовладельцы закупили 286.644 тонн, французские—201.662 тонны и итальянские — 131.589 тонн, что вместе представляет 41% всето построенного тоннажа. В 1913 г., напротив, построенный для иностранных заказчиков тоннаж составлял всего 21% построенных в Англии судов. Самые большие суда вместимостью не выше 22.000 тонн. Построено всего 15 судов вместимостью в 10 тысяч тонн и выше против 168 судов от 5 до 10 тысяч тонн. Средний тоннаж пароходов равняется 3.508 тонн. По отдельным портам и верфям судостроение распределяется следующим образом: на первом месте стоит Глазго—457.032 тонны, на втором Нью-Кестль—365.775 тонн. Затем идут Судерланд—314.454 тонны, Гринвич—223.434 тонны, Бельфаст—117.856 тонн, Мидельсброу—95.452 тонны.

Вне Великобритании было построено в течение 1920 года 1.141 портовых судна вместимостью в 3.806.042 тонны, из них 907 пароходов, 75 моторных судов и 159 парусных. По сравнению с 1919 г. наблюдается уменьшение на 1.718.065 тонн, по сравнению с 1913 г.—увеличение на 2.405.313 тонн.

Из построенных судов 236 вместимостью от 4 до 6 тыс. тонн, 163—от 6 до 8 тыс. тонн, 25—от 8 до 10 тыс. тонн и 17—выше 10 тыс. тонн.

В С. Штатах судостроение за 1920 г. дало 2.476.253 тонны, т.-е. на 1.599.132 тонны меньше, чем в 1919 г. Несмотря на это, тоннаж 1920 г. в девять (9) раз больше, чем в 1913 г., и в $5\frac{1}{4}$ раза больше, чем в рекордный 1907 г. Построенный в Соед. Штатах тоннаж представляет 42% мирового судостроения и 65% судостроения всех стран, кроме Англии. На Великих озерах было построено судов вместимостью в 127.528 тонн,

в число их входит 4 парохода вместимостью в 33.222 тонны. В числе построенных в Соед. Штатах судов имеется 1.500 тыс. тонн тоннажа судов, обладающих турбинами, и около 29 тыс. тонн судов с двигателями внутреннего сгорания, в том числе 1 судно в 8.168 тонн, самое большое в мире судно, снабженное мотором Дизеля. Построено 88 пароходов для перевозки нефти, их тоннаж составляет 567 тыс. тонн. Из построенных в Соед. Штатах судов 119 пароходов от 5 до 6 тыс. тонн, 152—от 6 до 8 тыс. тонн, 15—в 10 тыс. тонн и ни одного выше.

В Японии в течение 1920 г. было отстроено 456.624 тонны, т.-е. на 155.241 тонну менее, чем в 1919 г., и на 33.282 тонны менее, чем в 1918 г. Судостроение в Японии составляет тем не менее 34% мирового тоннажа 1920 г., за исключением Соед. Штатов.

Из построенных в Японии судов 51—от 5 до 10 тыс. тонн [1]).

Нижеследующая таблица свидетельствует о колоссальных успехах Америки в области судостроения и о той опасности, какой эти успехи грозят мировой гегемонии Англии вообще и гегемонии Японии в водах Дальнего Востока и на азиатском побережьи Тихого океана в частности.

Число тоннажа построенных торговых судов в отдельных странах:

	1919 год.		1920 год.	
	Суда.	Тоннаж.	Суда.	Тоннаж.
С. Штаты	1.051	4.075.385	509	2.475.253
Англия	612	1.620.422	618	2.055.624
Япония	133	611.888	140	456.642
Британск. колон. .	263	358.728	103	203.544
Голландия. . . .	100	137.086	99	183.149
Италия	32	82.713	82	133.190
Франция.	34	32.683	50	93.449
Швеция	53	50.971	46	63.839
Дания.	46	37.766	30	60.669
Норвегия	82	57.578	30	38.856
Бельгия	2	2.433	5	8.371

Из этой таблицы мы видим, что за двухлетие 1919—1920 г.г. Соед. Штаты построили 1.560 торговых судов с общим тоннажем в 6½ миллионов тонн, т.-е. почти на 3.000.000 тонн больше, чем владычица морей Англия, и на 5.500.000 тонн больше по сравнению с соперницей Соед. Штатов на Тихом океане—Японией. Очевидно, что Трансатлантическая республика серьезно готовится к борьбе за мировую гегемонию и намерена в ближайшем будущем начать очень активную политику. Не трудно доказать, что эти лихорадочные усилия С. Штатов в области судостроения отнюдь не вызываются потребностями данного момента, а преследуют цели ближайшего будущего, т.-е. захват мировой гегемонии Америкой. В январе 1921 г., по данным английской палаты судоходства (Chamber of Shipping), в С. Штатах числилось „безработных", т.-е. не функционирующих, не занятых судов, более 250 с тоннажем более 2.000.000 тонн, что составляет около 20%, т.-е. одной пятой всего американского тоннажа. В свою очередь в Великобритании числилось таких же „безработных" судов 600 с тоннажем в 2½ милл. тонн.

§ 3. Демократическая партия. Американские аграрии и Россия.

Кризис, переживаемый американской промышленностью, интересы важнейших отраслей американской индустрии, наконец, серьезное международное положение и возможность вооруженного конфликта с Японией

[1]) „Эконом. Жизнь" от 3 апр. 1921 г.

нией и Англией—все это, казалось бы, должно было давно толкнуть американское правительство к сближению с советской Россией. Однако, даже после подписания торгового договора между Россией и Англией и торжественного обращения В. Ц. И. К. к новому американскому президенту Гардингу и конгрессу с предложением о возобновлении торговых сношений, вашингтонское правительство не торопится пойти навстречу желаниям советской России и отказывается от подписания торгового договора с последней. Сущность американского ответа сводится к тому, что возобновление торговых сношений с Россией возможно будет лишь тогда, когда последняя вернется к буржуазному строю. Конечно, такого рода ответ свидетельствует лишь о том, что среди правящих американских групп существуют влиятельные круги, заинтересованные в блокаде России, в создании всяких препон к восстановлению нормальных торговых сношений между Россией и остальным миром.

Кто же в Америке является главным противником советской России, непримиримым врагом последней, не желающим допустить сношения с ней. Если республиканская партия, эта партия торгово-промышленного капитала, представляющая интересы крупных промышленных трестов и банков, руководящих металлургической, хлопчатобумажной, обувной и другими важнейшими отраслями американской индустрии, при всем своем социальном консерватизме и вражде к коммунизму, неоднократно высказывалась устами влиятельных сенаторов, членов конгресса, фабрикантов и органов прессы в пользу торгового договора с Россией; наоборот, демократическая партия, как представительница аграрного капитала, аграрных интересов, систематически и упорно борется против восстановления мирных отношений с Россией. Именно благодаря воздействию представителей демократической партии, Вильсон израсходовал 40 миллионов долларов—из суммы в 150 миллионов долларов, ассигнованной Вашингтонским конгрессом для нуждающихся европейских стран—исключительно для нужд польской армии во время войны Польши с советской Россией и разрешил в середине 1920 г., в момент крайне воинственного поведения Румынии по отношению к России, заключение в Америке займа для Румынии в 1 миллиард долларов.

Представительница интересов крупных аграриев, поставщиков сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок, демократическая партия Америки стремится изолировать советскую Россию от всего остального мира, чтобы сохранить за американскими аграриями монополию на международном рынке в области торговли продуктами земледелия.

Несомненно, что как только Россия с ее неисчерпаемыми естественными богатствами, с ее земледельческими продуктами снова выступит на мировом рынке, американской монополии придет конец. Целый ряд стран, как, напр., Италия, желали бы освободиться от необходимости приобретать американскую пшеницу и другие продукты сельского хозяйства, с тем, чтобы получать все это из советской России. В беседе с корреспондентом французской газеты „Матэн" (Утро) итальянский министр Нитти высказал это стремление широких слоев населения своей страны в следующих словах:

„Италия нуждается в сырье более чем какая-либо другая страна и должна стараться добиться его всюду, где только возможно. Поэтому она будет продолжать покупать пшеницу в Америке в надежде, что настанет день, когда Россия начнет присылать более дешевый хлеб, но не для одной Италии, а для всей Европы (см.

нашу брошюру: „Украйна, как объект международной контр-революции“, стр. 12—17).

За пятилетие 1909—1913 г.г. из всего среднего готового мирового производства четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, овса и ячменя) в 2.322 миллионов квинталов Россия производила 723,9 миллионов квинталов или 31,18%. Крайне значительно было участие России в снабжении мирового рынка главными хлебами. Россия доставляла на мировой рынок около 37% всего хлеба, тогда как все остальные страны, экспортирующие хлеб, вместе взятые, давали остальные 63%. Россия вывозила на мировой рынок, кроме хлеба, живой скот, птицу, мясо, тысячи вагонов яиц и другие продукты сельского хозяйства. Отсюда понятно, что выпадение такого звена, как бывшая Российская империя, из общей цепи государств, являвшихся поставщиками сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок, было сильным ударом для таких стран, как Италия, Швейцария, Скандинавские государства и т. д., т.-е. для потребительных рынков, и, наоборот, принесло колоссальные выгоды странам хлебного производства, т.-е. прежде всего С. Штатам, которые являлись главными конкурентами России на мировых рынках. По официальной котировке главной хлебной биржи в Нью-Иорке к началу января 1921 г. пшеница стоила 203 цента за центнер, т.-е. более чем вдвое по сравнению с ценами довоенного времени. Другие сельскохозяйственные продукты еще более повысились в цене, чем хлеб.

Понятно, что американские аграрии не заинтересованы в обратном приобщении России к мировому товарообмену, в поднятии экономического благосостояния нашей страны, наших производительных сил, в развитии нашего сельского хозяйства.

Однако, можно надеяться, что скоро под влиянием требований рабочих масс Америки правительство С. Штатов, несмотря на интересы аграриев и ненависть к большевизму, вынуждено будет пойти по английскому пути и подписать торговый договор с Россией, тем более, что фактически Америка в лице концессионеров вроде Вандерлипа с их грандиозными планами и многих экспортеров, завязавших торговые сношения с Россией, первая оказалась вынужденной отказаться от блокады России.

Мих. Павлович.

Из прошлого.

Вейтлинг и Бакунин [1]).

I.

Первые полтора года своего пребывания за границей Бакунин не замечал кипения жизни. Вырвавшись из кладбищенских объятий николаевской России, он был полон мечтательными планами о научных завоеваниях. В Берлине он как бы по инерции продолжает жить своими московскими настроениями, уйдя с головой в германскую метафизику, не замечая того политического сквозняка, который на письменных столах мыслителей капризно перемешивал плоды их философических раздумий. Долго это, разумеется, продолжаться не могло. Внутренняя потребность деятельности, огромные запасы нерастраченных сил, мощный темперамент, который требовал борьбы, все это вместе взятое испепелило скорлупу, отделявшую Бакунина от внешнего мира. И мы знаем, как полтора года спустя, проснувшись в одно прекрасное утро, наш мечтательный москвич почувствовал, что делает не то, что надо, что германская метафизика, манившая его романтическое воображение, оказалась подобной тем миражам, которые грезятся в пустынях заблудшим путникам. Он стряхнул с себя власть метафизических абстракций и, не оглядываясь, ринулся в развернувшиеся просторы политического моря. Он покидает Берлин, переселяется в Дрезден и здесь, в кругу младогегельянцев, сгруппировавшихся вокруг „Германских ежегодников", вписывает новую страницу в историю своих неистовых увлечений.

Впечатлительный, как девушка, обладавший столь же сильной способностью увлекаться, как и увлекать других, Бакунин заразился атмосферой политической оппозиции. Его восхитила революционная поэзия, а новые друзья раскрыли перед ним увлекательные горизонты политической борьбы. Около этого как раз времени в руки Бакунина попала книжка Лоренца Штейна „Социалисты во Франции" и довершила переворот, происшедший в его душе. Книга эта впервые познакомила его с идеями коммунизма и социализма. „Мне открылся новый мир,—пишет он в „Исповеди",—в который я бросился со всей пылкостью алчущего и жаждущего" [2]). Ему казалось,—признается он далее, будто он слышит „возвещение новой благодати, откровение новой

---

[1]) Настоящая статья представляет собой отрывок из подготовляемой к печати книги „Бакунин и его время". Печатается в сокращенном виде.

[2]) Цит. по экземпляру, предоставленному в мое распоряжение Главархивом.

религии, возвышение, достоинство, счастье, освобожденье всего человеческого рода". Мечты о великом назначении человека, предчувствие особенного призвания, тревожившие его юношеское воображение, приобретают почти конкретные формы. Вслед за книгой Штейна он стал поглощать литературу утопического социализма, широкой, хотя и подземной струей притекавшую в то время из Франции. Он прочитал все, что имелось в Дрездене. И, почувствовав себя обладателем новой истины, ослепившей его самого своим светом, он не смог не поделиться ею со всем миром. Новые настроения его нашли бурное проявление в блестящей статье, напечатанной в „Ежегодниках" Руге. Статья называлась „Реакция в Германии" и имела подзаголовок „Заметки француза". Под ней стояла подпись „Жюль Элизар".

II.

Статья эта, по сравнению с юношеским предисловием к „Гимназическим речам Гегеля", напечатанным в „Московском Наблюдателе" за 1838 г., знаменовала радикальный переворот в воззрениях Бакунина. Написанная философическим языком, туманным и иносказательным, она однако имела смысл резкий и ясный, полный революционного чувства. Никакой речи о признании разумности окружающего мира в ней не было. Никакого примирения с действительностью, никакого к ней пиэтета. Напротив. Статья звучала как протест, как призыв к революции, хотя и окутанный одеждами философской критики, которая направляла свое жало против немецкой реакционной идеологии. В статье этой Бакунин утверждал, что в порядке дня истории стоит главнейший вопрос об осуществлении свободы, т.-е., выражаясь иным языком,—о революции. Революция эта неизбежна, она созревает, нарастает, не только в Европе, но даже в России, и порабощенные народные массы, угнетенные и эксплоатируемые, с надеждой ожидают этого будущего. Все содержание статьи сводилось к мысли, что развитие исторического процесса неуклонно идет к разгрому реакции и победе революции.

Статья заканчивалась следующими словами:

„Доверимтесь же вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни". И дальше: „Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть".

Статья эта произвела сильное впечатление на Герцена. Об этом мы знаем из его дневника. Ею восхищались также новые немецкие друзья Бакунина, и можно считать бесспорным, что в развитии предреволюционных идей она сыграла значительную роль. Она выдвинула Бакунина в первые ряды революционной молодежи. Его известность вышла за пределы кружка друзей. И имя молодого русского обратило на себя внимание немецких жандармов. Этому способствовал, впрочем, еще ряд других обстоятельств.

Незадолго до того приехал в Дрезден Гервег, переживавший в то время расцвет своей поэтической славы.

Еще продолжала греметь год назад (1841) вышедшая книжка его революционных стихов „Gedichte eines Lebendigen". Она вызывала шумные восторги передовой молодежи и всего вообще революционно настроенного общества. Но зато реакционеры Германии скрипели зубами при одном имени популярного поэта. Гервег сдружился с Бакуниным, даже поселился в его квартире—этого было достаточно, чтобы ненависть немецких филистеров и русских охранителей к революцион-

ному поэту отраженным светом пала и на Бакунина. Впрочем, не только дружба его с Гервегом давала русскому посольству основание с особенным вниманием приглядываться к своему соотечественнику.

Репутация кружка Арнольда Руге и „Немецких Ежегодников“, закрытых вскоре после появления в ней бакунинской статьи, также рекомендовала молодого москвича с самых предосудительных сторон.

Усиленный интерес, проявленный к его особе, обеспокоил Бакунина. Перед ним возникла даже чудовищная перспектива насильственного возвращения в Россию. Она внушила ему чувство ужаса, как признается он в „Исповеди“. „В Западной Европе перед ним открывался горизонт бесконечный, он чаял жизни, чудес, широкого раздолья; в России же видел тьму, нравственный холод, оцепенение, бездействие“. Этим все было сказано. И Бакунин решил оторваться от родины.

Тут кстати подвернулась случайность. Гервег, встреченный по приезде своем в Германию с почестями, был принят королем не очень удачно, носившим тогда маску поклонника свободы. Король милостиво говорил комплименты знаменитому поэту, но когда поэт рискнул пожаловаться ему на притеснение прусской полиции, его беззастенчиво выбросили за пределы Германии. Вместе с Гервегом поехал и Бакунин. Гервег направился в Швейцарию. В Швейцарию двинулся и Бакунин. „Если бы он поехал в Америку,—признается Бакунин,—и я туда поехал бы с ним“.

В январе 1843 года друзья были в Цюрихе. Но и цюрихское свободное правительство по отношению к Гервегу оказалось не более гостеприимным. Оно любезно предоставило поэту возможность поселиться где-угодно, но только за границами своего кантона. Гервег уехал. Бакунин остался один.

Уехав из Цюриха, Гервег в пути повстречался с Вейтлингом, направлявшимся в Цюрих. Поэт, очевидно, полагал, что Бакунин и Вейтлинг, сходные по огненным темпераментам, превосходно поймут друг друга. Он направил Вейтлинга с письмом к Бакунину. В Цюрихе и произошло знакомство пламенного магдебургского портного с молодым московским романтиком. Познакомимся и мы в кратких чертах с обликом этого замечательного агитатора.

III.

Вильгельм Вейтлинг родился в Магдебурге, в Германии в 1808 году. Его мать—бедная девушка, отец—французский офицер. Внебрачный ребенок—Вейтлинг рос в нищете ужасающей. Бедная женщина отдала мальчика в ученье портному. Это все,—что могла она сделать для его будущего. Усвоив портновское ремесло, превратившись в юношу, Вейтлинг осмотрелся вокруг. Ничто не связывало его с родиной. Кроме лишений и горечи, она ничего ему не дала, картины жестокой нищеты смолоду уязвили его сердце. А тем временем подошли годы военной службы. Ничего ему не дав, любезное отечество потребовало от молодого человека основательной жертвы в виде нескольких лет казарменной выучки. Прикинув в уме за и против, сообразовав все обстоятельства—Вейтлинг забросил дорожный мешок за плечи и пошел куда глаза глядят.

Было ему 20 лет от роду, когда покинул он Магдебург и, в течение 7 лет странствуя из города в городе, всматривался юноша в жуткое зрелище человеческого горя, которое развертывалось перед его глазами. В это время он писал стихи, ядовитые и насмешливые, иные из них были даже напечатаны. Неприхотливый и восприимчивый, го-

нимый внутренним огнем—Вейтлинг перекочевал в Австрию, зарабатывая хлеб то ремеслом портного, то изготовлением искусственных цветов. После семилетних странствований, уже знакомый с потрясающим контрастом роскоши и нищеты, наслажденства одних и слез других—он в 1835 году очутился в Париже и с первых же дней своего появления окунулся в водоворот политических настроений. Он прожил в Париже год, перебрался затем на короткое время в Германию и, наконец, в 1837 году мы вновь встречаем его в Париже участником революционного движения, одним из виднейших членов „Союза Справедливых“ [1]).

Самоучка, бродяга, с страстной ненавистью к несправедливому настоящему, с пламенной верой в какое-то ослепительное будущее—Вейтлинг успел к этому времени сделаться начитанным человеком. Огромный житейский опыт, личные лишения, тревожные размышления о судьбе человеческого большинства, чувство кровной связи с страдающими бедняками, превратили тлевшие в его душе искры протеста в жаркую революционную страсть. Социалистическая и революционная литература Франции, политические и социальные настроения французской бедноты, горький опыт борьбы, которую вели французские блузники, их заблуждения и разочарования, неверие в вероломную буржуазию и веру в силу сплочения трудящихся—все это воспринял талантливый энтузиаст, переплавил в своей душе и в 1838 году эти плоды „ума, холодных наблюдений и сердца горестных замет“—он вложил в свою первую книгу, пламенный памфлет против всего буржуазного строя, книгу замечательную как по литературному таланту, так и по радикализму ее революционного содержания. Книга эта называлась: „Человечество, как оно есть и каким должно быть“ и была написана по поручению „Союза Справедливых“. Она была, собственно говоря, декларацией этого Союза.

Но Вейтлинг не удовлетворяется одной лишь литературной агитацией. Он деятельно организует ячейки будущего общества в виде коммунистических столовых, ведет неустанную пропаганду коммунизма. Разгром „Союза Справедливых“ и белый террор во Франции погнал его в Швейцарию.

IV.

Здесь он продолжает развивать бешеную деятельность. Организует тайный „Союз Справедливых“, куда вовлекает, главным образом, ремесленников, большею частью немецких подмастерьев, распространяет идейное и организационное влияние Союза в ряде кантонов, устраивает свои излюбленные коммунистические столовые и кружки в Женеве, Лозанне, Шо-де-Фоне, обращает в свою веру пожилого Августа Беккера, привлекает к себе выдающихся рабочих кожевника Симона Шмидта и скорняка Нильса Петерсона, выпускает в 1841 г. в Женеве журнал „Der Hilferuf der deutschen Jugend“, и в этом журнале провозглашает, что без всеобщего братского объединения рабочих не может быть и речи об освобождении человечества. Он приобретает друзей, приверженцев и сторонников не только среди рабочего и ремесленного населения, но даже в среде буржуазного класса. К друзьям его принадлежали также эмигрировавшие из Германии профессор минералогии Юлиус Фребель и профессор Фоллен—оба виднейшие пред-

---

[1]) Э. Калер, „Вильгельм Вейтлинг, его жизнь и учение“. С.-Пбург., изд. „Просвещение“. См. также Ф. Меринг. „Ист. герм. соц.-демократии“, т. I, изд. Бр. Гранат; его же „Карл Маркс“, изд. Гос. Изд.

ставители радикального крыла Цюрихского Общества. В 1842 г. он из Женевы переселяется в Веве, издает новый журнал „Die junge Generation“, с прежним революционным и коммунистическим направлением. И в том же 1842 году, в декабре месяце выпускает в свет свое главное произведение „Гарантии гармонии и свободы“—одну из самых замечательных книг, созданных пером рабочего-революционера.

Вейтлинг бедствовал при этом страшно. Книги его никогда не увидали бы света, если бы не были изданы усилиями и средствами его последователей и сторонников. 300 швейцарских рабочих, таких же бедняков, как и их вождь, отказали себе в самом необходимом и на сколоченные сбережения отпечатали „свою книгу“. С первых же дней выхода она стала пользоваться исключительным успехом среди рабочих. Власти препятствовали ее распространению, но книга тайно, под полой пропутешествовала во Францию, в Германию, в Австрию, а несколько позднее—была переведена на английский и даже норвежский языки.

Редактор популярнейшей газеты „Die junge Generation“, которую добровольцы транспортировали за границу, за которой французские власти охотились, чтобы предавать сожжению, автор книги, ставшей любимейшей книгой рабочих, с огромным запасом революционной веры в святую правоту своего дела—таким был портной-самоучка Вильгельм Вейтлинг, когда в мае 1843 года он из Женевы перебрался в Цюрих, где и встретился с Михаилом Бакуниным.

Вейтлинг часто посещал Бакунина, развивал перед ним свои планы, яркими красками рисовал перспективы грядущего освобождения, знакомил его с бытом рабочих, Бакунину до того совершенно неизвестным, рассказывал о французских коммунистах и о немецких тайных обществах. Вейтлинг, без сомнения, хотел обратить в свою веру голубоглазого варвара, столь же пламенного, как и он сам, как и он сам столь же склонного к планам широчайшим и самым фантастическим мероприятиям.

Удалась ли ему эта задача? Был ли Бакунин распропагандирован Вейтлингом и обращен в коммунистическую веру? Дают ли сношения Бакунина с коммунистами основание причислить его к этой „вредной“ и опасной для государства секте, как то старался в своем докладе сделать глава тогдашнего Цюрихского правительства, профессор государственного права Блунчли. Мы ниже ответим на этот вопрос, но прежде попытаемся кратко охарактеризовать тот круг идей и планов, который развивал перед молодым московским романтиком великий немецкий ремесленник.

V.

Вейтлинг был коммунистом. Но он был вместе с тем человеком своего времени, представителем немецких ремесленных подмастерьев. Это отразилось на его идеологических построениях. Коммунизм Вейтлинга был продиктован классовым чувством и острой ненавистью к капиталистическому строю. Тем не менее это был утопический коммунизм, лишенный твердой социальной базы и глубокого научного обоснования. Современник Кабе—Вейтлинг в своем учении отразил многое из учения французского утописта. В своем понимании христианства Вейтлинг не далеко ушел от автора „Путешествия в Икарию“. Так же, как и Кабе—он облекал учение Христа в коммунистические одежды. Религиозный элемент играл далеко не последнюю роль в учении Вейтлинга. И в то же время он находился под несомненным влиянием двух других французских утопистов—Сен-Симона и Фурье,—

об этом говорит проект организации верховного управления Нового общества, которое, по мысли Вейтлинга, должно управляться мудрейшими из людей, гениями, овладевшими самыми полезными науками—медициной, физикой и механикой. В смысле преемственности—Вейтлинг был продолжателем великих утопистов Франции—но, взяв от них очень многое, очень многим им обязанный, он сделал гигантский шаг вперед.

Сен-Симон, Фурье, Кабе—были моралистами. Критикуя современное им общество, строя планы будущего справедливого общества, они хотели устранить несправедливость и создать царство Божие на земле мирным путем, воздействуя на разумную и чувствительную природу человека. Эта именно вера в возможность и действительность обращения к чувству и разуму господствовавшего класса была характерной чертой всех утопических систем. С этой наивной верой Вейтлинг решительно порывает. Мирная пропаганда идей заменяется призывом к революционной борьбе. На место общечеловеческих интересов эксплоататоров и эксплоатируемых становится классовая непримиримость этих интересов. Что было неясно аристократу Сен-Симону и приказчику Фурье, чего не мог уяснить себе адвокат и журналист Кабе—то без труда, благодаря пролетарскому происхождению и горькому личному опыту, досталось портновскому подмастерью и самоучке Вильгельму Вейтлингу. Сен-Симон, Оуэн, Фурье и Кабе, расходившиеся по многим основным вопросам их учений, верили в возможность мирной и безболезненной перестройки старого общества. От них всех Вейтлинг отличался прежде всего тем, что возможность такой мирной перестройки категорически отвергал, идею мирной пропаганды заменял идеей о неизбежности социальной революции, необходимости жестокой борьбы с старым миром, который он вместе со своими предшественниками отрицает целиком, во всех главнейших его учреждениях.

Вейтлинг отрицает правительство—в нем не нуждается свободное человеческое общество. Он смеется над приверженностью к „отечеству“, ибо в этом прославляемом отечестве рабочим „приходится разыгрывать роль осла“,—в котором всеми радостями жизни пользуется праздное меньшинство, на рабочее же большинство „ложатся невыносимым бременем все классы и сословия“. Отрицает частную собственность, которая является источником всех бед и несчастий, обрушившихся на человечество; частная собственность должна быть заменена общностью имуществ. Он отрицает деньги, как систему, закрепляющую классовое неравенство, ибо деньги помогают богатым притеснять и эксплоатировать бедных... Издевается над „свободой“ печати, за которую так красноречиво ратовала буржуазия, потому что, по мысли Вейтлинга, в обществе, разделенном на классы, в обществе, где есть богачи и бедняки, где на деньги можно купить все, включая тело, совесть и дарования человеческие,—в таком обществе не может быть и речи о свободной печати.

„Пусть кто-нибудь попробует,—иронически замечает Вейтлинг,—писать в защиту бедных классов, тогда он увидит, что значит свобода печати при господстве денежной системы“.

Он насмешливо относится к парламентарным теориям. В первой половине XIX века, до 1848 года, когда буржуазия еще не достигла вершин власти и не успела развернуть во всю ширь всю безграничность классового своекорыстия своего и низкого вероломства, когда феодализм в значительной части Европы еще давал чувствовать свои незатупленные когти, когда английские рабочие проливали кровь за

всеобщее избирательное право и это право казалось европейским рабочим могучим средством освобождения,—магдебургский портной Вейтлинг гениальным чутьем и силой классового инстинкта оценил призрачное и ложное значение парламентаризма. „Что толку в том, писал он в „Гарантиях", что мы имеем право бросить в избирательную урну имя того или другого кандидата; результаты выборов всегда окажутся одни и те же; всегда оказывается, что право на стороне богатых, а бесправие удел бедных" [1]). И всему старому миру, огромной тюрьме, за железными решетками которой задыхается человек,— он противопоставляет новый мир, мир коммунизма.

„Коммунизм—это такой общественный порядок, при котором все человеческие силы, способности и органы—человеческие руки, ноги, голова и сердце, ум и чувство содействуют тому, чтобы каждому индивидууму, сообразно наличным равным для всех условиям, было обеспечено полное удовлетворение его потребностей, желаний и влечений, иначе говоря, чтобы каждому была гарантирована возможность полного наслаждения своей личной свободой".

VI.

Отрицая свободу печати и всеобщее избирательное право, Вейтлинг не отрицал политической деятельности вообще. Он полагал, что участие в политической деятельности поможет рабочим освободиться от экономического рабства. Но, высмеивая спасительную силу буржуазной свободы печати, издеваясь над буржуазной справедливостью— он подчеркивал, что и гласный суд и так называемая свобода печати могут быть использованы с успехом рабочими для своего дела. Не в плоскости политической, парламентской избирательной борьбы видел Вейтлинг ось революционной тактики. Одну лишь социальную революцию, сокрушительную, беспощадную почитал он тем путем, который ведет к будущему свободному обществу. Необходимо до тла, без остатка разрушить этот мир. В нем царят хаос и беспорядок— следует довести их до крайних пределов. Классовое общество создало массы озлобленного, преступного, отчаявшегося люда,—надо озлобить их еще больше, организовать их и направить против общего врага. В народе живет недовольство—это недовольство надо увеличить, раскалить, раскачать, надо без устали разъяснять недовольным их истинные нужды до тех пор, пока не вспыхнет в них „чувство возмущения, которое вырвется наружу в целом ряде революций и приведет, наконец, к полному освобождению народа".

У него мелькала даже мысль—с нею он обратился к друзьям своим—Эвербеку во Франции и Августу Беккеру в Швейцарии,—которая сводилась к тому, что для торжества революции следует использовать все темные низы городской нищеты—грабителей, преступников, осужденных. Надо их организовать, связать общей задачей и двинуть против общества, которое они ненавидят и основе которого, частной собственности, они на деле уже объявили войну. Из этих людей, изверившихся и отчаянных, полных кипучей злобы и готовых на все, можно организовать целую армию—20.000, а быть может 40.000 человек. Эта армия своими партизанскими действиями может вконец дезорганизовать старое общество и привести его к гибели.

Против такого плана друзья восстали решительнейшим образом. Но план этот был логическим звеном в цепи умозаключений Вейт-

---

[1]) Цит. по Калеру.

линга. По другому поводу ему бросали упрек в иезуитизме, его укоряли, будто он следует безнравственному принципу „цель оправдывает средства“.

„Эка важность—замечает Вейтлинг в „Евангелии бедного грешника“.—Чем плох этот принцип, если цель хороша. Если для излечения от какой-нибудь болезни требуется сильный яд, то никакое слабое средство тут не подойдет“ [1]).

Но если власть имущие станут противодействовать осуществлению революционных принципов, тогда „коммунистические философы“ „должны будут предать все кругом истребительному огню, который один в состоянии будет разрушить планы наших врагов. Тогда мы провозгласим ту мораль, которой никто еще никогда не осмелился проповедывать и которая сделает невозможным существование власти, основанной на эгоизме, ту мораль, которая превратит кровавые уличные схватки, все равно неспособные обеспечить народу победу, в непрерывную партизанскую войну, в войну, которая уничтожит все расчеты богатых на труд бедных, и которой нельзя будет остановить никакими солдатами, жандармами и полицейскими в мире. Эта мораль доставит нам целые легионы бойцов и соратников, содействия которых мы пока еще гнушаемся; эта мораль не оставит нашим противникам никакого другого исхода, кроме осуществления наших принципов; эта мораль повлечет за собой низвержение и прекращение господства личных интересов. Но эту мораль можно с успехом проповедывать только среди масс, наполняющих наши крупные города, брошенных в бездонную пропасть нищеты и отчаяния. Раз лозунг будет дан, он явится сигналом для новой тактики, против которой наши враги никогда не смогут устоять. Если нас будут давить вплоть до этой последней пружины, то наша обязанность дать ей лопнуть, хотя бы это вызвало самую ужасную смуту на целые десятилетия. Всякий борется, как он может. Эта новая мораль, пример которой дал нам, впрочем, сам Христос, конечно, окажет свое действие. Этим все сказано“ [2]).

На случай удачи социальной революции, Вейтлинг наметил ряд мероприятий, которые должны были бы закрепить окончательную победу народа. Вот что следовало сделать для этого. „Бедных расквартировать в домах богатых. Учредить временное правительство, состоящее из надежных приверженцев коммунизма; вооружить пролетариат и ремесленников, амнистировать всех заключенных. Всякого, кто выступит врагом коммунистического принципа, подвергнуть расстрелу; отменить полицейскую и судебную власти; народ сам выберет лиц для защиты своих прав и интересов. В качестве перехода от денежного хозяйства к коммунистическому должны быть выпущены революционным правительством бумажные деньги, которые явятся воплощением понятия общественной собственности на все имущество страны — на землю, дома, корабли, фрукты и др. товары, до того выступавшие только в форме частной собственности и капитала. Те богачи, которые в первые же дни отдадут в руки революции все свое имущество, бу-

[1]) „Гарантии гармонии и свободы“. Цит. по Калеру.

[2]) О Вейтлинге и Нечаеве не говорилось в нашей литературе. А между тем многое в Нечаевских воззрениях напоминает то, что значительно ранее было высказано Вейтлингом. Нечаев в 1870 г. посетил Швейцарию. Возможно, что он познакомился и с сочинениями Вейтлинга, хотя и позабытого к этому времени, но сочинения которого в библиотеках должны были сохраниться. Вопрос этот нуждается, конечно, в исследовании. Нечаев был прямолинейней Вейтлинга, шел дальше его в логических выводах из основных посылок, но от этого не меняется сходство самих посылок.

дут получать пенсию соответственно своим привычкам и требованиям жизни. Потребность государства в звонкой монете будет удовлетворяться прогрессивно-подоходным налогом, взыскиваемым с тех лиц, которые пожелают остаться при прежнем денежном хозяйстве. До введения расчетных книг временное правительство введет разменные чеки; промысловые комиссии, выбранные из своей среды народом, разделенным по профессиям на отдельные категории, определяют в рабочих часах стоимость, количество и качество отдельных продуктов. Так как за все продукты, работы и услуги в коммунистическом обществе будут расплачиваться исключительно чеками, то богачи, которые больше ничего не смогут доставать за свои наличные деньги, принуждены будут присоединиться к новой организации. Духовенство не будет получать никакого жалованья ни от государства, ни от общины".

Таков в кратких и беглых чертах утопический, но полный проблесков гениальной мысли план Вейтлинга.

VII.

Всматриваясь в эти положения, высказанные решительным и энергическим языком, полным пламенного гнева, мы находим в них многое, что довольно ясно напоминает нам о рассуждениях позднейшего Бакунина. Ведь эта программа социальной революции, безудержной и разрушительной, как-будто логически вытекала из того положения, которое в общей форме патетически было провозглашено Бакуниным в его знаменитой статье „Реакция в Германии".

И в ком, казалось бы, как не в Бакунине, найти было Вейтлингу достойного союзника и последователя? В Вейтлинге швейцарского периода в том, что он делал и говорил, было так много бакунинского, что кажется невероятным, чтобы Бакунин не восхитился учением неистового разрушителя и не пошел с ним рука об руку.

Тем не менее этого не случилось. Обратить Бакунина в свою веру Вейтлингу решительно не удалось.

В „Исповеди" Бакунин довольно подробно говорит о Вейтлинге и коммунизме. „Я сам никогда не был коммунистом", заявляет он. Но, высказываясь против коммунизма, он, тем не менее, хочет отдать ему должное. „Коммунизм является,—говорит Бакунин,—естественным, необходимым и неотвратимым результатом экономического и политического развития Западной Европы". Это один источник его влияния. Другая сторона, дающая коммунизму силу и значение, заключается в том, что „общественный порядок, общественное устройство сгнили на Западе". „В Западной Европе, куда ни обернешься, везде видишь дряхлость, слабость, безверие и разврат, разврат, происходящий от безверия; начиная с самого верху общественной лестницы, ни один человек, ни один привилегированный класс не имеет веры в свое призвание и право; все шарлатанят друг перед другом и ни один другому, ниже себе самому не верит: привилегии, классы и власти едва держатся эгоизмом и привычкою,—слабая препона против возрастающей бури".

„Образованность,—продолжает он,—сделалась тожественна с развратом ума и сердца, тождественна с бессилием. И посреди сего всеобщего гниенья, один только грубый, непросвещенный народ, называемой чернью, сохранил в себе свежесть и силу, не так, впрочем, в Германии, как во Франции. Кроме этого, все доводы и аргументы, служившие сначала аристократии против монархии, а потом среднему сословию против монархии и аристократии, ныне служат, и чуть ли еще не с большею силою, народным массам против монархии, аристо-

кратии и мещанства. Вот в чем состоит, по моему мнению, сущность и сила коммунизма, не говоря о возрастающей бедности рабочего класса, естественного последствия умноженья пролетариата, умножения, в свою очередь необходимо связанного с развитием фабричной индустрии так, как она существует на Западе. Коммунизм по крайней мере столько же произошел и происходит сверху, сколько и снизу; внизу, в народных массах, он живет и растет как потребность не ясная, но энергическая, как инстинкт возвышения; в верхних же классах, как разврат, как эгоизм, как инстинкт, угрожающий заслуженной беде, как неопределенный и беспомощный страх, следствие дряхлости и нечистой совести; и страх сей и беспрестанный крик против коммунизма чуть ли не более способствовали к распространению последнего, чем самая пропаганда коммунистов".

Это свидетельство его в „Исповеди" может быть подтверждено другим источником, более основательным, который никак нельзя заподозрить в неискренности, или в желании автора отклонить от себя обвинение, которое в глазах Николая I могло быть особенно тяжким. Этот другой источник—статья Бакунина о Вейтлинге и о коммунизме, напечатанная им без подписи в середине 1843 г. в цюрихском журнале „Der Schweizerische Republikaner". В этой, неподписанной им статье, полемизируя с реакционным цюрихским журналом „Der Schweizerische Beobachter", травившим Вейтлинга, защищая последнего, Бакунин тем не менее твердо высказывается против коммунизма и против будущего государства Вейтлинга. „Раз-на-всегда заявляем,—пишет он,—что мы не коммунисты, и что у нас столь же мало охоты, как и у господ из „Наблюдателя", жить в государстве, построенном по плану Вейтлинга" [1]).

Бакунин не подчинился влиянию Вейтлинга. Коммунизм его не захватил и не увлек. Идеология, рожденная и взлелеянная в рабочих предместьях промышленных центров Европы, не вызвала в широкой душе русского романтика сочувственного отклика.

Пламенный пафос Вильгельма Вейтлинга пропал даром. „Нет ничего легче,—сообщает Николаю I в „Исповеди" Бакунин,—как отыскать нелепость, противоречие и невозможность в каждой доселе известной социальной теории, так что ни одна не в состоянии выдержать даже трех дней существования".

Такое отношение к коммунизму со стороны Бакунина было естественным. В его душе не оказалось никакого к коммунизму предрасположения. Он и в самом деле не мог иначе кроме как с „любопытством" выслушивать те факты, дотоле ему неизвестные, которые сообщал ему Вейтлинг, и оспаривать правильность вейтлинговых теорий. Пути немецкого ремесленника и русского родовитого интеллигента расходились. Компас Бакунина направлял его корабль совсем в другую сторону.

Это не значит, однако, что все слова, сказанные Вейтлингом Бакунину во время их частых и долгих бесед, пропали без следа. Многое из того, что было услышано Бакуниным из уст Вейтлинга, позднее легло в основу его анархического мировоззрения. Именно от Вейтлинга, а не от Прудона услышал он впервые резкую критику парламентаризма, буржуазной свободы печати, отрицание правительства. Не Бакунин, а именно Вейтлинг первый заговорил о босяцком пролетариате, о городской черни, о преступном элементе—как революционной

---

[1]) Статья эта открыта М. Неттлау. Рядом убедительных соображений он доказывает ее принадлежность Бакунину. Не имея под рукой Неттлау, цитирую по книге Ю. М. Стеклова „М. А. Бакунин".—(Изд. Сытина, Москва 1920, т. I, стр. 109—111).

силе. К этим словам Вейтлинга Бакунин ничего не прибавил. И, наконец, тот проект революции в Богемии, который раскрыл Бакунин в „Исповеди“ и который Ю. М. Стеклов считает предвосхищением Советской власти, является лишь развитием и видоизменением вейтлингова проекта, о котором мы говорили выше. Эти проекты разделил период времени в 6 с лишним лет,—но, ведь, это не меняет дела. В дни своих бесед с Вейтлингом Бакунин устоял от подчинения его влиянию, но спустя некоторое время многие из мыслей, высказанных Вейтлингом, были им положены в основу своих рассуждений.

Мы не знаем, к какому результату привело бы дальнейшее общение Вейтлинга и Бакунина. Этому помешали обстоятельства.

Профессор Блунчли задался целью истребить коммунизм с корнем и в своем охранительном усердии он пришил к делу не только людей, имевших к коммунизму прямое отношение, но и таких, которые были к нему совершенно непричастны. В числе последних оказался и Михаил Бакунин.

VIII.

В мае 1843 года Вейтлинг объявил о близком выходе своей новой книги „Евангелие бедного грешника“. При этом он опубликовал конспект этой работы. Содержание конспекта повергло в ужас богобоязненных буржуа Цюрихского кантона. Иисус трактовался здесь как коммунист, проповедующий упразднение собственности, уничтожение наказаний и общность работ и наслаждений. Принципом Иисуса объявлялся принцип свободы и равенства—и можно себе представить изумленное негодование фарисеев, когда они читали дальше: „Иисус странствует с грешницами и встречает в них поддержку. Иисус отрицает семью. Иисус проповедует войну. Иисус не уважает собственности. Посягательства Иисуса на собственность“ и т. д.

Чаша долготерпения охранителей была переполнена. На Вейтлинга уже давно косились швейцарские власти. Ныне представился случай, исключительно благоприятный.

Духовная консистория Цюриха настрочила послание государственному прокурору, обвинив Вейтлинга в богохульстве—и ночью в июле 1843 года, возвращавшийся с рабочего собрания Вейтлинг был схвачен и заключен в тюрьму. Тщательнейший обыск, который произвели как у самого Вейтлинга, так и у его издателя, дал в руки правительства целое собрание материалов, за которые с жадностью ухватился либеральный профессор Блунчли.

Под руководством того же Блунчли, была назначена специальная комиссия для расследования не только преступления Вейтлинга, но всего коммунистического движения в Швейцарии.

Профессор поставил себе две цели. Ликвидировать все движение целиком и скомпрометировать вместе с тем всех людей, которые вступали в те или иные сношения с опасным государственным преступником. Все материалы, письма и рукописи, найденные у Вейтлинга, были поэтому изданы отдельной книгой, в виде доклада Комиссии Госуд. Совету, которая получила самое широкое распространение.

Среди прочих писем, напечатанных в этом докладе, были письма Вейтлинга, в которых упоминалось имя Михаила Бакунина с сакраментальными с точки зрения цюрихских властей эпитетами. „Великолепный парень“—отзывался о молодом русском в одном из своих писем Вейтлинг. Этот отзыв решил судьбу Бакунина.

Профессор Блунчли, а вместе с ним и швейцарская полиция заинтересовались личностью „великолепного парня". У них явилось горячее желание ближе познакомиться с этой интересной личностью,— желание это и явная заботливость, которую стала проявлять по его адресу швейцарская полиция, обеспокоили Бакунина. У него явилось весьма основательное подозрение насчет действительных намерений Блунчли, и он поспешил возможно скорее убраться из свободолюбивого швейцарского кантона.

С этого времени, т.-е. с конца 1843 г., начинается оживленная переписка между русскими официальными агентами в Швейцарии и III Отделением „Собственной его императорского величества канцелярии", посвященная „отставному прапорщику артиллерии Михаилу Бакунину".

Вяч. Полонский.

В порядке дискуссии.

О книге т. Н. Бухарина.

I.

Книга т.т. Бухарина и Преображенского «Азбука коммунизма» приобрела у нас общеобязательный характер, стала рядом с программой партии. В последнее время замечается стремление придать такой же общеобязательный характе и книге т. Бухарина «Экономика переходного периода». По поводу этой последней книги я и хотел бы высказать несколько замечаний,—именно для выяснения того, на сколько мнения, высказанные в ней, могут считаться обязательными для всех членов партии.

Все мы, поскольку являемся сознательными членами партии, являемся в то же время и марксистами. В предисловии к своей книге т. Бухарин на двух страницах три раза говорит о Марксе и марксизме; предисловие начинается заявлением, что цель книги—ниспровержение некоторых якобы-марксистских представлений. А кончается предисловие словами: «Излишне распространяться о том, что путеводной нитью для автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост».

А как другие коммунисты оценивают марксизм?

Беру для примера статью «Программа меньшевизма. Маркс, Мартов и Гильфердинг» в № 73 «Правды» от 5-го апреля 1921 г. Автор ее (Ил. Вардин) приводит следующие слова из письма Мартова:

«Состояние мира сейчас настолько исключительно, настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского анализа, что вывести основную линию развития требует новой научной работы, которая во многом дополнила бы и может быть изменила бы экономическую концепцию Маркса».

По поводу этой части письма Мартова т. Вардин иронически спрашивает:

«Так «дополнить» и «изменить» марксизм?[1] Произвести «новую научную ревизию»?[1] Это очень интересно, мы всячески приветствовали бы «такую» «работу» меньшевизма ибо здесь они окончательно разоблачили бы себя».

А в конце статьи т. Ил. Вардин с негодованием обрушивается на меньшевиков («социалистическую интеллигенцию») за то, что у них на устах революционная фраза, а в частных беседах—«полный отказ от марксизма, полный отказ от революции».

Нужно ли еще приводить доказательства того, что мы являемся резкими и беспощадными противниками всякого ревизионизма по отношению к учению Маркса?

Теперь обратимся к книге Бухарина. Вот что пишет он по поводу экономики наших дней, по поводу «хозяйства переходного периода»:

«При первой же серьезной попытке действительно научно овладеть той весьма беспокойной конкретностью, которую мы называем хозяйством переходного периода, мы натыкаемся на то, что старые понятия теоретической экономии моментально отказываются служить» (стр. 24).

---

[1]) В газете здесь вместо знаков вопроса—точки.

Ни о какой теоретической экономии, кроме марксизма, между нами, марксистами, не может итти речь. Чтобы в этом не было сомнения, Бухарин на следующей же странице (125) ставит точку над i. Он поясняет:

«...Старые, испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе практической жизни они продолжают рассматриваться, как средства действительного понимания явлений хозяйственной жизни».

Итак, по Бухарину, старые понятия марксизма теперь «моментально отказываются служить», старые орудия марксистской мысли «дают осечку» и необходимо относиться к ним «критически». А, по Мартову, «состояние мира не укладывается в схемы марксистского анализа» и поэтому необходимо «изменить экономическую концепцию Маркса». Из сопоставления цитат мы наталкиваемся на факт, казавшийся невероятным,—на тот факт, что и Бухарин, и Мартов оказываются в одном лагере, в лагере ревизионистов (критиков) по отношению к Марксу. Как это могло случиться? В чем дело? В чем разница,—или даже противоположность,—между Бухариным и Мартовым?

Уже одна только возможность постановки таких вопросов показывает, что дело тут серьезное, и что в нем следует разобраться раньше, чем рекомендовать книгу Бухарина в качестве общеобязательного руководства для молодых коммунистов и для партийных школ. Попробуем же разобраться.

Марксизму не впервые приходится подвергаться нападению со стороны людей, пытающихся доказать, что новые явления жизни не укладываются в марксистские «схемы», что марксистские понятия, орудия мысли «дают осечку». Так было, например, лет 20—25 тому назад, когда объединения капиталистов (от акционерных компаний до трестов) толкнули многих к «критике Маркса», к «ревизии марксизма». Ревизионисты продолжали прикрываться именем Маркса, называть себя марксистами, и в то же время не оставляли от марксизма камня на камне, оспаривая самые основы его. Дело, однако, кончилось тем, что марксизм оказался не поколеблен, а «критики» его оказались вне марксистского лагеря (а в России вне пролетарской партии). Оказалось в конце концов, что «дал осечку» не марксизм, а его «критики». Были тогда и критики справа, и критики слева.

Сейчас мы, очевидно, присутствуем при начале нового ревизионистского похода. К сожалению, разбирать ревизионизм Мартова здесь не приходится, так как мы знаем о нем только из отрывков письма, опубликованных т. Вардиным. Остается ограничиться рассмотрением книги Бухарина. И прежде всего естественно поставить вопрос: не раздуваем ли мы отдельно выхваченных случайных фраз Бухарина?

К сожалению, приходится ответить: нет, приведенные из книги Бухарина фразы не случайны. Они не висят в воздухе. Они находятся в полном соответствии с общим содержанием книги. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с тремя последними главами ее. В главе IX-й автор перечисляет «основы методологии» марксизма и затем ставит вопрос ясно и определенно: насколько сохраняют свое значение эти основы по отношению «к *периоду развала капитализма и к периоду господства пролетариата*» (стр. 130, курсив автора). По отношению к каждой из основ он начинает с признания ее, но тотчас переходит к оговоркам, сводящим это признание к чему-то другому. Например, «общественно-объективный подход остается обязательным», но... «приобретает иной логический тон»; «материально-производственная точка зрения в *общем* (курсив мой. М. О.) тоже остается обязательной», но... «она претерпевает существенные изменения и ограничения». «Диалектически-исторический подход» (метод. М. О.) «выпячивается на первый план», «диалектическо-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания процесса, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов» (стр. 132). На самом деле диалектический метод вовсе не сводится к исторической точке зрения, к признанию только изменчивости, только процесса. Он не может ни «выпячиваться», ни ослабевать: он всегда и неизменно присущ марксистскому исследованию. Этого не может не знать Бухарин, сводящий диалектику к признанию изменчи-

вости там, где все быстро изменяется. И, наконец, последняя из перечисленных Бухариным основ марксистской методологии («постулат равновесия») объявляется для нашей эпохи «не действительным».

Читатель уже знает из предисловия к книге, что «путеводной звездой» для автора был будто бы «метод Маркса». Теперь он может видеть, как расправляется Бухарин со своей путеводной звездой.

Не менее энергично расправляется он и с «некоторыми основными понятиями политической экономии», то-есть с экономическим учением Маркса.

Понятие т о в а р а, по Бухарину, исчезает, поскольку на место стихии выступает «сознательный общественный регулятор», в этой мере товар теряет свой товарный характер и превращается в продукт. В такой общей абстрактной форме мысль Бухарина страдает только одним недостатком: в ней нет ничего нового. Весь вопрос именно в том, насколько овладел производством в настоящий период пролетариат, имеющий в руках политическую власть,—насколько «сознательный общественный регулятор» действительно регулирует производство.

В свое время старые ревизионисты сорвались, между прочим, на том, что вообразили, будто бы «сознательный общественный регулятор», в лице буржуазных трестов, способен овладеть хозяйственной жизнью настолько, чтобы уничтожить некоторые марксистские «хозяйственные категории». Нашим ревизионистам слева грозит такая же опасность, но только не абсолютно, а относительно, для данного периода времени. Марксист шаг за шагом анализировал бы «текущий момент», и в зависимости от определения его решал бы вопрос, в какой мере отжило свое время понятие товара. Бухарин же для данного времени, без всякого анализа момента, решает, что марксизм «дает осечку», что марксистские экономические понятия отказываются служить «моментально».

«Моментально» отказалось служить ему понятие товара. Естественно, что так же моментально, уже для наших дней, отказывается наш автор и от понятия меновой ценности, цены, денег, заработной платы. От марксизма остается одно воспоминание.

При моментальном решении о моментальной смерти марксистских понятий Бухарину нет надобности даже ставить вопрос о степени овладения производством со стороны пролетарского «сознательного регулятора»: для него полное торжество регулятора начинается, очевидно, с момента нарождения бюрократических учреждений, предназначенных к овладению производством. Пусть в этих учреждениях сидят спецы,—вчерашние владельцы предприятий или акционеры и их прислужники,—высший административный и технический персонал буржуазных предприятий; пусть эти учреждения «овладели» не столько производством, сколько разрушением производительных сил путем скрытого саботажа; пусть подавляющая масса населения в стране состоит из мелких производителей, производящих до сих пор преобладающую массу продуктов,—Бухарину это не важно: для него понятия товара, ценности, заработной платы, понятие денег, как всеобщего эквивалента ценности, моментально перестали служить.

Упраздняя марксистские экономические понятия, Бухарин для пущей убедительности путает ценность с меновой ценностью, меновую ценность с ценой (стр. 134 и 135) и на основании этого предлагает теперь же отказаться от применения понятия ценности, как выражения общественно необходимого количества труда, кристаллизованного в продукте. Перед ним возникает необходимость представлять себе общественный процесс труда не в виде единиц кристаллизованного в продукте труда, а в виде натуральных продуктов: «перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.-е. к рассматриванию и общества и его частей, как систем элементов в их натуральной форме»,—говорит он.

Трудно итти дальше в проповеди освобождения от всяких руководящих начал в области хозяйственной политики. Ведь это значит проповедывать отсутствие всеобщей (одной для всех продуктов) счетной единицы. Вы можете сравнивать, например, результаты двух соседних хозяйственных периодов не по какому-либо всеобщему мерилу производительности труда, а только по изменению в производстве отдельных продуктов. Как при этих условиях определить общий успех или неудачу, правильность или неправильность хозяйственной политики за данный период времени?

II.

Освободившись от руководящих марксистских понятий в области марксистской методологии, как и в области экономики, т. Бухарин вынужден искать себе руководящей нити поведения в другой сфере,—в сфере своеобразной теории «внеэкономического принуждения» (глава X).

Эта теория формулирована на стр. 146 Бухариным в следующих выражениях:

«С более широкой точки зрения, т.-е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Несмотря на все оговорки, мысль Бухарина кристально ясна.

На вопрос, каков метод выработки коммунистического человечества, он дает единственный ответ: внеэкономическое принуждение.

Вся «теория»—яснее ясного.

Для обоснования своей теории Бухарин выхватывает из Маркса отдельные фразы, говорящие о насилии, порабощении и разбое при образовании буржуазного общества, о методах перехода от феодализма к капитализму, покоящихся на самом зверском насилии и т. д.,—о том, что «насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, которое беременно новым», что само насилие «является экономической силой». Все эти утверждения Маркса неоспоримы. Но нужно же видеть и понимать, что не всякий разбой, не всякое насилие является одним из методов строения нового общества, а только то насилие, которое сопровождается новыми, усовершенствованными способами производства. Только в этом случае насилие может считаться «идущим по линии объективно развивающихся экономических отношений». Критерием здесь является рост или упадок производительных сил. И наша партийная программа, в соответствии с этим, в «области экономической» требует, как главное и основное, определяющее собою всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны».

Для повышения же производительных сил, как и для «выработки коммунистического человечества», марксисты вовсе не склонны ограничиваться бухаринским методом каторги и расстрела. В этом глубокий марксистский смысл того, что т. Ленин постоянно твердит о тракторах и электрификации.

Тракторы и электрификация, важные и сами по себе, в своем конкретном виде являются в то же время, в устах Ленина, символом, указующим марксисту путь «выработки коммунистического человечества из человеческого материала» предыдущей эпохи. Они вообще—символ усовершенствованных орудий производства; облегчая работу, поднимая производительность труда, они по самой своей сущности объединяют трудящихся; вытесняя старые, индивидуально применяемые, орудия труда не угрозой расстрела, а вследствие своей большой продуктивности, новые орудия будут вместе с тем разрушать и вытеснять старую, индивидуалистическую психологию мелкого хозяйчика.

Именно на этом принципе вытеснения менее продуктивного, индивидуального труда более продуктивной коллективной работой построена и экономическая часть нашей партийной программы (справьтесь о ней в отделе «В области экономической» с § 4 об отношении к мелкой и кустарной промышленности, а также с отделом «В области сельского хозяйства»).

Конечно, было бы глупо и гибельно для дела революции отрицать насилие и принуждение в период острой (явной или скрытой) гражданской войны. Было бы противно коммунистической совести кормить трудоспособных паразитов. Здесь,—особенно по отношению к активным врагам,—нам приходится руководиться правилом: «расстреливай врага, если не хочешь, чтобы он повесил тебя». В такие моменты возможны,—иногда и необходимы,—случаи принудительной мобилизации трудящихся на работы, неотложные с общественной точки зрения. Но по мере ослабления борьбы, по мере укрепления пролетарского строя, неизбежно будет сокращаться область принуждения.

будет уменьшаться острота его форм,—так как принуждение является вовсе не методом выработки коммунистического человечества, а актом самозащиты. И очень не надежны были бы те коммунисты, которых загнали в коммунизм угрозой расстрела.

Между тем, ставши на точку зрения своего метода выработки коммунистического человечества и отказавшись от марксистского метода той же выработки, Бухарин неизбежно должен докатиться до того, до чего он докатился,—до поголовного принуждения, руководимого относительно небольшой частью коммунистической партии.

После всего сказанного мною можно уже дать ответ на вопрос, каким образом Бухарин, заодно с Мартовым, попал в лагерь ревизионистов, и какое все-таки остается между ними различие.

Мартов—ревизионист справа. Ревизионисты этого типа держатся за фалды буржуазии. Им жалко расстаться с буржуазным миром. Это заставляет их недооценивать революционные возможности. Когда же революция разражается, они не верят в нее, тянут назад и попадают в лагерь контр-революционеров. Марксизм для них слишком революционен.

Бухарин—ревизионист слева. В своей законной ненависти к буржуазии и буржуазному миру он переоценивает революционные возможности. Он не считается с объективными условиями; он живет, поэтому, не настоящим, а только будущим. Характерна в этом отношении последняя глава его книги. В ней он говорит о том, чего должно или можно ожидать в будущем, но говорит о будущем в настоящем времени, как будто все ожидаемые завоевания уже достигнуты. Марксизм для него недостаточно революционен. Все, чего хочет душа, должно быть осуществлено сейчас, сию минуту. Он не хочет знать медлительных переходов строительства от этапа к этапу. И он «моментально» ликвидирует марксистские категории, воображая, что они уже ликвидированы жизнью.

Субъективно Мартовы и Бухарины—антиподы, полная противоположность. А объективно—они попадают в один лагерь ревизионистов. И их тактика ведет к одинаковым результатам: Мартовы задерживают революцию, а Бухарины, ставя невыполнимые для данного момента задачи, готовят фатальные неудачи и разочарование.

Марксизм же не сходит с реальной почвы, анализирует момент, учитывает объективные условия.

Здесь приходится поставить еще один вопрос: составляет ли книжка Бухарина результат его единоличных увлечений, или же тут вина коллективная,—может быть, даже общая?

Я склонен думать, что вина во всяком случае не индивидуальная.

Дело в том, что после октябрьской революции часть нашей партии переживала период увлечения властью. Казалось, что теперь для нас нет ничего невозможного: что захотим, то «моментально» и сделаем. Партийный съезд 1919 г. вернул увлекающихся в мир действительности, обусловливаемой провой экономического развития.

Принятая на съезде программа проникнута строго марксистским духом. К сожалению, она не всегда соблюдалась.

На последнем съезде 1921 г. т. Ленин указал, что декрет о кооперации противоречит программе, и предложил восстановить действие программы. А сравните соответственные части программы с тем, что делалось вообще в жизни, в некоторых других областях!

Поэтому можно сказать, что не вина, а бессознательная заслуга Бухарина в том, что он попытался дать недавним увлечениям части партии теоретическое обоснование и показал, к чему приводит нас, марксистов, наше настроение, идущее в разрез с марксистской программой.

После 10-го съезда, с марта текущего года, партия начинает строже соблюдать программу, и на этот раз, повидимому, возвращение к ней будет более прочным. А изучение своих прошлых ошибок всегда полезно и поучительно. Только с этой точки зрения и можно рекомендовать книгу Бухарина. В целом она не столько научное произведение, а беллетристика, отражающая настроения части партии к средине 1920 г.

М. Ольминский.

О книге тов. Н. Бухарина.

(Ответ тов. М. Ольминскому.)

Бухарин, один из самых блестящих экономистов-марксистов, неожиданно объявлен еретиком. «Бухарин и Мартов оказываются в одном лагере, в лагере ревизионистов (критиков) по отношению к Марксу»; «марксизму не впервые приходится подвергаться нападению»; Бухарин освободился «от руководящих марксистских понятий в области марксистской методологии, как и в области экономики»,—вот какие страшные мысли приходят в голову старому ортодоксу при чтении лево-ревизионистских бредней, «отражающих наши настроения, средины 1920 года».

Особенно еретической кажется т. Ольминскому мысль т. Бухарина, что в так называемый переходный период «старые понятия теоретической экономики моментально отказываются служить». Наш строгий критик другой выдержкой старается установить, что Бухарин под «старыми понятиями» подразумевает здесь—о, ужас!—марксовы экономические категории. И т. Ольминский прав: речь идет именно об испытанных орудиях марксистской экономической мысли...

Что же это за священные орудия, которые действовали «без отказа», когда ими пользовался Маркс, но «моментально отказываются служить», когда за них берется Бухарин? Эти орудия—т о в а р, ц е н н о с т ь, ц е н а («Экономика переходного периода», стр. 124); именно эти экономические категории дают, по выражению новоявленного ревизиониста, «осечку» при анализе экономики переходного периода.

Не подлинная ли эта измена заветам великого учителя, не полный ли это отказ от марксизма? Оказывается, что нет.

На самом деле. Задача Маркса состояла в том, чтобы дать анализ специфического хозяйственного строя, известного под названием к а п и т а л и з м а. Но для этой цели нельзя было воспользоваться «ни микроскопом, ни химическими реактивами». «И то и другое должно быть заменено силою а б с т р а к ц и и. Н о д л я б у р ж у а з н о г о о б щ е с т в а т о в а р н а я ф о р м а п р о д у к т а т р у д а и л и ф о р м а ц е н н о с т и т о в а р а п р е д с т а в л я е т в э к о н о м и ч е с к о м о т н о ш е н и и к л е т о ч к у»[1]). Отсюда ясно, что Маркс отнюдь не придавал товару, ценности, цене и т. д. абсолютного значения. Напротив того, он видел в них и с т о р и ч е с к и е к а т е г о р и и капиталистического хозяйства и отнюдь не считал их универсальными, общезначимыми хозяйственными категориями.

Взгляды Маркса на этот счет ярче всего формулированы в его неоконченном методологическом введении к «Критике политической экономии», которое было обнаружено в его бумагах в 1902 году и до сих пор, к стыду нашему, не издано на русском языке. Я приведу из этого введения несколько интересующих нас (в данном

---

[1]) См. предисловие к I изданию «Капитала». Курс. мой. Н е - р е в и з.

случае выдержек. «Простейшая экономическая категория, скажем, например, меновая ценность,—пишет Маркс,—подразумевает... население, производящее в определенных условиях»[1]). И пятью страницами дальше: «Исходная точка современной экономии, абстракция категории «труд», «труд вообще», «труд sans phrase», становится практически истинным (или действительным, praktisch wahr [только здесь], т.-е. «при наиболее развитой и наиболее современной форме существования буржуазного общества». Не-ревиз.). Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает старинное и значимое для всех хозяйственных форм отношение, только в виде этой абстракции выступает практически верно (praktisch wahr), как категория наиболее современного общества». На той же странице Маркс продолжает: «этот пример с трудом убедительно показывает, что сами абстрактные категории... настолько же являются продуктами исторических условий, насколько они обладают полною значимостью (Vollgültigkeit) только для и в пределах этих условий»[2]).

Из приведенных цитат вытекает, что экономические категории, в их марксовом (а не смитовском) понимании, обладают «полной значимостью» только в определенных условиях, в данном случае—в условиях капиталистического хозяйства. И если бы кто-нибудь сказал Марксу, что его «категории» при анализе не капиталистического, а, скажем, феодального или переходного хозяйства, окажутся ненадежными и дадут «осечку», то Маркс не только не стал бы возражать своему «оппоненту», но заявил бы ему, что иначе и быть не может, ибо невозможно анатомическим ланцетом резать сталь, а зубилом препарировать труп.

Если и это недостаточно убедительно для тов. Ольминского, то я могу перевести на русский язык еще одну недвусмысленную цитату из той же блестящей работы Маркса: «Как при всяком историческом социальном хозяйстве вообще, так и при развитии (bei dem Gange) экономических категорий нужно всегда помнить, что субъект—в данном случае современное буржуазное общество—дан здесь как в действительности, так и в голове человека, и что категории поэтому выражают форму бытия... этого определенного общества». Маркс убедительно советует читателю твердо запомнить это положение. Отсюда явствует, что применение, например, категории ценности к переходному периоду означает, что формой экономического «бытия» этого последнего является капиталистическое или, по крайней мере, простое товарное хозяйство. Верно ли это? Конечно, нет.

Тов. Ольминский, очевидно, неосведомлен насчет того, что экономические категории Маркса являются категориями историческими. Он не понял того, что так хорошо усвоил полстолетия тому назад один из первых русских рецензентов Маркса, покойный проф. Ил. Иг. Кауфман.

Можно ли после этого заключить Бухарина в концентрационный лагерь, предназначенный специально для ревизионистов? Можно ли его так легкомысленно роднить с Бернштейном? Мне кажется, что двух ответов на этот вопрос быть не может. Бухарин ни в малой мере не грешит здесь против основоположника научного социализма, а тов. Ольминский обнаруживает непонимание основных методологических приемов теоретической экономии Маркса.

Бухарин, по словам т. Ольминского, решает, что марксизм (курс. мой, Не-ревиз.) «дает осечку», что марксистские экономические понятия отказываются служить «моментально».—«Моментально отказалось служить ему понятие товара. Естественно, что так же моментально, уже для наших дней, отказывается наш автор и от понятия меновой ценности, цены, денег, заработной платы. От марксизма остается одно воспоминание». Тов. Ольминский путает и путает безбожно: отказаться при анализе определенных хозяйственных форм от несвойственных им (или свойственных им лишь отчасти

---

[1]) K. Marx, Zur Kritik der politischen Oekonomie, III Aufl., Stuttgart 1909. стр. XXXVI. Курс. мой. Не-ревиз.

[2]) Курсив мой. Не-ревиз.

экономических категорий ни в малой мере не значит отказываться от марксизма; напротив того, это значит совершенно правильно понимать марксизм. Тов. Ольминский строг, но не справедлив. Чтобы он имел возможность убедиться в этом, мы сошлемся еще раз на цитированную уже работу Маркса, где он довольно подробно говорит, с какой осторожностью нужно подходить с капиталистическими категориями к феноменам некапиталистического порядка. «Зная земельную ренту,—говорит Маркс,—можно понять дань, десятину и т. д. Но их не следует идентифицировать» (курс. мой, Не-ревиз.). Рента здесь является «ключом» для понимания десятины, как «анатомия человека является ключом к анатомии обезьяны». Но не следует ли отсюда, что человек идентичен обезьяне и что продуктообмен, разыгрывающийся в настоящее время между крестьянином, обменивающим хлеб и сало, и рабочим, сбывающим пид-жак, идентичен ценностному товарообмену, составляющему самую универсальную «сделку» в капиталистическом хозяйстве?

С Бухариным можно было бы спорить, если бы он утверждал, что все категории политической экономии Маркса уже сейчас должны быть сданы в архив, что над ценностью и прочими марксовыми абстракциями уже сейчас можно поставить крест, но он этого вовсе и не утверждает. Напротив того, на стр. 125 его книги черным по белому написано: «В самой действительности те элементарные отношения, идеологическим выражением которых являются категории товара, цены, заработной платы, прибыли и т. д., одновременно и существуют и не существуют. Они не существуют и в то же время как бы существуют, и они существуют, как бы не существуя. Они влачат какое-то странное призрачно реальное и реально призрачное существование»... Кто глубже вдумается в эти слова, убедится, что это не словесная эквилибристика, а подлинно марксистская, диалектическая постановка вопроса. Тов. Ольминский как нарочно взял первое и последнее предложение из того абзаца, где дана приведенная только что блестящая формулировка, и совершенно опустил середину.

Тов. Ольминский становится, однако, на методологически правильную точку зрения, когда он ставит вопрос о том, насколько реален «сознательный регулятор», наносящий столь смертельный удар тем экономическим категориям, которыми мы настолько привыкли оперировать, что их познавательная ценность для некоторых из нас становится общезначимой. Тут Бухарин действительно иногда «говорит о будущем в настоящем времени». Но не следует забывать, что его книга представляет собой не описание нашей российской действительности, а попытку абстрактно-теоретического анализа трансформационного процесса вообще,—попытку, основанную, правда, главным образом, на опыте российской революции. А с этой точки зрения «забегание вперед» не только допустимо, но и вполне законно.

Дальнейшие возражения тов. Ольминского я считаю мало существенными и потому останавливаться на них не стану [1]). Вообще же я убежден, что полемика, которая развернется вокруг книги Бухарина, пойдет по другому направлению. Бухарину будет дан бой в связи с основным положением его работы, которое сводится к тому, что пролетарская революция означает прежде всего «распад технического аппарата общества, поскольку мы имеем в виду людскую техническую организацию этого общества», и что она (пролетарская революция), «как и всякая революция, сопровождается понижением производительных сил». Я по данному вопросу полностью разделяю точку зрения тов. Бухарина, но нельзя не признать, что мы имеем здесь почву для споров.

В частном разговоре один старый марксист и крупный историк высказал мысль, что английский пролетариат, игнорируя Бухарина, может в один прекрасный день, захватив и разрушив государственную власть буржуазии, поставить страну на социа-

---

[1]) Кстати. Тов. Ольминский обвиняет т. Бухарина в том, что он «для пущей убедительности» путает понятия меновой ценности, ценности и цены. Говорить такие вещи про Бухарина значит возводить на него совершеннейшую напраслину.

листические рельсы без всякого понижения производительных сил. Эта точка зрения диаметрально противоположна бухаринской. И здесь, повторяю, мы имеем почву для плодотворной дискуссии, которой наш новый журнал, я надеюсь, предоставит свои страницы.

А что касается зачисления тов. Бухарина по ведомству ревизионистов, то это явное недоразумение, хотя и его сурового критика нельзя лишить звания ортодоксального марксиста.

Не ревизионист.

Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия.

(Веселый ответ критикам „Экономики переходного периода".)

„Экономика переходного периода" вызвала некоторый обмен мнений на сей предмет. В наше время очень трудно заниматься „чистой теорией", но практические интересы все же требуют и этого „жанра" мысли. Немудрено поэтому, что книга, как первая попытка дать теорию перехода экономической формы общества, побудила некоторых товарищей взяться за перо. Перед нами лежат три „критики" книги: тов. Сарабьянова („Народное Хозяйство", 1920, № 13—14), тов. Ольминского (идет в настоящем журнале) и, наконец, ненапечатанная работа профессора А. Чаянова, имя которого хорошо известно всякому русскому экономисту [1]). Мы располагаем эти работы в порядке их нисходящего легкомыслия, так как мы имеем здесь все виды критики, начиная от кавалерийского рейда тов. Сарабьянова и кончая философствующей тяжелой артиллерией проф. Чаянова.

I. Правдолюбивый кавалерист, или теория производственных отношений.

„Обними, Санчо, своего ослика, ты вновь его нашел! Весело прыгает он тебе навстречу, не обращай внимания на то, что ему наступают на ноги и приветствуют тебя зычным голосом. Преклонись перед ним, обними его шею и исполни призвание, которое дано тебе Сервантесом".

К. Маркс и *Ф. Энгельс*, Святой Макс.

Мальбрук в поход собрался... Тов. Сарабьянов, воодушевленный возросшим значением легкой кавалерии в гражданской войне, задумал произвести „рейд" и на поле теоретических сражений.

[1]) Мы очень извиняемся перед проф. А. Чаяновым за цитаты из неопубликованной работы, но надеемся, что он, будучи человеком без обычных в профессорской среде предрассудков, в интересах дела вполне оправдает эту нашу „нескромность".

В самом деле, почему бы этого не сделать? Всякому добропорядочному марксисту (а тов. Сарабьянов безусловно имеет право претендовать на это звание) отлично известно, что общественное бытие определяет собой общественное сознание. И если в „общественном бытии" кавалерийская атака получила такое большое значение, то почему же в уме тов. Сарабьянова не найтись месту для „адэкватного идеологического отражения"?

Тов. Сарабьянов выставляет против нас такое утверждение: „в книге нет ничего нового". Он, будучи, очевидно, человеком не без наблюдательности, смог подметить, что в книге неоднократно говорится о производственных отношениях. Правда, для этого нужно быть только зрячим и грамотным, но в условиях разрухи и то хлеб. Подметив это, тов. Сарабьянов тотчас же несется в атаку:

Что нового сказал т. Бухарин? Не есть ли это—азбука марксизма и, скажу еще определеннее, первая буква в ней? От производственных отношений исходили Маркс и Энгельс, с этого начинали ортодоксальные марксисты II Интернационала, на эти же отношения опирались ревизионисты, кончая нашими меньшевиками и эс-эрами" (стр. 5?).

А отсюда такой суммарный вывод:

Поскольку тов. Бухарин касается вопроса для перехода (за стиль тов. Сарабьянова мы в такой же степени мало отвечаем, как и за его логику. Бухарин и Пятаков), он либо повторяет то, что сказано уже и Марксом-Энгельсом, и Каутским, и Гильфердингом..., либо вносит „свое оригинальное", в основном однобокое и крайне упрощенное, несмотря на „непростоту" слова.

Об „однобокости" мы поговорим после. А сейчас поставим вот какой вопрос. Центральная мысль всей книги заключается в том, что в переходный период неизбежно распадается трудовой аппарат общества, что реорганизация предполагает временную дезорганизацию, что поэтому временное падение производительных сил есть закон, имманентный революции. Эта мысль развита в книге так, чтобы всякому экономически образованному человеку было ясно, что перед нами не „эмпирический закон", не простое описание „поверхности явлений", а „закон движения" общества в переходную эпоху, причинный закон.

Теперь мы позволим себе спросить тов. Сарабьянова, где, в каких работах Каутского и Гильфердинга он видел это положение? И вообще, в сочинении каких экономистов он найдет теоретическое обоснование этого? Словам, т. Сарабьянов, не верят. Нужны факты и документы, нужны хоть простые ссылки. Мы имеем некоторую дерзость полагать, что довольно хорошо знакомы из первых рук с „литературой предмета". Но—увы!—мы напрасно стали бы искать соответствующих мыслей у названных т. Сарабьяновым авторов. Тов. Сарабьянов, мягко выражаясь... „преувеличил". Нас это удивляет тем более, что мы все же предполагаем наличность благих намерений автора рецензии. Мы думаем, что нашу книгу или, по крайней мере, отзыв тов. Членова („Экон. Жизнь"), о котором он упоминает, он читал. Правда, это бывает с рецензентами не всегда, но в марксистской среде это правило обычно соблюдалось. Однако, выпады тов. Сарабьянова наводят нас на очень большие сомнения. В самом деле. На стр. 47 „Экономики" мы пишем:

Марксистская революционная мысль прочно установила, что (в политической области) переход власти из рук буржуазии в руки пролетариата, переход, понимаемый, как определенный исторический процесс, выражается в крахе старой государствен-

ной машины, распадающейся на свои составные части... Завоевание государственной власти пролетариатом есть разрушение буржуазной и организация новой государственной системы...

Далеко не так ясен процесс трансформации производственных отношений. Здесь необычайно живучими оказались те представления, которые были преобладающими в области теории политических переворотов. Типичным в этом отношении может служить рассуждение Р. Гильфердинга о том, что захват шести банков („головки") пролетариатом передает в распоряжение последнего всю промышленность, потому что при финансово-капиталистических производственных отношениях банки являются организационными узлами производственно-технической системы,—„всего аппарата". Эмпирически доказано, что ничего подобного не происходит... Почему? Вопрос разрешается просто. Потому, что банки „управляли" промышленностью на основе специфических кредитно-денежных отношений. Тип связи здесь был тип кредитной связи, который как раз и рушится при захвате банков пролетариатом.

Таким образом, мы приводим конкретный пример, иллюстрирующий всю теоретическую концепцию „марксистов" II Интернационала, за которых заступается тов. Сарабьянов. Мы спрашиваем: одно и то же говорит Гильфердинг и говорим мы? Не нужно обладать большой степенью сообразительности, чтобы ответить отрицательно. Гильфердингово рассуждение взято из „Финансового Капитала", как, вероятно, вспомнит и тов. Сарабьянов. Тов. Сарабьянов точно так же, вероятно, поймет, что все теперешние писания Бауэров, Каутских и Гильфердингов есть лишь логический вывод из вышеприведенного рассуждения. А это у них основной аргумент против революции. Они желают иметь такую революцию, которая не нарушала бы хода общественного воспроизводства и ни на минуту не прерывала бы непрерывности производственного процесса („Kontinuität des Produktionsprozesses"). Мы доказываем, что таких революций, по общему правилу (исключения у нас оговорены в книге и заметны для того, кто умеет читать), не бывает.

И после этого тов. Сарабьянов полагает, что мы придем в трепет от его „ужасного" восклицания:

Разве не обращает внимания читателя желание автора отмежеваться от марксистской теории в эпоху расцвета II Интернационала? Разве так трудно, прочтя Бухарина, сделать вывод: были революционные коммунисты Маркс и Энгельс, не стало их, не стало и рев. коммунизма, пока не пришли их продолжатели — теперешние коммунисты?..

Этот вывод сделать „не трудно". Но это будет, тов. Сарабьянов, в общем вполне верный вывод. За немногими исключениями марксизм эпохи II Интернационала, и в том числе каутскианский марксизм, не был в действительности ортодоксальным. Все учение о государстве было, напр., сплошь опошлено и у Бебеля, и у Каутского, и даже у Плеханова, не говоря уже о других. Грехопадение Каутского и К° не есть результат их моментального безумия, а имеет свои глубокие исторические корни. Иначе может думать только поверхностный беллетрист, а не марксист.

Но тов. Сарабьянов в своем полемическом увлечении поистине перестает даже понимать течение своих собственных мыслей. Он махает шашкой, кричит, крушит и позабывает о том, что говорит сам. Ибо что-либо одно из двух: либо в книге нет ничего нового—тогда откуда же заметил наш почтенный „критик" желание „отгородиться"? Либо такое желание „отгородиться" есть (а оно действительно есть),—тогда зачем же городить огород о том, что „нет ничего нового"?

Неуклюже вы гарцуете, тов. Сарабьянов: уже потеряли винтовку Подождите, потеряете и остальное.

А теперь мы не без удовольствия поговорим и относительно нашей „однобокости“, „упрощенности“ и прочем. Ибо здесь нашего критика можно прямо поймать in flagrante delicto, по-российски „на месте преступления“, „с поличным“. Это „преступление“ состоит в том, что тов. Сарабьянов безбожно **списывает** наши же мысли и вводит в заблуждение читателя, выставляя их против нас. Для удобства сличения и для изловления тов. Сарабьянова мы приводим соответствующие места в два столбца:

Экономика перех. периода.	Рецензия тов. Сарабьянова.
Вещественный аппарат есть материально-техническая основа общества. Он не входит в понятие производственных отношений, а относится к производительным силам. И в процессе революционного разрыва производственных связок этот аппарат может относительно сохраниться. **Его** распад вовсе не обязателен. Машины, аппараты, фабричные здания и проч., конечно, страдают во время социальных потрясений. Но **основа** разрухи лежит вовсе не здесь и т. д. (54)	Распадается ли... аппарат в целом? Нет, мы идем в конторы, перешедшие к нам от буржуазного общества, пользуемся в процессе управления цифрами, взятыми из книг архива, продолжаем использовать этот аппарат своими силами и своими методами.

В другом месте говорится у нас и о конторах, и о диаграммах. Ясно, что

1) тов. Сарабьянов не умеет читать;

2) что он бьет челом нашим же добром;

3) что он смешивает две вещи, которые у нас **точно** разграничены: **людской** „аппарат“ и **вещественный**.

После этого читателю не трудно будет заключить, кто страдает „упрощенством“ и „однобокостью“.

Но приведем и дальнейшее „возражение“:

Экономика перех. периода.	Рецензия тов. Сарабьянова
Мы видели, что эпоха разрыва производственно-технически-социальных пластов сохраняет в общем единство пролетариата, который воплощает прежде и раньше всего материальную основу будущего общества. Этот решающий и основной элемент в ходе революции лишь отчасти распадается. С другой стороны, он необычайно сплачивается, перевоспитывается, организуется (58).	Безусловно верно, что отношения живых сил в аппарате радикально изменяются к моменту и в момент пролетарской революции. Но радикальное их изменение мы наблюдаем, главным образом, между „головкой“, включая сюда (хороша „головка“! **Бух.** и **Пят.**) и техническую интеллигенцию, и рабочей массой: цепь распадается на две части. Тов. Бухарин упускает из виду, что нижняя-то половина цепи, и бо́льшая к тому же, не распалась, звенья ее связаны одно с другим, аппарат не весь развалился.

В других местах книги дано точное определение, где именно происходит разрыв.

Отсюда ясно, что

1) Бухарин ничего не упускает:

2) что Сарабьянов и здесь не умеет читать и бьет челом нашим же добром;

3) что сарабьяновская путаница получается от того, что он совсем неостроумно повторяет слово „аппарат“, без всякого смысла, употребляя его в разных значениях и т. д. Теперь не удивительно, что т. Сарабьянов не понял даже, что мы говорим о примитивности каутскианской постановки вопроса. „Примитивы“ имеют вообще то свойство, что они „не умеют различать“.

Нам кажется, что на этом можно покончить. Ибо весь остальной бессвязный лепет покоится на том же самом остроумном методе автора рецензии.

Нам только хотелось бы заметить следующее: тов. Сарабьянов в простоте душевной думает, что он атакует нас на благородном коне. Ей-богу, это не так. Он сидит на совсем другой биологической „категории“.

II. Ревизия Маркса или „пушка“ т. Ольминского.

„У читателей... трещит не голова, а кое-что совершенно другое“.

Маркс. „Капитал“, I.

После кавалерийской атаки на осляти т. Сарабьянова по „Экономике“ попытался выстрелить из старой... „пушки“ т. Ольминский. Треск раздался довольно громкий, и скромные ученики Маркса, возымевшие превеликую дерзость не только „твердить зады“, но и воспользоваться марксовым познавательным оружием для теоретического овладения новыми общественными явлениями, были зело огорошены и озадачены: „откуда мне сие, иде-же мужа не знаю“.

Однако кроме шума и пушечных газов у т. Ольминского ничего не получилось—выстрел оказался холостым и книжечка осталась невредимой.

Первым делом пушкарь заподозревает нас в меньшевизме и устанавливает духовное родство с Мартовым. В превеликом смущении и трепете читали мы откровение т. Ольминского:

Из сопоставления цитат мы наталкиваемся на факт, казавшийся невероятным,—на тот факт, что и Бухарин [1]), и Мартов оказываются в одном лагере, в лагере ревизионистов (критиков) по отношению к Марксу.

Но смущение и трепет не помешали нам попытаться сопоставить те цитаты, которые „сопоставлял“ т. Ольминский. Что же получилось? А вот что:

Мартов пишет:

Состояние мира сейчас настолько исключительно, настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского *анализа*, что вывести основную линию развития требует новой научной работы, которая во многом дополнила бы и может быть изменила бы экономическую концепцию Маркса.

---

[1]) Должен оговориться, что хотя теоретическую ответственность несем мы оба но как раз приводимые цитаты целиком, без всякого изменения, взяты из моего черновика.

Г. Пятаков.

Мы спрашиваем: „Годятся или не годятся те методологические приемы и те „мыслительные категории“, которые употреблялись Марксом по отношению к капиталистическому обществу, годятся ли они теперь, в эпоху ломки капитализма и закладывания нового общественного фундамента“ (стр. 123). Вся глава называется: „Экономические категории капитализма в переходный период“. В приводимой Ольминским цитате констатируется факт, что при анализе хозяйства переходного периода старые понятия теории капиталистического хозяйства „моментально отказываются служить“. Почему? Потому, что речь идет не об анализе капиталистического хозяйства, не о теории товарного хозяйства, а об анализе какой-то смешанной формы.

Из нашего законного сомнения в возможности анализировать не капиталистическое и не товарное хозяйство, пользуясь основными специфически товаро-хозяйственными категориями, т. Ольминский делает для него вполне понятный вывод:

Итак (это „итак“ прямо великолепно!), по Бухарину, старые понятия марксизма (вообще? Б. и П.) теперь „моментально отказываются служить“, старые орудия марксистской мысли (вообще? Б. и П.) „дают осечку“ и необходимо относиться к ним „критически“.

Мы думаем, что читатели, вероятно, прочитав все эти „изумительные“ выводы и „научные“ открытия т. Ольминского, последовали совету Кузьмы Пруткова, рекомендовавшего, узревши на клетке со слоном надпись „буйвол“, не верить глазам своим. Ведь всякому элементарно-осведомленному марксисту должно быть ясно, что исторические категории Маркса имеют значение для определенной исторической формы хозяйства и что из признания исторического характера за историческими категориями не вытекает то, что вообще от „старых орудий марксистской мысли“ должно отказаться.

В поучение т. Ольминскому (да простят нас теоретически грамотные марксисты) приведем несколько дословных выписок из Маркса об исторически преходящем значении категорий его политической экономии.

Уже в „Святом Максе“ Маркс знал, что „земельная рента, прибыль и т. д.—хозяйственные формы частной собственности - суть общественные отношения, соответствующие определенным ступеням производства“ (стр. 195).

В „Нищете“ эта мысль приобретает чеканную ясность: „Экономические категории суть „теоретическое выражение тех исторических отношений производства, которые сами соответствуют определенным ступеням развития этого материального производства“. „Идеи и категории столь же мало вечны, как и выраженные ими отношения. Они представляют собою исторические и преходящие продукты“. „Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства“.

Методологически важнейшее „Введение к критике политической экономии“ дает нам следующую формулировку [1]): „Пример труда показывает наглядно, как даже наиболее абстрактные категории, несмотря на свою значимость—именно вследствие их абстрактности—для всех эпох, все же в определенности этой абстракции сами являются точно так же продуктом исторических отношений и обладают своей полнозначностью лишь для и в пределах этих отношений. Как вообще во всякой исторической общественной науке, так и при

[1]) „Zur Kritik“, Dietz, 1909. S. XLI, XLIII.

развитии экономических категорий надо всегда иметь в виду, что как в действительности, так и в голове данным является субъект, здесь буржуазное общество, и что категории поэтому выражают лишь формы бытия, определения существования, часто лишь отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта".

В предисловии к I т. „Капитала" Маркс одобрительно цитирует следующее место из статьи И. И. Кауфмана, в которой последний характеризует метод Маркса: „Его (Маркса) научная цель заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и заменение его другим, высшим". И одновременно тут же Маркс дает самую блестящую формулировку своего диалектического метода: „В своей рациональной форме диалектика... в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна".

Скажите же, т. Ольминский, расходится ли наша постановка вопроса об экономических категориях капиталистического хозяйства с постановкой Маркса или не расходится? Не находите ли вы, что мы не только не „пересматриваем" („ревизуем" тож) Маркса, а, наоборот, обеими ногами стоим на почве анализа Маркса, или же вы только умеете твердить слово „диалектика" и не умеете пользоваться этим острым оружием мысли?

Вам этого мало? Так не вспомните ли, т. Ольминский, как Маркс после анализа основных категорий товарного хозяйства (товар—ценность—меновая ценность) делает небольшие экскурсии в иные хозяйственные формы и показывает, как „весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие продукт труда при господстве товарного производства, – все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства" [1]). И не вспомните ли, что в итоге нашего анализа экономических категорий капитализма мы говорим: „Одна из основных тенденций переходного периода есть разрыв [2]) товарно-фетишистских оболочек. Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории" [3]). А если, т. Ольминский, вы все это вспомните и продумаете, то не потрудитесь ли вы также публично признать, что „ошиблись"? Или, быть может, вы своей... „ошибки" не замечаете? Святой Макс ведь также с суверенным презрением относил к суровой исторически-изменчивой действительности, а Маркс его терпеливо поучал: „Что деньги необходимый продукт известных производственных отношений, и что они останутся „истиной", пока будут существовать эти отношения,—до этого, конечно, нет дела такому святому как санкт-Макс, созерцающему небо и к нечестивому миру становящемуся своим нечестивым задом" [4]). Славно стреляет... „пушка" т. Ольминского!..

Для вящшей убедительности, однако, т. Ольминский пытается еще подобно премудрому Бен-Акибе доказать, что „все бывало" и мы лишь

---

[1]) „Капитал", т. I, стр. 44.
[2]) NB: Они еще не исчезли, но разорвались.
[3]) „Экономика", стр. 136.
[4]) „Святой Макс", стр. 167.

повторяем ревизионистов, говоря, что „новое“ требует и новых орудий абстрактного знания:

Марксизму не впервые приходится подвергаться нападению со стороны людей пытающихся доказать, что новые явления жизни не укладываются в марксистские „схемы“, что марксистские понятия, орудия мысли „дают осечку“. Так было, например, лет 20—25 тому назад, когда объединения капиталистов (от акционерных компаний до трестов) толкнули многих к „критике Маркса“... Дело, однако, кончилось тем, что марксизм оказался не поколеблен, а „критики“ его оказались вне марксистского лагеря (а в России вне пролетарской партии).

Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его! Нельзя же, т. Ольминский, в вашем увлечении доходить до таких... пустяков! Пример с трестами так подходит к данному случаю, как корове седло. Правда, т. Сарабьянов пустился в кавалерийскую атаку на осляти, так почему бы т. Ольминскому не вылететь карьером на позицию со своей пушкой, запряженной шестеркой миленьких коровок; о вкусах не спорят, но нельзя же предполагать, что зрители ничего не заметят!

Были „критики“, которые доказывали, что Марксов анализ капитализма не пригоден для научного понимания новых форм капитализма же. Эти „критики“ были не правы. Что же тут общего с нашими построениями? Ничего решительно! Ведь мы утверждаем, что те специфически-исторические понятия, которые отчеканены Марксом для научного овладения определенной, исторически данной формы производства (капитализм), не годны для той формы, которая не содержит предпосылок их значимости (в коммунистическом обществе „товар“—„ценность“—„цена“—„деньги“ не существуют) и имеют ограниченную применимость „постольку, поскольку“ в переходный период от капитализма к коммунизму. Мы остаемся целиком на почве анализа Маркса и, пользуясь его методом, пытаемся исторически продолжить этот анализ, а не пересматривать его. При чем же тут „тресты“? Для доставления особенного удовольствия т. Ольминскому можем ему сообщить, что Марксов экономический анализ трестами не только не был поколеблен, но и блестяще подтвержден; тем не менее некоторые слова Маркса и Энгельса о трестах (см. „Капитал“, т. III, гл. VI, II, примеч. 16) оказались ошибочными. Что это доказывает? Доказывает, что Маркса надо уметь читать и понимать, а не только вопить о своей верности и преданности марксизму. А т. Ольминский не умеет понимать исторической ограниченности таких понятий, как товар—ценность и т. п., и думает, что оказывает большую услугу марксизму, нападая на „святотатцев“, осмелившихся при анализе принципиально иной формы хозяйства заявить, что товарные категории мышления при этом анализе имеют ограниченное применение, стремящееся к нулю. „Защищая“ марксизм от нас, т. Ольминский, на самом деле, хочет увековечить буржуазные отношения, т.-е. идет по торной дорожке вульгарно-буржуазных экономистов. Так неизбежно случится со всяким, пытающимся доказать, что ортодоксально-марксистский анализ действительности есть на самом деле мелко-буржуазный ревизионизм. Отрицая нас как марксистов, т. Ольминский вынужден атаковать нас с не-марксистских позиций, ибо марксистские позиции прочно и основательно заняты нами. Пожалуйста, атакуйте, но не попадите впросак, как уже попали с „вечными категориями“ и „трестами“. „Вечные категории“ завели вас в компанию вульгарно-буржуазных экономистов, а „тресты“ приводят к отрицанию того, что переходный период означает процесс

уничтожения капиталистических отношений и создавания новых, коммунистических.

Стрельнув холостым зарядом дважды, т. Ольминский не успокаивается и открывает беглый огонь по нашим методологическим „ограничениям".

Читатель уже знает из предисловия к книге, что „путеводной звездой" для автора был будто бы „метод Маркса". Теперь он может видеть, как расправляется Бухарин со своей путеводной звездой.

Оно, конечно, занятно посмотреть, как человек „расправляется со звездой", не менее занятно поглядеть и борьбу Бухарина с Марксом, посему мы с сугубым вниманием отнеслись к предложению т. Ольминского поглядеть на это представление, но в действительности увидели снова неловкие фокус-покусы нашего „критика" или невинные забавы старого пушкаря.

Т. Ольминский отмечает, что „по отношению к каждой из основ (методологии) он (Бухарин, точнее, мы оба. Б. и П.) начинает с признания ее, но тотчас переходит к оговоркам, сводящим это признание к чему-то другому". А именно:

1) „Общественно-объективный подход остается обязательным и не нуждается ни в каких ограничениях". Последний курсив т. Ольминский просто опустил, ибо он ему мешает, надо же „доказать", что Бухарин расправляется со своей путеводной звездой! Следовательно, эту „основу" мы признаем безоговорочно? Как будто бы текст говорит за это. Как же т. Ольминский „нашел" оговорку в виде хвостика, но... „приобретает иной логический тон?" Да очень просто, смешав метод познавания с формой его приложения при исследовании принципиально отличных форм хозяйства. В чем суть общественно объективного угла зрения? В том, что утверждается примат общества над отдельным хозяйствующим субъектом. Это, говорим мы, остается в полной силе при всех общественных формациях. Но этот примат может утверждаться по различному: одно дело примат, скажем, рода над отдельным сородичем, другое дело примат товарного общества над товаропроизводителем, иное дело примат коммунистического общества над отдельным его членом. Применяя этот методологический прием, мы должны варьировать его в зависимости от той общественной формы, с которой мы имеем дело. Это диалектическая потсановка вопроса, и чтобы ее опровергнуть, надо доказать, что приемы исследования сознательно урегулированного производства и приемы исследования стихийно-анархически уравновешивающегося производства имеют одну и ту же форму. Другими словами, отрицая необходимость варьирования этого метода, т. Ольминскому придется доказать, что нет никакой принципиальной разницы между капитализмом и коммунизмом. Ибо нами утверждается только следующее:

При анализе общественной структуры товарно-капиталистического типа все закономерности носят характер стихийных закономерностей, „слепой" силы, ибо весь общественно-производственный процесс иррационален. При анализе структуры переходного периода дело обстоит иначе, потому что здесь происходит в возрастающей пропорции рационализация общественно-хозяйственного процесса.

Попробуйте это опровергнуть! Если попробуете—рискуете очутиться в рядах критиков Маркса, ибо должны будете выступить против „Капитала" и „Анти-Дюринга".

Следовательно? „Иной логический тон“ означает, что надо уметь применять общественно-объективную точку зрения, сохраняя ее полностью при всех обстоятельствах, учитывая всегда конкретные особенности подлежащего исследованию типа производственной структуры.

Ясно?

2) „Материально-производственная точка зрения в общем тоже остается обязательной. Однако, она претерпевает существенные изменения и ограничения“.

Вот тут, кажется, наконец пушка выстрелила не холостым зарядом! Ура! Пересмотр—на-лицо.

Но тут, опять-таки, все дело заключается в том, что т. Ольминский не понимает самой сути вопроса. Что означает „материально-производственная точка зрения“? То, что при анализе мы устанавливаем примат производства над потреблением. И для капитализма, и для коммунизма, и для какой-угодно иной устойчивой формы эта точка зрения безусловно обязательна. Для переходного периода она обязательна условно Почему? Да потому, что для серьезного теоретика мыслим вариант гибели всего общества. В дальнейшем теоретик, исследующий причины гибели общества, сможет установить, что разрушение производства убило общество. Поэтому процесс производства мы не можем принимать за данное, изучая лишь условия его непрерывности, а должны ставить перед собой вопрос о возможности производства и отвечать на этот вопрос. Далее, временно, не как постоянное явление, возможна паразитическая жизнь общества не на основе адэкватного производства а на основе старых запасов, принудительного отчуждения и перераспределения их, военных захватов и т. п. Долго это длиться не может. Но, анализируя механику перехода, мы не можем не ставить перед собой вопрос, возможно ли временно настолько сильное сокращение производства, что обществу придется вести паразитарный образ жизни и лишь затем перейти снова к нормальному производственному удовлетворению своих потребностей. Здесь всегда стоит вопрос—„в какой мере, в какой степени“ и т. п. Не делать этого значит отворачиваться от революционной действительности, значит подлинно оппортунически представлять себе социалистическую революцию не как болезненный процесс ломки, разрушения и созидания, а как процесс органического врастания. Кто не понимает этого, тот не понимает и необходимости соответствующего варианта материально-производственной точки зрения.

3) „Диалектически-исторический подход.. выпячивается на первый план“, „диалектически-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм,... неизбежно должна быть подчеркнута“. И тут же, дабы мудрым людям не сбиться с пути, мы добавляем: „относительность „категорий“ политической экономии становится ясной до полной очевидности“.

Что мы этим хотели сказать? Да только то, что в периоды быстрой ломки особенно опасно оперировать постоянными, застывшими категориями. Если в период капитализма раз установленное понятие „товар“ служит верою и правдою и не требует каждодневного рассмотрения того, что же в сущности оно означает, а требует лишь понимания своей исторической ограниченности, то в период краха капитализма и созидания коммунистического хозяйства это понятие становится изменчивым, подвижным, разным в разных местах, и в разное время, и в разных хозяйственных областях. Нашим подчеркиванием принципа

„постоянной изменчивости“ мы хотели предостеречь внимательных читателей от пустых выстрелов à la Ольминский, но... не всякому дадено внимать предостережениям, и главная ошибка Ольминского заключается именно в том, что диалектика Маркса ему чужда еще более, чем подлинный текст книг Маркса.

Забавно, как т. Ольминский нас поучает:

На самом деле диалектический метод вовсе не сводится к исторической точке зрения, к признанию только изменчивости, только процесса. Он не может ни „выпячиваться“, ни ослабевать: он всегда и неизменно присущ марксистскому исследованию. Этого не может не знать Бухарин, сводящий диалектику к признанию изменчивости там, где все быстро изменяется.

Жаль, что т. Ольминский не дал нам своего понимания диалектического метода—это, поистине, было бы любопытно. Но где это он прочел у нас, что диалектический метод сводится только к признанию изменчивости? Пушкарю следует иметь хорошие глаза, протрите их, т. Ольминский, прочтите внимательно—ничего подобного вы у нас не найдете. Мы говорим, что диалектика выдвигает принцип постоянной изменчивости форм,—значит ли, что она сводится к этому принципу? Если мы не потеряли способности понимать русский язык, то, думаем, не значит. А следовательно? Следовательно, выстрел снова холостой.

Далее. Где это мы сводим диалектику к признанию изменчивости там, где все быстро изменяется?

Ведь надо же понимать то, что пишешь, и не сотрясать воздух холостыми выстрелами!

Где же „пересмотр метода“? Где же расправа с „путеводной звездой“?

В фантазии т. Ольминского, который забыл, основательно забыл, что́ такое метод Маркса.

Настоящий, однако, теоретический скандал начинается тогда, когда т. Ольминский начинает поучать нас насчет теории хозяйства. Неловко как-то в печати разъяснять самые простые для марксиста вещи, но уже ничего не поделаешь, в наш век основательного засорения мозгов, пожалуй, не вредно вспомнить именно эти самые простые вещи.

Понятие товара,—пишет т. Ольминский,—по Бухарину, исчезает, поскольку на место стихии выступает сознательный общественный регулятор; в этой мере товар теряет свой товарный характер и превращается в продукт. В такой общей, абстрактной форме мысль Бухарина страдает только одним недостатком: в ней нет ничего нового.

Из-за чего же т. Ольминский, можно сказать, свою „пушку“ выставил против нас? Из-за чего же весь шум о пересмотре? Правильность этой мысли (хотя бы и не новой) т. Ольминский признает. Он упрекает нас в том, что мы просмотрели суть вопроса:

Весь вопрос именно в том... насколько „сознательный общественный регулятор“ действительно регулирует производство.

Какое производство? Когда? Где? Тов. Ольминский читал книжку и не заметил, что она представляет из себя первую попытку теории переходного хозяйства, а не конкретного анализа хозяйства Р. С. Ф. С. Р. в лето от Р. Х. 1921! Как же мы можем ответить на вопрос: „насколько“? Это требует совершенно другого исследования! Наше дело было дать методологически - руководящие указания для

такого рода исследований и мы в отношении „товара" их даем: „поскольку", „в этой мере". А. т. Ольминский палит:

Бухарину нет надобности даже ставить вопрос о степени овладения производством со стороны пролетарского „сознательного регулятора": для него полное торжество регулятора начинается, очевидно, с момента нарождения бюрократических учреждений, предназначенных к овладению производством. (Дальше идет патетическая тирада насчет того, что в 1921 г. в Р. С. Ф. С. Р. мы еще далеко не овладели производством. Б. и П.)

Это—неслыханная пустяковина!

Очень жаль, конечно, что до сих пор не вышла вторая часть „Экономики", конкретно-описательный труд по современной русской экономике, о которой говорится в „Предисловии" (стр. 6). Там такая постановка была бы уместна и необходима, но нельзя же из-за того, что в данной связи вопрос рассматривается абстрактно, шуметь о ниспровержении Маркса! Или скажите тогда, что абстракции не нужны, но не забудьте, что в этом случае вы будете стрелять не только по нас, но и по Марксу. Тов. Ольминский, как всякий вульгарный экономист, органически неспособен понять, „что к чему". Он, конечно, и не знает, что его ошибки — очень частое явление. Так критиковал Маркса Оппенгеймер, который „опровергал" теорию накопления указанием на то, что избыточное население идет из деревень и вызывается не ростом постоянного капитала, а дроблением земельных участков; так Бернштейн и К° „опровергали" теорию классовой борьбы указанием на то, что существуют рабочие, у которых в банке лежит пятачок; так опровергают Маркса буржуазные экономисты, когда заставляют своих „хозяйствующих субъектов" продавать на рынке падающие с неба метеоры и с восторгом сообщают, что этим ниспровергается теория трудовой ценности. Словом, здесь грубое смешение абстрактной теории с конкретным описанием. Конечно, чтобы различать все это, нужна известная подготовка, нужно и знание Маркса. Но—увы!—есть люди, которые высшую ступень науки видят в брюзжании. Что же, о вкусах не спорят: „тебе и горький хрен—малина, а мне и бланманже—полынь"...

Забавно, однако, как т. Ольминский, при своем глубоком понимании Маркса, договаривается действительно до отрицания марксизма. Ведь т. Ольминский признал, что при известных исторических условиях „товар теряет свой товарный характер". А двумя абзацами ниже он опять возвращается к старой песне: Ему (Бухарину, сиречь, нам обоим) „отказалось служить понятие товара. Естественно... отказывается наш автор и от понятия меновой ценности, цены, денег, заработной платы. От марксизма остается одно воспоминание". Вот это так здорово сказано! Выходит, следовательно, что если капитализм будет окончательно изничтожен и установится коммунистическая форма—„от марксизма остается одно воспоминание". Нет, т. Ольминский, решительно обстреливая нас, обстреливает уже не только Маркса, но и самого себя.

Нам рисуется, в общем, трагическая картина. Тов. Ольминский доживает до коммунизма. Веселые жители коммунистического общества в один прекрасный день видят, как по улицам столицы растерянно и уныло бредет т. Ольминский. Старый марксист мрачен. Он не видит денег. Нигде ничего нельзя купить. Продуктов много, но их нельзя купить, нельзя продать — их раздают в общественных распределителях. Граждане не получают никакой заработной платы. При всем своем желании т. Ольминский не смог определить даже цену

своих старых штанов. Скорбь запала в душу. Слезы покатились из глаз. И когда жители города подошли к нему и участливо спросили: „что с вами, не больны ли вы?“, он им печально ответил: „Все пропало и—от марксизма остается одно воспоминание“.

Мы настроены не столь мрачно. Мы думаем, что марксизм здравствует и будет здравствовать еще много времени после того, как от капитализма останется одно воспоминание, но именно потому, что мы видим в марксизме прежде всего великолепное орудие познания живой, меняющейся, текучей действительности. А т. Ольминский, раздраженный спецами и бюрократизмом, хочет сорвать злобу на нас и пробует взять своего читателя „на пушку“.

Но пушка-то оказалась не пушкой, как кавалерийский конь тов. Сарабьянова оказался вовсе не конем...

III. Пролетарский коммунизм против социализма старых баб.

Тов. Ольминский выставляет себя блюстителем ортодоксии. Так как он еще в седой древности слыхал, что хороший марксист должен быть диалектиком, а диалектика предполагает противоречия, то он решил выступить сам в качестве персонифицированного противоречия. Этим объясняется, вероятно, то обстоятельство, что, во-первых, его пушка не убивает, а, во-вторых, что, будучи пушкарем, он питает органическую ненависть к насилию.

Он упрекает нас в том, что, „освободившись от руководящих марксистских понятий в области марксистской методологии, как и в области экономики“, мы вынуждены „искать себе руководящей нити поведения в другой сфере,—в сфере своеобразной теории „внеэкономического принуждения“. И тут т. Ольминский запихивает в свою пушку последний заряд, который должен нас прямо уничтожить.

Но... страшен сон, да милостив бог. Заряд снова оказывается холостым, и нас обдает только мягкой пылью, прахом бессильной мысли, которая хочет быть злой, но не может.

Тов. Ольминский приводит цитату из нашей книжки, где сказано, что „пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества“. По этому поводу он, как добродетельная и приятная во всех отношениях дама, подносит платок к глазам и устраивает настоящую истерику. Но при этом все же не забывает обнаружить и слишком большое „искусство“ в цитировании. В самом деле, вот что мы читаем по поводу нашей цитаты:

> Все эти утверждения Маркса (о насилии. Б у х. и П я т.) неоспоримы. Но нужно же видеть и понимать, что не всякий разбой, не всякое насилие является одним из методов строения нового общества, а только то насилие, которое сопровождается новыми усовершенствованными способами производства.

Ну, разве это не „искусство“? Где же это тов. Ольминский вычитал у нас, что мы считаем разбой, да притом в с я к и й, методом строительства социализма? И почему в таком случае мужественный тов. Ольминский, который с „гуманным“ видом обвиняет нас в ревизионизме, почему он не обвиняет нас в укрывательстве всяких разбойников? Все это так нелепо, так г л у п о, что просто диву даешься, как это человек может писать такие вещи. Но т. Ольминскому наплевать на все это с высокого дерева. Он даже как будто бы не понимает, ч т о он пишет: лишь бы по внешности было благопристойно: стиль à la жеваная манная каша—значит, можно, пользуясь им, валить на

нас, как на мертвых, все что угодно... Но мы, т. Ольминский, не отличаемся христианскими добродетелями.

Характерно для тов. Ольминского то, что даже зерно истины, которое есть в конце вышеприведенной цитаты, он ухитряется преподнести в такой вульгарной форме, что она превращается в нелепость. Ибо всякому понятно, что революционное насилие непосредственно вовсе не сопровождается „усовершенствованными способами производства“ (кстати ad notam т. Ольминского: в марксистской литературе под способами производства разумеются не орудия труда, а экономические структуры; это популярно разъяснено в „Азбуке коммунизма“, которую так хвалит т. Ольминский и которую он, повидимому, читал). В самом деле, разве вооруженное восстание сопровождается усовершенствованными „способами производства“? Или красный террор движет вперед производительные силы? Или гражданская война напоминает тов. Ольминскому рог изобилия?

Мы в своей книге дали специальную главу о производительных силах и издержках революции. Тов. Ольминский ее не опротестовывает и не может опротестовать. Но это не мешает ему разводить маниловщину и грубо искажать теорию. Смысл революционного насилия состоит вовсе не в том, что оно „с о п р о в о ж д а е т с я“ усовершенствованной техникой. Это бессмыслица, а не смысл. Смысл же состоит в том, что революционное насилие р а с ч и щ а е т д о р о г у будущему подъему. И как раз тогда, когда н а ч и н а е т с я этот подъем, насилие т е р я е т девять десятых своего смысла. Но все это—книга за семью печатями для тов. Ольминского. После награждения нас почетным чином социал-разбойников ему, очевидно, все трын-трава.

„Умные речи приятно слушать“. Т. Ольминский пишет:

Для повышения же производительных сил, как и для „выработки коммунистического человечества“, марксисты вовсе не склонны о г р а н и ч и в а т ь с я (наш курсив. Б у х. и П я т.) бухаринским методом каторги и расстрела. В этом глубокий марксистский смысл того, что тов. Ленин постоянно твердит о тракторах и электрификации.

Тут, что ни слово, то настоящий перл.

Оказывается, во-первых, что марксисты „не ограничиваются“ применением расстрела и каторги, т.-е. все же применяют их для повышения производительных сил.

Во-вторых, каторгой, как явствует из других мест статьи т. Ольминский, называет систему трудовой повинности при диктатуре пролетариата. В-третьих, т. Ольминский на-ряду с каторгой рекомендует применять и тракторы.

Замечательную похлебку сварил наш ядовитый критик!

Но тут уж позвольте вас поймать, тов. Ольминский. Вы упрекали нас в сходстве с Мартовым, но делали это без всяких оснований, если не считать за таковое основание ignorantiam. А мы и м е е м полное право обратить этот упрек против вас: ибо тот, кто осмеливается называть каторгой трудовую повинность при пролетарской диктатуре, тот просто-на-просто либерал, самый обыкновенный, самый ординарный. Т а к говорил г. Абрамович на 3 съезде совнархозов, так выступают эсеры и Каутские с Мартовыми. Э т о—неоспоримо. В основе лежит непонимание к л а с с о в о г о с у щ е с т в а диктатуры, т.-е. либеральная, а не марксистская постановка вопроса.

Но т. Ольминский снова начинает обнаруживать проворство рук. Он, ничтоже сумняшеся, пишет:

Между тем, ставши на точку зрения своего метода выработки коммунистиче-

ского человечества и отказавшись от марксистского метода той же выработки, Бухарин неизбежно должен был докатиться до того, до чего он докатился,—до поголовного принуждения, руководимого относительно небольшой частью коммунистической партии.

Хуже всего „докатиться“ до пошлости. А здесь тов. Ольминскому поистине есть чем хвастать. Из сличения двух цитат, последней и предпоследней, явствует, что тов. Ольминский обвиняет нас в том, что мы против тракторов. Это, конечно, опровергать не стоит. Но все же, как объяснить тот факт, что тов. Ольминский „не заметил“ в книге ни тракторов, ни электрификации, ни технической революции на основе этой электрификации? Или, быть может, тов. Ольминский учился эристике одновременно у Шопенгауэра и у Сарабьянова? Как тов. Ольминский не заметил, что стержнем всей книжки является как раз учение о производительных силах, которым мы впервые даем совершенно точное математическое определение? Или тов. Ольминский страдает своеобразным дальтонизмом и слеп на все то, что противоречит его неумеренному желанию представить из нас социал-разбойников?

„Все это было б так смешно, когда бы не было так грустно“.

Смешна логика тов. Ольминского. Грустно за самого тов. Ольминского.

В заключение отметим два выпада. Тов. Ольминский пишет:

Характерна... последняя глава... книги. В ней он (Бухарин) говорит о том, чего должно или можно ожидать в будущем, но говорит о будущем в настоящем времени, как будто все ожидаемые завоевания уже достигнуты.

Ах, тов. Ольминский, тов. Ольминский! Не вспоминается ли вам автор „Капитала“, на знание которого вы претендуете?

А еще в I томе „Капитала“ имеется небезызвестное место, которое Маркс писал до всяких социалистических революций, место, где говорится „о будущем в настоящем“: „Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются“.

Не был ли и Маркс, грешным делом, „левым ревизионистом“?

Или, быть может, тов. Ольминский вспомнит конец гильфердингова „Финансового Капитала“, где мы находим все тот же так ненавистный т. Ольминскому praesens: „In dem gewaltigen Zusammenprallen der feindlichen Elementen schlägt sich die Diktatur der Karitalmagnaten um in die Diktatur des Proletariats“? („В гигантском столкновении враждебных элементов диктатура магнатов капитала превращается в диктатуру пролетариата“). Должно быть, и умеренный Гильфердинг, теоретический вождь каутскианства, превращается у нашего критика в лицо, страдающее сверхреволюционным зудом?

Не ясно ли, какие все это „сумасшедшие пустяки“?

И когда тов. Ольминский говорит, что „у нас (у партии) закружилась голова“, мы можем ему вежливенько „намекнуть“: parlez pour vous, camarade! Говорите это про самого себя, товарищ!

Суровый критик подводит такой итог нашей работе: „Она в целом—не научное произведение, а беллетристика, отражающая настроения части партии к средине 1920 года“.

Покорно благодарим за отзыв. И на том спасибо. Нам только кажется, что посылки тов. Ольминского, на которых он строит свое заключение, даже не беллетристика. Это просто наивная болтовня. Болтовня эта продиктована добрыми чувствами. Доброта вообще свойственна хорошим людям. Но этого еще далеко не достаточно для пролетарского коммунизма. Энгельс писал об „истинных социалистах“:

„Немного „человечности“, немного реализации этой человечности..,

очень немного о собственности..., немного о страданиях пролетариата организации труда, насаждении... кружков для поднятия низших классов народа. И на-ряду с этим безграничное невежество в вопросах... действительной общественной жизни". А Маркс называл такой добренький социализм социализмом старых баб.

Выступая с нашей критикой некритической критики тов. Ольминского, мы защищаем теорию пролетарского коммунизма против размагниченного „социализма" старых баб.

IV. В чем смысл философии всей?

Отзыв проф. А. Чаянова, в противоположность отзыву т. Ольминского, весьма благосклонен:

Бухаринская книжка,—пишет проф. А. Чаянов,—хотя и принадлежит к составу немецкой экономической мысли, является тем не менее столь крупным событием в нашей научной литературе, что каждый экономист не имеет права обойти ее вниманием, а, следовательно, при возможности к тому и высказать свое суждение.

Насколько в этом отзыве сквозит любезность, являющаяся непременной принадлежностью академической среды, и насколько это соответствует истине, мы из понятной скромности предоставляем судить товарищам читателям.

Но нам все же хочется сказать несколько слов и о замечаниях проф. Чаянова, хотя все они носят чрезвычайно общий характер. Проф. Чаянов помнит заповеди Козьмы Пруткова: „Бди!" и „Смотри в корень". Он усердно „смотрит в корень" и в конце концов находит, что оный корень изрядно гниловат. Постараемся восстановить поруганную репутацию этого „корня", руководствуясь при этом теми же двумя методологическими требованиями бессмертного Козьмы.

Проф. Чаянов пишет:

Работа является типичной прагматической рационализацией совершаемых кругом явлений. Автору практически удобно мыслить окружающее и свои активные действия именно в форме такой концепции, и концепция этим удобством утверждается.

Вы сами, — обращается к нам автор отзыва, — повидимому, считаете ее (книгу) абстрактным номографическим исследованием о мыслимом переходном периоде безотносительно его времени и места. Действительно, формально (курсив А. Чаянова. Бух. и Пят.) книга носит такой характер, но по своему существу она исключительно идиографична.

Как видит читатель, проф. Чаянов имеет в своем распоряжении самую дальнобойную, методологическую, чуть-чуть не теоретико-познавательную пушку. Это даже не пушка. Проф. Чаянов закладывает прямо-таки фугасы, чтобы взорвать нас со всеми нашими монатками. При этом он на всем протяжении своей статьи чрезвычайно деликатен „Легко ходяй, аки пардус".

Как это ни странно, но проф. Чаянов—отнюдь не марксист—сходится здесь с „марксистом" Ольминским. У того—отражение „настроений", у этого—прагматическая рационализация „для удобства".

Мы, однако, требовали бы фактов. На каком основании? По какому римскому праву?

Но проф. Чаянов отходит здесь на заранее подготовленные позиции. Он пишет:

Я утверждаю идиографический и прагматический характер книги и в дальнейшем из этого буду исходить.

Еще кооперативы не успели взять в свои руки власти, а идеолог их, проф. Чаянов, очевидно, „антиципируя“ для прагматического удобства свои желания, как сущее, начинает говорить в декретном порядке с поправкой на неизбежный крестьянский индивидуализм: „я утверждаю“. Это звучит гордо. Но это—не доказательство.

Укрывшись под сень „декрета“, проф. А. Чаянов продолжает „нападение от идиографии“. Мы не отказываемся от сражения и на этом поприще. Ибо если идиографическая постановка вопроса сразу же показала бы несоответствие с нашей теорией, тогда нужно было бы поставить следующий вопрос: о причинах этого несоответствия. И тут могло бы оказаться что-либо одно из двух: или это несоответствие объясняется исключительно специфическими особенностями абстрактного анализа, как такового; или же эмпирические данные, от которых исходит всякая, даже самая абстракная, теория, оказались бы несуществующими. Во втором случае проф. Чаянову удалось бы нас взорвать так, что не осталось бы следа ни от марксизма, ни от левого ревизионизма.

В отличие от похвального свойства коммунистических вождей признавать многие из своих действий ошибочными, Бухарин столь удачно строит свою прагматическую теорию, что по ней все экономические действия Советской власти протекают с папской непогрешимостью...

Конечно, если вы,—пишет далее автор,—исповедуете гегелевский принцип, что все существующее разумно и что оно иначе и быть не могло, то вы методологически правы... Однако, я полагаю, что экономическая политика не есть безвольное плавание по потоку истории (картинка! Бух. и Пят.) и в то же время не есть командование солдатскими массами на николаевском плацдарме.

Тов. Ольминский! Кричите стихами из Гейне профессору Чаянову: „Узнаю в тебе собрата!“. Однако, продолжим слово нашему оппоненту:

Смысл этих сентенций тот, что многие (курсив наш) из явлений распада нашего народного хозяйства суть не органическая принадлежность переходного периода, а неизбежные последствия необдуманных мероприятий, ненужных и необязательных... etc.

Далее следуют примеры à la Ольминский, в том числе и ссылка на кооперацию: „у кого что болит, тот про то и говорит“.

Ухватимся за этот чаяновский смысл в небезосновательном чаянии поймать на этом „смысле“ нашего критика.

Прежде всего характерно то, что профессор Чаянов, который почти всегда оперирует точными математическими величинами, так сугубо расплывчат в своих критических формулировках. В самом деле, он вещает: „многие“ из явлений распада—результат советской благоглупости. Предположим, что это так. Более того, мы всерьез говорим, что „многие“ конкретные явления нашего распада вовсе не имманентны переходному периоду. Но опровергает ли это тот факт, что другие, и притом основные явления распада, совершенно неизбежны? Это нужно доказать. Мы приводим доказательства необходимости распада. И каждый экономист, который не должен пройти мимо книги (по предложению самого А. Чаянова), не должен утекать от обязанности доказать неправильность нашей аргументации.

Приведем пример. Мы доказываем необходимость разбить яйца, чтобы получить яичницу. Тов. Чаянов опровергает нас не без пафоса: „И все вы врете! Зачем бить? Вот сиволапый Сидоров пролил на пол по глупости три яйца из десяти. А вы говорите—бить! Вот уж забубенная головушка, солдафон большевистский!“.

Такая „аргументация“ есть „по существу“ вполне чаяновская

аргументация. Но, ей-богу, совершенно напрасно приписывать ей смысл. Она бьет мимо цели, хотя, быть может, и чрезвычайно „удобна“ для душевного успокоения профессора Чаянова. Не даром последний называет себя прагматистом: Джемсом в „Многообразии религиозного опыта“ разрешается „для удобства“ верить хоть в чортову бабушку, если она может заменить валериановы капли.

Но сам проф. Чаянов не может свести концов с концами, не может, так сказать, „выдержать характера“.

Он пишет:

Вам принадлежит бесспорная честь поставки (?) ряда колумбовых яиц в области хирургической техники трансформационного процесса.

Однако, если нам эта колумбова честь принадлежит, то этим сказано гораздо больше, чем думает сам проф. Чаянов. Он побивает сам себя, если не камнями, то вышеупомянутыми колумбовыми яицами.

Правда, у него есть такое философическое возражение:

Ваша книга соответствует вашему подзаголовку, но не заглавию. Это есть теория техники трансформационного процесса, но отнюдь не теория состояния народного хозяйства в эпоху переходного периода. Поэтому книга ваша столь же бессильна пояснить окружающее (что окружающее? Бух. и Пят.) экономическое состояние, как теория хирургической операции бессильна описать нам общую физиологическую картину течения болезни.

Однако, это „возражение“ целиком покоится на неправильвой аналогии и вполне сходно со знаменитым возражением Рудольфа Штаммлера против теории исторического материализма, где Штаммлер напускает на марксизм лунное затмение (мы этого возражения не приводим, потому что оно известно, вероятно, даже тов. Ольминскому). В чем ошибка? Ошибка в том, что врач по отношению к больному есть внешняя сила, в то время, как революционный пролетариат есть составная часть самого общества, а его „хирургическая техника“ есть составная часть общественно-исторического процесса. Значит перед нами вполне обнаруживается чаяновский дуализм и отнюдь не диалектическая противоречивость его аргументации: с одной стороны он упрекает нас в фатализме, с другой—он упрекает нас же в излишней рационализации процесса. И при этом обнаруживает непонимание соотношения между человеческой волей и общественным явлением.

Большое место в критике А. Чаянова занимает указание на то, что мы не даем анализа „мелко-буржуазной стихии“, говоря современным языком, ибо „государственное хозяйство есть только небольшая часть работ гражданина Р. С. Ф. С. Р.“, ибо „помимо пролетарской революции и ее строительства существует остальной мир“ и т. д. А. Чаянова особенно возмущает то, что нет подробного анализа крестьянского хозяйства. „Вы меньше всего имеете право делать это в стране, где 80% населения—крестьяне“.

Мы понимаем, конечно, негодование проф. Чаянова. Но мы все же полагаем, что иногда невредно эмоции подчинять интеллекту. Мы спросим А. Чаянова: „а какое право вы имеете требовать от нас разговора о бюджетах русских крестьян и даже о Р. С. Ф. С. Р., которую мы любим, наверное, не меньше вашего, когда мы ставили себе другую задачу“?. Проф. Чаянов признает сам правильность если не заглавия, то подзаголовка: общая теория и т. д. Ну, как же после этого он негодует на нас за то, что, строя общую теорию, мы не загромождали книгу не относящимся к делу матерьялом? Неужели здесь

достаточно ссылки на декрет: „Я утверждаю“? И неужели профессорская методология заключается в мудром украинском изречении: „в огороде бузина, а в Киеве—дядька“?

Наконец, еще одно возражение проф. Чаянова: у нас, мол, нет и намека на доказательство невозможности образования новых классов.

Это возражение было бы очень существенным, если бы у нас, действительно, не было ни намека. Но на самом-то деле у нас очень большое место отведено доказательству того, что в новой системе привилегированный организаторский слой теряет (в движении) свой кастовый характер. Можно не соглашаться с нашей конкретной аргументацией, но нельзя утверждать, что ее нет, хотя опять-таки, это, быть может, прагматически и „удобно“.

Мы кончаем. Методологические фугасы проф. Чаянова не взрывают. Пушка тов. Ольминского не стреляет. Сарабьяновский „конь“ оказывается калекой.

Wunderschön war diese Stute,
Leider aber war sie tot.
(Хороша была кобыла,
Но была она мертва).

Н. Бухарин.
Г. Пятаков.

P. S. Мы надеемся, что наш старый друг и товарищ Ольминский не посетует на нас за стиль нашего ответа и за резкость полемики. Так как он с особенным ударением настаивает на сохранении в Р. С. Ф. С. Р. закона ценностных эквивалентов, то наша совесть спокойна: мы отнюдь не превысили той меры, которая заключается в кличке „ревизионисты“.

Из зарубежной прессы.

„Наши за границей".

I. Белогвардейский юмор.

Чуть не вся старая литературная Россия после октябрьской революции ушла в белогвардейский лагерь. Немудрено, что за границей выходит теперь так много всяких белогвардейских книг, журналов и газет. В 1920 г. стал выходить в Париже журнал «Бич»—«еженедельный орган политической сатиры». Вышли в Париже недавно книжки Аркадия Аверченко—«Дюжина ножей в спину революции». Приглядимся к этим изданиям, чтобы узнать, что представляет сейчас русская белогвардейская политическая сатира [1]).

Читатель, может быть, подумает, что Аверченко хочет обличать, «бичевать» тех, кто вредит революции, втыкая нож в спину. Совсем нет. Аркадий Аверченко сам своей книжкой хочет всадить дюжину ножей в спину революции. Революция, по его словам, это «полупьяный детина с большой дороги». «Да ему не дюжину ножей в спину, а сотни—в диксбраза его превратить».

А сейчас же под предисловием, из которого я беру эти строки, изображена выразительная виньетка: рука, крепко сжимающая нож и готовая нанести удар. Эта выразительная виньетка повторяется в небольшой книжке семь раз, не считая обложки, на которой сам Арк. Аверченко изображен с двумя ножами!

Когда человек настроен так кровожадно, тут уж не до юмора.

Две мечты владеют все время душой, помыслами и творчеством Аркадия Аверченко. Во-первых, воспоминания о прошлом, когда так привольно, сладко, беззаботно, весело, сытно и пьяно жилось на Руси всем эксплоататорам и тем, кто умел им прислуживать. Эта нота красной нитью проходит через всю книжку. Приведем несколько примеров.

Вот рассказ «Поэма голодного человека». Несколько человек собираются ежедневно по вечерам и рассказывают друг другу, как хорошо они ели в старину.

«— Пять лет тому назад—как сейчас помню—заказал я у Альбера навагу фрит и бифштекс по-гамбургски. Наваги было 4 штуки—крупные, зажареные в сухариках, на масле, господа! Понимаете на сливочном масле, господа! С одной стороны лежал пышный ворох поджаренной на фритюре петрушки, с другой—половина лимона. Я делил так: сначала брал вилку, кусочек хлебца и ловко отделял мясистые бока наваги от косточки.

«— У наваги только одни косточки, посредине, треугольные,—перебил, еле дыша, сосед.

«— Отделив куски наваги, при чем, знаете ли, кожица была поджареная, хрупкая этакая и вся в сухарях, я наливал рюмку водки и только тогда выдавливал

---

[1]) Очень много материала из этой области можно найти в заграничных белогвардейских газетах. Но недостаток времени лишает заняться разбором этого интересного материала. Ограничиваюсь поэтому только журналом «Бич» и книжкой Аверченко, откладывая газеты до другого очерка.

тонкую струйку лимонного сока на кусок рыбы. И я сверху прикладывал немного петрушки—о, для аромата только, исключительно для аромата,—выпивал рюмку и сразу кусок этой рыбки—гам!»

Дальше идет описание бифштекса:

«Бифштекс был рыхлый, сочный, но вместе с тем упругий и с одного боку побольше поджаренный, а с другого поменьше... А подливки было много, очень много, густая такая, и я любил, отломив корочку белого хлебца, обмакнуть ее в подливочку и с кусочком нежного мясца—гам!»

«Был также поструганный хрен, были капорцы—остренькие, остренькие, а с другого конца чуть не половину соусника занимал нарезанный этакими ромбиками жареный картофель. И чорт его знает, почему так он пропитывался этой говяжьей подливкой. С одного бока кусочки пропитаны, а с другого совершенно сухие и даже похрустывают на зубах. Отрежешь, бывало, кусочек мясца, обмакнешь хлеб в подливку, да, зацепив все это вилкой, вкупе с кусочком яичницы, картошечкой и кружечком малосольного огурца»...

Рассказчик говорит, что этот бифштекс он запивал пивом (выбрасываю описание пива), но один из слушателей прерывает его:

«— Не пивом! Не пивом нужно было запивать, а красным винцом подогретым! Было такое бургундское по три с полтиной бутылка... Нальешь в стопочку, поглядишь на свет—рубин, совершенный рубин»...

Это не просто мечты голодных людей о какой-нибудь еде. Это мечта людей, привыкших пить бургундское.

А вот второй рассказ—«Усадьба и городская квартира». И здесь вспоминается доброе старое время в помещичьей усадьбе.

«Золотые пятна бегают уже по белоснежной скатерти, зажигаются рубинами в домашней наливке, вспыхивают изумрудами в смородиновке, настоянной на молодых, остро пахнущих листьях, и уже дымится перед гостем и хозяином наваристый борщ, и пыжится пухлая, как пуховая перина, кулебяка...

«— А вы пока маринованных грибков—домашние! И вот рыбки этой—из собственного пруда... А квасом,—прямо говорю—могу похвалиться: в нос так и шибает—сама жена у меня по этому делу ходок»...

А вот третий рассказ того же Аверченко—«Осколки разбитого вдребезги». В Севастополе на бульваре беседуют два бывших человека: бывший сенатор, который «на всех торжествах появлялся в шитом золотом мундире и белых панталонах», и бывший «директор огромного металлургического завода». Вот их разговоры, их воспоминания.

«— А помните «Медведя»?

«— Да. У стойки. Правда, рюмка лимонной водки стоила полтинник, но за этот же полтинник приветливые буфетчики буквально навязывали вам закуску: свежую икру, заливную утку, соус кумберленд, салат оливье, сыр из дичи.

«— А могли закусить и горяченьким: котлетками из рябчика, сосисочками в томате, грибочками в сметане... Да!!!.. Слушайте—а растегаи?!

«— Мне больше всего нравилось, что любой капитал давал тебе возможность войти в соответствующее место: есть у тебя 50 рублей—пойди к Кюба, выпей рюмочку Мартеля, проглоти десяток устриц, запей бутылочкой Шабли, заешь котлеткой даньон, запей бутылочкой Поммери, заешь гурьевской кашей, запей кофе с Джинджером. Имеешь 10 целковых—иди в Вену или Малый Ярославец. Обед из пяти блюд с цыпленком в меню—целковый, лучшее шампанское—8 целковых, водки с закуской—2 целковых»...

И все эти длинные мечты — воспоминания все время прерываются возгласами:

«— Ну, скажите, что мы им сделали? Кому мы мешали?»

«— Чем им мешало все это?»

А вот мечты о будущем из журнала «Бич» (№ 9):

«А по-нашему будет так:

«— Извозчик, в Учредительное... Что? Полтинник? А в участок не хочешь? Ну, то-то. Возле Елисеева остановишься... Да, да... здесь.

«— Здрасьте, здрасьте... А икорка-то как будто бы того, с горечью... И дороговато—три рубля фунт... Ну, ничего—полфунта... И сижка заверните... Да этого шельмеца в 80 коп... Десяточек груш? Можно»...

Воспоминания о вкусной еде, о винах, о легкой привольной жизни—это лейтмотив современной эмигрантской белогвардейской и «политической сатиры». Все это у них было и всего этого их лишила революция. Ну, конечно, «дюжину ножей в спину революции» за эти преступления.

В рассказе «Фокус великого кино» изображается история революции, которая идет наоборот, как лента обратно пущенного кинематографа. Снова проходят перед собеседниками картины керенщины, февральской революции, четвертая, третья, вторая и первая Госуд. Думы. Наконец, история доходит до манифеста 17 октября 1905 г. Тут собеседники не выдерживают. «Да ведь это был, кажется, самый счастливый момент нашей жизни,—восклицают они.—Митька! Замри!! Останови, чорт, ленту, не крути дальше. Руки поломаю. Пусть замрет, пусть застынет».

Какие же картины рисуются этим бывшим людям в счастливейший момент их жизни, когда самодержавие милостиво надуло восставший народ, чтобы вскоре потом свирепо расстрелять его и снова согнуть в бараний рог? Что хотели бы они вернуть из этой старины? Слушайте. Вот их самые сладкие мечты:

«— Извозчик! Полтинник на Конюшенную, к «Медведю». Пошел живей, гривенник прибавлю. Здравствуйте. Дайте обед, рюмку коньяку и бутылку шампанского. Ну, как не выпить на радостях... С манифестом вас!»

Но старое безвозвратно ушло. «Что прошло,—не воротится вновь». И бывшими людьми, которые прежде умели быть так беззаботно веселыми, овладевает безудержная, нечеловеческая, звериная злоба на тех, кого они считают виновниками революции. Такими виновниками они считают коммунистов, а потому ненавидят их всем нутром своим. Коммунистам они хотели бы не только воткнуть «дюжину ножей» в спину; для них они ищут всевозможные муки. В рассказе «Поэма о голодном человеке» возбудивший и себя и слушателей до исступления рассказами о наваге, о бифштексе по-гамбургски, о бургундском и т. п. мечтает о том, как он отмстит Троцкому, который в его представлении лишил его всех этих благ:

«— Я поймаю Троцкого, повалю его на землю и проткну пальцем глаз! Я буду моими истоптанными каблуками ходить по его лицу! Ножичком отрежу ему ухо и засуну ему в рот—пусть ест!!»

С большой боязнью выписываю я эти строки. Я боюсь, что читатели мне не поверят. Неужели веселый балагур Аверченко способен написать подобные строки. Но это действительно есть на странице 17 его сборника «Дюжина ножей в спину революции».

Возвратимся еще на минуту к этому рассказу.

Бывшим людям страстно хочется вернуть свое прошлое счастье, свою прежнюю привольную еду. Вслед за угрозой отрезать Троцкому ухо рассказчик через несколько минут продолжает:

«— А знаешь, если бы Троцкий дал мне кусочек жареного поросенка с кашей—такой, знаешь, маленький кусочек—я бы не отрезывал Троцкому уха, не топтал бы его ногами! Я бы простил ему...

«— Нет,—шепнул сосед,—не поросеночек, а знаешь что?.. Кусочек пулярдочки, такой, чтобы белое мясо легко отделялось от нежной косточки... и к ней вареный рис с белым кисленьким соусом».

А вот еще один рассказ Аркадия Аверченко—«Разговор за столом», напечатанный в № 7 «Бича». Действие происходит на юге России, в Крыму во времена барона Врангеля. За самоваром или за бутылкой вина собралась компания бывших людей и беседует, что каждый из них сделал бы с Троцким, если бы Троцкий попал к нему в руки.

«— Я бы купила булавок,—говорит одна дама.—Много, много, ну тысячу, что

ли... И каждую минуту втыкала бы в него булавочку, булавочку, булавочку... Сидела бы и втыкала, сидела бы и втыкала»...

Но другим собеседникам эти мучения кажутся слишком мягкими, и они стараются придумать другие, еще более утонченные. Один, напр., предлагает привязать Троцкого к трупу и не отвязывать от него. Труп постепенно начинает гнить. «Троцкий каждую минуту видит синее разложившееся лицо с оскаленными зубами, голова у Троцкого кружится от нестерпимого трупного запаха, и когда он почувствует около своей груди что-то живое, когда клубок трупных червей заворач...»

Дальше итти, кажется, некуда. Вот до какой мерзости, до какого «юмора висельника» дошел теперь веселый балагур Аркадий Аверченко. А белогвардейщина читает эту мерзость, наслаждается ею, смакует ее и жестоко расправляется с теми коммунистами, которые попадают ей в руки. Маленький кусочек того, что делается в белогвардейских застенках, читатель увидит в следующей главе.

II. В застенках контр-революции.

(«В застенках Колчака» [голос из Сибири]. Париж 1920 г., 47 стр.).

Эта небольшая брошюра представляет частное письмо, написанное Д. Ф Раковым, членом Ц. К. партии эс-эров, членом бывшей Учредилки, одному из его товарищей, жившему в Париже.

Письмо это не предполагалось автором для напечатания. Письмо было написано Раковым, когда он уже прибыл из Сибири в Прагу. Под письмом дата— 23 декабря 1919 года.

Брошюра интересна, как еще один документ, рисующий ужасы колчаковских застенков и колчаковской расправы.

Раков был арестован в день или, лучше сказать, в ночь государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 года, поставившего у власти Колчака. До 21 марта 1919 г. он сидел в нескольких тюрьмах Омска под угрозой расстрела. В тюрьмах ему пришлось наблюдать и переживать самые дикие ужасы. Приведем из брошюры некоторые выдержки, рисующее эти ужасы.

Сперва Раков попал в гарнизонную гауптвахту. Это была холодная камера без печи, и все имущество Ракова состояло из пальто и фуражки. Всего заключенных было 30 человек. Это были солдаты так называемой «Народной Армии». Скоро «из отряда Анненкова привели двух высеченных распаленными шомполами крестьян и одного железнодорожного рабочего. Через неделю они исчезли: их расстреляли где-то на берегу Иртыша». Раков сидел в этой тюрьме месяц «без теплой одежды, без белья, жестоко страдал от холода, грязи и насекомых всех родов и видов, которых так было много, как нигде».

17 декабря Ракова перевели в другую гауптвахту, которая до тех пор была необитаема. «Лишь за несколько часов до нашего прихода,—пишет Раков,—там затопили печи. Я до сих пор без ужаса не могу вспомнить этой гауптвахты. Камера имела аршина 4 в длину и столько же в ширину. Маленькое окно, сделанное у самого потолка, покрылось столь густым слоем льда и снега, что совершенно не пропускало света; ламп никаких не было; приходилось день и ночь сидеть в полной темноте. На грязные нары поместилось 7 человек; лежать можно было лишь на боку, и то с большим трудом. Уборной не было; выводили под караулом прямо на двор. Главное, недоставало воды не только для умыванья, но и для питья. Сплошь и рядом приходилось в котелок набирать снегу на дворе и растаивать его в печке. Вы представьте, что за питье получалось, если вспомните, что двор вместе с тем служил нам и уборной».

Не мудрено, что Раков запросился о переводе в гарнизонную гауптвахту, в которой он сидел сначала. Это ему и удалось. А оттуда 3 февраля он попал в тюрьму. Вот описание этой тюрьмы...

«На первый взгляд обычная тюремная обстановка. Изредка со двора доносятся ружейные выстрелы. Оказывается, военный караул открывает стрельбу по всякому, кто полезет открывать форточки, подойдет к окну. Накануне была так убита наповал женщина-уголовная. В тюрьме свирепствует тиф. Тюрьма рассчитана на 250 чел., и в мое время сидело около тысячи... В подвальном этаже всегда лежало трупов 30—40: тюремная администрация просто не успевала хоронить умирающих». Среди заключенных «особенно удручающее впечатление производили солдаты, арестованные за участие в большевистском восстании 22 декабря. Все это молодые сибирские крестьянские парни, никакого отношения ни к большевикам, ни к большевизму не имеющие. Тюремная обстановка, близость неминуемой смерти сделали из них ходячих мертвецов с темными землистыми лицами. Вся эта масса все-таки ждет спасения от новых большевистских восстаний». «К смертной казни приговаривали пачками по 30—50 человек, расстреливали 5—10 в день. Некоторым по месяцу, по два приходилось ждать исполнения приговора... Сидеть приходилось с людьми, которые от пережитых страданий, стали полусумасшедшими». В тюрьме сидел латыш. «Он не большевик и большевиком никогда не был. Его специальность—птицеводство... При Советской власти его невеста поступила на Омский вокзал кассиршей. Чтобы быть ближе к невесте, он поступил офицером железнодорожной милиции. После свержения Советской власти его арестовали, но через несколько дней освободили. После колчаковского переворота его снова арестовали, но 22 декабря большевики его освободили. Недели две он спокойно прожил у своей невесты. Его арестовали анненковцы. Привели в свой штаб. Там начальство приказало всыпать ему «сорок горячих». Несчастный юноша выдержал 17 ударов и потерял сознание. Пришел в себя, лежит на полу, а над ним болтается приготовленная уже петля. Ищет чем-нибудь покончить с собой. Нашел кусок стекла, стал резать руку, чтобы перезать вену. Стал терять сознание. Приходит в себя утром. Весь окровавленный. Даже анненковцы не решились его повесить, а отправили в тюрьму. Он целыми днями лежит, страдает головокружениями. Рядом с моей одиночкой, в которую потом меня засадили, сидит железнодорожный рабочий Медведев, с больным горлом, куда вставлена была серебряная трубочка. Нужно сказать, что в Колчаковщине всякий рабочий непременно большевик и злостный заговорщик. Шел этот Медведев с товарищами по улице Омска. Неожиданно налетели красильниковцы и «прямым сообщением» направились в Загородную Рощу. Рабочих там пустили вперед, взяли ружья на прицел, раздался залп. Или пуля пролетела мимо Медведева, или он упал раньше залпа, только он очутился не раненым. Красильниковцы стали добивать мертвых штыками. Медведеву штыком разорвали горло и удалились. Несчастный с невероятными усилиями добрался до городской больницы. Недели через две узнали красильниковцы, что он спасся, потребовали, чтобы власти перевели его как «опасного большевика» в тюрьму. Медведев очутился в тюрьме и при мне числился за военно-полевым судом. Трудно вообразить, что представлял из себя этот Медведев. Однако суд приговорил его к смертной казни» (стр. 31—32).

Через некоторое время солдатский караул в тюрьме сменился казачьим. «Стрельба по окнам тюрьмы с приходом казаков усилилась. Казацкие офицеры для своих стрелков просто устроили спорт на меткость, спорт, имевший своими последствиями кровавые жертвы. Тиф не ослабевал, а усиливался. Люди погибали десятками ежедневно» (стр. 36).

Кроме описания тюрем в брошюре-письме Ракова есть ряд других таких же кошмарных картин, рисующих дикие расправы колчаковцев с теми, кто пытался восставать против этого режима ужаса.

22 декабря 1918 г. в Омске произошло восстание. Повстанцы овладели тюрьмой и выпустили оттуда заключенных. Но скоро восстание было подавлено, и началась дикая расправа.

«Убитых в связи с событиями 22 декабря было бесконечное множество, во всяком случае не меньше 1.500 чел. Целые возы трупов провозили по городу. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие... Омск просто

замер от ужаса. Боялись выходить на улицу, встречаться друг с другом... На обрывистом берегу Иртыша наткнулись на три безобразно скорчившихся, обледенелых трупа. Они были так изуродованы, что невозможно было узнать. Стали бродить по берегу, копать снег, нашли еще несколько таких же изуродованных трупов в позах чудовищных. По бороде узнали Фомина. Брудерер был так изуродован, что ясно никак не могли узнать его, пока не показали метки на его окровавленной рубашке» (17).

Когда был арестован Б. Н. Моисеенко, «его стали пытать. Пытка продолжалась часов 6—7. Наконец его, измученного, просто задушили, а труп бросили в Иртыш» (20).

А вот картина убийства:

«Самое убийство представляет картину настольку дикую и страшную, что трудно о ней говорить даже людям, видавшим не мало ужасов и в прошлом и в настоящем. Несчастных раздели, оставили лишь в одном белье: убийцам, очевидно, понадобились их одежды. Били всеми родами оружия, за исключением артиллерии: били прикладами, кололи штыками, рубили шашками, стреляли в них из винтовок и револьверов. При казни присутствовали не только исполнители, но и зрители. На глазах этой публики Фомину нанесли 13 ран, из которых лишь две огнестрельных. Ему, еще живому, шашками пытались отрубить руки, но шашки, повидимому, были тупые; получились глубокие раны на плечах и под мышками».

В ночь на 1 февраля 1919 г. в Омске произошла новая попытка восстания, но была быстро ликвидирована. «Арестовали человек тридцать, между прочим двух женщин, привезли в казармы, раздели донага и отдали офицерам на избиение... Били арестованных с особенным остервенением. Потом бросили, полумертвых, в холодную комнату. «Теперь, вероятно, их уже расстреляли?»—спросил кто-то из толпы. «Нет, мы их еще попытаем,—добавил рассказчик (дежурный по караулу),— и будем пытать до тех пор, пока они не выдадут главных заговорщиков» (28).

21 марта 1919 г. Ракова, как эс-эра, освободили, и он поехал во Владивосток. В своем письме-брошюре он описывает некоторые ужасы, которые творились в тех городах, через которые он проезжал.

Сибирские крестьяне восставали и нападали на колчаковцев. Тогда «генерал Розанов объявил, что за каждого убитого солдата его отряда будет неуклонно расстреливаться десять человек из сидевших в тюрьмах большевиков, которые все были объявлены заложниками... Расстреляно было 49 заложников в одной только Красноярской тюрьме»... «В тюрьме воцарился неописуемый ужас. Начались самоубийства, массовые отравления заложников. Усмирение Розанов повел «японским» способом. Захваченное у большевиков селение подвергалось грабежу; мужское население или выпарывалось поголовно, или расстреливалось; не щадили ни стариков, ни женщин. Наиболее подозрительные по большевизму селения просто сжигались» (41).

Рабочий не смел пошевелиться под страхом бессудного расстрела за малейшие пустяки. Экономическая же политика пресловутой кадетской государственности держала их на границе хронического голодания».

Хозяйство страны приходило в ужасную разруху, и ничего не делалось для борьбы с этой разрухой. «Новая власть ничего не сделала, чтобы улучшить железнодорожный транспорт, наоборот, он ухудшился» (39).

«Вместо восстановления народно-хозяйственной жизни махровым цветом расцветала самая злостная спекуляция. Спекулировали все: от жандармов до министров включительно. К этому неизбежно вела правительственная и экономическая политика. Единственной творческой силой в Сибири являлась кооперация, но она не пользовалась расположением власть имущих... Хищничество, грабежи, взяточничество самое бесцеремонное—вот что составляло содержание работы всей правительственной машины.

«В области управления пресловутая государственная мудрость сибирских кадетов не пошла дальше института земских начальников. Земельная политика не на бумаге, а на деле свелась к восстановлению полностью, без ограничения власти помещиков там, где таковые когда-то были, напр., в Уфимской губ.» (42, 43).

«Печати социалистической в Сибири нет. Всюду цензура. В Иркутске цензором состоял не кто иной, как бывший до революции начальник Иркутского губернского жандармского управления» (46).

Кто же был виновником всех этих ужасов? Автор как-будто винит одних кадетов. Но уже издательство («Pour la Russie») в предисловии признается, что вина падает и на «тех русских общественных деятелей, которые до самого последнего времени оказывали поддержку и помощь сибирскому правительству, называя себя в то же время демократами и социалистами». Если в этих ужасах виноваты кадеты, то не надо забывать, что еще в январе 1921 г. эс-эры заключали блок с кадетами на парижском совещании членов бывшего Учредительного Собрания.

III. Уходящие тени.

1.

(„Русские сборники под редакцией профессоров Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова". Книга первая. София. Российско-болгарское книгоиздательство. Придворная типография, акционерное общ-во, 1920 г., 112 + XII стр.)

Тяжелое впечатление производит вся белогвардейская литература. Во главе многих заграничных русских белогвардейских газет и журналов стоят известные старые литераторы и ученые, люди с крупными литературными именами, недавние властители дум русской интеллигенции. Статьи в этих газетах и журналах написаны очень литературно, бойко, подчас ядовито. Но какое поразительное убожество мысли! Какая полная неспособность понять смысл и значение происходящей революции. Все помыслы этих звезд белогвардейского неба прикованы к отжившему старому. Только в сторону прошлого направлены все их симпатии. Только к седой, чуть не средневековой старине хотят они вернуться. Того нового, что несет пролетарская революция, они не видят, не хотят и неспособны видеть. Только под влиянием жестоких ударов жизни начинают эти люди понимать свои прежние ошибки, но и то только для того, чтобы сейчас же начать делать новые.

„Крымская катастрофа больно ударила по сердцу всех русских людей, признававших возможность и необходимость вооруженной борьбы с большевиками. Ей заканчивается тот период борьбы с большевизмом, который ведет свое начало от воззвания генерала Алексеева 2-го декабря 1917 г. об образовании Добровольческой Армии".

Так начинается первая (редакционная) статья „Русского Сборника".

А дальше мы узнаем, что трагизм положения заключается для белогвардейцев в том, что „с крымской катастрофой (т.-е. с поражением Врангеля) оборвалась ф о р м а л ь н а я преемственность национально-русской, антибольшевистской власти". В эпоху величайшей революции, когда проснувшийся народ, сознав свою силу, низвергает все старые основы права и закладывает основы новой жизни, когда все старое поставлено под вопросом и должно доказать свое право на дальнейшее существование, в такое время ученые профессора из белогвардейского лагеря только и думают, что о том, как бы сохранить „формальную" преемственность власти, начиная от царизма. Царизм дал Государственную Думу; Дума передала власть Временному Правительству; это последнее породило Учредилку; обломки Учредилки выдвинули уфимскую директорию, под крылышком которой вырос Колчак. От Колчака пошел Деникин, а от Деникина Врангель. И ученые профессора всерьез думают, что эта „формальная" преемственность имеет какое-либо значение.

Но, как бы то ни было, даже эти слепые и глухие люди начинают приходить к убеждению, что песенка русской белогвардейской контр-революции спета, что все козыри ее проиграны.

„Борьба кончилась неудачей, — говорит та же передовая редакционная статья в № 1 „Русских Сборников". — Эту неудачу мы можем и должны открыто и без ложного

стыда признать. Всякий, кто впредь будет стремиться продолжить или возобновить вооруженную борьбу с большевизмом в прежнем виде, пойдет по ложному пути". „И сейчас в пределах России или вне ее могут явиться Лжедмитрии, Болотовы (Болотниковы?), Ляпуновы и разного рода призванные и непризванные вожди „казаков", которые будут объявлять себя „вождями народа", будут ссылаться на свои „преемственные права" и будут в силу этого претендовать на право говорить от имени России вообще или так называемой „демократической России" в частности. Что бы они однако ни говорили, для всех нас будет ясно, что это не более, чем самозванцы, национальное значение которых ничтожно".

Итак, по признанию самих белогвардейцев, контр-революции нанесен смертельный удар. Все дальнейшие попытки наиболее упорных белогвардейцев могут вызвать только бесцельную смуту, но не дадут ничего творческого.

Да и не в одной России так плохо обстоит дело контр-революции. Печально положение всей буржуазной Европы. Вот как рисует это положение проф. Э. Д. Гримм в статье „Сумерки богов" в том же № 1 „Русских Сборников":

„Разоренная войной, обремененная неслыханными долгами, неспособная, по собственному признанию, своими силами справиться с задачей восстановления своего пораженного до основания хозяйства, раздираемая не только внутренней враждой и ненавистью населяющих ее народов, но и ожесточенной взаимной ненавистью борющихся друг с другом классов ее общества, Европа явно клонится к упадку. И этот упадок отнюдь не временный или случайный, а длительный и вытекающий из самого существа ее жизни".

„Европе необходимо исключительное, почти сверхчеловеческое напряжение всех ее сил для того, чтобы преодолеть бесконечно грозный кризис нашего времени".

Европа по признанию Э. Д. Гримма переживает жестокий экономический и политический кризис. Ей грозят новые ужасные войны. Внутри каждой из европейских стран кипит жестокая борьба классов; месяцами длятся грандиозные забастовки, вспыхивают восстания. Революционное движение пролетариата растет не по дням, а по часам. В колониях вспыхивают национальные восстания. Какие же героические меры предлагают наши белогвардейские профессора, еще вчера бывшие либералами, для спасения от всех этих „бесконечно грозных опасностей"? В чем должно выразиться „исключительное, почти сверхчеловеческое напряжение ее сил" для спасения от грозных опасностей?

„Увлечение успехами техники и формального знания должно уступить место признанию первенствующего значения религиозно-нравственных проблем наших дней".

„Другого пути к спасению Европы и всего мира нет".

Таков ответ, который дает профессор Э. Гримм. Вчерашний либерал сегодня превращается в религиозного мракобеса. Он ищет спасения от надвигающейся пролетарской революции в объятиях церкви, во мраке средневековья.

Разве это не отживающие люди? Не уходящие тени?

Положение буржуазной культуры во всем мире почти безнадежно. Это признают сами белогвардейцы. А в России эта культура уже погибла. Здесь уже стоит у власти могильщик капитала—пролетариат. Как же обстоит, по мнению белогвардейцев, дело с этой властью? Вот ответ, который дает автор статьи „Советская Россия и Европа" (статья подписана тремя звездочками):

„Устраняя в лице генерала Врангеля последнюю серьезную враждебную ей силу, пользуясь широкими симпатиями среди народных масс Запада, видящих в Москве и московских лозунгах единственный луч надежды в своем тяжелом положении и принуждающих порой своих более осмотрительных вожаков подчиняться московским „указам" по делам Интернационала, советская Россия находит во всех окружающих ее странах страстных союзников и умело пользуется этим небывалым преимуществом. Попытки врагов напасть на ее собственную территорию она, не без основания, не боится, а вместе с тем она создает им повсеместно, вплоть до далеких областей Азии и Африки,—опасные затруднения".

Разве это не признание того, что пролетарская Советская власть стоит бесконечно прочнее, чем буржуазный Запад. А между тем и это признание исходит от ярко белагвардейского журнала, горько скорбящего о гибели последней своей опоры—барона Врангеля.

2.

(«Русская Мысль». Ежемесячное литературно-политическое издание под редакцией Петра Струве. Январь—февраль 1921 г. София.)

Представители старого буржуазного мира чувствуют, что их мир доживает последние дни. С грустью смотрят они на это умирание. С тоской и любовью оглядываются они на прошлое, когда буржуазно-помещичья культура была полна сил, когда она была в полном расцвете. Все помыслы этих уходящих теней устремлены не на новое светлое будущее, а на умирающее прошлое.

Самый журнал свой они называют старым именем «Русской Мысли» и старательно отмечают на обложке: «основан в 1880 году».

Некоторые умные, проницательные представители старого помещичье-буржуазного мира уже с самого начала революции, в феврале 1917 года поняли, почувствовали, что умирает их старая культура, их старый быт. И тут же, в вихре революционных событий они принялись за воспоминания об этой старой уходящей жизни, господами которой были они.

В первой книжке «Русской Мысли» имеются такие воспоминания князя Е. Н. Трубецкого. Вот как он их начинает:

«Два с лишним года тому назад, когда в Петрограде в конце февраля пальба на улицах возвестила конец старой России, во мне зародилась непреодолимая потребность вспомнить лучшие дни пережитого прошлого, чтобы в этих воспоминаниях найти точку опоры для веры в лучшее будущее России. Тогда я вспомнил светлые, радостные картины моего детства. С тех пор во мне периодически возрождается потребность вспоминать... В минуту, когда старая Россия умирает, а новая нарождается на ее место, понятно это желание отделить непреходящее, неумирающее от смертного в этой быстро уносящейся действительности. К воспоминаниям предрасполагают и внешние условия жизни в революционную эпоху».

В эпоху величайшей революции, когда, по признанию самого Е. Н. Трубецкого, умирает старая Россия и нарождается новая, когда перестраиваются все основы жизни, когда всюду кипит борьба, когда не хватает сил для творческой работы—в это время Е. Н. Трубецкой вспоминает «светлые, радостные картины детства». Не новое творчество интересует его, а умирающее прошлое. От жизни он уходит в область воспоминаний. А ведь Трубецкой был еще не старый человек. В 1917 г. ему было 53—54 года.

Разве это не конченые люди, не уходящие тени, для которых «все в прошлом».

В той же книжке «Русской Мысли» есть интересная статья К. Зайцева, имеющая многоговорящее заглавие «В сумерках культуры». Это тоже своего рода воспоминания, настоящая элегия в прозе.

«Сквозь тусклый безразличный туман надоевшего однообразия ежедневных буден, в далеком, казалось, уже заглохшем тайнике души, внезапно затеплился и встрепенулся полузатухший уголек воспоминаний, сквозь немолчный ропот притупляющих и иступляющих житейских забот зазвучат еще неясным и невнятным, но ласкающим, манящим призывом какие-то, казалось, навсегда умолкшие дорогие голоса; сквозь опустившуюся на нас тяжелую дремоту, через, казалось, непроницаемую завесу пережитого забрезжат еще далекие, еще смутные, но близящиеся, тянущиеся к нам родные тени. Точно орошенные живительной влагой лепестки смятого цветка, расправляются под брызгами воспоминаний встрепенувшиеся душевные силы. Еще мгновение, и ушла куда-то гнетущая современность, ясным сосредоточенным огнем загорятся глаза, расходятся привычные морщины, расправляются застарелые, тяжелые складки волнений и скорби. Вы наедине с собой и с прошлым, таким недавним и у ж е б е з в о з в р а т н ы м».

«Если бы снова, действительно, вернулся, воскрес этот мир!.. Сколько недосказанных слов, недопетых песен, недодуманных мыслей, невосприятых красот сколько

начатого и недоконченного! Как перед полусказочным Пером Гюнтом, прошлое встает во всей его непоправимости с тем различием, что ушла не ваша отдельная личная жизнь, а ушла какая-то общая жизнь, ушла эпоха, культура, ваша, родная вам, близкая, со всей ее неизъяснимой, неповторяемой красотой".

Как видите, автор вспоминает и оплакивает не свое невозвратно ушедшее прошлое, а целую эпоху, старую, умирающую буржуазную культуру. Это она ушла безвозвратно.

„Петербург — памятник старины; не „старый Петербург", а наш Петербург! — пишет далее К. Зайцев. — Не „старые годы", а наши года — ушедшая эпоха. Страшно писать эти строки; страшно прочесть написанное. Мы — и история. Современность, омертвевшая в исторической законченности, оставшаяся позади нас, за какой-то глубокой, непроходимой межой. Трагический жребий выпал нам: жить и сгорать на грани двух эпох, отделенных не длительным процессом перевоплощения, а стихийным обвалом".

К. Зайцев также чувствует, что трагедия гибели буржуазной культуры не ограничивается одной Россией. Эта культура умирает и на Западе, там, где она когда-то зародилась, где была ее колыбель.

„Бесконечно дорога и близка нам Европа, но не кладбище ли это дорогих нам покойников?—пишет К. Зайцев. — Уже отлетел дух живой от старого мира, и для нас, вольных сынов первобытных степей, чуждым мертвенным ужасом веет от его роскошного, но уже тронутого тлением тела".

Сколько насмешек слышали мы относительно „азиатского социализма" коммунистов. А теперь К. Зайцев пишет уже по другому. Теперь он с тревогой спрашивает себя:

„... Не наступит ли день, когда перекликнется, наконец, русский мужик с европейским пролетарием, наполняя ужасом буржуазный мир, когда сольются Запад и Восток в грозном кличе: „да здравствует смерть и да воцарится будущее"? Страшный дух разрушения заключен в недрах русской жизни, но не таится ли в нем великая интуиция грядущего созидающего духа, и не в том ли мессианский удел России, чтобы возвестить миру эту новую жизнь? Кто мы? Безнадежно отсталые ученики, в лихорадочном рвении догоняющие своих учителей, или творцы новой эпохи, открывающейся на смену гниющей, умершей цивилизации? Кто мы? Азиаты, робко стучащиеся в двери Европы, или народ будущего, поглощающий Европу будь то в творческом акте вселенского миропонимания народа-богоносца, будь то в разрушительном акте скифского нашествия во имя нарождающейся новой жизни?"

К. Зайцев начинает понимать, что коммунизм идет на смену умирающей буржуазной культуры, что коммунизм творит новую жизнь. Но, как человек прошлого, он мыслит и понимает только в терминах умирающего прошлого. Он и теперь говорит не об исторической необходимости торжества коммунизма, а по старому болтает о „великой интуиции грядущего созидающего духа", о „мессианском уделе России", о „народе богоносце" и т. п. Мертвый хватает живого. Умирающее старое всецело держит К. Зайцева. Старые славянофильские бредни всецело господствуют над ним. Старая альтернатива — или славянофильство, или западничество — все еще стоит перед ним. Он и не подозревает, что коммунизм разрешил задачу совершенно по иному и разрешил ее в теории и в жизни.

Какой бешеной ненавистью обливала русская интеллигенция рабочих и крестьян после октябрьской революции! С каким презрением они к ним тогда относились! Какой клеветой и ложью она их осыпала! Русская интеллигенция сама, своими руками, своим саботажем, своей вооруженной борьбой и злостным шипением против Советской власти вырыла широкую и глубокую бездну между собой и трудовым народом. Теперь она начинает понимать свою ошибку; у нее появляется желание помириться с народом.

„Неужели нет жертвы, способной искупить неповинный грех взаимного непонимания?—пишет К. Зайцев.—Неужели непоправимо, навеки оборваны нити, связующие интеллигенцию с народом, и осуждена на увядание лишенная корней интеллигенция?.."

Но „народ безмолвствует, непроницаем его затуманенный лик. Бесповоротно разошлись пути, лишь близится и ширится бездна, разверзающаяся между народом и его интеллигенцией, и, кажется, ничем уже не заполнить этого зияющего провала“...

Далее К. Зайцев вспоминает все прошлое русской интеллигенции... „И образ за образом встают великие тени“.

„Толстой и Достоевский—последние из великих. За ними начинается наша современность, тусклая и безразличная. Давно ли отливала она тысячью цветов и огней, трепетала в нервном биении жизни, наполняла наши сердца страстными откликами,—и вот чуждой, полузабытой ненужностью лежит она, оторванная и отброшенная вихрем событий“.

Вспомните, читатель, картину, кажется, Максимова „Все в прошлом“. В кресле сидит старая дама-помещица. Кругом цветущие кусты сирени. Вдали помещичий дом. Старая дама глубоко погружена в воспоминания молодости. Она живет только ими. Она не видит молодой, новой жизни, которая пышно расцветает вокруг нее.

Эта картина часто вспоминается мне, когда я читаю белогвардейские книги и журналы.

Долго, упорно, жестоко боролась русская буржуазия вместе с интеллигенцией против пролетарской революции. Велики ее грехи перед этой революцией и перед трудовым народом. И жестоко платит теперь она за эти грехи. Вот окончание статьи К. Зайцева „В сумерках культуры“:

„Холодно и жутко на душе; сгущаются сумерки, озаряемые заревом разгорающегося пожарища нашей культуры. Быть может, мимолетными слабыми зарницами уже вспыхивают огни, отражающие свет будущего; быть может, властная рука Строителя жизни уже намечает среди развалин линии новых планов, закладывает основы новых очагов... Быть может... но нам, сынам прошлого, этого видеть не дано. Мы свидетели великого крушения, видим лишь обломки былого, впервые проникающего в наше сознание в какой-то новой античной целостности.

„Холодно и жутко на душе; сгущаются сумерки. Еще падают на нас косые лучи света, но знаем мы, что это не разгорающаяся заря восходящего светила, а угасающие, вечерние, прощальные лучи. Встанет когда-нибудь вновь вечное солнце, заливая своим светом новую возродившуюся жизнь. Быть может, уже нам предстоит ощутить в наших усталых, тоскующих членах предрассветный бодрящий холодок грядущего дня, пока же, охваченные волной вечерних сумерек, исполненные предчувствий наступающей ночи, жадно ловим мы знакомые, дорогие черты, озаренные закатным отблеском уходящей культуры“.

Н. Мещеряков.

Публицистические наброски.

Г. Д. Уэльс о советской России.

(«Россия во мгле». Перевод с английского с предисловием кн. Н. С. Трубецкого. Российско-болгарское книгоиздательство. 1921 год, 95 стр.)

I.

Осенью 1920 года Г. Д. Уэльс побывал в советской России и по возвращении в Англию поделился с читателями впечатлениями, вынесенными из этой поездки, выпустив книгу «Россия во мгле». Книга Уэльса вызвала бурю негодования в русских эмигрантских белогвардейских кругах. В Бурцевском «Общем Деле» Ив. Бунин поместил длинные злобные статьи; такие же статьи были помещены в «Руле» и в ряде других зарубежных белых газет. Можно сказать, что ни одна из книг о большевиках не возбудила столько шуму за границей, как книга Уэльса о России. Это вполне понятно.

Уэльс рассказывает: «...мы (с сыном, А. В.) совершенно свободно и самостоятельно ходили повсюду и... нам показывали все, что мы только желали видеть.

В качестве переводчика и проводника к нам назначили одну даму, которую я встречал в России в 1914 году, племянницу одного из прежних русских послов в Лондоне. Она получила воспитание в Ньюхеме, пять раз была подвергнута тюремному заключению большевистским правительством» (стр. 1—2).

Уэльса предупреждали за-границей, что большевики будут тщательно подстраивать все, что он увидит. Не было особого недостатка в таких предупреждениях и в Петрограде. «На собрании литераторов в Петрограде,—сообщает Уэльс,—известный писатель Амфитеатров обратился ко мне с длинной и исполненной горечи речью. Он страдал общим предубеждением, думая, что я слеп, глух и что меня обманывают. Он требовал, чтобы все присутствующие сняли с себя свои сравнительно еще приличные пальто, чтобы я увидел скрывающиеся под ними подобия одежды. Это была очень тягостная реч...» (стр. 12). В другом месте Уэльс замечает: «скрыть суровое и ужасное истинное положение вещей в России невозможно».

Описанию этого «сурового и ужасного положения» Уэльс посвящает добрую половину своей книги.

«Преобладающие впечатления, вынесенные нами из России,—это впечатление огромного, непоправимого крушения».

«Гибнущий Петроград»—так озаглавлена одна из глав книги английского писателя. Уэльс рассказывает о пустующих магазинах, о закрытых рынках, о безлюдных улицах, о сокращенном до минимума трамвайном движении, о голоде, о тяжелом положении интеллигенции и людей науки, о разрухе траспорта, о крайней нужде в предметах первой необходимости во всех классах населения, о растрелах и суровости чрезвычайных комиссий, о голодных хлебных пайках, холоде и т. д.

«Разрушение, это—основной факт современной русской жизни» (стр. 31). «Если настоящее положение вещей продлится еще год или два, то страна погибнет окончательно. В ней не останется никого, кроме мужиков; опустевшие города превратятся в развалины и железные дороги будут ржаветь в полном бездействии. Вместе с железными дорогами исчезнут и последние остатки государственной власти» (стр. 92).

Однако, Уэльс не склонен думать, что это только русское национальное явление. В России достигло «до чудовищных размеров» то, что есть уже в Англии и в ряде других стран. «Насколько я себе представляю, Западная Европа, может быть и в настоящее время идет к той же катастрофе. Война, спекуляция и всеобщая разнузданность, может быть, и поныне расточают больше того, что производит Западный мир: и в таком случае наше собственное крушение... есть только вопрос времени...» (стр. 32).

К вопросу о гибели «цивилизации» мы еще вернемся в конце настояшей заметки, а теперь посмотрим, как Уэльс объясняет в своей книге российскую разруху. Русская катастрофа, по мнению Уэльса, была подготовлена мировой войной и умственной несостоятельностью правящих и богатых классов. «Что касается союзников, то они, думая только о войне, занимались тем, что уговаривали русских предпринять новое наступление против Германии, когда все признаки катастрофы были уже налицо». Между прочим, Уэльс отмечает следующий факт: «Когда Германия решительным натиском продвинулась к Петрограду через Балтийские провинции и морем, Британское адмиралтейство, либо просто из трусости, либо по роялистическим проискам, не сумело оказать России сколько-нибудь действительной помощи. Этот факт достаточно освещен свидетельством покойного лорда Фишера» (стр. 36).

В дальнейшем российская разруха питалась и поддерживалась блокадой и вмешательством союзников.

«Не коммунизм, а капитализм,—пишет Уэльс,—построил эти огромные невозможные города. Не коммунизм, а европейский империализм толкнул эту огромную империю в изнурительную шестилетнюю войну. И не коммунизм подверг страдающую Россию серии последовательных рейдов, нашествией, восстаний и ужасной блокаде. Мстительный французский кредитор, глупый британский журналист гораздо более ответственны за эти смертельные страдания, чем всякий коммунист» (стр. 14).

Да не подумает читатель, что Уэльс — коммунист или сочувствующий. Ни в какой мере. Большевики прежде всего марксисты, а к Марксу Уэльс не питает никакого... «лицемерного уважения». «Я его считал самым скучным человеком на свете» (стр. 40). «Я должен признаться, что мой пассивный протест против Маркса превратился в России в активную ненависть» (стр. 41). Все рассуждения «о пролетариате и буржуазии» кажутся Уэльсу смешными, все это «нереальные фикции».

Нужно сказать, что Уэльс расправляется с теорией классовой борьбы чрезвычайно просто. «Строительное общество строит дом для какого-нибудь квалифицированного рабочего; этот последний хочет посмотреть, как подвигается постройка, и с этой целью едет в поезде, которым правит машинист. К которому из двух классов принадлежит данный квалифицированный рабочий—к трудящимся или нанимателям? Все это чрезвычайный вздор» (стр. 41).

Недавно в Англии была грандиозная стачка углекопов. Едва ли можно сказать, что это гигантское столкновение происходило между «нереальными фикциями», каковыми представляются почтенному английскому писателю «буржуазия и пролетариат». Но это между прочим. Для нас важно подчеркнуть, что Уэльс во всяком случае более чем далек от коммунизма. Русские коммунисты Уэльсу представляются весьма наивными людьми. Они наивно верят в наступление социалистического рая на земле —в то, что вот-вот пролетариат на Западе захватит власть в свои руки. Нужно ли доказывать, что в этих своих рассуждениях Уэльс выступает пред нами, как средний английский буржуазный обыватель. Подобной наивности у нас, разумеется, нет. Мы, коммунисты, прекрасно знаем, что живем в капиталистическом окружении, что в силу этого окружения и огромного преобладания мелких крестьянских хозяйств в стране, впавших в обнищание, в силу развала промышленности, Советская власть должна итти по пути уступок свободной торговле, что означает насаждение капитализма; мы предвидели опасности, вытекающие отсюда,—но знаем также, что пока все это происходит под контролем социалистического государства, такой капитализм не страшен трудящимся. Мы знаем также, что пролетарская революция не делается по заказу и не верим в «моментальный рай» на земле.

Популярный английский писатель ошибается, приписывая нам наивность, от которой он страдает больше всего сам. Тем ценнее, однако, его замечания о Советской власти и коммунистах, ибо они исходят от человека, относящегося к коммунизму отрицательно.

Помимо наивности Уэльс считает Советскую власть самой неопытной властью, которая когда-либо существовала. «Большевистское правительство самое смелое и вместе с тем самое неопытное правительство в мире; по некоторым вопросам оно очень мало сведуще, а по большинству—проявляет полнейшее невежество. Оно до смешного подозревает всюду капиталистические козни, и этот страх делает его иногда очень жестоким» (стр. 40). Очень любопытен отзыв Уэльса о петроградском совете, на одном из заседаний которого он присутствовал. По мнению Уэльса, это был просто многолюдный митинг: «Своей неработоспособностью, бесформенностью и отсутствием внутренней организации петроградский совет столь же отличается от английского парламента, как мешок, наполненный разной величины колесиками, отличается от старомодных, плохо сделанных, но все-таки работающих часов»(стр. 75).

За всем тем Уэльс считает, что большевистское правительство единственное, способное спасти Россию от развала.

«Советское правительство неопытно и неумело до крайности; оно прошло через периоды насилия и жестокости, но в общем оно честно, и в его среде есть люди, действительно, обладающие творческими силами, которые могут при благоприятных условиях успешно работать над восстановлением России. В общем большевистское правительство старается действовать в согласии со своими принципами; большинство сторонников большевизма до сих пор держится этих принципов с фанатической страстностью. При помощи извне большевики могут в конце концов установить в России более или менее цивилизованный государственный строй.

«Вероятно, этот строй будет представлять из себя умеренный коммунизм, с сильно развитым транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством» (стр. 93). Уэльс знает, что в России голод и холод, но «в Вене положение нисколько не лучше: там тоже такие люди, как покойник проф. Маргулес, гибнут от голода. Если бы Англии пришлось выдержать еще 4 года войны, вероятно, то же самое происходило бы в Лондоне» (стр. 93).

Большевики—единственная группа людей, у которых одна и та же общая вера и общая воля. Им чрезвычайно помогает одно: их привычки мыслить коммунистическими идеями. Большевики упрочили свое положение в стране, восстановили порядок, уничтожили грабежи, создали мощную русскую армию, передали землю крестьянам. Уэльс считает дальше, что введение карточной системы—мера совершенно правильная. «Если большевики будут свергнуты, и какое-нибудь другое правительство, безразлично, какое, займет их место—ему придется сохранить установленную большевиками продовольственную систему» (стр. 57).

Что касается других партий и классов, то отзывы Уэльса для них неблагоприятны. «Огромное большинство населения России состоит из совершенно неграмотных крестьян, грубо материалистически настроенных и совершенно равнодушных к политике». Другие классы представляют из себя пеструю смесь людей, не связанных друг с другом никакими общими идеями, никакой общей волей к действию... Русские беженцы в Англии представляют из себя нечто достойное презрения... Ничего другого, кроме царя, они не заслуживают, а вместе с тем они даже не могут сказать, какого именно царя они желают».

Во всяком случае большевики совсем не походили на тех, за кого их выдает «спятившая с ума часть английской прессы». Ничего таинственного в их идеях, целях и методах нет. Все, о чем пишут большевики, можно найти в лондонской газете «Плебс» или в нью-иоркской «Лабератор». Большевики прямо говорят, говорят о своих идеях и стремятся действовать в соответствии с ними.

«Я принужден считать их прямыми и честными, хотя не сочувствую ни их взглядам, ни их методами» (стр. 39). Таковы взгляды Уэльса на большевиков и Советскую власть.

II.

Как мы уже заметили выше, русская белая зарубежная пресса встретила книгу Уэльса, что называется, в штыки. Н. С. Трубецкой, снабдивший русское издание своим предисловием, заявил: «книга эта должна быть признана вредной». Трубецкой находит, что вся книга пропитана «безграничным презрением к русской душе и России, как к нации. Помимо этого Уэльсу очень хочется торговать, и вот он с точки зрения интересов английского торговца и подходит к русской проблеме. Большевики—люди смелые, энергичные. Англия сможет извлечь из России при большевистской власти значительную пользу; нужно ей помочь извлечь из этой площади земли как можно больше сырья, в котором так нуждается Западная Европа». Таков основной тон статей, заметок и фельетонов и других белых писателей, касавшихся так или иначе книги Уэльса.

Все это совершенно не верно. Презрения к России, как к нации у Уэльса нет. Отметить некультурность крестьян совсем еще не значит презирать нацию. У нынешних зарубежных патриотов, в частности у Ив. Бунина, обрушившегося на Уэльса с особой яростью, можно найти ряд рассказов, повестей, далеко оставляющих позади беглые замечания Уэльса о безграмотности и политической косности крестьянства. Тем более не следует полагать, что подлинная Россия сводится к той княжеской, полукняжеской, помещичьей, интеллигентской эмиграции, о которой, действительно, Уэльс отозвался довольно непочтительно. Различие между злобствующей эмигрантской накипью и другими кадрами русской интеллигенции Уэльс понимает, повидимому, довольно хорошо. Рассказывая о своем посещении Дома Науки, Уэльс говорит с удивлением, что ему никто не говорил о нужде, хотя нужда проглядывала всюду.

«Они очень интересовались возможностью получить научные книги и статьи; они более ценят науку, чем хлеб насущный» (стр. 23).

Еще более неверны упреки Уэльса в том, что он подошел к русской проблеме с точки зрения интересов простого английского торговца. Поистине это — ложь. Уэльс настаивает на восстановлении торговых и дипломатических сношений с Западной Европой. Это так. Но почему? Потому, что он предвидит гибель «цивилизации» вообще не только в России, но и во всем мире, если не будет установлен известный «модус вивенди» между миром капитала и советской Россией. В этих замечаниях Уэльса и заключается, пожалуй, главный интерес книги, и сводить их к торгашеству значит либо ничего не понять в этой книге, либо намеренно затушевывать то основное, под знаком чего мы живем сейчас, что волнует все классы всего мира.

Большой и талантливый английский писатель Уэльс,—весьма далекий от «нереальных фикций» коммунизма,—стоящий обеими ногами на почве современной капиталистической цивилизации, несмотря на все оговорки и критику любящей и ценящей эту цивилизацию,—приехал в советскую Россию. В ней он увидел мертвые города, голод, холод, разрушенный транспорт. Он оказался достаточно умным и честным, чтобы правильно оценить, какую позорную и страшную роль в этой разрухе сыграли «французский кредитор» и «глупый английский журналист», т.-е. эта самая современная «цивилизация», «со старомодными, плохо сделанными, но все-таки работающими часами». Увидел и отметил он также то, что эта катастрофа—не есть исключительно русское явление. Ибо он знал и знает, что война, спекуляция и всеобщая разнузданность нисколько не уменьшаются, а увеличиваются, что «спятившая с ума часть английской прессы» продолжает делать дело разрушения, кровавого хаоса и насилия. И за русской нищетой, холодом и разрухой он увидел еще более грозный лик грядущего всемирного оскудения и катастрофы. Он смотрел на полуразрушенный Петроград и думал, что то же самое будет с Лондоном и Парижем, если не прекратится капиталистическое безумие. Именно, эти мысли приходили ему в голову, когда он созерцал закрытые магазины, холодные дома и малолюдные улицы Петрограда. «Западная Европа, может быть, и в настоящее время идет к той же катастрофе... Магазины Режант стрита последуют примеру магазинов Невского проспекта и г.г. Гальсворти и Беннет придется напрягать все усилия, чтобы спасти художественные сокровища Майфар'а...» (стр. 32).

В России Уэльс не нашел общественных сил, помимо большевиков, способных справиться с катастрофой. Но он не потерял еще веры в силы английской и американской буржуазии. Отсюда эклектизм Уэльса. Уэльс полагает, что нужно признать большевистское правительство и помочь ему. «В случае, если такого благодетельного вмешательства в дела большевистской России не произойдет,— пишет он,—у нее не останется никаких других перспектив, кроме окончательной гибели последних остатков цивилизации. Очень мало вероятно, чтобы эта гибель цивилизации осталась в своих первоначальных границах; в образовавшийся таким образом провал в цивилизованном мире один за другим будут падать и другие государства к западу и востоку от России и, может быть, вся мировая цивилизация погибнет. Эти утверждения относятся не к какому-то далекому и проблематическому будущему.

«Я постарался с их помощью обрисовать общее очертание тех фактов и тех возможностей, которые с чрезвычайной быстротой развертываются в настоящее время не только в России, н о и в о в с е м м и р е, так, как я их вижу. Именно в рамке этих общих соображений я желал бы представить читателю очерки русской жизни. Так я толкую надпись на восточной стене Европы» (стр. 96).

Как с очевидностью явствует из приведенного, соображения Уэльса ничего общего не имеют ни с презрением к славянской душе, ни с узким торгашеством. Наши белогвардейские публицисты теряют всякую меру, раз речь заходит о большевиках, и они становятся совершенно невменяемыми, как только кто-нибудь постарается выйти из круга «соображений», что большевики суть агенты Вильгельма и т. д. Уэльс написал много прекрасных, так называемых «фантастических» романов. Он очень любит заглядывать в будущее. Повидимому, в результате своеобразной долго-

летней литературной деятельности у Уэльса образовались твердые умственные навыки и привычки: в настоящем улавливать черты будущего. С этим навыком он подошел и к русской проблеме. На восточной стене Европы он прочитал грозное: «мане, факел, фарес» для буржуазной цивилизации. Выход, по его мнению, заключается в своеобразном симбиозе большевизма и коммунизма с западно-европейским капитализмом. В результате подобного симбиоза в России установится «умеренный коммунизм с сильно развитым транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством». Большевизм откажется от крайностей, но и буржуазные государства со своей стороны откажутся от крайностей капитализма. «Обе стороны будут взаимно влиять друг на друга. Западные государства, вероятно, начнут прибегать к более коллективистическим способам управления и в то же время своим влиянием будут умерять крайности коммунистического строя в России» (стр. 95).

В силу сказанного Уэльс предлагает вести торговые сношения с советской Россией через посредство национальных и даже международных трестов.

Русские белогвардейцы, писавшие об Уэльсе, старательно обходили и замалчивали все, что сказал Уэльс о грозных опасностях для цивилизации, а между тем на этих мыслях Уэльса необходимо остановиться и сосредоточить внимание в его книге.

Мы, коммунисты, тоже полагаем, что капитализм в его новейшей империалистической формации грозит гибелью всей цивилизации, всей человеческой культуре. Примеры последних войн, бесчеловечного терзания революционной России, побежденной Германии, Австрии, Турции—на-лицо. Основам культуры грозит гибель. Если на смену буржуазии не придет новый общественный класс, вместе с капитализмом провалятся в бездну все завоевания человеческого ума и рук. Но мы уверены, что этого не случится, так как в наличии такой новый общественный класс есть—это класс пролетариев. Уэльс не признает классовой борьбы. В одном месте своей книги он замечает иронически, что в Англии есть, по крайней мере, до 200 различных классов. При таких взглядах, конечно, ничего не остается, как надеяться на своеобразное сотрудничество капитализма с коммунизмом. В этом мы расходимся с Уэльсом. Такого сотрудничества, такой взаимной диффузии нет и быть не может. Опыт прошлой войны, опыт войны союзников с советской Россией, наличие грандиозных классовых битв в Западной Европе, призраки новых, может быть, более грозных военных «конфликтов», чем были предыдущие,—все это не дает никаких оснований разделять оптимизм Уэльса.

Иной читатель, может быть, возразит: а к чему сводится теперешнее положение вещей, когда, с одной стороны, советская Россия отбила атаки мирового капитала на бесчисленных фронтах, а, с другой стороны, вынуждена давать концессии иностранному капиталу, т.-е. насаждать государственный капитализм,—разрешать в известных пределах свободу торговли, т.-е. тоже допускать капитализм? Разве это не сожительство, не своеобразная диффузия, тем более, что дело идет о признании советской России со стороны ряда буржуазных государств, т.-е. тоже об уступках с их стороны.

Советская Россия живет в капиталистическом окружении. Она вынуждена итти на сделку с мировым капиталом. Мировой капитал тоже вынужден итти на сделку с ненавистным коммунизмом. Это так. Но эта взаимная вынужденность получилась только потому, что ни с той, ни с другой стороны не оказывается п о к а сил, достаточных для решительной и окончательной победы, и потому это совсем не то сожительство, на которое надеется Уэльс. Два стана, два смертельных врага по-прежнему стоят друг против друга во всеоружии, следя за каждым движением противной стороны. И самое «сожительство» они стараются использовать для победы одной стороны над другой. Английский капиталист полагает, что ему «мирным» путем удастся разложить советскую Россию, а потом можно будет прибегнуть и к более решительным методам ликвидации. Коммунизм со своей стороны полагает использовать «передышку» для новой мобилизации материальных и духовных сил советской России и рабочих всех стран для решительной схватки со старым миром. Тут только стратегические маневры, обходы с флангов, а не мирное врастание капитализма в коммунизм и об-

ратно [1]). Коммунистическое общество может быть построено только на основе завоеваний техники, науки и искусства прошлого, в том числе в первую голову капиталистического общества. В этом смысле мы также за «цивилизацию», также боимся ее гибели—но это совсем не то, о чем мечтает Уэльс.

Мысли и мнения Уэльса, высказанные им в книге о России, весьма характерны для очень большого кадра лучших представителей сходящего со сцены общества. Так всегда бывает, когда старый мир уступает место новому. Появляются люди, связанные со старым своим прошлым: воспитанием, бытом, привычками, вкусами. Но у них хватает достаточно смелости, ума и честности, чтобы отрешиться от животного страха пред этим новым, увидеть своевременно, что старое разлагается и гниет, а в новом—будущее человечества. Это—Савлы, превращающиеся в Павлов.

Одни из них уже пришли в Дамаск, другие по дороге к нему. Мы не хотим пророчествовать относительно Уэльса: это скучное и бесплодное занятие. Но нужно сказать: в России пред умственным взором Уэльса прошли видения нового мира... Уэльс еще верит, что «путем планомерной системы воспитания общества, существующий экономический строй может цивилизоваться и превратиться в коллективистический» (стр. 87), но он благодаря новым видениям уже знает, что «единственное правительство, которое может не допустить Россию до окончательной гибели — это правительство большевистское» (стр. 92); он знает также, что коммунизм может быть творческой силой. Между прочим, в своей книге Уэльс заявляет, что этому сознанию он обязан В. И. Ленину, с которым он имел полуторачасовую беседу.

Отзыв его о Ленине вообще интересен: «Благодаря Ленину,—пишет он,—я понял, что, несмотря на Маркса, коммунизм может быть творческой, созидательной силой... Для меня было прямо отдыхом поговорить с этим необыкновенным маленьким человеком, открыто признающим всю громадную трудность и сложность задач, стоящих пред коммунизмом... Пред ним носятся видения нового мира, задуманного и построенного на новых началах и совершенно непохожего на старый» (86—87 стр.).

Вопрос о гибели цивилизации и культуры в атмосфере разлагающегося капитализма тревожит не только Уэльса, но целый ряд других ученых, художников и «общественных деятелей» из буржуазного стана. Лучшие из них начинают уже прозревать и понимать, что без торжества коммунизма человечество одичает и выродится. Русские же белогвардейцы, писавшие об Уэльсе, лишний раз показали, что кроме лозунга «жрать и вешать» они не в состоянии ничего иного воспринять.

В заключение можно сказать: мы, коммунисты, можем быть довольны результатами поездки Уэльса в советскую Россию. Советская Россия, несмотря на всю разруху, завоевала Уэльса. Это совсем недурный результат.

А. Воронский.

---

[1]) О «сожительстве» и «сотрудничестве» см. статью тов. Ленина «О продовольственном налоге».

Критика и библиография.

I.

Об отшельниках, безумцах и бунтарях.

(„Дом Искусств" № 1. Петербург 1921 г. „Вестник Литературы" № 3 (27) 1921 г.)

Петербургский Дом Искусств выпустил первый номер литературно-художественного журнала „Дом Искусств" под редакцией Горького, Чуковского, Добужинского, Замятина, Радлова. В журнале помещены стихи и рассказы Ахматовой, Мандельштама, Гумилева, Замятина, Кузьмина,—статьи Ремизова, Чуковского, Блока, Радлова, Левинсона. Глебова,—репродукции картин и рисунков Верейского, Добужинского, Замирайло, Кустодиева, Серебряковой, Чехонина.

Журнал представляет собой выдающийся интерес. В настоящей заметке мы, однако не намерены давать обычного обзора, как это полагается в отделе библиографии, и ограничиваемся откликом на один из жгучих и наболевших вопросов наших дней — о будущем нашего художественного слова, тем более, что этому вопросу уделяет достаточно места и № 3 „Вестника Литературы".

Будущему русской литературы посвящена статья Е. Замятина: „Я боюсь".— Французская революция,—пишет Замятин,—гильотинировала переряженных придворных поэтов. А мы своих „юрких" авторов, знающих, когда надеть красный колпак и когда скинуть... мы их преподносим народу, как литературу, достойную революции. „Наигорчайшими" оказались футуристы, но в конце концов „футуризм сгинул", так как оказался духовно бедным и бессодержательным. „Имажинистская Америка тоже давненько открыта". У пролеткультовцев и пролетарских писателей—„революционнейшее содержание и реакционнейшая форма: пролеткультское искусство—пока шаг назад к шестидесятым годам". Мимолетно было торжество Клюева, совсем не торжествовал Городецкий. А не юркие молчали. Молчит Блок, Андрей Белый и др. Одна из причин молчания подлинной литературы заключается, по мнению автора, в том, что „писатель, который не может стать юрким, должен ходить на службу с портфелем, если он хочет жить. В наши дни— в театральный отдел с портфелем бегал бы Гоголь; Тургенев во „Всемирной Литературе", несомненно, переводил бы Бальзака и Флобера; Герцен читал бы лекции в Балтфлоте, Чехов служил бы в комздраве". Другая причина—главная — в том, что „настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики".

И Замятин боится: „я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое".

Более бодро настроен А. Редько в „Вестнике Литературы" Он „подобных страхов не питает". „Писатели фабрикуют общественное мышление, как кузнецы выковывают

подковы,—для текущей потребы". В связи с общей демократизацией жизни явится новый читатель, он создаст и нового писателя, но литература высшей марки останется. „На-ряду с маленьким слоем, дающим заказы на литературу высокого ранга, явятся новые огромные слои, которые создадут заказы на литературу упрощенного содержания, им необходимую. И, конечно, нужные им кузнецы мысли явятся и будут работать согласно требованиям своих заказчиков. Конечно, эта литература будет иметь сотни тысяч читателей, а „настоящая" литература будет ограничиваться только тысячами читателей... Анатоли Франсы не исчезнут, но масса читать будет не их"...

Нетрудно судить о том, каков будет вкус нового читателя. Этот вкус будет удовлетворяться писателями бульварной прессы.

Литература „высокого ранга останется, но писательская масса и здесь, на вершинах литературного Олимпа, тоже будет иной". „Идеалистические задания, конечно, потускнеют, поднимутся в цене практические задачи... Русский писатель в массе несомненно „поумнеет" и станет „практичнее" по сравнению с своими предшественниками дореволюционного периода... Есть много оснований думать, что в будущем придется считаться с усилением религиозного элемента и в жизни, и в литературе... Прекраснодушие русской литературы сменится... рассудочностью и практицизмом. Пафоса это настроение не создаст и великой русской литературы XIX века не продолжит. Однако, розы из сада русской литературы не исчезнут вовсе"...

Остановимся сначала на статье Замятина. Положение книжного дела в советской России чрезвычайно тяжелое. Читатель испытывает острый духовный голод. Писатель не может издавать своих произведений, если даже они далеко стоят от белогвардейщины. Нет учебников. Происходит это помимо общих известных причин (разруха, отсутствие бумаги, краски и т. д.) иногда и от идейного обскурантизма, и от непонимания и неумения, и от ошибок организационного характера. Едва ли правильно стремление сосредоточить все или почти все издательское дело в руках Госиздата: это — непосильная задача в данное время для государства. Тяжко положение писателя „не из юрких", как тяжко вообще положение всех слоев населения теперь в советской республике. Однако, вопрос о „безумцах, отшельниках, мечтателях, еретиках, бунтарях", которых угнетает большевистская диктатура, разрешается далеко не так просто и весь вопрос далеко не так ясен, как это кажется Е. Замятину.

„Безумцев, отшельников, бунтарей и еретиков" сколько угодно за рубежом в русском белом стане. Добрые три-четверти литераторов высшего ранга проживает „в Европах". Что делают там эти отшельники и безумцы?

В № 291 „Последних Новостей" помещен был не так давно фельетон Василевского (Не-Буквы) „Бесплодие", посвященный литературной жизни русских „безумцев и еретиков". В фельетоне приведены довольно любопытные факты из этой жизни. Вот некоторые из них: Д. Мережковский рассказывает в статье: „в Москве изобрели новую смертную казнь: сажают человека в мешок, наполненный вшами, и вши заедают его до смерти". Ив. Бунин обсуждает вопрос о том, входит ли „суп из человеческих пальцев" в обычное меню в советской России. Философов утверждает, что пресловутый Булак-Булахович— истый демократ. Гиппиус находит, что Горький—„мерзавец своей жизни" и „палач". А Куприн? „Что он пишет, что он только пишет?" восклицает горестно Не-Буква. Яблоновский упражняется примерно в таком стиле: „было сто пятьдесят миллионов болванов, да их всех вши съели".

Русские „братья-писатели" за-границей пользуются полнейшей „свободой слова", всюду раскинуты русские книгоиздательства,—но посмотрите,—говорит Василевский,— что издают все эти издательства, и вам станет страшно за судьбу русской литературы... Гр. А. Н. Толстой написал книгу „День Петра" и очень значительный и яркий роман „Хождение по мукам" (недоконченный. А. В.). И еще: молодой А. Дроздов написал книгу рассказов (очень посредственную и бледную. А. В.). Это все, что дала нового перебравшаяся за рубеж русская беллетристика. Больше ничего, ни одного живого слова. Книг издается много, но Куприн издает все ту же „Суламифь", И. Бунин все прежнего „Господина из Сан-Франциско"...

Русская литература за рубежом молчит... „Поправение, ненависть и злоба" — вот итог настроения заграничных русских „отшельников", подводимый г. Василевским.

С „безумцами и еретиками" дело обстоит таким образом крайне неблагополучно: „твердят зады и лгут за двух".

Духовное растление нашего литературного Олимпа поистине чудовищно. К. Бальмонт сидит в сов. России, пишет стихи о рабочем молоте и в дни польского наступления славословит сов. Россию в речах. Но вот он за-границей. Сначала стихи о „Солнцевороте", потом злобная белогвардейщина, потом статья „Трудность" в „Воле России", где он пытается неумно и ненужно оправдаться в своем повороте на 180 градусов.

Ив. Бунин совсем, можно сказать, на-днях призывал англичан „во имя человечности и бога низвергнуть демагога" (не правда ли, какая чудесная рифма! А. В.). А вот уже помещаются фельетоны его в „Общем Деле", где те же „защитники человечности" „разделываются под орех". Ах, как они возмутительно держат себя в колониях, как возмутительно!.. Так дело обстоит с русскими „отшельниками и еретиками".

Но, может быть, Западная Европа может порадовать нас?

— Западно-европейскому человечеству не предстоит больше иметь ни великой живописи, ни великой музыки... Его архитектонические возможности вот уже сто лет как исчерпаны...—Наш век—„век чисто экстенсивной деятельности и без высокого художественного и метафизического творчества—представляет собой эпоху упадка"... Это пишет Освальд Шпенглер.

В берлинском „Руле" Сергей Маковский, оценивая немецкую живопись последнего периода, пишет: „жуткие картины... куда же дальше? Никуда. Подлинно звериная беспринципность и отчаяние гибели чувствуется в этом творчестве конца. И самое страшное, что искусство пришло к нему не случайно, не по недоразумению... тут воистину смерть. Хуже того: самоубийство после жуткой болезни" („Руль" № 130).

А дадаизм (от слова да-да) в художественной жизни с его стремлением возродить несложное и простое, как мычание коровы?..

Мы переживаем крах идеологии западно-европейской буржуазной цивилизации. Об этом свидетельствуют люди, ненавидящие большевизм. Особливо сильно этот крах захватил благодаря революции наш литературный Олимп. Наши еретики... наши бунтари!.. Против кого они сейчас бунтуют? Мы имеем дело с безумцами особого рода. Это—не безумство храбрых,—это безумие ненависти, злобы, бессилия. Это—пророки и поэты, начавшие лгать и пораженные бесплодием. Не литературный Олимп, а дно, „Общая Яма". Бывшие люди. Мы еще по старой привычке видим в них прежних „настоящих" людей. На самом деле—это „гробы повапленные". Так в лесу набредаешь на дерево, лежащее на земле. С виду оно цело, крепко. Тронешь ногой—поднимется пыль и в сторону полетят сухие гнилушки. Было бы величайшим несчастьем, если бы „старая гвардия" во главе с Мережковским и Буниным принялась бы возрождать в России литературу: нет ничего хуже изолгавшихся пророков, ренегатов, да еще осатаневших от злобы. Людей, физически больных заразными болезнями, изолируют от здоровых. То же следует делать с людьми, нравственно, идейно разложившимися. Тем более, если—недуг неизлечимый, болезнь заразительна и есть опасность заразиться. А такая опасность в атмосфере мирового гниения, нашей разрухи, гражданской войны есть—и пока она есть, нужна охрана „демоса российского". Практически писания Е. Замятина об отшельниках, еретиках и бунтарях, согнутых в бараний рог большевистской диктатурой, означают не что иное, как призыв к тому, чтобы дали возможность Мережковскому и ему подобным писать о казни при помощи вшей, а Бунину рассказывать о супе из человеческих пальцев.

Старые пророки и поэты твердят зады и лгут за двух. Они поражены бесплодием, искать в этой среде целительных кастильских ключей—нелепо. Новый читатель и новый писатель—придут. Мы переживаем сейчас особо острую полосу усталости, обнищания, разрухи, и это отразилось и отражается на духовном состоянии нарождающегося и но-

вого читателя и нового писателя. Когда говорят пушки, голоса скальда не слышно. Саги слагаются после битв. А когда мертвящий голод сжимает страну—трудно быть вдохновенным. Это время придет, но—не пройдет, а только усугубится разложение буржуазной цивилизации. Напрасно Редько надеется на торжество в России буржуазно-демократической культуры. Именно эта надежда лежит в основе его оптимизма: его рассуждения о писателях из „копейки“, о „практицизме“ даже в среде писателей высокого ранга, о „поумнении“ писателя, о религиозных устремлениях—построены целиком на этих надеждах. Повидимому, у Замятина этих надежд нет. Он рассматривает вопрос, как „чистый“ художник.

Двенадцатый час современной цивилизации пробил. Только глухие не слышат похоронного звона. Каков будет облик нового писателя и читателя—сказать сейчас трудно. Конечно, это будет „демос российский“. Возможно, что мы стоим пред полосой революционного романтизма. Во всяком случае, мимо старых лучших заветов новый писатель и новый читатель не имеют права пройти. И беречь сохранивших себя от „Общей Ямы“ „не юрких“ нужно всеми мерами. Что здесь у нас далеко не все благополучно—это печальная правда. Но не в этом главное. Беда не только в том, что Чехову пришлось бы служить в комздраве—большая беда в том, что сменившие Чехова—Бунины, Куприны, Чириковы, Яблоновские, кроме хулы на „демос российский“, ни к чему не способны. Их нельзя пустить даже на порог комздрава, а тем более использовать в качестве лекторов в Балтфлоте.

Кстати о „демосе российском“. Русская революция выдвинула и в армии, и в гражданской советской службе сотни тысяч матросов, крестьян, рабочих, мастеровых, писарей, приказчиков, народных учителей и поставила их на „командные“ должности. Создается огромный слой новой советской демократии, приобретающей навыки и умение управлять. Вот это-то и возбуждает ненасытимую ненависть Мережковских, Буниных и Куприных. Отсюда крики о хаме, отсюда черновская истерика об охлосе. А между тем этот „охлос“, этот „хам“ будет управлять государством, хозяйством, будет создавать писателя. За ним все будущее, и разве не очевидно, что „отшельники и безумцы“, идущие к нему только с бранью на устах—это же ведь исторический хлам, задворки, ослепшие, потерявшие остатки чутья и здравого смысла! Куда уж тут создавать подлинную литературу, когда к простому чиновничьему столу зазорно пустить,—когда с уст срывается только площадная ругань, когда люди становятся одержимыми одной дикой ненавистью!..

...Излишний оптимизм вреден. Опасность есть. Чем больше и основательней разлагается старое общество, чем дольше задерживается рождение нового строя, тем труднее становится новому классу впитать, сберечь, сохранить, передать следующим поколениям материальные и духовные ценности прошлого. В этом—большая опасность. Но выхода следует искать отсюда совсем в другом направлении,—не в том, в каком ищут Е. Замятин и Редько...

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о возмутительной статье Ремизова „О человеке, звездах и свинье“, но лучше уж помолчать.

А. Воронский.

Леонид Андреев. «Дневник Сатаны». Гельсингфорс. Книгоизд. «Библион». 1921 г. 276 стр.

Сатана счел нужным вочеловечиться, ведет земную жизнь и, кроме того, ведет дневник. Нужно сказать, довольно пространный и очень скучный. Местами с трудом преодолеваешь претенциозные страницы, наполненные длиннейшими и утомительными рассуждениями и мертвящим схематизмом образов. И нисколько не помогает этому то, что тема самая современная: в дневнике ни разу не упоминается «большевизм», но речь идет только о нем.

Вочеловечившийся сатана принимает вид американского миллиардера Вандергуда. Вместе с другим чортом, мистером Топпи, он едет в Рим. Близ Рима происхо-

дит крушение. Вандергуд-Сатана попадает в виллу таинственной личности, некоего Магнуса, у которого «темные, почти без блеска, большие мрачные глаза», «наглый, неприличный взгляд»,—«нос красивый и сделанный из мыслей и каких-то дерзких желаний»—и «руки: очень большие, очень белые, спокойные... ровно десять пальцев; ровно десять тонких, злых, умных мошенников»...

У Магнуса Вандергуд-Сатана влюбляется в Марию, неописуемой красоты, удивительно похожую на Мадонну. Она—дочь Магнуса. Вандергуд ищет применения своим миллиардам. Он жаждет игры, испить до дна кубок человеческой жизни. Мало-по-малу он вочеловечивается почти совсем, т.-е. живет как все люди. Он предлагает Магнусу распоряжаться своими миллиардами, быть его руководителем в жизни. Тот сначала отказывается, но потом после долгих колебаний дает согласие и начинает переводить состояние Вандергуда в золото. Магнус обещает ему Марию. Он молчалив, ничего не говорит о себе, но однажды он раскрывает свои планы Сатане. Нужно изобрести динамит, но особый, чтобы он имел «волю, сознание и глаза». Таким динамитом может стать человек. Нужно только кольнуть чем-то человека и он взорвется и взорвет мир. Есть и средство взорвать человека: «надо обещать человеку чудо». «Опять обман? Опять обман. Но не крестовые походы, не бессмертие на небе. Теперь время иных чаяний и иных чудес. Он обещал воскресение всем мертвым, я обещаю воскресенье всем живым...

«Но мертвые не воскресли. А живые?

«— Кто знает?—говорит Магнус.—Надо сделать опыт».

Нужно сделать большой опыт. Европа встревожена: ожидают войны, «но война, это—только преддверие в царство чуда». Очарованный планами Магнуса, мистер Вандергуд предлагает «поскорей взорвать его». Магнус обещает сделать это чрез две недели. Чрез две недели происходит следующее: Магнус грабит Вандергуда; миллиарды оказываются всецело в руках Магнуса: Вандергуд—нищий. Мадонна—Мария совсем не дочь Магнуса—а его любовница. Менее всего она также похожа на Мадонну: она—проститутка с 14 лет, «продажная тварь». «Она умеет все». «Она глупа, как гусыня. Непроходимо глупа. Но хитра. Но лжива. Очень жадна к деньгам»... А роковое сходство с Мадонной? Но Магнус сам был обманут. «Это не женщина—это орел, который клюет мою печень». Ночью—«вавилонский разврат», мертвый сон, забвение, а утром «опять Мадонна». Впрочем, это было в прошлом. «Своими зубками она выгрызла всю мою бессмысленную веру и дала мне ясный, твердый и непогрешимый взгляд на жизнь»...

Попутно Магнус, издеваясь над бедным одураченным Сатаной, угрожая выбросить его на улицу, развивает свою теорию о взрыве.

«— Я,—говорит о себе Магнус,—вывод—знак равенства—итог—черта под рядом цифр. Ты можешь назвать меня Эрго, Магнус Эрго.

«Они говорят: дважды два—я отвечаю: четыре. Ровно четыре. Вообрази, что мир застыл на мгновение в полной неподвижности, и ты увидишь такую картину: вот чья-то улыбающаяся беззаботно голова, а над нею—занесенный, застывший топор. Вот куча пороха, а вот падающая в порох искра. Но она остановилась и не падает. Вот тяжелое здание на единственной уже согнувшейся подпоре. Но все застыло—и подпора не ломается. Вот чья-то грудь, а вот чья-то рука, делающая пулю для этой груди. Разве это приготовил я? Я только беру рычажек и—раз!—двигаю его вниз. Топор опускается на смеющуюся голову и дробит ее... Искра падает в порох—и готово. Здание рушится... А я только надавил рычажек... Подумай: разве я мог бы убивать, если бы в мире были только скрипки и другие музыкальные инструменты?.. Я обещаю кроликам, что они станут львами... Ты увидишь, какую смелость, какую энергию разовьет мой кролик, когда я нарисую ему на стене райские кущи и эдемские сады... И кто знает... да, кто знает... а вдруг он этой массой действительно сломает стену?.. Надо попробовать...»

Бедный Сатана «взорван»,—он—в ужасе, полон бешеной ненависти и отчаяния. Желая поразить Магнуса, он открывает ему тайну своего появления на земле: он—Сатана. Но Магнус только смеется презрительно.

То, что мы выписали, является наиболее ярким и интересным. Не дурны также фигура кардинала X., «старой обезьяны и циника, и экс-короля, надутого «цыпленка», ищущих денег. В них чувствуется живая плоть и кровь. Но эти фигуры эпизодичны, стоят в тени. В остальном же сотни страниц заполнены обычными вычурными, надуманными андреевскими рассуждениями о земле рабов, о тоскующих тенях, о страхе жизни и страхе смерти,—психологическими «углублениями», длиннотами, отступлениями. И не в том дело, что «Дневник»—последнее недосказанное слово Андреева, ушедшего от жизни,—что созданное нуждается в переработке. Беден и фальшив самый замысел и лишен художественной правды. Тленом и духовной опустошенностью веет со страниц «Дневника», непониманием настоящего и безысходным страхом пред будущим, которые уже при дверях... Но—воистину не страшно все то, чем пугает Андреев. Современная трагедия человечества ни в какой мере не укладывается в сухие андреевские схемы. Пред вами не жизнь—перевоплощенная в живые образы, а мумии, бледные, выцветшие; поэтому и не страшно. И потом—Почему нужно бояться взрыва, если все уже готово,—если старый мир всем ходом своего развития подготовил его? Не страшней ли этот мир, где поднят уже топор, где здание еле-еле держится, где есть такие преддверия как война? При чем здесь чудо, обман, когда опять-таки «все готово». Не похожи ли рассуждения об эдемских садах на обычные поповско-обывательские «ниспровержения» коммунизма? Не напоминает ли производство опыта и похищение миллиардов злобно-невежественный и неумный газетный пасквиль? Почему Андреев так говорит теперь о войне, которую он сам раздувал посильно, начиная с 1914 года? Все эти и подобные вопросы более чем законны и уместны при оценке «Дневника».

Нужно еще отметить: Магнусу Андреев не отказывает в уме. Магнус умен. Все остальное более чем посредственно: посредственен кардинал X., глуп непроходимо экс-король, глуп Топпи, глуповат Сатана, положительно глуповат и слишком говорчив. Совсем не похож на Сатану. Магнус от этого только выигрывает. Во всяком случае нужного настроения не создается; а нужно было вселить ужас и отвращение пред «умным мошенником», намеревающимся произвести неслыханный опыт. Этого нет.

«Дневник Сатаны» характерен только как образец вырождения, упадка, страха пред грядущим—тех кругов, из которых вышел покойный писатель.

Нурмин

Парализованные.

(По поводу одной новой книги.)

Английский писатель Бересфорд написал книгу, роман, о революции в Англии в 1923-м году. В 1923-м году в Англии будет революция.

Кто такой Бересфорд?

Как раз, случайно, к счастью, у нас гостит сейчас известный английский журналист (и литературный критик) Артур Рэнсом.

Я к нему.

— Не знаете ли вы, кто такой Бересфорд?

— Как же. Знаю. Романист...

— Вы знакомы с ним?

— Как же, знаком, даже очень близко знаком. Он очень интересный человек. Очень умный. Но... знаете, он калека. У него ноги парализованы. Уже несколько лет не встает с постели... И это, конечно, отражается на его романах.

Я прочел эту книгу, написанную под звуки Шопена, эту книгу тоски и отчаяния,—и мне кажется, что у Бересфорда не только ноги парализованы, но и душа у него какая-то парализованная. И мысли парализованные. И воля парализованная. Он не только физический, но и душевный калека. Потому, что он—интеллигент. Все

интеллигенты—калеки. Вся европейская интеллигенция—один большой калека. Вся европейская общественная мысль какая-то парализованная.

Эта книга продиктована страхом. Бересфорд боится революции. Он знает, что революция неминуема, и он боится ее. Это страх заполняет все его существо. А исхода, спасения нет.

Революция в Англии неминуема. Фактически она уже сейчас, в 1920-м году (книга написана в марте—сентябре 1920-го года), вполне назрела. Но сейчас еще английский пролетариат не готов: он еще не организован, и у него еще нет новых, революционных вождей... Кто знает?—может быть, они есть, но мы не знаем о них. Они работают втихомолку, среди масс, подготовляя революцию. Они не шумят, как все эти Томасы и Билльямсы, но они разносят революционную заразу по всей стране, по городам и селам, по фабрикам и заводам, они будоражат рабочих, они будят, они зовут. У них, кроме идей и настроений, есть еще воля и вера. Они непреклонны... Они будят и зовут, но они также сплачивают массы. Медленно и постепенно, шаг за шагом, не торопясь, но уверенно, создают они, огромную, многомиллионную, крепкую, как гранит, проникнутую единым сознанием и единой волей революционную армию... И вот, в 1923-м году они готовы. Их невидная, подпольная работа среди масс закончена. Революционная армия сформирована. И они начинают действовать.

Однажды в прекрасное майское утро (парализованный Бересфорд мастерски описывает прекрасные майские утра) они являются в Лондон и заявляют—громогласно, на всю Англию,—что они хотят ввести в Англии коммунизм. Они требуют введения коммунизма, отмены частной собственности, отставки конституционного правительства. Они хотят заменить конституционное правительство рабочими советами.

Никто их не ждал. Вдруг, совершенно неожиданно, появляется в «Дэйли Геральд» их дерзкий, неслыханный коммунистический «Манифест», их дерзкие, неслыханные коммунистические требования. Если эти требования не будут удовлетворены, они объявят всеобщую забастовку.

Англия в смятении.

Но Англией управляют хитрые мошенники, ловкие жулики, опытные обманщики. И премьер-министр решает обмануть рабочих. (Не в первый раз!) Он заявляет—громогласно, на всю Англию,—что он признает «частичную справедливость» этих неслыханно-дерзких требований и готов итти на уступки. Он предлагает компромисс.—Не хотите ли конференцию, смешанную комиссию?—говорит он.—Да, отвечают рабочие, мы согласны... Смешанная комиссия обсуждает, рассуждает, спорит,—дни идут за днями... Премьер-министру нужно только выиграть время для организации белой гвардии, из бывших офицеров, аристократов, лордов, маменькиных сынков... С лихорадочной быстротой организуется белая гвардия. И вот—готово. Однажды в прекрасное майское утро премьер-министр резко обрывает «мирные переговоры» и объявляет рабочим войну.

Начинается всеобщая забастовка. Англия в смятении.

Рабочие—на улице... Начинаются беспорядки. Выстрел откуда-то,—неизвестно откуда. Убит вождь. Рабочие бросаются в атаку. Против них двинуты войска. Но солдаты отказываются стрелять и отдают свои винтовки рабочим. Солдаты переходят на сторону революционного народа... Белая гвардия? Но эти маменькины сынки сметены в одну минуту... Революция победила. Англия становится советской республикой.

Но в тот же день начинается экономический крах Англии.

У Англии были союзники. «Друзья»!.. В тот самый день, когда в Англии побеждает революция, «друзья» объявляют ей бойкот, блокаду. Английские капиталисты тоже объявляют бойкот. Колонии тоже. Английские суда—весь торговый флот!—уходят в иностранные гавани. Англия—без хлеба... Голод... А рабочее правительство против голода бессильно... Оно отнимает хлеб у крестьян и отдает рабочим. Но если бы даже оно отняло весь хлеб у всех крестьян, то и то не хватило бы для всех рабочих... Голод!.. Абсолютный голод. Не «недоедание», а совершенный голод...

Три месяца продолжается отчаянная, ожесточенная борьба между революцией и голодом. Пролетариат разлагается. Революционное правительство разлагается, раскалывается. Все от голода. Ирландия и Шотландия отлагаются от Англии и отказываются ее поддерживать.

Три месяца продолжается жестокая схватка между революцией и голодом, и, наконец, голод побеждает. Контр-революция победила!

В Лондон возвращаются эмигрировавшие лорды. Возвращается король. Возвращается премьер-министр—неудачливый мошенник. Быстрым темпом идет реставрация. Назад к старому, к прежнему. Но—увы!—к старому, к прежнему уже нет—и не может быть—возврата.

Английские рабочие пережили революцию, и уже они никогда—никогда!—не примирятся со старым, с прежним. Они голодали, но они были свободны. И вы их уже никогда больше не сделаете рабами.

Нет, к прежнему нет возврата! И белый террор не поможет. Расстрелы, аресты, военные суды—все напрасно... Вы знаете, господин премьер-министр, к чему приведет ваш белый террор? К новой революции. Да, будет новая революция. Она уже назревает. Рабочие не хотят быть—и не будут—более рабами. Они уже готовятся к новому восстанию.

В воздухе пахнет новой революцией... Смотрите, что стало с английской аристократией! Она вырождается. Все лорды всегда, постоянно пьяны. Оргии,—нет, одна непрерывная, сплошная оргия. Пьянство и разврат... Хоть день, да мой. Лорды чувствуют приближение новой революции.

Новая революция, вторая, в 1925-м году, будет гораздо более кровопролитная, чем первая, в 1923-м году. И она тоже погибнет в борьбе с голодом. И новая, вторая, контр-революция будет гораздо более кровопролитной, чем первая.

Мы вступили в цикл революций и контр-революций. К старому, к прежнему нет—и не может быть—возврата. Не будет больше мирной жизни. Будет борьба, кровь, голод, вырождение. Погибнет цивилизация, культура. Через сто лет человечество вновь очутится в XIII-м веке. Мы идем назад, к средневековью. Мы быстро катимся вниз, под уклон. В начале XX-го века европейская цивилизация достигла своего апогея, наивысшей точки. В 1914-м году начался уклон. Европа дичает. Остановить этот процесс одичания нельзя. Через сто лет мы очутимся в XIII-м веке,—и только через 800 лет мы придем назад к началу XX-го века.

* * *

Таково пророчество Бересфорда, «видение» Бересфорда. (Он так и называет это—«видение».) В этом «видении»—вся душа европейской интеллигенции, европейского «общества».

Европа представляет собою чрезвычайно интересное зрелище.

Европа переживает период контр-революции. Да, контр-революции,—хотя и не было еще никакой революции.

Европа сегоднешнего дня—точная копия картины «Англия в конце 1923 года», нарисованной Бересфордом. Или наоборот,—Европа сегоднешнего дня это оригинал, с которого Бересфорд написал эту картину.

Во всех странах Европы торжествует реакция. В Германии только что разгромлено преждевременное,—может быть, спровоцированное,—выступление рабочих. В Италии—бесшабашный разгул белой гвардии, фачистов. Во Франции... о Франции и говорить нечего: она сейчас—цитадель реакции... Во всех странах Европы—безработица, кризис, понижение заработной платы, разгром рабочих организаций, вакханалия полицейщины. Всеобщая Федерация Труда—во Франции—вне закона. В Англии—массовые аресты коммунистов и, вообще, левых. В Италии—погромы. В Германии—массовые аресты... Когда я читаю английские, французские, немецкие газеты, мне кажется, что я явственно слышу—между строк—свист нагайки.

«Лорды» Европы живут оргийно-чадной жизнью, потому что нет устойчивости и уверенности. Какое-то смутное предчувствие угнетает «лордов».

Революция,—это «неизбежное», которое витает над Европой. И все чуют его. Вот-вот оно придет, и будет борьба, кровь, ужас...

«Лорды» живут оргийно-чадной жизнью,—хоть день да мой. Рабочие массы ждут, притаивдых ание,—радостно ждут «неизбежного». А интеллигенция объята страхом и отчаянием. Она жаждет прежде всего тишины и мира. Ей чужды яркие, огненные порывы массовой человеческой воли. Ей чужда буйная радость борьбы. Она устала, измучилась, истрепалась. Покой—вот единственное, чего она ищет. Пусть мертвый покой, лишь бы покой... Душа интеллигенции опустошена. Воля интеллигенции парализована... Пустота, апатия, тоска... В революции интеллигенция видит только гибель культуры,—последнюю, окончательную гибель... Спасения нет...

* * *

Что будет делать интеллигенция, когда придет «неизбежное»? На этот вопрос Бересфорд дает в своей книге исчерпывающий ответ.

Главный герой этой книги, центральная фигура—Поль Лиминг—в дни революции играет роль «посредника», «примирителя» между правыми и левыми. Соглашательствует, меньшевиствует, «примиряет» революцию с контр-революцией. Совсем, совсем по-меньшевистски...

Поль Лиминг—это, несомненно, автопортрет—немножко «поврежденный», немножко калека; он страдает от контузии, полученной во время войны. Пять лет, от 1918-го до 1923-го года, он отдыхал от войны. Ничего не делал,—абсолютно ничего, даже газет не читал. Эти пять лет были годами напряженнейшей классовой борьбы. И вот, когда приходит «неизбежное», он чувствует себя каким-то... чужим, пришельцем и среди красных, и среди белых. Он нейтрален. «Я ни на чьей стороне», заявляет он гордо. Он сам по себе. Он отказывается вступить в белогвардейский отряд, но он также отказывается бастовать, когда рабочие бастуют... Смысла революции он не понял; она кажется ему бессмысленной. Ему хочется только, чтобы «поскорее все кончилось». Он боится крови. И он посвящает себя всецело «посредничеству» и «примирению»—«в целях предотвращения кровопролития». Он живет и действует не в Лондоне, не в центре революции, а в деревенской глуши, вдали от света и людей. Центр революции его к себе не привлекает. Он вовсе не желает быть в центре.

В своей деревне он организует «местный совет», состоящий из... него самого, лорда—консерватора и явного контр-революционера—и рабочего—анархиста. Не просто анархиста, а анархиста-хулигана, развращенного войной, убившего в споре его, Поля Лиминга, отца. Поль Лиминг любил своего отца, ярого реакционера, но он также любит убийцу отца—анархиста, выродившегося в хулигана. Он любит всех, то-есть никого, он ненавидит всех и все.

Поль Лиминг—идеалист. Усталый мечтатель. Ему хочется «уходить и спасаться от жизни»... Он немного мистик. И в дни революции, когда кругом, даже в глуши деревенской, ключом бьет жизнь, в дни бури и натиска, в дни великого потрясения он из «немного мистика» превращается в совершенно мистика. Он уходит в себя. Перестает понимать людей. И люди перестают понимать его. Он—один со своей шопеновской тоской... Когда приходит контр-революция, а с нею белый террор, он уже не «посредничает» и не «примиряет»; ему надоело, он ушел.

Ушел... В дни революции соглашательствовал, в дни контр-революции ушел... Вот вам типичный европейский интеллигент, интеллигент с головы до ног...

* * *

— Ну, как вам нравится книга Бересфорда?—спрашиваю я Артура Рэнсома.

— Меньшевистская книга. Английская рабочая пресса называет ее контр-революционной книгой, а по-моему, это типично меньшевистская книга.

— Но ведь объективно это все равно—меньшевистская или контр-революционная.

— Нет, не все равно. Это у вас, в России, все равно, меньшевистская или контр-революционная, а у нас далеко не все равно. У нас меньшевистское в миллионы раз хуже—объективно,—чем контр-революционное.

Артур Рэнсом совершенно прав. С точки зрения революции парализованные интеллигенты хуже, вреднее, опаснее, чем явные, прямые и открытые контр-революционеры.

А. Меньшой.

Феликс Гра, «Террор». Государственное Издательство, 1920 г. Петербург.

«...Идет парижский террор, грозный, мрачный, свирепый, как дикий бык, что, ринувшись, мчится с ревом, с пеной у рта, дыша огнем, закинув хвост и опустив рога...» (стр. 277).

Таков террор Великой французской революции в романе Феликса Гра,—мрачный, свирепый, как бык.

Деятели революционного террора. Это—«остервенелые санкюлоты», «разъяренные женщины», воры, сутенеры, громилы, чудовища, «буквально плавающие в крови».

«...Он (один «из героев» романа. Н.) добрался к столу, за которым восседали трое судей, из которых двое спали, а третий дремал, и ни глухие удары железных ломов, разящих на смерть, ни куски мозга, которые влеплялись им прямо в лицо, забрызгивая их шляпы, руки и ноги, не тревожили их» (стр. 6).

Не правда ли, очень правдоподобно с точки зрения художественной правды: судьи спят, несмотря на предсмертные крики, вопли и храп убиваемых аристократов, а мозги летят им, судьям, в лица?..

Неудивительно, что Марат изображен в виде отвратительного чудовища.

«...Круглый, коренастый, с медвежьими плечами, на голове шляпа не шляпа, колпак не колпак, не то платок, завязанный узлами на лбу.... широкое лицо, круглое, как днище ведра... жабья шея и толстые руки с короткими пальцами—все это было покрыто проказой.

«— Сколько убитых?

«— Триста десять убитых.

«— Мне не хватает еще двух трупов. Кто они?

«— Бывший дворянин Сомбрейль и реакционер Казот.

«Они отданы своим детям.

«Страшный человек написал, скрипя по бумаге пером:

«Смерть тем, кто освободил Казота и Сомбрейля»... (стр. 94—95)

Таков Марат—Друг Народа.

У Анатоля Франса в его прекрасном романе «Боги жаждут» Гамелен восклицает:

«— Спасительный террор, о святой террор! В прошлом году, в это самое время нашими защитниками были побежденные защитники в рубищах; родная земля была занята неприятелем; в двух третях департаментов царил мятеж.

Ныне наши прекрасно одетые и прекрасно обученные армии, руководимые дельными генералами, перешли в наступление и готовы разнести свободу по всему миру... Нынче единство якобинцев простирает свою мощь и свою мудрость над всем государством»...

«...Прежнее государство, королевское чудовище обеспечивало свою власть, сажая ежегодно в тюрьмы по четыреста тысяч человек, вешая по пятнадцати тысяч и колесуя по три тысячи; а республика будет колебаться... потонем в крови, но спасем отечество»...

Гамелен тоже судья революционного трибунала, но как далеко все то, что он говорит, делает, думает от «правды» Феликса Гра. Иначе и не могло быть. Анатоль Франс—крупный, чуткий художник и большой человек; Фелик Гра—без художественного дарования, он банален, у него нет исторической перспективы, нет ни чутья, ни понимания изображаемой им эпохи.

Он—озлобленный, тупой, напуганный обыватель. Его «Террор»—уголовный роман, где фигурируют длинные «страшные кинжалы», бандиты, погоня из города в город за честными, добрыми людьми,—роман, разбавленный клеветой на французскую революцию.

И эта пухлая книга в 400 страниц издана Петерб. отд. Госиздата!..

Нурини.

II.

Распад идеологии.

(„Современная немецкая мысль". Сборник статей. Перевод с немецкого. Под редакцией В. Коссовского. Дрезден. Издательство „Восток". 1921 г. 203 стр.) В сборник вошли статьи Генриха Мана, Эрнста Блока, Теодора Дейблера, Поля Эрнста, Генриха Кайзерлинга, Освальда Шпенглера, Карла Каутского, А. Эйнштейна,—словом, собраны писатели самых разнообразных направлений, от мистика Кайзерлинга до нового члена немецкой коммунистической партии проф. Эйнштейна. Это не статьи в общепринятом смысле, а отрывки, отдельные главы из наиболее характерных для того или иного автора работ. Несмотря на то, что духовный облик писателей различен, у читателей создается одно целостное впечатление.

В статье „Машинное сердце" Поль Эрнст осуждает западно европейскую цивилизацию, ищет „иных берегов" и находит.

Где это новая земля обетованная?

— До войны всеобщим козлом отпущения считался капитализм. Весьма возможно, что облегчения начнут искать в системе государственного социализма; мы, однако, и теперь уже видим, что на этом пути никаких существенных изменений достичь не удастся,— жизнь только обогатится новым рядом тягостных осложнений и условий. Мы должны уяснить себе, что причиной страданий человечества являются не учреждения, а порождающие эти учреждения воззрения.

Китай кишит людьми и притом людьми ловкими, послушными, надежными, умными и невзыскательными, из которых вышли бы превосходнейшие фабричные рабочие. В Китае есть столько богатых людей, что раздобыть денег на какие бы то ни было цели не составило бы ни малейшего труда.

В Китае имеются угольные копи, залежи железной руды, каналы его представляют самое дешевое и доступное средство сообщения. Почему же в Китае давно уже не обосновался капитализм? А по той простой причине, что китаец любит и чтит земледельческий труд, всегда может раздобыть себе нужный ему клочок земли и производить на нем все то, что ему, при его скромных потребностях, необходимо. Если бы те же взгляды царили в Европе, то не только оказалась бы лишней эта ужасная война, но Европа имела бы пред собой счастливую и спокойную будущность (стр. 62).

Умерить, урезать свои потребности, возвратиться к „нравственной максиме" китайцев—вот выход из тупика европейской действительности. Если Поль Эрнст ищет выхода из тупика за китайской стеной, то Генрих Кайзерлинг обрел его на берегах Ганга и в... Троицко-Сергиевской Лавре под Москвой.

Божество нужно искать на берегах Ганга. Индусы в течение тысячелетий чтили это место как святыню: „в силу этого, благодаря чудодейственной мощи веры, оно действительно стало святым". Кайзерлинг убежден, что „психическая атмосфера" несомненно представляет собой объективную действительность. Повидимому, предполагает немецкий философ, дело сводится к колебаниям какого-то „эфира", во всяком случае к вибрациям вещественного характера.

„Мысли несомненно являются „вещами" в такой же степени, как и предметы внешнего мира... „Дух времени" есть нечто не менее объективное, чем физическая атмосфера. Если бы представления не содержали в себе ничего вещественного, они не могли бы заражать" (стр. 93).

Утвердившись в положении, что „психическая атмосфера"—вещественного характера, Г. Кайзерлингу нетрудно почувствовать присутствие божества не только на бе-

регах Ганга, но и в Троицко-Сергиевской Лавре. „Между множеством паломников, которых я встретил, с одной стороны, у берегов Ганга и, с другой стороны, в Троицко-Сергиевской Лавре, несомненно существовало лишь вероисповедное различие... Да, Россия, простая сермяжная Россия, является ныне, пожалуй, единственно близким к богу христианским государством...“ (стр. 100).

Кайзерлинг критически относится к протестантизму, более благосклонен к католицизму, но „суть вещей“ постиг, по его мнению, только индуизм. „В католической церкви глубокомысленные заветы продолжают жить в искаженной форме, в индуизме же — в их истинном понимании. Индусская религиозная и обрядовая философия является богатейшим кладезем психологическо-метафизической мудрости“ (стр. 105).

Главная заслуга индуизма в том, что он знает, „что ко всякому вероисповеданию следует подходить только с масштабом прагматизма. Абсолютная истина, для того чтобы стать доступной человеку, должна, конечно, быть облечена в какую-либо форму... но форма эта всегда исходит от человека, представляет собой лишь земной сосуд“ (стр. 111). „Божественное всегда открывается человеку в рамках его истинных предрассудков“ (стр. 112). „Ни одна форма не адэкватна божеству“ (стр. 121).

Таким путем перекидывается мост от современнейших философских построений прагматизма и бергсонизма к первобытному индуизму и к Троицко-Сергиевской Лавре. Еще недавно, до войны, велись страстные споры о понимании прагматизма, при чем находились люди, пытавшиеся соединить прагматизм с марксизмом, выдавая первый за дальнейшее „углубление“ марксизма. Время разрешило этот спор, поставив точки над i. Можно как угодно относиться к религиозно-философской концепции Кайзерлинга, но нужно же согласиться, что его прагматизм ничем существенным не отличается от прагматизма семинарских учебников второго класса (см. нравственное богословие). Не даром так близка Кайзерлингу Троицко-Сергиевская Лавра.

Конец статьи посвящен выпадам против разума. „Там, где разум становится доминирующим началом души... она утрачивает свою прежнюю способность непосредственного реализования своей сокровенной сущности... и становится поверхностной“ (стр. 122).

Поль Эрнст смотрит с надеждой на Китай, Кайзерлинг—на Троицко-Сергиевскую Лавру, Освальд Шпенглер никуда не смотрит. В главе „Философия будущего“, взятой из его нашумевшей недавно книги „Der Untergang des Abendlandes“, он больше констатирует. Западно-европейская цивилизация в периоде упадка—вот общий вывод Освальда Шпенглера. В частности относительно философии Шпенглер утверждает, что ей осталась одна возможность—скептицизм. „Систематическая философия получила свое завершение с исходом XVIII столетия. Кант придал ее предельным возможностям великую и для западно-европейского духа во многих случаях окончательную форму. За этой систематической философией, как в свое время за философией Платона и Аристотеля, следует специфически столичная, не спекулятивная, а практическая, иррелигиозная этически-общественная философия. Она начинается, соответственно Зенону и Епикуру, Шопенгауером“ (стр. 167). Эта философия находит своих адептов в лице Ницше, „гегельянце“ Марксе, в „мальтузианце“ Дарвине. Но и она „исчерпала цикл истинных философских возможностей“ (стр. 168).

„Систематическая философия нам теперь бесконечно далека, этическая же завершена. Остается еще третья, соответствующая эллинскому скептицизму“ (стр. 168).

В отличие от эллинского скептицизма, который неисторичен,—современный скептицизм насквозь психологичен и историчен. „Он исходит из понимания всего в относительном смысле, в качестве исторического феномена... Скептицизм... разлагает картину мира предшествовавшей культуры. Все прежние проблемы превращаются тут в проблемы генетического порядка... всякое вообще явление... должно быть и в ы р а ж е н и е м ч е г о - т о ж и в о г о. В ставшем отражается становление. В старой формуле esse est percipi сквозит первобытное ощущение, что все существующее должно стоять в решающем отношении к ж и в о м у человеку и что для мертвого ничего здесь более не существует.

Но „покинул“ ли он мир, свой мир, или упразднил своей смертью его существование? Вот в чем вопрос!

Ответ на этот вопрос дается непосредственным чувством жизни, для которого „вся картина окружающего мира есть лишь функция самой жизни, зеркало, выражение, символ живой души... Морфология мировой истории необходимым образом становится универсальной символикой...“ (стр. 170).

Мир превращен в символ. Для каждого—своя истина. Это—очень удобная, покладистая точка зрения и действительно скептическая до конца. На примере Кайзерлинга мы видим, куда это ведет. Круг развития завершен. Распад идеологии на-лицо.

Останавливаться на скучной, серой статье Каутского не имеет смысла. Что касается статьи проф. Эйнштейна, то редакция журнала в следующем номере даст специальную критическую оценку теории относительности Эйнштейна.

В заключение можно пожелать, чтобы наш Госиздат при первой же представившейся возможности последовал примеру дрезденского книгоиздательства „Восток“. Нам думается, что коммунизм получит в этих изданиях значительное наглядное подкрепление, особенно, если подобные издания снабдить дельными критическими статьями.

А. В.

„Народное Хозяйство“—ежемесячный экономический журнал В. С. Н. Х. № 1—2. 1921 г. Москва. 322 стр.

Самым ценным в журнале являются его статистико-экономический и иностранный отделы, дающие представление о состоянии нашего и западно-европейского народного хозяйства. Поскольку В. С. Н. Х. имеет самую широкую возможность практического и научного ознакомления с экономическими вопросами, следует думать, что материалы и цифры, положенные в основу статей, в достаточной степени проверены. Разумеется, на богатство или полноту сведений, при крайней бедности наших связей с западно-европейским миром и при больших недостатках учета собственного хозяйства, читателю рассчитывать не приходится. Но в сравнении с тем, что мы обычно получаем в газетах, журнал представляет большой шаг вперед. В этом смысле его можно рассматривать и как самостоятельную книгу, тем более, что в нем охвачены все главнейшие отрасли нашей промышленности. В иностранном отделе, к сожалению, нет этой полноты вследствие отсутствия сведений о Германии и анализа ее хозяйства. Наши журналы и в том числе и этот так редко выходят, что поневоле приходится им предъявлять такие требования всесторонней полноты содержания.

Статистико-экономический отдел начинается статьей о положении украинской промышленности. Разумеется, войны отразились, как известно, больше всего на Украйне, а между тем там именно находятся крупнейшие металлургические и сахарные заводы, имеющие колоссальное значение для республики, угольные копи (Донбас), большие источники добычи соли (Бахмут, Славянск, Одесса), великолепно оборудованные мельницы и множество других предприятий. Количество национализированных достигает в среднем 20%, с отклонениями до 7.7% по Черниговской губ.—по преимуществу кустарной—и до 28,5% по Харьковской. Насколько упало производство, видно из следующих цифр: сахарная промышленность дала в 1919—20 г. только—4—5% нормальной выработки, переработка табака—24,5%, махорки—38,4% намеченной нами программы; текстильная промышленность—25% программы. Лучше всего обстоит дело в полиграфическом производстве, в котором производительность сравнялась с нормами мирного времени. О производительности металлургической промышленности сведения в статье отсутствуют, но о состоянии ее можно судить по степени обеспеченности рабочей силой—нехватает даже для урезанных программ 30% металлистов, 50% неквалифицированных рабочих. В котельном хозяйстве 36% паровых котлов и 75% котельной арматуры совершенно непригодны для работы. Ничтожное количество цветного металла (15—16% против требуемого), инструментов (по всем совнархозам Украйны 8.366 шт. напильников) является не менее серьезным затруднением. Между тем, с сырьем в целом ряде отраслей дело обстоит благополучно. Сырье для химической промышленности, табачной, кожевенной, винокуренной, текстильной имелось иногда даже в избытке, исключение составляли только мыловаренное и маслобойное производства. Все же процент пред-

приятий, готовых к пуску, значительно возрос. По сахарной промышленности, например, от 70 до 95% по различным районам,— число рабочих, благодаря трудовым мобилизациям, также увеличилось, добыча топлива повысилась с 14,4 милл. пуд. в первом полугодии 1920 г. до 35,1 милл. во втором и т. д.

О положении топливоснабжения в республике дает представление статья П. Шаха. Сравнительные итоги заготовки дров—нашего пока основного вида топлива—иллюстрируются следующей таблицей:

	С 1 июля по 31 декабря 1920 г.		С 1 июля по 31 декабря 1919 г.	
	В тысяч. куб. сажен.	В %% к годов. заданию.	В тысяч. куб. сажен.	В %% к годов. заданию.
Заготовлено	5.063	35	4.140	35
Вывезено	2.400	22	2.024	23

Количественное увеличение произошло, производительность осталась прежней. Распределение крайне неравномерное в отношении, напр., железных дорог: Моск.-Казанская, Пермская и Северная получили 65% общего наличия, хотя работа их составляет только 23% общей работы всей сети республики. Наши угольные рессурсы и перспективы продолжают оставаться слабыми, пока не будет восстановлен Донецкий бассейн. Жидкого топлива было вывезено из Баку достаточное количество, но нефть застряла в значительных количествах в Астрахани и приволжских портах. Даже голодный минимум центральных районов, питаемых с Волги, в 21 милл. пуд. покрыт был с дефицитом в $4^1/_2$ милл. пуд. На первое полугодие 1921 г. предполагается получить:

дров	4,4 милл. куб. сажен.
угля	179 милл. пуд.
нефти	56,5 „ „
торфа	45,0 „ „
древесного угля . .	15,8 „ „

В переводе на дрова 7 милл. куб. саж. Самый голодный минимум республики составляет 6,1 милл. куб. саж. Покрытие будет очевидно зависеть от энергии и напряженности работ при проведении топливных кампаний. Главной причиной топливного кризиса автор считает недостаточность „наших рессурсов горючего, возросших за последний год в значительно меньшей степени, чем потребность республики, которая восстановила свои территориальные границы почти до прежних пределов и начала с минувшей осени предъявлять повышенный спрос на топливо, в связи с оживлением хозяйственного уклада и переходом к мирному режиму", и заключает, что в ближайший период, до оздоровления Донбаса и нефтяных районов и результатов электрификации, необходимы крайне бережное отношение к топливным рессурсам и приспособление к ним производственных программ.

В статье Е. Меншикова приведены любопытные данные исследования наших торфяных болот и способов технического использования торфа. В 1920 г. добыча торфа достигла довоенных размеров—90 милл. пуд., „при чем все количество торфа добыто обычным машиноформовочным способом и даже путем ручной резки". Ввиду крайней важности для республики увеличения добычи торфа, невозможного при теперешней технике работы, организуется первая опытная торфяная станция в 120 верстах от Москвы, вблизи станции Редькино. Туда же переносится и торфяной техникум.

Состоянию работ по оздоровлению Донбаса посвящена статья т. Бажанова. Принятые энергичные меры, очевидно, дадут положительные результаты. 8-м Съездом Советов Донбасу дано задание в 600 милл. пуд. Цифры добычи в 1921 г. автором еще не могли быть приведены, так как журнал печатался в начале года. Но некоторые

результаты все же видны. Хотя „фронт“ прошел через все районы Донецкого бассейна; программа на первое полугодие 1920 г., составленная в 130 милл. пуд., была выполнена на 90%. Мы не получили от этого значительного облегчения, потому что 50—60% добычи потреблялось самими же рудниками. На некоторых небольших рудниках потребление превышало добычу на 4—20% и даже на 160%, т.-е. шло за счет наличных запасов рудников. Лишь со второго полугодия 1920 г. начинается плановая работа по капитальному восстановлению рудников, без которых все усилия будут неизбежно расползаться как Тришкин кафтан. Техническое обследование бассейна привело к закрытию 857 рудников и к сосредоточению работы на остальных. Во втором полугодии 1920 г. программа в 156 милл. пуд. была выполнена с увеличением на 1%. Признаки возрождения Донбаса т. Бажанов видит в изменении соотношения между добычей курных углей и антрацита. В 1913 году добыча угля сравнительно с 1909 г. уменьшилась на 3,7%, а антрацита—увеличилась на тот же процент. В 1920 г. во втором полугодии по сравнению с первым добыча угля уменьшилась, а антрацита—увеличилась на 9,3%, а общая добыча увеличилась на 42 милл. пуд.

В ряде других статей сделан обзор нашей металлической, химической промышленности, мукомолья и т. д., состояния рынка труда и освещен вопрос о прогулах.

Совершенно другой характер носят исследования хозяйства капиталистических стран. В то время, как нам приходится бороться преимущественно с последствиями чисто технических разрушений в процессе войны, на Западе препятствия лежат в ряде кризисов социального характера, в противоречиях самой системы капиталистического производства. Статья тов. Варга намечает линии упадка в одних странах и линии чисто империалистического развития, ведущего к новой мировой войне, в других. Перемещение экономической силы от государств, пострадавших от войны, к менее пострадавшим объясняется автором следующим образом. Европа была до сих пор гегемоном на мировом рынке благодаря двум факторам: социально-историческому и естественно-географическому. За ней была сила первоначального захвата сложившихся в течение долгой истории общественных систем и взаимоотношений, с одной стороны, и выгоды географического положения, удешевлявшего фрахт, сближавшего с рынками сбытка и закупки—с другой. Густота населения благоприятствовала образованию большого местного рынка сбыта, дифференциации профессий и созданию большого контингента высоко квалифицированной и вместе с тем относительно дешевой рабочей силы. „Существовал единый мировой рынок, главные нити которого были направлены в Западную Европу, преимущественно в Англию“. Такое естественное тяготение мирового рынка к владычице морей—Англии позволяло ей быть классическим оплотом свободной торговли. Наоборот, другие, менее сильные государства континента вынуждены были в целях самозащиты прибегнуть к системе воспитательных пошлин, превратившихся впоследствии в защитительные пошлины отечественных картелей. Под влиянием заатлантической и германской конкуренции не удержалась и Англия, в которой все сильнее стали раздаваться голоса в пользу протекционизма. Война прервала было протекционистское движение, но все же брешь в свободной торговле Англии была пробита „принятием закона о защите английской красочной промышленности против немецкой“... Протекционизм, сопутствующий в своей новой форме империализму, вызвал раздробление мирового рынка и раздел его между сильными мира сего. Вслед затем мировая война, сопровождавшаяся „разрывом связей“, вызвала фактическое исчезновение мирового рынка. „Преимущества промышленных успехов Европы были сведены на-нет“, и „центр мирового обмена начал перемещаться из Европы в Северную Америку“. Вызванные войной распад мирового рынка, недостаток материальных ценностей, падение валюты привели к устранению и единообразных мировых денег. Соответствие между выпусками бумажных денег и золотыми фондами становится полнейшей фикцией, и „вся мировая торговля превращается в свирепейшую спекуляцию на валюте“. В заключение т. Варга делит в приблизительных общих чертах страны мира на 5 категорий: находящихся в более или менее далекой стадии распада капиталистического хозяйства (Германия, бывшая Австро-Венгрия, Франция, Бельгия, Италия, Балканы и Малая Азия); стационарного, еще держащегося, но уже не развивающегося капитализма (Англия и нейтральные страны Европы); импе-

риалистического капитализма в полном расцвете сил (Япония и Сев. Америка), идущего неуклонно к новой мировой войне; капитализма в стадии развития (страны Южной Америки, английские колонии и отчасти Китай), и, наконец, стоящую особняком Россию с формами хозяйства, переходными к социализму, которому принадлежит будущее.

Развитию идей, содержащихся в статье т. Варги, посвящены статьи других авторов о Франции, Италии и того же Варги об Англии с богатыми цифровыми данными.

В заключение нельзя обойти молчанием и общие статьи журнала, из коих некоторые (о роли профсоюзов, учете трудовой ценности) несколько устаревшие, другие— о проблеме хозяйственного плана, об основах торговой политики, не утратившие и теперь непосредственного интереса.

М. Кантор.

Наука и ее работники. № 1. 1921 г.

Перед нами лежит № 1 журнала «Наука и ее работники», датированный 1921 годом. Издатель журнала—комиссия по улучшению быта ученых в Петрограде. В редакционную коллегию входят: А. М. Горький, А. П. Пинкевич, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман. Из первой страницы «От редакции» мы узнаем, что почин издания такого журнала был сделан еще в 1920 году, но тогда выпущен был только один номер. В 1921 году редакция надеется выпустить 6 номеров с следующими обязательными отделами: 1—статьи, 2—деятельность научных учреждений Петрограда и Москвы, 3—из научной жизни провинции, 4—научная хроника и библиография, 5—Дом ученых, 6—Personalia и 7—Почтовый ящик. Журнал предназначается быть «голосом всей ученой корпорации»,—органом, знакомящим «широкие массы с ходом научной работы в стране и с деятельностью ученых». В заключение редакция «просит снабжать ее сообщениями о жизни и деятельности научных учреждений и отдельных работников науки, об умерших ученых, о выпущенных в свет, печатающихся и подготовляемых к печати научных изданиях и т. п., направляя все эти сведения по адресу: Петроград, Миллионная, 27, Дом ученых, редакция журнала «Наука и ее работники».

Невозможно перечислить всех тех бедствий, которые принесла человечеству мировая война и ее последствия. В числе особенно пострадавших от нее оказались и наука, и ее работники. И мы не ошибемся, если скажем, что для последних самым тяжелым бедствием за последние годы, кроме общегражданских бедствий, было научное одиночество, отсутствие возможности взаимных научных общений.

С начала мировой войны один за другим прекращали печататься научные журналы, замирали и умерли многие ученые общества, жизнь в научных центрах все более и более ослабевала... Ученый работник в этой атмосфере очутился, по выражению А. Е. Ферсмана, «перед опасностью потерять широту кругозора, то многообразие и новизну научного подхода, который дается лишь совместной работой с людьми другой специальности, другого мировоззрения, других методов научного анализа». И жутко становилось жить в такой научной пустыне.

Различные научные работники и организации сделали не мало попыток к восстановлению общения между научными работниками. Если не ошибаемся, Москва— в лице Научно-технического отдела В. С. Н. Х. и его научной комиссии—одна из первых осуществила такую попытку, приступив к изданию сразу двух научных журналов: «Научно-Технического Вестника», где печатаются статьи и чисто научные и научно-технические (вышло три номера), и «Сообщения о научно-технических работах в республике», где печатаются краткие сообщения о научных и научно-технических работах (вышло пять номеров).

Нам, принимающим близкое участие в указанных изданиях, хорошо знакомы те невероятные трудности, с которыми сопряжено печатание журналов, а потому мы не удивляемся, что Петроградской редакции удалось выпустить за 1920 год только один номер.

Мы приветствуем новый научный орган и желаем ему восполнить то, чего не хватало: пусть он скрасит и «научное одиночество», пусть он поможет научным работникам вновь собраться в единую научную семью.

Первая книжка журнала в 34 страницы имеет в себе только две статьи: статью А. Е. Ферсмана «Пути научного творчества» и статью Я. Эдельштейна «Наука и ученые в Сибири». Кроме этих статей в журнале имеются еще: информация о деятельности некоторых научных учреждений, два сообщения «из научной жизни провинции» и небольшой отдел «Хроники». Пока материал, данный в номере первом журнала, не велик и далеко не все намеченные в программе отделы в нем представлены. Будем надеяться, что следующие номера будут составлены полнее и разнообразнее.

Проф. А. Реформатский.

Мих. Лемке. «250 дней в царской ставке» (25 сентября 1915—2 июля 1916 г.). Государственн. Издательство. Петербург 1920 г., стр. XVIII + 860.

«Прекрасный человек Иван Иванович! Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принесть две дыни, и уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Гапке принесть чернильницу и сам собственной рукой сделает надпись над бумажкой с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то участвовал такой-то».

Эти бессмертные строки из повести Гоголя о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, невольно вспоминаются при чтении книги Мих. Лемке. Автор воображает, что всякий разговор, участником которого он был, всякий приказ, или пустяковая бумажонка, которую ему удалось прочесть, любой завтрак, на котором ему пришлось присутствовать, за эти 250 дней в царской ставке, представляют собой—каждый эпизод в отдельности—величайшее историческое событие, заслуживающее быть увековеченным в памяти грядущих поколений.

Как гоголевский Плюшкин, который собирал все, что подадалось ему под руку: старую подошву, бабью тряпку, железный гвоздь, лоскуток бумажки, глиняный черепок и при виде завалявшейся веревочки нагибался: «И веревочка пригодится», Мих. Лемке тщательно собирал всякий хлам, всякую рвань, все это тащил в свой портфель и складывал в ту бумажную кучу, которую он почему-то назвал «дневником».

Так, например, на стр. 33 и 34 автор обстоятельно описывает, как во время завтрака в штабной столовой были рассажены члены генералитета. Место 1—Алексеев, место 2—Пустовойтенко, место 3—дежурного генерала Петра Константиновича Кондзеровского и т. д. и т. д. Опасаясь, что любознательный читатель может быть не вполне отчетливо представляет себе столовую штаба и порядок размещения членов генералитета, автор тут же преподносит нам чертеж столовой штабного собрания.

«Вот план столовой,—предупредительно говорот он,—смотри чертеж на стр. 34». Ну, чем же не прекрасный человек Мих. Лемке наподобие Ивана Ивановича с его бумажкой с семенами.

Решительно непонятно, какой идеей руководился автор, занося всякие пустяки в свой дневник и тем более допуская печатание всей этой ерунды в нынешний тяжелый момент бумажного голода. Невероятно, что подобное литературное произведение могло появиться в советской России, тем более в условиях переживаемого момента.

Целые страницы автор посвящает пояснению того, что такое Верховный главнокомандующий, каковы его функции (стр. 43), из каких управлений состоит штаб Верховного главнокомандующего (стр. 44), каковы функции начальника штаба (стр. 45—46) и т. д. и т. д., при чем автор изрекает следующие истины: «Верховный главнокомандующий есть высший начальник всех сухопутных и морских вооруженных сил, предназначенных для военных действий». Что же это—исторический «дневник», или руководство для начинающих юнкеров?

Десятки страниц подряд заполнены дословной передачей мало интересных телеграмм ген. Эверта Алексееву, ген. Лебедева ген. Пустовойтенку, Эверта ген. Лешу, ген. Рузского ген. Плеве и т. д. и т. д. Целых пятнадцать страниц автор уделяет

дословной перепечатке «Положения о военных корреспондентах в военное время» (стр. 125—139). Но автору, очевидно, этого мало. Еще где-то завалялась веревочка, но на этот раз экстраординарной длины. На стр. 360-й автор снова возвращается к военной цензуре и целых 80 (восемьдесят!) страниц (360—442) посвящает анализу законодательных и административных актов, регулировавших постановку военной цензуры при царизме, указанию на несовершенства временного положения о военной цензуре; около двенадцати страниц (730—741) автор посвящает извлечениям из «Наставления по контразведке в военное время», напечатанного в типографии Ставки и широко разосланного по штабам армии фронтов и военных округов.

В таком духе написана вся эта книга в 880 страниц большого формата. Но может быть в ней все же приведены некоторые интересные документы, или имеются какие-нибудь интересные мысли. Нет ни того, ни другого! Книга эта продукт самой небрежной и недобросовестной компиляции. Никакой попытки сделать выводы из имевшихся у автора материалов. Вся книга испещрена выписками под-ряд в 10, 20, 30 и более страниц. Приходится пробираться через густой, порой буквально непроходимый, лес цитат, выписок, извлечений, пока доберешься до какого-нибудь шаблонного вывода, напоминающего изречения Чеховского учителя: «Волга впадает в Каспийское море». «Весной открывают окна, потому что становится тепло, к зиме их наоборот закрывают, потому что становится холодно». «Холостой человек может жить один, женатые обыкновенно живут вдвоем».

У автора нет ни способности разобраться в историческом материале, ни способности делать какие-либо мало-мальски интересные выводы из наблюдаемых фактов, нет и литературных данных. Ни одной свежей мысли, ни одной художественной строчки. Перед автором прошли сотни героев империалистической войны. Но как изображает их автор? «Главный начальник снабжения юго-западного фронта Алексей Алексеевич Маврин—какой-то дикий человек, вроде Чингисхана», «Петр Алексеевич Фролов с северного фронта—на вид очень бурбонистый». «Шуваев вообще очень нервен». «Генерал Шварц, назначенный в Карс—невзрачный человек, совершенно не считающийся с внешностью».

Но кому теперь интересны все эти герои! Неужели в этот неимоверно тяжелый период бумажного кризиса,—когда мы сокращаем число выпускаемых экземпляров наших главных органов повседневной прессы, когда мы отказываемся от печатания учебников и книг, крайне необходимых для школ, когда мы тысячу раз спорим до хрипоты, прежде чем решим вопрос, переиздать или нет то или другое гениальное произведение кого-либо из великих писателей земли русской, когда подержанные учебники по физике продаются по 25—50 тысяч рублей, да и то их с трудом найдешь,—можно быть настолько расточительным, настолько безумным, чтобы допускать печатание книг в 880 стр. вроде увесистого булыжника, брошенного Мих. Лемке в лоб низному читателю, неосторожно поинтересовавшемуся его работой. Подобного бездарного «дневника» не знает ни европейская, ни русская литература. Книга Лемке—как дневник своего рода уникум в мировой литературе.

Но если предложение автором его увесистого булыжника для напечатания и превращения в исторический памятник можно объяснить самомнением, самовлюбленностью автора, переоценкой им своих литературных талантов, одним словом, вполне естественными человеческими слабостями, как объяснить то обстоятельство, что Петроградское отделение Государственного Издательства решилось при нынешнем бумажном голоде напечатать подобный фолиант? Тайна сия велика есть!

Во всяком случае одно ясно, а именно, что в области издательства мы так же нуждаемся в создании общеплановой комиссии, которая выработала бы продуманные директивы на ближайшие годы, уничтожила бы всякого рода кустарничество и сделала невозможным появление на свет божий дневников вроде Лемке и собраний сочинений всякого рода «Не в меру Вральченко», переиздаваемых тем же Петроградским отделением Госиздата.

Мих. Павлович.

«Софья Перовская» (Материалы для биографии и характеристики). Н. Ашешов. Петербург. 1921 г. 142 стр.

В предисловии автор следующим образом определяет свою задачу:

«Задача настоящей моей книжки, как и намеченных далее работ («А. И. Желябов», «Н. Рысаков», «Дегаев»),—скромная и ограниченная—дать в популярной форме чисто хрестоматийную сводку, по возможности всего имеющегося литературного материала, рассеянного по многочисленным источникам, собирание которых в настоящее время столь затруднительно, и тем самым облегчить читателям знакомство с революционными деятелями прошлого»... К сожалению, автор в своей работе вышел за пределы поставленной себе задачи—«дать в популярной форме чисто хрестоматийную сводку» о революционных деятелях прошлого и сплошь и рядом сопровождает цитаты из работ «революционных деятелей прошлого» своими рассуждениями, вызывающими иной раз недоумение.

Приведя, напр., цитату из «Записок революционера» П. Кропоткина об его плане, предложенном кружку чайковцев, вести агитацию в пользу конституции в высших и придворных кругах и его сожаление о том, что впоследствии рядом с подпольной деятельностью Исполнительного Комитета партии «Народной Воли» не велась параллельная агитация в Зимнем дворце, Н. Ашешов пишет: «Кропоткин стоял тогда на жизненной точке зрения. Впоследствии самый крупный народоволец А. И. Желябов стоял в плоскости тех же взглядов, когда говорил о необходимости единения всех живых сил страны для борьбы с гидрой самодержавия». По поводу того же плана, непринятого чайковцами, наш автор делает такого рода ироническое замечание: «факт тот, что политика тогда стояла не только не в плане действий, но была запретным плодом, была грехом против святого духа социалистического штурмового порыва и прорыва вперед» (Гл. 7-ая: «Кружок чайковцев», стр. 23).

Мы, конечно, не думаем утверждать, что чайковцы признавали политическую борьбу, но мы должны все же заметить, что «жизненная точка зрения» П. Кропоткина, проявленная им в проекте вести агитацию в Зимнем дворце, если и может быть названа политикой, то во всяком случае фантастической, нереальной.

Взгляд Желябова «о необходимости единения всех живых сил страны для борьбы с самодержавием» отнюдь не подтверждает мысль автора «хрестоматийной сводки» о том, что «самый крупный народоволец стоял в плоскости тех же взглядов», что и Кропоткин, ибо следовало бы раньше доказать, что и в Зимнем дворце обитали «живые силы»...

Если подобного рода комментарии вызывают недоумения, то психологические изыскания Н. Ашешова иной раз вызывают просто чувство досады.

Говоря в главе 20-ой (заметим кстати, что название отдельных глав отличаются бойкостью и хлесткостью бульварных романов. Означенная глава называется: «В стане террористов. Желябов и Перовская») о любви Перовской к Желябову, Н. Ашешов таким образом живописует найденный им «психологический фактор»: «Жизнь Перовской сложилась так, что ее сердце было забронировано от страстных увлечений, свойственных вообще людям»... «Но когда приходит двенадцатый час и для такой забронированной души, и сердце тает, несмотря на замораживание его суровостью долга, служением исключительно возвышенному идеалу, тогда природа получает полноту реванша, и сердце отдается порывам чувства с повышенной углубленностью» (стр. 73).

Этими психоаналитическими пошлыми благоглупостями автор пытается объяснить тягу Перовской к деревенским поселениям, к работе в

деревне в 1879 году после ее вступления в партию «Народной Воли». Между тем для объяснения указанной тяги имеется достаточно данных у того же Н. Ашешова. Бывшую землевольку и социалистку, не признававшую политической борьбы, Перовскую все время тянуло в народ, через который единственно, по мнению землевольцев, и возможно было осуществление социализма. В террор Перовская ушла исключительно благодаря тому, что в 1879 году возможности работать в деревне не было. Об этом красноречиво свидетельствует рассказ О. В. Аптекмана («Из истории революционного народничества»).

Совсем тяжелое впечатление производит глава 28 («От цареубийства до ареста»), сплошь насыщенная психологическими изысканиями. Как известно, после цареубийства С. Перовская, больная, измученная лихорадочной работой, непрерывными арестами товарищей и подлостью «всех живых сил общества», не только не оставляет Петербурга, где ее разыскивают сотни царских агентов, но и продолжает лихорадочно работу по изготовлению и выпуску прокламаций, очищению квартир провинившихся товарищей, намечает план освобождения арестованных по делу первого марта.

Все писавшие о Перовской с благоговением отмечают эту последнюю страницу героической революционной работы Перовской.

Н. Ашешов же нашел, что как раз в это время в Перовской говорила больше женщина, чем революционерка. Дело в том, что Софья Львовна, узнав, что арестованный Желябов на допросе назвал себя организатором дела 1-го марта, сказала: «верно, так нужно было». Вера Перовской в Желябова наводит автора на размышления. «Природа получает реванш», Перовская—мол «судила только, как женщина». «Всю свою жизнь иронически и свысока относившаяся к сильному полу, она (Перовская. *Я. Ш.*) к о н ч и л а п р и з н а н и е м с в о е г о п о р а ж е н и я» (стр. 112).

В указанной главе есть еще ряд подобных психологических углублений.

Я. Шафир.

Л. Г. Д е й ч. Русская революционная эмиграция 70-х годов» Издание 1920 г.

В брошюре Дейча читатель найдет ряд интересных характеристик наиболее видных представителей русской эмиграции 70-х годов за границей: Бакунина, П. Лаврова, М. Драгоманова, П. Ткачева, П. Кропоткина, С. Дикштейна, Л. Варынского и др. Тут же и небольшой очерк, посвященной характеристике сотрудников анархического бакунистского органа «Община».

Большинство из характеризуемых деятелей были лично знакомы Л. Дейчу, наш автор находился с ними в дружеских отношениях, что делает его характеристики еще более интересными. Несмотря на свои разногласия с большинством представителей эмиграции 70-х годов (как известно, Л. Дейч впоследствии порвал с бакунистами и сделался марксистом), Л. Дейч очень тепло отзывается о представителях бакунизма и лавризма, подчеркивая их личные достоинства, преданность делу революции, готовность к самопожертвованию.

Очень подробно Л. Дейч останавливается на характеристике П. Лаврова и лавризма. Интересны также характеристики Драгоманова и Кропоткина. Книжка написана очень живо и увлекательно.

Я. Ш.

Ген. Слащев-Крымский. «Требую суда общества и гласности» (оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. II издание. Книгоиздательство М. Шульман. Константинополь. 93 стр.

Ген. Слащев-Крымский был отдан под суд, лишен мундира и исключен со службы. Произошло это в конце Крымской кампании. Ген. Врангель допустил этот суд и те кары, которые посыпались на голову Слащева.

Вот почему Слащев выпустил свою брошюру под таким «истерическим» заголовком.

Вся брошюра состоит из документов. Рапорты Слащева Деникину, Врангелю и др. Рапорты Слащеву. Военные донесения. Проект разрешения украинского вопроса. Таблицы—численный состав корпуса, которым командовал Слащев, и численный состав нашей Красной армии, стоявшей против него XIII-ой армии.

Из последней таблицы, как и из целого ряда других документов, наши военные работники могут заключить, насколько полно и точно враг учитывал наши силы.

На долю Слащева выпало защищать Крым от советских войск. Слащев осуществил десант на Мелитополь. Слащев побил конницу т. Жлобы. Словом, все, что было, с точки зрения белогвардейцев великого и высокого—все это осуществил им Слащев.

Почти в каждом своем рапорте Врангелю Слащев подчеркивает, что он верный солдат, верный слуга родине. Родине он служит бескорыстно, как рыцарь своей даме.

Но вот странно: его усердное служение приходится «не ко двору» Врангелю, Шатилову и другим генералам. Автор сам пишет, что Врангель изыскивает средства, как бы избавиться от «навязчивого генерала». Знаменитая мелитопольская операция побудила «бескорыстного» генерала-рыцаря просить наград для него и его корпуса. Врангель в этом отказывает.

Дело, как объясняет и сам Слащев, обстоит очень просто: Слащев был против замены Деникина Врангелем. Подчинился этому вынужденно. Когда Деникин пригласил на военный совет всех своих офицеров от командиров корпуса до полковых командиров, Слащев первоначально отказался ехать на этот «генеральский совдеп». Его заставили.

Деникин «устранялся». Нужен был другой. Началась погоня за Главкомством. В этой-то погоне и сложил свою буйную голову назойливый Слащев.

Вся его книга рисует бешеную травлю, подсиживание, прямое провокаторство, которое разъедало все «правительство», содержимое на антантовский «кошт». Борьба не направлений, а лиц,—борьба мелкая. Аппетиты крупные. Безумное небрежение к крестьянской и рабочей крови. Авантюризм, потеря даже своего собственного классового инстинкта—вот что доказывают документы, собранные Слащевым.

Между его документами чисто-политический характер носят документы, относящиеся к «украинскому вопросу». «Украинский вопрос составлял наиболее больное место во всей политике правительства г. Врангеля», говорит Слащев. Для разрешения этого вопроса были привлечены украинские черносотенцы: Левченко, Янушевский, Чарский, Кирста и др. Составилось особое Украинское Совещание при ставке. Совещание требовало от Врангеля: 1) Возложить «на ген. Янушевского руководство по объединению повстанческих отрядов и организации правильной вооруженной силы на территории Украйны». 2) Сформировать штаб повстанческих отрядов. 3) Командировать в распоряжение Янушевского ген. Лукашевича, Чарского, Присовского, Кохановского, Старицкого и Сахно-Устиновича. 4) «Кроме ген. Кирея об отводе для штаба 3-х комнат в центральной части Севастополя».

«На подлинном подписи: Левченко, Чарский, Лукашевич, Сахно-Устимович, Кохановский, Старицкий, Марьюшкин, Порковский, Радковский, Якимович, Кравченко, инженер Кирста, подпоручик Быков».

На этом нач. штаба Главкома Шатилов положил резолюцию: «Ничего подобного. Главком указал им явиться к Вам (ген. Кирею, А. А.), не считая возможным разговаривать с ними, минуя Вас. Все предыдущие мои распоряжения остаются в силе».

Вот и вся «украинская» игра. Вот и весь «украинский вопрос» и ответ на него.

Так разрешался национальный вопрос охвостьем контр-революции. Полная неспособность хоть сколько-нибудь разобраться в вопросе! Изложив на 8-ми страничках «украинский вопрос» («наиболее больной»!), Слащев приводит длинные выдержки из постановлений Ялтинской городской управы, в которых «градские главы», именитое купечество, возносят хвалы Слащеву и даруют ему почетное гражданство!

Да вот благодарная и умная Ялтинская дума: она почитает Слащева, а Врангель дает ему бессрочный отпуск! Мало этого: потом ссылает в Стамбул. Будучи в ссылке, Слащев жалуется председателю собрания русских общественных деятелей некоему Юреневу.

Наконец, Красная армия «сослала» еще дальше Стамбула и Врангеля и всех иже с ним...

Плохо кончили генералы, которые играли «в Россию», как в карты да еще с шулерством.

Замечательна книга Слащева! Она показывает нам лицо бешеного политического спекулянта. Она рисует генеральскую затхлость, разложение и смерть. И после всего этого генерал «требует суда общества и гласности». Напрасная забота о суде: пролетариат уже осудил их всех. Приговор его точный и справедливый.

А. Аросев.

Мих. Павлович (Волонтер). Экономическое развитие и аграрный вопрос в Персии XX века. Государств. Издательство. 1921 г.

Эта брошюра Павловича одна из серии его работ, идущих под заголовком: «Империализм и революция на Востоке». Брошюра как нельзя более своевременна. Ведь совсем недавно мы заключили дружественный договор с Персией. Это, пожалуй, первый для Персии договор, который не имеет своей целью выматывания и расхищения экономических сил слабой Персии.

Павлович в кратких статьях, но вполне ясных чертах знакомит нас с экономическим положением этой когда-то величайшей, а ныне заброшенной страны.

В самое последнее время Персия просыпается. «Географическое положение Персии на перепутьи между Россией, Англией, Турцией не могло не вывести «страну царя царей» из сонного состояния в такой период, когда соседние великие империи, Великобритания и Россия, стали бороться за утверждение своего влияния в Средней Азии».

Борясь друг с другом в Персии, царская Россия и королевская Англия взаимно ослабляли свое влияние и поднимали народные массы против империализма.

Правительство Персии с каждым годом все больше и больше погрязало в долгах то Англии, то России (больше всего все-таки России). Напор иностранного капитала в Персии душил так сказать самородный тамошний торговый капитализм.

Это способствовало тому, что торговая буржуазия Персии стала восставать против правительства, попустительствующего английскому и русскому империализму. Борьба между правительством и народом в Персии все-таки дала некоторую конституцию стране. Но не надолго. Ее разорвал царский полковник Ляхов. Борьба возгорелась с новой силой. За это время в Персии вырос довольно значительный пролетариат. Это изменило соотношение борющихся сил. Так, в самое последнее время в Персии уже организовалась коммунистическая партия, которая в Ташкенте на съезде уже представляла 5.000 человек. Это самая революционная партия в Персии, известная у персов под именем «Адалет».

Для пролетариата и его коммунистической партии в борьбе с правительством лежат неисчислимые трудности. Персия—страна крестьян, земледелия. «Вся территория Ирана целиком, земли и воды принадлежат шаху», говорит М. Павлович и подчеркивает это.

Это по-просту поместье шахское. Это даже не середина, а самое начало феодализма. Земли шаха принадлежат ему и частью его приближенным. «Но во второй половине XIX века представители других классов, преимущественно буржуазии и представители церкви, стали скупать земли», говорит М. Павлович. Началась концентрация земельных участков в руках крупных собственников.

Вместе с тем положение крестьянства стало все более и более ухудшаться. Этому способствовало и прогрессивное обесценение серебра. В результате дело дошло до того, что «вся крестьянская земля перешла в руки крупных владельцев».

Это, с одной стороны, превратило крестьян в полупролетариев, полурабов, с другой—выделило из крестьянской среды кочевые группы, которые живут «правильно организованным бандитизмом». Эти бандитские орды были орудием и в руках полковника Ляхова и в руках реакционеров Персии, как, например, Рахим-хана.

Массовая пролетаризация крестьянства, хищничество крупной буржуазии, банкротство старого правительства Персии—все это служит предпосылками для социальной революции там.

Социальная революция создаст из Персии мощную страну, приобщит ее к культуре социалистической Европы.

Соседство с революционной Россией является лучшей гарантией этого.

А. Аросев.

Красный журналист. («Инструкторская страничка»). № 4-5-6 30 декабря 1920 г. Издание Агитационно-Инструкторского Сектора «Центророста».

Перед нами лежит опрятно изданная тетрадь журнала в 240 колонок. На обложке помимо названия помещены слова т. Ленина. Привожу часть их: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений... Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной жизни».

Лозунг хорош, с интересом начинает читать «инструкторскую страничку» провинциальный работник. Наконец-то, думается ему, центр вместо посредственных уполномоченных да инструкторов начинает присылать серьезный инструктирующий материал. Однако, прочтя журнал, работник вряд ли почувствует достаточное удовлетворение, но все же не пожалеет, что занялся его чтением. В одной из помещенных в данном номере статей, т. Смирнов пишет: «Большая часть страниц нашего журнала отводится одной теме: «Пишите проще, ближе к жизни». Если из всех советов, кото-

рые встретятся в журнале, запомнится этот единственный, одна из основных задач журнала будет выполнена». Сам журнал совет писать проще в известной степени выполняет, но по части содержания к нему можно предъявить несколько упреков. Статей в журнале достаточно, корреспонденции с мест также, вопросов затрагивается много, но нередко статьи поверхностны и иногда начинает попахивать теми общими «интеллигентскими рассуждениями», с которыми решил журнал бороться.

Слишком много места отводит редакция «юмористическим» выдержкам из провинциальной прессы, при чтении которых начинаешь вспоминать о «Сатириконе».

В номере помещены статьи т. т. Луначарского, Керженцева, Карпинского.

Подземский.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Всеволод Иванов.—Партизаны. Рассказы 3
М. Пожарова.—Стихи 41
С. Подьячев.—„Голодающие“.—(С натуры) 43
Д. Семеновский.—Современные частушки 53
Николай Колоколов.—Стихи 62

Политико-экономический отдел.

Н. Ленин.—О продовольственном налоге 66
Ш. Дволайцкий.—Накопление капитала и проблема империализма 69
К. Радек.—Третий год борьбы советской республики против мирового капитала 101
А. Хрянцева.—К характеристике крестьянских хозяйств периода войны и революции 122
Н. Крупская.—Система Тэйлора и организация работы советских учреждений. 140

Искусство и жизнь.

А. Луначарский.—Наши задачи в области художественной жизни 146
В. Фриче.—Ромэн Роллан 158

Отдел научно-популярный.

А. Тимирязев.—Периодическая система элементов Менделеева и современная физика 165
Научная хроника. *Вл. Архангельский.*—Наши достижения в аэрогидродинамике. 180
„ *В. Баженов и Рори.*—Успехи применения радио за границей. 182

Внутри советской России.

Е. Преображенский.—Новая полоса . . . . [illegible]
Ил. Вардин.—„После Кронштадта“ . . . . [illegible]

Иностранное обозрение.

М. Смит.—Производственные и социально-политические предпосылки забастовки английских углекопов 205

Стр.
Мих. Павлович.—Кемалистское движение в Турции. 218
Мих. Павлович.—С. Штаты и советская Россия. 229

Из прошлого.

Вяч. Полонский.—Вейтлинг и Бакунин. 235

В порядке дискуссии.

М. Ольминский.—О книге т. Н. Бухарина. 247
Не-ревизионист.—О книге т. Н. Бухарина. 252
Н. Бухарин и *Г. Пятаков.*—Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия. . . 257

Из зарубежной прессы.

Н. Мещеряков.—„Наши за границей“. 275
А. Воронский.—Уэльс о советской России. 285
Критика и библиография.
1. *А. Воронский.*—Об отшельниках, безумцах и бунтарях. 2. *Нурмин.*—Леонид Андреев. „Дневник Сатаны“. 3. *А. Меньшой.*—„Парализованные“. 4. *Нурмин.*—Феликс Гра. „Террор“. 5. *А. В.*—Распад идеологии. 6. *М. Кантор.*—„Народное Хозяйство“—ежем. экон. журнал. 7. *Проф. Реформатский.*—„Науки и ее работники“. 8. *Мих. Павлович.*—Мих. Лемке. „250 дней в царской ставке“. 9. *Я. Шафир.*—Н. Ашешев. Софья Перовская. 10. *Я. Ш.*—Л. Г. Дейч. „Русская рев. эмиграция 70 годов“. 11. *А. Аросев.*—Ген. Слащев-Крымский. „Требую суда общества и гласности“. 12. *А. Аросев.*—Мих. Павлович. Экономическое развитие и аграрная программа в Персии XX века. 13. *Подземский.*—„Красный журналист“. 292

Редактор А. Воронский.
Издатель Главполитпросвет.

Журнал „КРАСНАЯ НОВЬ" издается при участии вид-
них представителей коммунистической мысли советской
ии. Отдел художественного слова редактирует т. Горький.
давая большое значение вопросам философии, физики, био-
и и других отраслей науки, редакция ставит своей задачей
ожно широкое привлечение в качестве сотрудников пред-
вителей научной мысли.

Редакция доводит до сведения читателей, что при распо-
ении материала в номере приходится иногда жертвовать
йностью плана, с одной стороны, вследствие позднего
упления части статей от товарищей, занятых ответ-
енной советской и партийной работой, с другой — вслед-
е крайне тяжкого положения печатного дела в советской
ии, ставящего редакцию в совершенно исключительные
вия.

Адрес редакции: Сретенский бульвар, № 6, 4-й подъезд
с Милютинского пер.), второй этаж, редакция журнала
асная Новь". Тел. 63-94.

Редакция.